

**Российское
психологическое
общество**

**ISSN 1812-1853 (Print)
ISSN 2411-5789 (Online)**

**РОССИЙСКИЙ
ПСИХОЛОГИЧЕСКИЙ
ЖУРНАЛ /
RUSSIAN
PSYCHOLOGICAL
JOURNAL**

Том 22 № 1

2025

Российский психологический журнал

Учредитель – Общероссийская общественная организация «Российское психологическое общество»

Главный редактор – д. пс. н. Зинченко Ю. П. (МГУ имени М. В. Ломоносова, Москва, РФ)

Заместитель главного редактора – д. биол. н. Ермаков П. Н. (ЮФУ, Ростов-на-Дону, РФ)

Редакционный совет

д. пс. н. Акопов Г. В. (СГСПУ, Самара, РФ)
д. пс. н. Асмолов А. Г. (МГУ, Москва, РФ)
д. биол. н. Бабенко В. В. (ЮФУ, Ростов-на-Дону, РФ)
д. биол. н. Безруких М. М. (ИВФ РАО, Москва, РФ)
д. пс. н. Богоявленская Д. Б. (ПИ РАО, Москва, РФ)
д. биол. н. Григорьев П. Е. (СевГУ, Севастополь, РФ)
д. пс. н. Донцов А. И. (МГУ, Москва, РФ)
д. пс. н. Карабущенко Н. Б. (РУДН, Москва, РФ)
д. пс. н. Караяни А. Г. (Военный университет, Москва, РФ)

д. пс. н. Лабунская В. А. (ЮФУ, Ростов-на-Дону, РФ)
д. пед. н. Малофеев Н. Н. (ИКП РАО, Москва, РФ)
д. пс. н. Митина Л. М. (ПИ РАО, Москва, РФ)
д. пед. н. Реан А. А. (НИУ ВШЭ, Москва, РФ)
д. пс. н. Рыбников В. Ю. (ФГБУ ВЦЭРМ, Санкт-Петербург, РФ)
д. пед. н. Скуратовская М. Л. (ДГТУ, Ростов-на-Дону, РФ)
д. пс. н. Тхостов А. Ш. (МГУ, Москва, РФ)
д. пед. н. Федотова О. Д. (ДГТУ, Ростов-на-Дону, РФ)
д. пс. н. Черноризов А. М. (МГУ, Москва, РФ)
д. пс. н. Яницкий М. С. (КемГУ, Кемерово, РФ)

Редакционная коллегия

д. пс. н. Александров Ю. И. (ВШЭ, Москва, РФ)
д. филол. н. Белянин В. П. (Университет Торонто, Канада)
д. пс. н. Берберян А. С. (РАУ, Ереван, Армения)
д. пс. н. Богомаз С. А. (ТГУ, Томск, РФ)
Ph. D. Bernard R. M. (Конкордия, Монреаль, Канада)
Ph. D. Бороховский Е. (Конкордия, Монреаль, Канада)
д. пс. н. Воробьева Е. В. (ДГТУ, Ростов-на-Дону, РФ)
д. пс. н. Долгова В. И. (ЮУрГГПУ, Челябинск, РФ)
Ph. D. Granthag Pär-Anders (University of Gothenburg, Sweden)
Sc. D. Кроник А. А. (Институт каузометрии, Вашингтон, США)

Ph. D. Kalmus V. (University of Tartu, Estonia)
д. пед. н. Манжелей И. В. (ТюмГУ, Тюмень, РФ)
д. пед. н. Масалимова А. Р. (КФУ, Казань, РФ)
д. пед. н. Повзун В. Д. (СурГУ, Сургут, РФ)
д. биол. н. Полевая С. А. (ПИМУ, Нижний Новгород, РФ)
Ph. D. Sequeira H. (Lille 1 University, Лилль, Франция)
Dr. Стошич Л. (Institute of management and knowledge, Скопье, Македония)
д. пед. н. Хайруллина Э. Р. (КНИТУ, Казань, РФ)
д. пс. н. Хотинец В. Ю. (УдГУ, Ижевск, РФ)
д. пс. н. Цветкова Л. А. (СПбГУ, Санкт-Петербург, РФ)
д. пед. н. Шайдуллина А. Р. (АГНИ, Альметьевск, РФ)

Ответственный редактор	– Проненко Евгений Александрович
Литературный редактор	– Вороная Виктория Дмитриевна
Ответственный секретарь	– Найденова Елизавета Витальевна

Адрес редакции:
344006, Российская Федерация,
г. Ростов-на-Дону,
ул. Пушкинская, д. 140,
ком. 114
E-mail: rospsihj.disk@gmail.com

Адрес издателя:
ООО "КРЕДО"
129366, Российская Федерация,
г. Москва, ул. Ярославская, д. 13
Тел./ факс (495) 283-55-30
E-mail: izd.kredo@gmail.com

Адрес учредителя:
125009, Российская Федерация,
г. Москва, ул. Моховая, д. 11, стр. 9
E-mail: ruspsysoc@gmail.com

Каталог Урал-Пресс
Подписной индекс 46723
Цена свободная

© Российское психологическое общество, 2025
© ООО "КРЕДО", 2025
Веб-сайт: rpi.ru.com

Концепция, миссия, цель и задачи Российского психологического журнала

Российский психологический журнал – научное рецензируемое издание, открытое для международного сотрудничества и публикующее оригинальные научные статьи и обзоры по психологии. Журнал основан Российским психологическим обществом в 2004 году, выпускается 4 раза в год. С 2019 года издается на русском и английском языках.

Миссия журнала – в повышении качества и открытости психологической науки. Журнал стремится к поддержанию высокого уровня психологических исследований и повышению доступности научного знания для всех категорий читателей.

Цель журнала заключается, с одной стороны, в вовлечении российских исследователей в международное научное пространство, что обеспечивается внедрением современных международных издательских практик, с другой стороны, в содействии научной коллаборации российских и зарубежных авторов за счет знакомства иностранных исследователей с российскими научными разработками, не имеющими аналогов за рубежом.

Задачи журнала:

- 1) предоставление качественных научных результатов для начинающих и опытных ученых;
- 2) предоставление возможности исследователям публиковать и делиться своими работами в научных кругах по всему миру;
- 3) продвижение статей журнала в международном научном пространстве через вхождение в авторитетные международные базы данных и каталоги;
- 4) повышение международной кооперации авторов;
- 5) повышение видимости, цитирования, доверия и авторитета российских научных работ в мировом научном пространстве.

В журнале осуществляется двойное слепое рецензирование, каждая рукопись оценивается не менее чем двумя экспертами.

Журнал придерживается международных стандартов издательской этики в соответствии с рекомендациями Комитета по этике научных публикаций (COPE).

Читательская и авторская аудитория журнала

Читательская аудитория Российского психологического журнала состоит из нескольких категорий.

Наибольший интерес статьи журнала представляют для академического сообщества, исследователей в сфере психологии; на страницах журнала публикуются передовые исследования в актуальных областях науки.

Студенты и аспиранты могут найти необходимый материал, который послужит опорой в обучении и который поможет начать собственные исследования. Также статьи журнала будут полезны широкому кругу читателей, интересующихся конкретными или новыми темами в сфере психологии.

Авторскую аудиторию журнала составляют сотрудники университетов (преподаватели, доценты, профессора), научные сотрудники научно-исследовательских организаций, активные исследователи различных областей психологии, практикующие специалисты, а также аспиранты и соискатели ученой степени – им предоставляется возможность публиковать статьи высокого качества.

Журнал входит в Перечень ВАК, включен в Российский индекс научного цитирования (РИНЦ), Scopus, ResearchBib, Directory of Open Access Journals (DOAJ) и другие базы и каталоги научных журналов.

Редакция журнала является членом ассоциаций АНРИ, CrossRef.

Материалы журнала доступны по лицензии Creative Commons «Attribution» 4.0 Всемирная.

Свидетельство Министерства Российской Федерации по делам печати, телерадиовещания и средств массовых коммуникаций о регистрации средства массовой информации ПИ № 77-16511 от 13 октября 2003 года.

СОДЕРЖАНИЕ

ОБЩАЯ ПСИХОЛОГИЯ

Варвара Ю. Бахолдина

Некоторые итоги применения шкалы самооценки Дембо-Рубинштейн в антропологических исследованиях.....6-24

Евгений А. Смирнов, Мария В. Макарова, Светлана Н. Костромина

Шкала экзистенциального поиска Ван Пахтербеке и др.: русскоязычная адаптация и психометрические свойства.....25-46

Яна Е. Виноградова, Валентина М. Бызова

Психическая саморегуляция и личностные изменения студентов.....47-67

Татьяна И. Бонкало, Валентина А. Степанова

Коммуникативная направленность психолога-консультанта как фактор готовности к консультированию женщин с психологическим бесплодием.....68-82

Павел Н. Ермаков, Анастасия С. Коленова, Анна М. Кукуляр,
Анастасия С. Бордоносенко

Самоотношение созависимых женщин: психологические и генетические предикторы.....83-100

ПСИХОФИЗИОЛОГИЯ

Елена И. Николаева, Полина В. Ивашина

Исполнительные функции у лиц с длительной зависимостью от психоактивных веществ.....101-117

ПЕДАГОГИЧЕСКАЯ ПСИХОЛОГИЯ

Анна А. Печеркина, Георгий И. Борисов, Дмитрий А. Тарасов

Структура эмоционального благополучия школьников.....118-138

Евгения Н. Каменева-Любавская, Татьяна В. Борзова,
Галина А. Астафьева

Процессы понимания текста в обучении студентов в контексте субъектно-аналитического подхода.....139-158

Ali A. Al-Subaihi, Haifa T. Al-Bokai, Abdulrahman A. Al-Subaihi

Effectiveness of Education in Reducing Antisocial Behaviors Among Youth in Saudi Arabia: A Survey Study.....159–176

ПСИХОЛОГИЯ ТРУДА

Miloš Marković, Jorge López-Carratalá

Job Satisfaction and Turnover Intentions of Expatriate Non-Native English-Speaking Teachers in China.....177–194

СОЦИАЛЬНАЯ ПСИХОЛОГИЯ

Анна Г. Самохвалова, Елена В. Тихомирова, Ольга А. Екимчик,
Мария В. Сапоровская

Копинг-стратегии и жизнестойкость российской молодежи в социокультурном контексте «новых войн».....195–222

Ольга И. Титова

Отношение к социальному взаимодействию в интернет-среде у мужчин и женщин с разным гендерным типом.....223–239

Ольга Ю. Зотова, Людмила В. Тарасова

Психологическая безопасность жителей городов как предиктор желания остаться жить в нем.....240–257

Мария И. Заславская, Паргев С. Аветисян

Молодежь в постконфликтных регионах: социально-психологические проблемы и отношение к высшему образованию (на примере Армении).....258–275

Некоторые итоги применения шкалы самооценки Дембо-Рубинштейн в антропологических исследованиях

Варвара Ю. Бахолдина

Московский государственный университет им. М.В. Ломоносова, Москва,
Российская Федерация

vbaholdina@mail.ru

Аннотация

Введение. Связь восприятия собственной внешности и самооценки – актуальный фактор формирования физического и психологического статуса современной молодёжи. Новый подход к изучению этой проблемы представляет применение шкалы самооценки Дембо-Рубинштейн в комплексных антропологических исследованиях и анализ корреляций между физическими признаками и самооценкой, что позволяет выявить имплицитную составляющую нескольких частных самооценок, а также получить более глубокое представление о структуре, возрастных и гендерных особенностях самооценки школьников и студентов.

Методы. Изучены пять последовательных возрастных выборок школьников и студентов обоего пола от 11–12 до 22–30 лет. Во всех выборках применялась шкала самооценки Дембо-Рубинштейн и комплекс частных самооценок (внешности, интеллекта и т.п.). Ассоциации между внешностью и самооценкой исследовались путём анализа корреляций между физическими признаками и самооценкой по методу Пирсона. **Результаты.** Проведённый анализ выявляет прямую связь между снижением уровня самооценки и повышением уровня отрицательных связей между самооценкой и физическими показателями, и, напротив, между стабилизацией самооценки и отсутствием корреляций физических и психологических показателей. Выявленные закономерности относятся не только к самооценке внешности, но и к другим частным самооценкам. Уровень самооценки и вектор выявленных корреляций для самооценки счастья практически во всех возрастных выборках

отличаются от наблюдаемых для других частных самооценок. **Обсуждение результатов.** Уровень и вектор ассоциаций между физическими признаками и самооценкой могут рассматриваться как маркёры психологического благополучия в конкретной возрастной или гендерной выборке. Результаты исследования позволяют говорить о разной значимости отдельных частных самооценок и об особой природе самооценки счастья.

Ключевые слова

восприятие внешности, самооценка, шкала Дембо-Рубинштейн, физические признаки, психологическое благополучие, ассоциации с признаками внешности, гендерные особенности, корреляционный анализ, самооценка счастья, антропологические исследования

Финансирование

Исследование выполнено при поддержке гранта РНФ 23-18-00086 «Региональные особенности влияния социально-экономических и социокультурных факторов на секулярный тренд размеров тела современной молодёжи на рубеже XX-XXI веков».

Для цитирования

Бахолдина, В. Ю. (2025). Некоторые итоги применения шкалы самооценки Дембо-Рубинштейн в антропологических исследованиях. *Российский психологический журнал*, 22(1), 6–24. <https://doi.org/10.21702/xgmcqe71>

Введение

На протяжении последних 15 лет на кафедре антропологии биологического факультета МГУ ведутся исследования ассоциаций между физическими особенностями, или особенностями внешности, и самооценкой школьников и студентов (Бахолдина, Ступина, Ковылин, 2010; Бахолдина, Ступина, 2013; Бахолдина, Благова, Самородова, 2017; Бахолдина, Благова, 2020а, 2020б). Связь между отношением к собственной внешности и самооценкой играет роль значимого фактора в процессе формирования физического и психологического статуса современной молодёжи, испытывающей постоянное воздействие широко распространённых социальных стереотипов «идеального» внешнего облика (Хафизова, 2021; Хафизова, Негашева, 2019). Как показывают многочисленные исследования в этой области, степень принятия собственной внешности, так называемый «body image», образ собственного тела, влияет через самооценку на многие стороны жизни молодых людей. Низкая самооценка, как показывают исследования, может вести к серьёзным нарушениям

ОБЩАЯ ПСИХОЛОГИЯ

пищевого поведения, таким, в частности, как булимия (Al-Musharaf et al., 2022; Mallaram et al., 2023) и к общей социальной тревожности (Tsartsapakis et al., 2003), что требует разработки специальных стратегий работы с подростками и молодыми людьми (Braun et al., 2016; Linardon et al., 2021; Meland et al., 2021). Диапазон подобных стратегий включает и методы преодоления некоторых социальных стереотипов, влияющих на уровень самооценки подростков и молодёжи. К стереотипам такого рода можно отнести гендерные различия в традициях семейного воспитания (Аликин, Лукьянченко, 2012; Himaz & Aturupane, 2021), или широко распространённые представления об интеллектуальном превосходстве мужского пола (Gálvez et al., 2019; Starr, 2018; Storage et al., 2020).

Подходы к изучению связи внешности и самооценки могут существенно различаться и методически, и по тем результатам, которые с их помощью получают исследователи (Birndorf et al., 2005; Harter, 2006; Lacroix et al., 2023; Supervía et al., 2023). Применяемые для этой цели опросники направлены на выявление взаимозависимости между реальными физическими особенностями и самооценкой внешности (Stunkard, 2000; Tylka, & Wood-Barcalow, 2015), на определение роли внешности в различных жизненных ситуациях (Cash, 2002) и влияние самооценки внешности на отдельные сферы жизни человека (Cash, Jakatdar & Williams, 2004). В работах российских психологов также обсуждается проблема значимости образа тела, исследуются взаимовлияния самооценки внешнего облика и субъективного психологического благополучия, и анализируется сложность, лабильность и неоднозначность выявляемых взаимосвязей (Кон, 1980; 2009; Кочеткова, 2022; Лабунская, 2022, 2023).

Результаты психологических исследований позволяют оценить эксплицитную составляющую самооценки внешности индивида: осознанное отношение человека к собственным физическим особенностям. При этом малоизученной остаётся имплицитная, возможно неосознаваемая индивидом, составляющая самооценки внешности и самооценки в целом. Провести исследования в этом направлении позволяет параллельное применение шкалы самооценки и антропометрии с последующим использованием статистических методов для определения уровня и направления связи между самооценкой и характеристиками внешности. Ассоциации между внешностью и самооценкой оцениваются в этом случае через анализ статистических корреляций, что позволяет выявить имплицитные, явно неосознаваемые связи между ними. В проведённых нами исследованиях (Бахолдина, Благова, 2020а, 2020б; Бахолдина, Благова, Самородова, 2017; Бахолдина, Ступина, 2013) была применена шкала самооценки, разработанная Т. В. Дембо и дополненная С.Я. Рубинштейн, позволяющая ввести в анализ количественную характеристику нескольких частных самооценок и такой относительно независимый показатель, как ощущение себя счастливым.

Как известно, тенденции связей физических и психологических особенностей наиболее отчетливо проявляются в период роста и развития (Хрисанфова, 1990;

2003). В процессе работ, выполненных под руководством автора (Бахолдина, Благова, 2020а, 2020б; Бахолдина, Благова, Самородова, 2017; Бахолдина, Ступина 2013; Бахолдина, Ступина, Ковылин, 2010), были изучены несколько выборок современной московской молодёжи разного возраста: школьники средних и старших классов, а также студенты младших и старших курсов Московского университета. В проведённых исследованиях основной акцент был сделан на морфологических и конституциональных особенностях школьников и студентов. Кроме того, в исследованиях школьников рассматривались связи признаков внешности со средней самооценкой, которая, как показывают исследования, обладает меньшей информационной значимостью, чем совокупность самооценок частных (Молчанова, 2021). Сравнительный анализ данных по самооценке молодёжи изученных выборок остался в тени и во многом за рамками проведённых работ. Между тем собранные в процессе исследований материалы по самооценке, несомненно, имеют самостоятельное значение и заслуживают отдельного изучения. Особый интерес представляет возможность провести параллельное сравнение уровня и различий в самооценке и в структуре выявленных ассоциаций с физическими показателями. Данные приводятся в тексте с целью избежать перегрузки статьи дополнительными объёмными таблицами.

Целью статьи стало изучение возрастной и гендерной изменчивости самооценки в контексте динамики структуры психосоматических ассоциаций.

Методы

В сравнение вошли данные по школьникам г. Москвы (112 мальчиков и 109 девочек в возрасте 11–12 лет; 99 мальчиков и 95 девочек 13–15 лет; 51 мальчик и 50 девочек 16–17 лет), а также студентам МГУ им. М.В. Ломоносова (51 юноша и 106 девушек 18–21 года и 70 юношей и 64 девушки 22–30 лет).

Антропометрическая программа исследования включала длину тела, массу тела, плечевой и тазовый диаметры, поперечный и сагиттальный диаметры грудной клетки, обхваты груди, талии, бёдер, плеча, предплечья, бедра и голени, толщину жировых складок на туловище и конечностях. Были рассчитаны также показатели экто-, эндо- и мезоморфии по оценочным уравнениям Б. Хит и Дж. Картера (Heath & Carter, 1967).

Во всех изученных выборках применялась шкала самооценки Т. Дембо и С. Я. Рубинштейн (Рубинштейн, 2007). Преимуществом этого метода является возможность вводить в исследование разный набор самооценок личностных характеристик участников. В процессе изучения выборок школьников комплекс частных самооценок включал самооценку здоровья, уверенности в себе, отношения к индивиду других людей, внешности, интеллекта и ощущения себя счастливым. Отметим, что счастье сегодня рассматривается в качестве самостоятельного

ОБЩАЯ ПСИХОЛОГИЯ

феномена (Gardiner et al., 2022; Rivera et al., 2024), и его включение в общую шкалу самооценки, как показано ниже, лишь подтверждает обоснованность такого подхода. Самооценка здоровья применялась как вводная характеристика, предназначенная для ориентации участников в методике, и в дальнейшем не рассматривалась. Для студенческих выборок набор частных самооценок был шире, но для общего сравнительного анализа, результаты которого приводятся в статье, выбраны те же признаки, которые применялись и в выборках школьников. Уровень отдельных частных самооценок, согласно методике Дембо-Рубинштейн, определялся в баллах, количественно соответствующих расстоянию в миллиметрах от нижней точки вертикального отрезка длиной в 100 мм до точки, где участником исследования делалась пометка (Рубинштейн, 2007). Проверка распределений баллов самооценки на нормальность показала приближение соответствующих графиков к форме нормального распределения, что позволило применить в процессе статистической обработки данных методы параметрической статистики, в том числе корреляционный анализ Пирсона и t-критерий Стьюдента. Для всех изученных выборок коэффициент альфа Кронбаха превышал значение 0,8, что свидетельствует о хорошей степени согласованности применённых показателей между собой.

Все исследования велись с соблюдением правил биоэтики и были одобрены Комиссией по биоэтике МГУ. Собранные материалы в процессе дальнейшей обработки были деперсонифицированы.

Результаты

В таблицах 1–5 приводятся данные по баллам нескольких частных самооценок шкалы Дембо-Рубинштейн для школьников 11–12 лет, 13–15 лет и 16–17 лет, а также юношей и девушек 18–21 года и 22–30 лет. На рисунках 1–5 приведены графики, наглядно иллюстрирующие возрастную динамику и гендерные различия частных самооценок.

Самооценка мальчиков 11–12 лет по всем показателям ниже, чем девочек того же возраста (табл. 1, рис. 1).

Таблица 1
Описательные статистики для частных самооценок школьников 11 – 12 лет

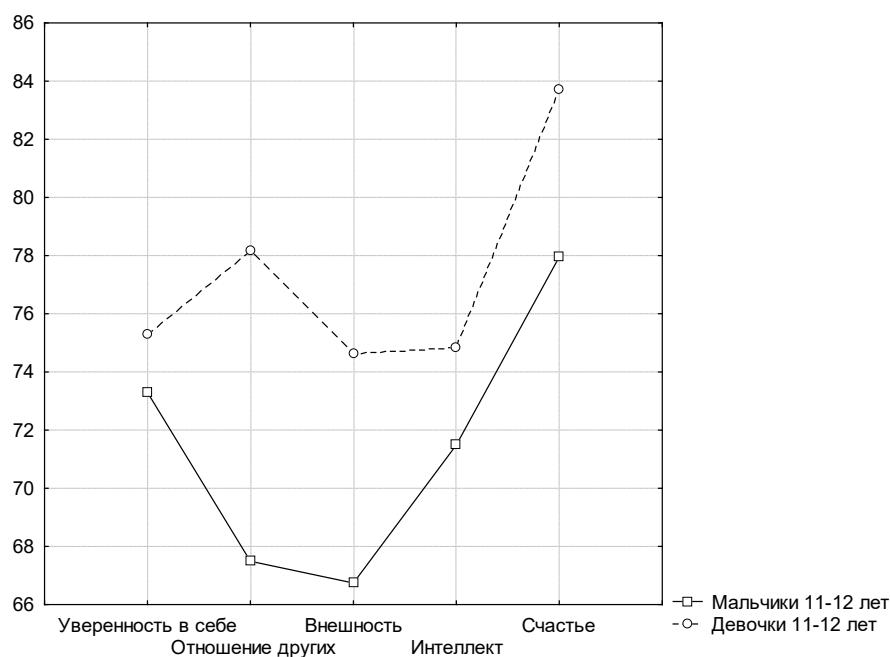
Частные само- оценки	Мальчики, 11–12 лет (M = 11,44)					Девочки, 11–12 лет (M = 11,48)				
	N	M	Min	Max	SD	N	M	Min	Max	SD
Уверен- ность в себе	112	73,29	20,00	100,00	21,48	109	75,28	0,00	100,00	24,04

Частные самооценки	Мальчики, 11–12 лет (M = 11,44)					Девочки, 11–12 лет (M = 11,48)				
	N	M	Min	Max	SD	N	M	Min	Max	SD
Отношение других*	112	67,49	9,00	100,00	23,90	109	78,16	17,00	100,00	19,08
Внешность*	112	66,74	3,00	100,00	22,82	109	74,63	8,00	100,00	23,07
Интеллект	112	71,49	25,00	100,00	18,37	109	74,83	25,00	100,00	18,82
Счастье*	112	77,96	17,00	100,00	20,67	109	83,72	24,00	100,00	18,70

Примечания. N – объём выборки; M – средняя; Min – минимум; Max – максимум; S – среднее квадратическое отклонение; * – различия между полами статистически достоверны согласно t-критерию Стьюдента при $p < 0,05$

Рисунок 1

Частные самооценки школьников 11–12 лет

Статистически значимые различия наблюдаются по частным самооценкам отношения других людей и внешности, уровень которых у мальчиков существенно ниже. Особенно заметна разница между мальчиками и девочками 11–12 лет по самооценке отношения к ним других людей. Однако, несмотря на различия в

ОБЩАЯ ПСИХОЛОГИЯ

частных самооценках, уровень ощущения себя счастливым оказывается наиболее высок именно для этого возраста, и для мальчиков и, особенно, для девочек.

Структура корреляций между физическими признаками и самооценкой в этом возрасте нейтральна, то есть обнаруживает отсутствие значимых корреляционных связей, или, по некоторым показателям, позитивна (корреляции положительны). И в выборке мальчиков, и в выборке девочек статистически достоверные положительные корреляции невысокого уровня (r от 0,20 до 0,30) обнаруживаются между ощущением себя счастливым, обхватными размерами тела и степенью жировотложения (средней жировой складкой и показателем эндоморфии). То есть, в этой возрастной группе психологически более комфортно чувствуют себя подростки с эндоморфными особенностями телосложения.

В следующем возрастном интервале, от 13 до 15 лет, общее соотношение уровней самооценки мальчиков и девочек сохраняется (табл. 2), сохраняется и общая конфигурация кривых на графике (рис. 2).

Таблица 2

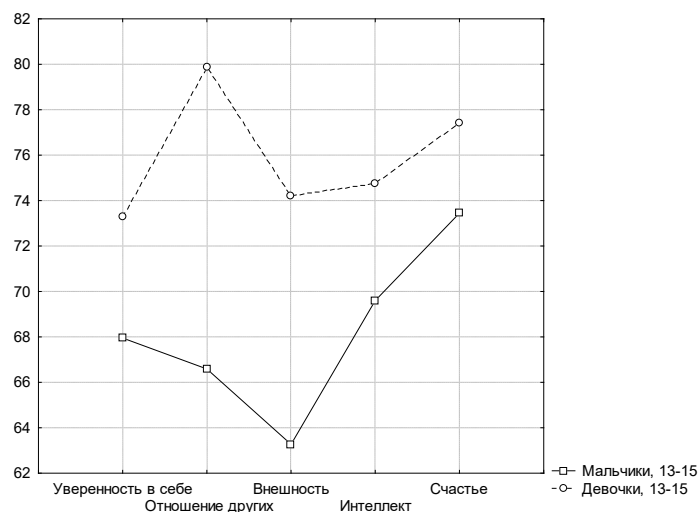
Описательные статистики для частных самооценок школьников 13–15 лет

Частные самооценки	Мальчики, 13-15 лет (M=13,67)					Девочки, 13-15 лет (M=13,66)				
	N	M	Min	Max	SD	N	M	Min	Max	SD
Уверенность в себе	99	67,95	0,00	100,00	21,23	95	73,29	17,00	100,00	19,37
Отношение других*	99	66,59	15,00	100,00	19,54	95	79,87	25,00	100,00	16,83
Внешность*	99	63,27	18,00	100,00	19,75	95	74,21	0,00	100,00	20,23
Интеллект*	99	69,60	11,00	100,00	19,97	95	74,74	33,00	100,00	14,98
Счастье	99	73,45	14,00	100,00	23,63	95	77,44	10,00	100,00	22,00

Примечания. N – объём выборки; M – средняя; Min – минимум; Max – максимум; SD – среднее квадратическое отклонение; * – различия между полами статистически достоверны согласно t-критерию Стьюдента при $p < 0,05$

Рисунок 2

Частные самооценки школьников 13–15 лет

Уровень самооценки в возрасте 13–15 лет немного ниже по сравнению с предыдущим возрастным интервалом, при этом самооценка у мальчиков ниже, чем у девочек. Достоверные гендерные различия сохраняются по самооценке отношения других людей и внешности. Кроме того, статистической значимости достигают различия по самооценке интеллекта, который мальчиками этого возраста по-прежнему, как и на предшествующем возрастном этапе, оценивается ниже, чем девочками. У подростков обоего пола снижается и ощущение себя счастливыми.

Для мальчиков этого возраста сохраняются достоверные положительные корреляции, связывающие самооценку интеллекта и ощущение себя счастливым с показателями эндоморфии и мезоморфии и с обхватными размерами тела (значения коэффициентов корреляции r находятся в диапазоне от 0,20 до 0,41 при значимости на уровне $p < 0,05$ для показателей эндо- и мезоморфии и от 0,21 до 0,29 при $p < 0,05$ для обхватных размеров тела).

В выборке девочек 13–15 лет связи морфологических признаков с самооценкой теряют свою нейтральную структуру, свойственную предыдущему возрасту, и отдельные коэффициенты корреляции достигают уровня статистической значимости. По сравнению с предыдущим возрастным интервалом вектор морфо-психологических связей меняется: масса тела, обхват груди, обхват талии и бёдер оказываются связаны отрицательными достоверными корреляциями уровня 0,20–0,30 с представлением об отношении других людей и самооценкой внешности. При этом обхватные размеры плеча и бедра сохраняют положительные корреляции с самооценкой счастья.

В старшем подростковом возрасте наблюдается резкое изменение соотношения уровней самооценки у мальчиков и девочек (табл. 3, рис. 3).

ОБЩАЯ ПСИХОЛОГИЯ

Таблица 3

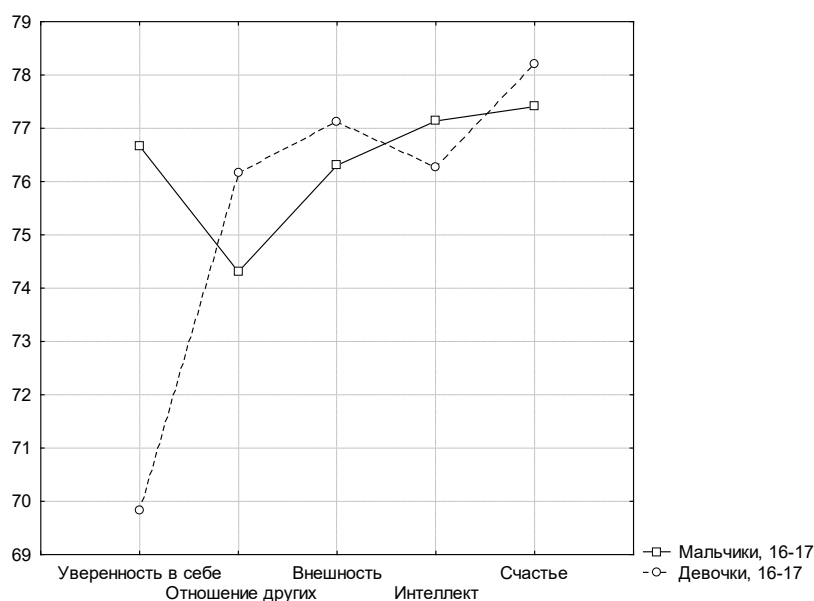
Описательные статистики для частных самооценок школьников 16 – 17 лет

Частные самооценки	Мальчики, 16-17 лет (M=16,46)				Девочки, 16-17 лет (M=16,54)				
	N	M	Min	Max	N	M	Min	Max	SD
Уверенность в себе	51	76,67	22,00	100,00	50	69,84	6,00	100,00	21,19
Отношение других	51	74,31	0,00	100,00	50	76,16	32,00	100,00	17,35
Внешность	51	76,31	0,00	100,00	50	77,12	35,00	100,00	16,97
Интеллект	51	77,14	15,00	100,00	50	76,28	48,00	100,00	12,51
Счастье	51	77,41	9,00	100,00	50	78,22	7,00	100,00	20,27

Примечания. *N* – объём выборки; *M* – средняя; *Min* – минимум; *Max* – максимум; *SD* – среднее квадратическое отклонение

Рисунок 3

Частные самооценки школьников 16–17 лет

У девочек 16–17 лет ниже, чем у мальчиков, уровень самооценки уверенности в себе, но выше самооценка отношения других людей и внешности. У мальчиков выше, чем у девочек, самооценка интеллекта; различие по этому показателю сохраняется и в более старшем возрасте. При этом оценка ощущения себя счастливым остаётся достаточно высокой для обоих полов.

Корреляции физических особенностей и самооценки у мальчиков 16–17 лет невелики, значения коэффициентов корреляции не достигают уровня статистической достоверности.

Иная ситуация наблюдается в структуре и направлении связей признаков внешности и самооценки у девочек 16–17 лет. Степень жировотложения, выраженность эндо- и мезоморфии связаны отрицательными корреляциями с уверенностью в себе. Значения коэффициентов корреляции следующие: для степени жировотложения $r = -0,33$; для эндоморфии $r = -0,29$; для мезоморфии $r = -0,31$ при достоверности на уровне $p < 0,05$. Другими словами, в этом возрасте наиболее не уверены в себе девочки с развитой жировой и мускульной компонентой, со склонностью к полноте. Корреляции между физическими показателями и самооценкой внешности многочисленны, имеют отрицательный знак и достигают больших значений. Величины коэффициентов корреляции самооценки внешности с массой тела, сагиттальным диаметром груди, обхватом груди, обхватами талии, бёдер, плеча, предплечья, бедра и голени, средней жировой складкой, средней шириной эпифиза, показателями эндоморфии и мезоморфии равны соответственно $-0,44$; $-0,55$; $-0,41$; $-0,41$; $-0,44$; $-0,34$; $-0,31$; $-0,40$; $-0,46$; $-0,36$; $-0,32$; $-0,29$ и $-0,39$ и статистически достоверны при $p < 0,05$.

Влияние собственного физического статуса у девочек этого возраста отражается и на самооценке интеллекта. Отрицательная статистически достоверная связь выявлена для самооценки интеллекта и показателя мезоморфии ($r = -0,36$ при $p < 0,05$), а положительная связь самооценки интеллекта обнаруживается с общим показателем эктоморфии ($r = 0,28$ при $p < 0,05$), то есть с грацильностью и узкосложенностью. Достоверных корреляций физических особенностей с самооценкой счастья в этой возрастной группе девочек не выявлено.

Уровень самооценки студентов младших курсов сходен для обоих полов (табл. 4.); сходна и форма соответствующих кривых (рис. 4).

Таблица 4

Описательные статистики для частных самооценок студентов 18 – 21 года

Частные самооценки	Юноши, 18 – 21 год (M=19,75)					Девушки, 18-21 год (M=19,44)				
	N	M	Min	Max	SD	N	M	Min	Max	SD
Уверенность в себе*	51	72,43	27,00	100,00	21,66	106	63,07	5,00	100,00	21,52

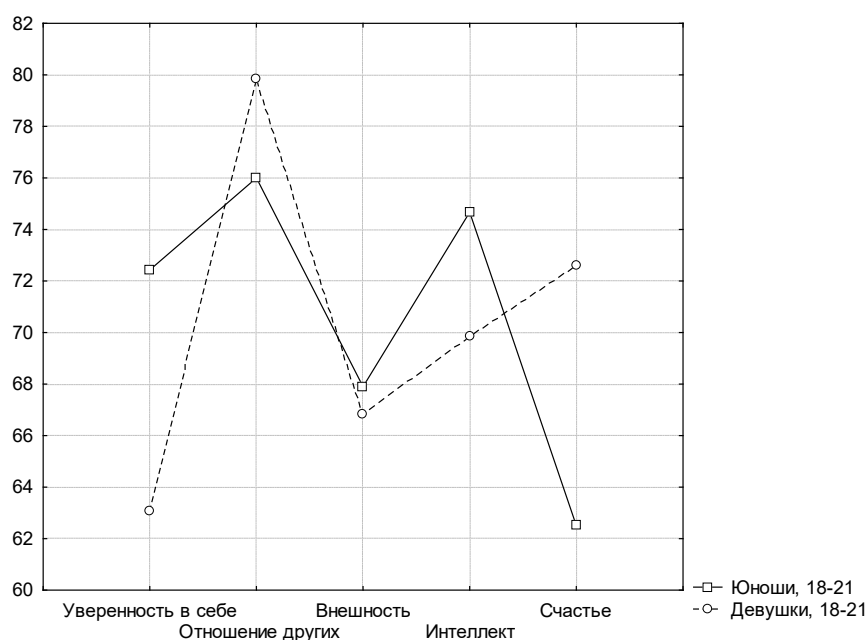
ОБЩАЯ ПСИХОЛОГИЯ

Частные самооценки	Юноши, 18 – 21 год (M=19,75)					Девушки, 18-21 год (M=19,44)				
	N	M	Min	Max	SD	N	M	Min	Max	SD
Отношение других	51	76,00	26,50	100,00	14,25	106	79,83	24,00	100,00	15,29
Внешность	51	67,90	37,00	100,00	17,81	106	66,82	4,00	100,00	18,65
Интеллект	51	74,67	22,00	100,00	18,03	106	69,88	3,00	100,00	18,21
Счастье*	51	62,51	0,00	100,00	29,81	106	72,63	2,00	100,00	21,91

Примечания. N – объём выборки; M – средняя; Min – минимум; Max – максимум; SD – среднее квадратическое отклонение; * – различия между полами статистически достоверны согласно t-критерию Стьюдента при $p < 0,05$

Рисунок 4

Частные самооценки студентов 18–21 года

Самооценка уверенности в себе девушек этого возраста статистически достоверно ниже, чем юношей, но при этом девушки сохраняют высокий уровень самооценки отношения к ним других людей. И у девушек, и у юношей наблюдается довольно низкая оценка собственной внешности, которая у девушек оказывается ещё ниже, чем у юношей. У девушек сохраняется и более низкая оценка собственного интеллекта.

В выборке девушек 18–21 года сохраняются отрицательные корреляции признаков внешности с самооценкой. Значения коэффициентов корреляций самооценки уверенности в себе и поперечного диаметра груди, самооценки отношения других людей и диаметра таза равны соответственно -0,23 и -0,19 и статистически достоверны при уровне значимости $p < 0,05$. Однако коэффициент корреляции обхвата предплечья с самооценкой счастья положителен ($r = 0,25$ при $p < 0,05$), а с баллом эктоморфии – отрицателен ($r = -0,19$ при $p < 0,05$), что намечает иной вектор морфо-психологических корреляций по показателю «счастье» относительно других частных самооценок. У юношей того же возраста формируется структура корреляций, отражающая значимость маскулинных особенностей телосложения: отрицательные корреляции выявляются с уровнем жиротложения, а также с основными обхватными размерами, а положительные – с мезоморфными характеристиками, которые обнаруживают положительные достоверные корреляции с уровнем счастья. Величины отрицательных коэффициентов корреляции самооценки отношения других людей с размерами средней жировой складки, обхватом бедра и баллом эндоморфии в выборке юношей этого возраста достигают значений -0,43, -0,39 и -0,49 соответственно при $p < 0,05$. В то же время коэффициенты корреляции самооценки интеллекта с шириной нижнего эпифиза предплечья и самооценки счастья с шириной нижнего эпифиза голени положительны и равны 0,47 и 0,33 при уровне статистической значимости $p < 0,05$.

Данные для студентов старших курсов (табл. 5) и соответствующий график (рис. 5) характеризуются сближением уровней частных самооценок для обоих полов: различия между юношами и девушками невелики и не достигают степени статистической значимости; формы кривых на графике практически совпадают.

Таблица 5

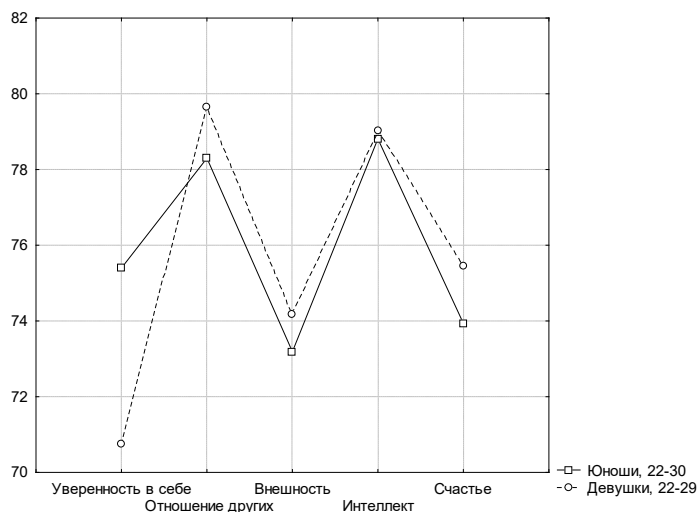
Описательные статистики для частных самооценок студентов 22–30 лет

Частные самооценки	Юноши, 22-30 (M=23,68)					Девушки, 22-29 (M=23,44)				
	N	M	Min	Max	SD	N	M	Min	Max	SD
Уверенность в себе	70	75,40	18,00	100,00	19,52	64	70,75	11,00	100,00	22,68
Отношение других	70	78,30	0,50	100,00	20,07	64	79,66	28,00	100,00	17,26
Внешность	70	73,19	25,00	100,00	18,55	64	74,19	17,00	100,00	19,39
Интеллект	70	78,81	30,00	100,00	15,15	64	79,03	27,00	100,00	16,14
Счастье	69	73,94	0,00	100,00	23,31	63	75,46	8,00	100,00	22,44

Примечания. *N* – объём выборки; *M* – средняя; *Min* – минимум; *Max* – максимум; *SD* – среднее квадратическое отклонение

Рисунок 5

Частные самооценки студентов 22–30 лет

Уверенность в себе в этом возрасте также ниже у девушек, однако по остальным показателям, включая интеллект и уровень ощущения себя счастливыми, баллы самооценки девушек несколько превышают баллы юношей. Согласно таблицам 4 и 5, у девушек старших курсов выше баллы интеллекта по сравнению с младшими студентками (79,03 и 69,88 баллов соответственно). В выборке студентов старших курсов выше и самооценка внешности. Для младших юношей и девушек она оценивается в 67,9 и 66,82 балла, а для старших – в 73,19 и 74,19 баллов.

Морфо-психологические ассоциации в выборке студентов старших курсов также свидетельствуют об общей стабилизации в восприятии собственных физических особенностей и снижении их влияния на самооценку молодых людей. У юношей сохраняются отрицательные корреляции самооценки с показателями жировотложения и усиливаются положительные связи с признаками маскулинности. У девушек все отрицательные корреляции физических признаков и самооценки меняют знак и становятся положительными.

Обсуждение результатов

Более низкая самооценка мальчиков 11–12 лет по сравнению с девочками того же возраста, возможно, отражает отмеченное многими исследователями более критическое отношение взрослых, и прежде всего родителей, к мальчикам, и более мягкое, терпимое отношение к девочкам, что формирует и разный уровень психологического комфорта у младших подростков обоих полов (Аликин, Лукьянченко, 2012; Himaz & Aturupane, 2021). Косвенным подтверждением такого предположения могут служить значительные гендерные различия в этом возрасте по

самооценке отношения других людей, более высокой у девочек. При этом степень ощущения себя счастливыми высока и для мальчиков, и для девочек. Эти результаты, как нам кажется, согласуются с данными о существовании некоторого периода психологического благополучия, своеобразного «затишья» накануне пубертатных потрясений. По данным ряда исследователей, «начиная с 4-го класса отмечается подъём самооценки, которая остаётся высокой у большей части подростков, в ней проступает яркая, экстенсивная эмоция, передающая светлый фон настроения, ощущение радости бытия, чувства гордости и уверенности в себе» (Молчанова, 2021, стр. 225). Согласно нашим результатам, можно говорить о максимальных уровнях самооценки у девочек в возрасте 11–12 лет по контрасту с более низкими показателями у мальчиков, что отличается от данных некоторых авторов относительно более высокой самооценки мальчиков в младшем подростковом возрасте (Birndorf et al., 2005; Harter, 2006), но согласуется с данными других, недавно проведённых обширных исследований (Supervía et al., 2023). Наши результаты могут рассматриваться и как проявление общей закономерности протекания пубертатного периода, когда возрастные изменения у девочек несколько опережают по времени возрастную динамику у мальчиков, и это опережение проявляется, в том числе, в формировании сложных форм самосознания (Кон, 2009).

Данные относительно наличия положительной связи между ощущением себя счастливым и эндоморфными особенностями телосложения, выявленной для возраста 11–12 лет, находятся в некотором противоречии с работами других авторов, согласно которым у мальчиков с эндоморфной конституцией наблюдается больше проблем в отношениях со сверстниками, они часто являются предметом насмешек и имеют меньше друзей (Кон, 1980). Но отношения между мальчиками могут зависеть и от типа их сообществ, поэтому контакты со сверстниками «во дворе» могут существенно отличаться от школьных, где доминирует иная система ценностей. Ещё одно возможное объяснение – сложная природа такого феномена, как ощущение себя счастливым, которое, как показывают и наши исследования (Бахолдина, Благова, 2020а, 2020б), не всегда отражает вектор и уровень самооценки. Кроме того, такой вектор корреляций может быть связан и с влиянием некоторых социальных факторов, в частности, с материальным благополучием родителей.

Особенностью следующего возрастного этапа, 13–15 лет, оказывается некоторое снижение уровня самооценки и ощущения себя счастливым в обеих гендерных выборках при сохранении более низкого уровня у мальчиков. Но, если в выборке мальчиков сохраняются положительные связи самооценки и ощущения себя счастливым с показателями эндо- и мезоморфии, то в выборке девочек вектор связей меняется на отрицательный, и степень развития отдельных физических признаков оказывается связана обратной зависимостью с представлением об отношении других людей и самооценкой внешности. Некоторые физические признаки в выборке девочек 13–15 лет при этом сохраняют положительные корреляции с самооценкой счастья. В этом, возможно, также проявляется некоторая автономность самооценки счастья в сравнении с другими частными самооценками.

ОБЩАЯ ПСИХОЛОГИЯ

Заметные изменения по гендерным различиям в самооценке наблюдаются в старшем подростковом возрасте, что выражается в снижении самооценки девочек 16–17 лет и повышении самооценки мальчиков этого возраста. Судя по полученным результатам, высокая самооценка мальчиков в этом возрасте не связана напрямую с их физическим статусом, коэффициенты корреляций между физическими признаками и самооценкой не достигают уровня статистической достоверности. Справедливость такого вывода подтверждается данными и других исследователей, согласно которым такой, казалось бы, значимый признак, как рост, или длина тела, не играет большой роли в формировании самооценки старших подростков (Кон, 2009).

В выборке девочек 16–17 лет корреляции между самооценкой внешности и интеллекта с физическими признаками отрицательны и высоки по абсолютной величине, что свидетельствует о критическом восприятии девочек этого возраста собственных телесных особенностей.

У девушек и юношей 18–21 года уровни самооценки оказываются сходны. В выборке девушек обращает на себя внимание сохранение более низкой оценки собственного интеллекта. Возможно, в этом сказывается влияние на девушек широко распространённых социальных гендерных стереотипов, касающихся представлений об интеллектуальном превосходстве мужчин. Причина эффективности воздействия подобных стереотипов, как предполагается, состоит в том, что они широко транслируются в обществе и имеют тенденцию к интериоризации, то есть воспринимаются самими девушками и женщинами, влияя на их самооценку и уверенность в себе (Gálvez et al., 2019; Starr, 2018; Storage et al., 2020).

Формирование структуры и векторов самооценки молодёжи этого возраста, студентов младших курсов, происходит под влиянием целого ряда социальных факторов – адаптации к учёбе в университете, непривычной жизни в общежитии вне дома, изменения обычного типа питания. Неслучайно ощущение себя счастливыми в этом возрасте не очень высоко у обоих полов, и у юношей заметно ниже, чем у девушек (различия достигают уровня статистической достоверности). Перечисленные стрессовые факторы могут сказываться и на структуре корреляций самооценки с физическими признаками, которые у девушек 18–21 года сохраняют отрицательный знак. Исключение представляет самооценка счастья, для которой выявляются положительные корреляции с некоторыми обхватными размерами, обозначая тем самым иную природу этого показателя.

Уровни самооценки девушек и юношей старших курсов практически совпадают, но по нескольким признакам, в том числе по самооценке интеллекта и ощущению себя счастливыми, девушки демонстрируют более высокий уровень психологического благополучия, чем юноши. Повышение самооценки интеллекта у девушек старших курсов по сравнению с младшими студентками может быть следствием влияния социальной университетской среды, способствующей преодолению девушками негативных социальных стереотипов в представлениях о гендерных интеллектуальных различиях. Полученные результаты также свидетельствуют о

более высокой самооценке внешности у старших студентов, и юношей, и девушек, по сравнению с младшими, что согласуется с данными исследований психологов относительно более высокой самооценки внешнего облика в возрастной группе 26–36 лет, близкой по возрасту к выборке старших студентов (Лабунская, 2023).

Ассоциации признаков внешности и самооценки в выборке студентов старших курсов также свидетельствуют об общей стабилизации в восприятии собственных физических особенностей и снижении их влияния на самооценку молодых людей.

Результаты исследования дают также основание для размышлений относительно возможной «имплицитности» или «эксплицитности» отдельных частных самооценок. Так, самооценка отношения к индивиду других людей несёт в себе значительную эксплицитную составляющую, отражая реальные социальные взаимоотношения, в которых индивид находится с окружающими. Возрастная и гендерная динамика оценки отношения к себе других людей, выявленная в исследовании, может свидетельствовать о её зависимости от изменения социального контекста на разных этапах онтогенеза. Самооценки внешности и интеллекта, очевидно, в большей степени носят имплицитный характер, хотя, как было сказано выше, повышение самооценки интеллекта у старших студенток университета может быть обусловлено и причинами социального свойства. Сложной по своей природе является и самооценка уверенности в себе, которая подвержена значительной возрастной динамике, различается у обоих полов и также может зависеть от и от биологических, и от социальных факторов.

Заключение

Проведённый анализ позволяет прийти к выводу о том, что снижение уровня самооценки отражается в повышении частоты и усилении отрицательных связей самооценки и признаков внешности, имплицитно влияя на негативное восприятие молодыми людьми своего физического статуса. Важно отметить, что этот процесс затрагивает не только самооценку внешности, но и другие частные самооценки. Напротив, стабилизация самооценки ведёт к повышению «принятия себя» и в физическом плане.

Ещё одним результатом проведённого исследования можно считать получение новых данных относительно неоднородности структуры самооценки и иной значимости самооценки счастья по сравнению с другими частными самооценками. Уровень частных самооценок и ощущения себя счастливым, как и вектор корреляций с физическими признаками, могут значительно отличаться, что наблюдается во всех изученных возрастных группах, за исключением старшей. Так, в выборке младших подростков у мальчиков, несмотря на невысокий уровень самооценки, уровень счастья достаточно высок. У девочек 13–15 лет статистически значимые отрицательные корреляции самооценки отношения других людей и внешности с основными размерами тела сочетаются с положительными корреляциями обхватных размеров с баллом счастья. При высоком уровне отрицательных корреляций в

ОБЩАЯ ПСИХОЛОГИЯ

целом, у девочек 16–17 лет достоверных корреляционных связей со счастьем не выявлено. У студенток 18–21 года векторы связей физических признаков с частными самооценками и счастьем имеют разную направленность.

Таким образом, судя по результатам исследования, ощущение себя счастливым не связано напрямую с самооценкой и представляет собой самостоятельную категорию, требующую отдельного изучения.

Данные, полученные в ходе применения шкалы самооценки Дембо-Рубинштейн в комплексных антропологических исследованиях, дополняют имеющиеся представления о природе и структуре самооценки, её ассоциациях с физическим статусом молодых людей, и могут быть полезны для широкого круга специалистов – психологов, социологов и педагогов.

Литература

- Аликин, И. Л., Лукьянченко, Н. В. (2012). Нормативная динамика родительского отношения в современном обществе: возрастной и гендерный аспекты. *Вестник Красноярского государственного педагогического университета им. В. П. Астафьева*, 22(4), 228–234.
- Бахолдина, В. Ю., Благова, К. Н. (2020а). Возрастная динамика морфологического статуса и психосоматических связей в двух выборках студентов Московского университета. *Вестник Московского университета. Серия XXIII. Антропология*, 1, 47–57. <https://doi.org/10.32521/2074-8132.2020.1.047-057>
- Бахолдина, В. Ю., Благова, К. Н. (2020б). Изучение системы взаимосвязей между питанием, физической активностью, морфологией и самооценкой в двух выборках студентов Московского университета. *Вестник Московского университета. Серия XXIII. Антропология*, 2, 41–54. <https://doi.org/10.32521/2074-8132.2020.2.041-054>
- Бахолдина, В. Ю., Благова, К. Н., Самородова, М. А. (2017). Возрастные и гендерные аспекты психосоматических связей (по данным трёх московских выборок подростков и студентов). *Вестник Московского университета. Серия XXIII. Антропология*, 1, 57–65.
- Бахолдина, В. Ю., Ступина, К. С. (2013). Новые данные к психологической характеристике разных вариантов морфологической конституции. *Вестник Московского университета. Серия XXIII. Антропология*, 3, 64–73.
- Бахолдина, В. Ю., Ступина, К. С., Ковылин, В. А. (2010). Конституциональный тип и самооценка у детей и подростков. *Вестник Московского университета. Серия XXIII. Антропология*, 2, 44–54.
- Кон, И. С. (2009). Мальчик – отец мужчины. Время.
- Кон, И. С. (1980). Психология старшеклассника. Просвещение.
- Кочеткова, Т. Н. (2022). Образ тела как социально-психологический феномен. В *Психологические исследования внешности и образа тела: коллективная монография* (с. 166–182). ФГБОУ ВО РязГМУ Минздрава России.
- Лабунская, В. А. (2022). Полидетерминация отношения к внешнему облику и его влияния на субъективное благополучие человека: социально-психологический гендерно-возрастной подход. В *Психологические исследования внешности и образа тела: коллективная монография* (с. 7–30). ФГБОУ ВО РязГМУ Минздрава России.
- Лабунская, В. А. (2023). Социально-демографические факторы в структуре взаимосвязей между самооценками внешнего облика и оценками субъективного благополучия. *Российский психологический журнал*, 20(3), 255–273. <https://doi.org/10.21702/rpj.2023.3.14>
- Молчанова, О. Н. (2021). Самооценка. Теоретические проблемы и эмпирические исследования. Флинта.

- Рубинштейн, С. Я. (2007). *Экспериментальные методики патопсихологии и опыт применения их в клинике*. Апрель-Пресс, Издательство Института психотерапии.
- Хафизова, А. А. (2021). Идеалы телесной красоты и временные изменения соматических показателей современной молодёжи. *Вестник антропологии*, 3, 161–182. <https://doi.org/10.33876/2311-0546/2021-3/161-182>
- Хафизова, А. А., Негашева, М. А. (2019). Влияние особенностей телосложения юношей и девушек на самооценку внешности и неудовлетворённость своим телом. *Вестник Московского университета. Серия XXIII. Антропология*, 3, 25–41. <https://doi.org/10.32521/2074-8132.2019.3.025-041>
- Хрисанфова, Е. Н. (2003). Антрополого-эндокринологические исследования как способ познания биосоциальной природы человека (историческая филогения). *Антропология на пороге III тысячелетия*, 1, 67–85.
- Хрисанфова, Е. Н. (1990). *Конституция и биохимическая индивидуальность*. Издательство Московского университета.
- Al-Musharaf, S., Rogoza, R., Mhanna, M., et al. (2022). Factors of body dissatisfaction among Lebanese adolescents: The indirect effect of self-esteem between mental health and body dissatisfaction. *BMC Pediatrics*, 22, 302. <https://doi.org/10.1186/s12887-022-03373-4>
- Birndorf, S., Ryan, S., Auinger, P., & Aten, M. (2005). High self-esteem among adolescents: Longitudinal trends, sex differences, and protective factors. *Journal of Adolescent Health*, 37(3), 194–201. <https://doi.org/10.1016/j.jadohealth.2004.08.012>
- Braun, T. D., Park, C. L., & Gorin, A. (2016). Self-compassion, body image, and disordered eating: A review of the literature. *Body Image*, 17, 117–131. <https://doi.org/10.1016/j.bodyim.2016.03.003>
- Gálvez, R. H., Tiffenberg, V., & Altszyler, E. (2019). Half a century of stereotyping associations between gender and intellectual ability in films. *Sex Roles*, 81(9–10), 643–654. <https://doi.org/10.1007/s11199-019-01019-x>
- Cash, T. F. (2002). The situational inventory of body image dysphoria: Psychometric evidence and development of a short form. *International Journal of Eating Disorders*, 32(3), 362–366. <https://doi.org/10.1002/eat.10100>
- Cash, T. F., Jakatdar, T. A., & Williams, E. F. (2004). The Body Image Quality of Life Inventory: Further validation with college men and women. *Body Image*, 1(3), 279–287. [https://doi.org/10.1016/S1740-1445\(03\)00023-8](https://doi.org/10.1016/S1740-1445(03)00023-8)
- Gardiner, G., Sauerberger, K., Lee, D., & Funder, D. (2022). What happy people do: The behavioral correlates of happiness in everyday situations. *Journal of Research in Personality*, 99, 104236. Retrieved from <https://www.sciencedirect.com/science/article/pii/S0092656622000496>
- Harter, S. (2006). Developmental and individual difference perspectives on self-esteem. In D. K. Mroczek & T. D. Little (Eds.), *Handbook of personality development* (pp. 311–334). <https://doi.org/10.4324/9781315805610>
- Himaz, R., & Aturupane, H. (2021). Why are boys falling behind? Explaining gender gaps in school attainment in Sri Lanka. *World Development*, 142, 105415. Retrieved from <https://www.sciencedirect.com/science/article/abs/pii/S0305750X21000279>
- Lacroix, E., Smith, A. J., Husain, I. A., Orth, U., & Ranson, K. M. (2023). Normative body image development: A longitudinal meta-analysis of mean-level change. *Body Image*, 45, 238–264. <https://doi.org/10.1016/j.bodyim.2023.03.003>
- Linardon, J., Anderson, C., Messer, M., Rodgers, R. F., & Fuller-Tyszkiewicz, M. (2021). Body image flexibility and its correlates: A meta-analysis. *Body Image*, 37, 188–203. <https://doi.org/10.1016/j.bodyim.2021.02.005>

- Mallaram, G. K., Sharma, P., Kattula, D., et al. (2023). Body image perception, eating disorder behavior, self-esteem and quality of life: A cross-sectional study among female medical students. *Journal of Eating Disorders*, 11, 225. Retrieved from <https://pubmed.ncbi.nlm.nih.gov/38102717/>
- Meland, E., Breidablik, H. J., Thuen, F., et al. (2021). How body concerns, body mass, self-rated health and self-esteem are mutually impacted in early adolescence: A longitudinal cohort study. *BMC Public Health*, 21, 496.
- Rivera, A. R., Gálvez-Mozo, A., & Tirado-Serrano, F. (2024). The imperative of happiness in positive psychology: Towards a psychopolitics of wellbeing. *New Ideas in Psychology*, 72, 101058.
- Starr, C. R. (2018). "I'm not a science nerd!": STEM stereotypes, identity, and motivation among undergraduate women. *Psychology of Women Quarterly*, 42(4), 489–503. <https://doi.org/10.1177/0361684318793848>
- Storage, D., Charlesworth, T. E. S., Banaji, M. R., & Cimpian, A. (2020). Adults and children implicitly associate brilliance with men more than women. *Journal of Experimental Social Psychology*, 90, 104020. Retrieved from <https://www.sciencedirect.com/science/article/abs/pii/S0022103120303607>
- Stunkard, A. J. (2000). Old and new scales for the assessment of body image. *Perceptual and Motor Skills*, 90(3), 930. <https://doi.org/10.2466/pms.2000.90.3.930>
- Supervía, P. U., Bordás, C. S., Robres, A. Q., Blasco, R. L., & Cosculluela, C. L. (2023). Empathy, self-esteem and satisfaction with life in adolescence. *Children and Youth Services Review*, 144, 106755. Retrieved from <https://www.sciencedirect.com/science/article/pii/S0190740922003917>
- Tsartsapakis, I., Zafeiroudi, A., Vanna, G., et al. (2023). Relationships of body dissatisfaction and self-esteem with social physique anxiety among university students in different study programs. *Trends in Psychology*, 2023. Retrieved from <https://link.springer.com/article/10.1007/s43076-023-00329-0>
- Tylka, T. L., & Wood-Barcalow, N. L. (2015). The Body Appreciation Scale-2: Item refinement and psychometric evaluation. *Body Image*, 12, 53–67. <https://doi.org/10.1016/j.bodyim.2014.09.006>

Поступила в редакцию: 12.05.2024

Поступила после рецензирования: 10.11.2024

Принята к публикации: 14.01.2025

Информация об авторе

Бахолдина Варвара Юрьевна – доктор биологических наук, профессор, профессор кафедры антропологии, Московский государственный университет им. М.В. Ломоносова, Москва, Россия; Researcher ID: R-8145-2016, Scopus ID: 25935919900, SPIN-код РИНЦ: 1435-9468, ORCID ID: <https://orcid.org/0000-0002-3320-1445>; e-mail: vbaholdina@mail.ru

Информация о конфликте интересов

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

Шкала экзистенциального поиска Ван Пахтербеке и др.: русскоязычная адаптация и психометрические свойства

Евгений А. Смирнов¹ , Мария В. Макарова^{2*} , Светлана Н. Костромина²

¹ Независимый исследователь, Барселона, Испания

² Санкт-Петербургский государственный университет (ФГБОУ ВО СПбГУ),
Санкт-Петербург, Российская Федерация

*Почта ответственного автора: m.v.makarova@spbu.ru

Аннотация

Введение. Феномены открытости к миру, гибкости в возможности изменения собственных экзистенциальных убеждений и образа мира, умения задавать себе сложные вопросы представляют собой не только эпистемологический, но и психологический интерес. Подобную готовность вовлекаться в процесс вопрошания Ван Пахтербеке и др. называют экзистенциальным поиском. Предлагаемый ими конструкт позволяет оценить готовность личности к изменению своих глубинных убеждений, связанных с экзистенциальными вопросами и образом мира. Шкала экзистенциального поиска является надежным инструментом для исследований за рубежом, но не применяется в отечественной психологии. Цель исследования – апробация и валидизация на русскоязычной выборке шкалы экзистенциального поиска как инструмента для определения открытости к изменению экзистенциальных убеждений человека. **Методы.** Адаптация шкалы проводилась в несколько этапов. На первом этапе выполнялся перевод шкалы и проверялась ее контентная валидность на основе экспертной оценки (16 экспертов). На втором этапе изучалась внутренняя надежность и конвергентная валидность адаптируемой шкалы (177 участников). На третьем этапе (500 респондентов) оценивались внешняя и конструктная валидности. Использовались следующие методики: Опросник NEO-FFI; Шкала одиночества UCLA; Шкала депрессии DASS-21; Опросник «Профиль аттитюдов по отношению к смерти – переработанный»;

ОБЩАЯ ПСИХОЛОГИЯ

Опросник экзистенциальных обеспокоенностей; Опросник смысла жизни; Шкала экзистенциальной изоляции. **Результаты.** Базовые психометрические показатели надежности и валидности шкалы в целом соответствуют ожиданиям (контентная валидность всех вопросов подтверждена). Большинство ожидаемых корреляций были получены с высокой значимостью, за исключением значимой корреляции с «поиском смысла жизни» на 2 этапе, что объясняется особенностями выборки. Результаты эксплораторного факторного анализа на 2 и 3 этапах исследования показали наличие нескольких факторов у шкалы, что, по результатам теоретического обоснования, не является правдоподобным. В Приложении представлен готовый к использованию опросник. **Обсуждение результатов.** Полученные данные подтвердили правомерность использования концепции экзистенциального поиска как измеряемого психологического конструкта.

Ключевые слова

экзистенциальный поиск, глубинные убеждения, открытость, мировоззрение, экзистенциальные вопросы, изменения, образ мира

Для цитирования

Смирнов, Е. А., Макарова, М. В., Костромина, С. Н. (2025). Шкала экзистенциального поиска Ван Пахтербеке и др.: русскоязычная адаптация и психометрические свойства. *Российский психологический журнал*, 22(1), 25–46. <https://doi.org/10.21702/dtbd5f96>

Введение

На протяжении всей истории человечества люди осуществляли духовный поиск, в ходе которого стремились к пониманию самых глубоких вопросов о природе реальности, смысле жизни, нравственности, справедливости и других фундаментальных аспектах бытия. Духовный поиск может быть сопряжен с глубокими размышлениями, задаваемыми себе и другим, и поиском ответов на них (Асмус, 1999). С психологической точки зрения, этот поиск связан с мотивацией и психологическими потребностями человека. Он может быть побужден любопытством, стремлением к познанию и пониманию мира. Такая мотивация может быть интеллектуальной, эмоциональной или этической по своей природе (Reischer et al., 2020). Это уникальное личное путешествие от вопросов о природе реальности и границ человеческого знания к поиску утешения и осуществления высшего замысла, и далее к вопросу о своей подлинной цели существования, свободе и ответственности. Духовный поиск может быть представлен в виде этапов и культурологически связанных компонентов философского, религиозного и

экзистенциального поиска. Эти высшие духовные личностные аспекты представляют собой актуальный научный интерес для психологической науки.

Согласно концепции самоактуализации А. Маслоу (Maslow, 1962) философский поиск определяется стремлением к достижению своего потенциала, к осознанию своих ценностей и целей. А. Маслоу утверждал, что люди, испытывающие потребность в самоактуализации, могут быть более склонными к задаванию экзистенциальных вопросов и исследованию глубинных идей. McAdams et al. (1997) установили, что философский поиск может также быть обусловлен потребностью в смысле и связи с другими людьми. Люди, которые обладают философской ориентацией, обычно ценят глубокие и интеллектуальные разговоры, они стремятся к глубинным социальным связям и более глубокому пониманию других людей. Так или иначе, философский поиск – это индивидуальный процесс, который включает рефлекссию, стремление к познанию, и связан с потребностью в понимании себя, окружающего мира и поиска смысла в жизни (Леонтьев, 2007). В связи с этим философский поиск часто рассматривается в контексте религии как носителя системы ценностей, определяющих смысл бытия. Достаточно вспомнить работы Ю. Хабермаса, Т. Лукмана и П. Бергера, Э. Гидденса, А. Эллиса, Э. Фромма и др. (Титов, 2013).

Г. Олпорт (Allport, 1950) проблематизировал вопрос влияния религиозности на личность и поведение человека через стадии религиозного чувства. Вводя понятия внешней и внутренней религиозности, он связывал их со зрелостью личности. «Зрелая религиозная личность» целостна, рефлексивна, имеет структурированную жизненную философию, интегрированную в картину мира, и опосредует иерархию ценностей; она не связана с предрассудками и демонстративностью в проявлении (Allport, 1966). Психологические исследования Г. Олпорта позволили приблизиться к операционализации понятий внутренней и внешней религиозной ориентации, выдвинуть ряд гипотез и создать шкалу для измерения религиозной ориентации (Allport & Ross, 1967).

Дальнейшая работа в рамках этого конструкта показала противоречивые данные: в некоторых исследованиях обнаружилось противоположные корреляции внутренней и внешней религиозности (Trimble, 1997), на что обратил внимание Д. Батсон (Batson, 1976). Он предложил сделать шаг назад и обратиться к изначальному формулированию понятия зрелого, духовно ориентированного человека, добавляя к нему ценность самокритики, сомнения, сложности, незавершенности. По мнению Д. Батсона, к уже существующим измерениям «религия как цель» и «религия как средство» необходимо добавить третье – «религия как поиск». Вводя этот новый аспект внутренней религиозности, он подразумевал постоянный процесс поиска и сомнений, связанных с жизненными противоречиями, размышлений о высшем смысле общества и самой жизни, вечного поиска, при котором вопросы важнее ответов (Batson, 1976, p. 32). Обоснование этого конструкта было сделано им и другими исследователями посредством ряда оригинальных экспериментов (Darley & Batson, 1973; Batson et al., 1986) и в рамках корреляционных дизайнов,

посвященных изучению экзистенциальных данностей (Batson & Raynor-Prince, 1983) и моральных суждений (Sapp & Jones, 1986). Тем не менее понятие «поиск» как новая религиозная переменная подвергалась критике по конструктивной валидности (Hood, Morris & Watson, 1990) и другим психометрическим свойствам (Beck & Jessup, 2004). Впоследствии разработанная шкала была улучшена самим автором, хотя дискуссия относительно того, что именно измеряет шкала – агностицизм, религиозный конфликт, антитрадиционалистские воззрения – так и не была окончена (Batson & Schoenrade, 1991).

У шкалы религиозного поиска есть несколько значимых недостатков. Во-первых, измерения в силу специфики исходной задачи могут проводиться только на религиозных людях. Во-вторых, как замечают Ван Пахтербеке и др. (Van Pachterbeke, Keller & Saroglou, 2012), экзистенциальные убеждения зачастую существенно шире и универсальнее, нежели религиозные. В связи с этим разработка новой шкалы, измеряющей аспекты философского поиска, но не ограниченного религиозным доменом, представляет собой важную задачу.

Шкала экзистенциального поиска: разработка и опыт апробации в исследованиях

Многообразие людей, религий, идеологий, стран и исторических эпох определяет существование разных взглядов, мнений и убеждений относительно экзистенциальных вопросов. Их связывают с проблемами времени, жизни и смерти, проблемами свободы, ответственности и выбора, проблемами общения, любви и одиночества, проблемами смысла и бессмысленности существования (Ялом, 1999). Независимо от конкретных убеждений человека каждый имеет свое представление о сущности этих вопросов (Гришина, 2018).

Однако, помимо общепринятых взглядов на экзистенциальные вопросы, существуют значимые различия между людьми в том, насколько категорично, интенсивно и стабильно они придерживаются своих убеждений или насколько открыты для их пересмотра и преобразования. Ван Пахтербеке и др. (Van Pachterbeke, Keller & Saroglou, 2012) называют эту готовность к саморефлексии и внутреннему поиску экзистенциальным поиском. В отличие от философского и религиозного поиска, в основе которых лежит стремление к абстрактным универсальным ответам, экзистенциальный поиск сосредоточен на конкретном опыте существования человека, индивидуальном ответе, связанным с переживаниями и рефлексией. Авторы определяют его как открытость к сомнениям и переосмыслению своих взглядов на экзистенциальные вопросы. Эта готовность существует независимо от конкретного содержания убеждений и применима к людям с различными базовыми установками. Таким образом, авторы ввели в научное поле конструкт, который позволяет оценить готовность личности к изменению своих глубинных убеждений, связанных с экзистенциальными вопросами и образом мира.

Для измерения этого конструкта был разработан опросник экзистенциального поиска (Existential Quest Scale), состоящий из девяти пунктов. В отличие от религиозной направленности предыдущих работ (Allport, 1966; Allport & Ross, 1967; Batson, 1976; Batson & Schoenrade, 1991), в исследованиях Ван Пахтербеке и др. внимание сфокусировано на экзистенциальных вопросах в целом, без привязки к религиозности, поскольку, по их мнению, принятие религиозных убеждений – это лишь один из специфических способов решения экзистенциальных проблем (Van Pachterbeke, Keller & Saroglou, 2012, p. 3).

Конструктная валидность инструмента проверялась путем анализа корреляций со шкалой авторитаризма (Altemeyer, 1996; Funke, 2005), потребности в определенности (Need for Closure) (Webster & Kruglanski, 1994), нетерпимости к неоднозначности (Batson & Schoenrade, 1991) и др. В качестве гипотез были сформулированы утверждения о негативной корреляции экзистенциального поиска (Existential Quest, далее – EQ) с этими шкалами в силу принципиальных различий между открытостью к экзистенции (EQ) и стремлению к определенности (остальные шкалы). Также в качестве одной из гипотез рассматривалось положение о том, что в результате исследований между религиозностью и уровнем EQ должна присутствовать негативная корреляция.

В рамках работы по проверке конструктной валидности были проведены пять исследований. Первое исследование на выборке из 323 студентов было посвящено проверке валидности гипотез об отсутствии корреляции с другими шкалами, перечисленными выше. Во втором исследовании (N = 206) авторы стремились не только повторить результаты, но и изучить влияние возраста. В третьем исследовании проверялась валидность шкалы EQ на предмет *myside bias* – склонности видеть подтверждение своего мнения. В четвертом повторялись задачи первых трех исследований, но уже на выборке из жителей другой страны. В пятом изучалась инкрементная валидность в контексте религиозного поиска и поиска смыслов. Выдвинутые авторами гипотезы были подтверждены в ходе экспериментов, проведенных в Бельгии и Германии на общей выборке 861 человека (Van Pachterbeke, Keller, Saroglou, 2012).

М. Риццо и др. (Rizzo et al., 2019) адаптировали шкалу EQ для Италии. В 2018 году авторы провели исследование (N = 291 в возрасте от 19 до 82 лет, M = 37,0, $\sigma = 14,6$, из них 64,3 % женщин), опросив участников по шкале EQ (van Bruggen et al., 2015), RWA (Funke, 2005), Need for Cognitive Closure Scale в краткой форме (Roets, Van Hiel, 2011) и The Mental Health Continuum в краткой форме (Keyes, 2002; Petrillo et al., 2015). В целом полученные результаты подтвердили валидность исходной шкалы. Единственное серьезное отличие заключалось в том, что в результате факторного анализа был исключен седьмой вопрос. Авторы исследования не рекомендуют включать его в итоговый опросник для итальянской выборки (Rizzo et al., 2019).

Таким образом, по итогам апробации на зарубежной европейской выборке было подтверждено, что шкала EQ представляет собой эффективный инструмент и

ОБЩАЯ ПСИХОЛОГИЯ

может применяться для определения открытости к изменению экзистенциальных убеждений человека.

Цель исследования

Целью нашего исследования стала адаптация и валидизация шкалы экзистенциального поиска на русскоязычной выборке.

Методы

Адаптация шкалы проводилась в несколько этапов. На первом этапе выполнялся перевод текста оригинальной шкалы на русский язык и проверялась контентная валидность на основе экспертной оценки. На втором этапе изучалась внутренняя надежность и конвергентная валидность адаптируемой шкалы. На третьем этапе оценивались внешняя и конструктивная валидности. Дизайн этого исследования был одобрен Этическим комитетом Санкт-Петербургского психологического общества (резолюция № 10 от 15.10.2021 г. и № 20 от 09.03.2023 г.). Все респонденты заполняли информированное согласие на участие. Дизайн исследования, гипотезы и необходимые документы были заранее зарегистрированы в системе Open Science Framework (Smirnov & Makarova, 2023a).

Выборка

В первом этапе исследования приняли участие 16 человек, каждый из которых имел степень магистра по психологии или выше, а также имел опыт в области экзистенциальной психологии. Респонденты набирались путем рассылки приглашений. Участие было добровольным, анонимным, конфиденциальным, проводилось онлайн и не предполагало оплаты за участие.

Во втором этапе приняли участие 177 человек (155 женщин, 20 мужчин, шесть человек предпочли не указывать гендер, средний возраст составил 21 год). Все респонденты были студентами факультета психологии Санкт-Петербургского государственного университета. Участие было добровольным и конфиденциальным, проводилось в онлайн-формате. Анонимность была ограничена в первой фазе исследования в силу необходимости проведения ретеста. После её проведения персональные данные участников были обфусцированы.

В третьем этапе приняло участие 500 человек (412 женщин, 74 мужчины, 14 предпочли не указывать гендер, средний возраст составил 36 лет). Респонденты набирались посредством сообщений в социальных сетях. Участие было анонимным и конфиденциальным. Исследование проводилось онлайн.

Процедура и инструменты

Информация собиралась с учетом современных рекомендаций по этичности и экологичности (Hughes, Camden & Yangchen, 2016) по следующим вопросам: возраст, гендер, страна и город, уровень образования, уровень дохода, религиозные или духовные предпочтения.

Для оценки конструктивной валидности использовались семь методик:

1. Опросник NEO Five-Factor Inventory, определяющий факторы нейротизма и экстраверсии (Costa & McCrae, 2008) (в адаптации Орел, Сенин, 2008) является сокращенной версией опросника NEO PI-R и позволяет оценить связь переменных с показателями по личностным факторам, образующими «Большую пятёрку». Опросник представляет собой утверждения (например, «Я люблю, когда вокруг меня много людей»), которые необходимо оценить по шкале Ликерта от 1 («абсолютно не согласен») до 5 («абсолютно согласен»).
2. Шкала одиночества UCLA Loneliness Scale, Version 3 (Russell, 1996) в адаптации И. Н. Ишмухаметова (Ишмухаметов, 2006) является методикой для диагностики субъективного ощущения одиночества и социальной изоляции человека, основанных на общем опыте переживаний, испытываемых широким кругом людей. Шкала содержит 20 вопросов (например, «Как часто Вы чувствуете, что есть люди вокруг Вас, но не с Вами?»), на которые респондент должен ответить по шкале Ликерта от 1 («никогда») до 4 («всегда»).
3. Шкала депрессии Depression Anxiety Stress Scale 21-items (DASS-21) (Lovibond & Lovibond, 1995) в адаптации А.А. Золотаревой (Золотарева, 2020) представляет собой укороченную версию опросника, измеряющего психологический дискомфорт в современном мире для диагностики депрессии, тревоги и стресса на основе самоотчета. Респонденту необходимо отметить утверждения (например, «Я чувствовала, что мне не на что надеяться») в зависимости от того, насколько часто были подобные состояния в течение прошедшей недели: от 0 («никогда») до 3 («почти всегда»).
4. Опросник «Профиль установок по отношению к смерти – переработанный» (The Death Attitude Profile Revised, DAP-R) (Wong, Reker & Gesser, 1994) в адаптации Т.А. Гавриловой (Гаврилова, 2011) измеряет убеждения людей, касающиеся смерти, по пяти шкалам: страх смерти, избегание темы смерти, нейтральное принятие, приближающее принятие и избавляющее принятие. Утверждения (например, «Знание о том, что я когда-нибудь умру, вызывает у меня тревогу») необходимо оценить по шкале Ликерта от 1 («полностью не согласен») до 7 («полностью согласен»).
5. Опросник экзистенциальных обеспокоенностей Existential Concerns Questionnaire (ECQ) (van Bruggen et al., 2017) в адаптации (Smirnov & Makarova, 2023b) измеряет тревогу, спровоцированную одной из угроз человеческого

ОБЩАЯ ПСИХОЛОГИЯ

существования – смерти, бессмысленности и одиночества. Опросник состоит из 22 утверждений (например, «Я переживаю о том, что не живу той жизнью, которой мог бы жить»), которые оцениваются по шкале Ликерта от 1 («абсолютно нет») до 7 («абсолютно да»).

6. Опросник смысла жизни Meaning in Life Questionnaire (MLQ) (Steger et al., 2006) в адаптации (Smirnov & Makarova, 2023c) состоит из 10 вопросов, посвященных смыслу жизни (например, «Я хорошо понимаю, что делает мою жизнь осмысленной»), оцениваемых в формате шкалы Ликерта от 1 («абсолютно нет») до 7 («абсолютно да»).

7. Шкала экзистенциальной изоляции (Pinel et al., 2017) в адаптации (Smirnov & Makarova, 2023d) состоит из шести вопросов, каждый из которых оценивается по шкале стенов со сдвигом влево (значения – последовательные целые числа от 0 до 9), где минимальному значению соответствует несогласие с утверждением, а максимальному – согласие (например, «Другие люди обычно не понимают мои переживания»).

Гипотезы исследования

Мы предполагаем, что шкала EQ будет обладать контентной валидностью и внутренней надежностью, положительно коррелировать с фактором поиска в опроснике смысла в жизни, общей экзистенциальной тревогой и нейротизмом, а также негативно коррелировать с фактором наличия смысла жизни в настоящем моменте. Мы не ожидаем найти значимых корреляций с экстраверсией и экзистенциальной изоляцией.

Наши гипотезы основаны на описании конструкта в оригинальной статье Ван Пахтербеке и др. (Van Pachterbeke, Keller & Saroglou, 2012). Авторы утверждают, что открытость к изменениям (отражающая признание того, что человек может менять свои позиции и взгляды с течением времени) не означает, что люди вообще не придерживаются никаких убеждений. Также они исходят из того, что сильная ориентация на EQ не эквивалентна склонности избегать определенности, поскольку гибкость экзистенциальных установок исходит из потребности человека обеспечивать последовательность, смысл и порядок. Вместе с тем люди, способные подвергать сомнению и изменять собственные экзистенциальные установки, обладают определенной любознательностью и заинтересованностью в изучении альтернативных способов создания смысла. Под экзистенциальной тревогой подразумевается страх, спровоцированный одной из угроз для человеческого существования – смерти, бессмысленности и фундаментального одиночества (van Bruggen et al., 2017). Экзистенциальная тревога может побуждать к EQ, который не обязательно влечет за собой экзистенциальное одиночество (изоляция) или экстраверсию. EQ может привести к чувству общности с другими, поскольку люди обнаруживают, что разделяют общие экзистенциальные проблемы. Это чувство общности может противодействовать экзистенциальному одиночеству.

Анализ данных

Для анализа данных использовался Jupyter Notebook, написанный на Python, использующий следующие пакеты: NumPy (Harris et al., 2020), SciPy (Virtanen et al., 2020), pandas (The pandas development team, 2023), pingouin (Vallat, 2018), reliability (Fernández, 2022), factor_analyzer. Блокнот доступен по свободной лицензии MIT на веб-сервисе GitHub.

Анализ проводился в несколько этапов. Прежде всего мы исключили все ответы, подпадающие под любой из следующих критериев: (а) существует хотя бы один неотвеченный обязательный вопрос, (б) затраченное время составляет менее пяти минут, (в) разность между ответами на повторные вопросы и оригиналами по модулю не превышает число таких дубликатов. Для оценки внутренней согласованности были рассчитаны коэффициент корреляции Пирсона r для каждого вопроса, альфа Кронбаха α и омега Макдональда ω . Для коэффициентов корреляции мы ожидаем высокие, но не слишком высокие значения: $0,3 \leq r \leq 0,7$ (Kline, 1986; Streiner, Norman & Cairney, 2015). Также для них были приняты следующие пороговые значения: 0,2 (слабая корреляция), 0,4 (умеренная корреляция), 0,7 (высокая корреляция) (Dancey & Reidy, 2011). Для ретестовой надежности достаточным значением считается 0,7 (Akoglu, 2018).

Результаты

Первый этап

Первоначально шкала была переведена на русский язык. Трое экспертов, включая двух авторов настоящей статьи, имеющих либо сертификат, подтверждающий свободное владение английским языком, либо соответствующее образование, независимо друг от друга перевели оригинальные вопросы. Обсудив различия в переводах, эксперты согласовали один вариант. Затем русскоязычный текст был отправлен переводчику, имеющему сертификат члена Institute of Translation and Interpreting (ITI, номер 11982). Переводчик выполнил перевод с русского на английский. Различия между оригинальными вопросами и их переводами обсуждались экспертами и переводчиком, после чего были внесены необходимые изменения в русскоязычный версией. Всего было выполнено три итерации корректировок.

Следующим шагом была оценка контентной валидности переведенных вопросов. Были опрошены 16 экспертов в области психологии личности, имеющих знания в экзистенциальной психологии и степень магистра психологии или выше. Выборка не являлась случайной: респонденты были выбраны путем рассылки e-mail-сообщений сотрудникам Санкт-Петербургского государственного университета. Следуя методу, предложенному Б. Нево (Nevo, 1985), мы попросили участников оценить, насколько каждый из вопросов соответствует измеряемому конструкту по шкале от

ОБЩАЯ ПСИХОЛОГИЯ

1 до 5, где: 1 – «не связан вообще», 2 – «слабо соответствует», 3 – «соответствует адекватно», 4 – «хорошо соответствует», 5 – «идеально соответствует». Затем оценки были усреднены по каждому вопросу. Мы считали вопрос валидным, если средняя оценка экспертов была равна или превышала 3,0 (Nevo, 1985). Результаты представлены в таблице 1.

Таблица 1

Средние значения оценки контентной валидности шкалы экзистенциального поиска, выполненной экспертами (по шкале от 1 до 5)

№ вопроса	Среднее значение оценки контентной валидности шкалы
1	3,9
2	3,7
3	3,7
4	3,8
5	3,3
6	2,5
7	3
8	3,2
9	3,7

Примечание. Полужирным шрифтом выделено низкое значение уровня контентной валидности.

Из таблицы 1 следует, что все вопросы, кроме шестого, имели достаточный уровень контентной валидности. Шестой вопрос («Мое мнение различается по многим вопросам», английская версия – «My opinion varies on a lot of subjects») имеет средний балл 2,5. Действительно, подобная формулировка является достаточно неопределенной, не указывая напрямую, о каких вопросах идет речь. При

заполнении опросника в контексте экзистенциального поиска респондент может правильно понять вопрос, однако сомнения экспертов были обоснованы. В связи с этим в рамках дальнейшего анализа было необходимо проверить вклад этого вопроса в общий балл по шкале и, возможно, переформулировать его или исключить.

Второй этап

Из полученных 177 ответов были удалены восемь ответов, подпадающих под критерии исключения. Среднее значение составило 43 ± 1 . Альфа Кронбаха $\alpha = 0,81$, а омега Макдональда $\omega_t = 0,85$ и $\omega_h = 0,65$. Существенные различия между последними коэффициентами указывают на то, что шкала может содержать несколько факторов, поэтому требуется эксплораторный факторный анализ (Dunn, Baguley & Brunnsden, 2014; Trizano-Hermosilla et al., 2021).

При ретесте учитывались ответы 71 респондента, параметры ответов которых соответствуют указанным в разделе «Процедуры и инструменты» требованиям; ответы респондентов можно было однозначно идентифицировать по добровольно предоставленным уникальным идентификаторам. В среднем, между тестом и ретестом прошло три недели. Согласно полученным результатам, шкала имеет высокие показатели по ретестовой надежности ($r = 0,83$, $p \ll 0,001$).

Коэффициенты item-total корреляции для каждого вопроса представлены в таблице 2 (вторая строка). Из ее анализа следует, что все вопросы вносят ожидаемый вклад в общий балл по шкале. Вопрос 5 имеет слишком высокую корреляцию с общим баллом, что может свидетельствовать о его избыточности, поэтому данное утверждение необходимо перепроверить на следующем этапе. Вопрос 6, обладающий низкой контентной валидностью, на удивление имел высокое значение коэффициента корреляции $r = 0,63$ ($p < 0,05$). Таким образом, его присутствие в шкале на данном этапе не является излишним. Шкала получила высокие показатели по ретестовой надежности ($r = 0,83$, $p \ll 0,001$).

Учитывая полученные значения, было решено проверить наличие факторной структуры. Результаты эксплораторного факторного анализа показывают его достаточную надежность: тест Бартлетта 325,41, $p \ll 0,001$, а коэффициент КМО = 0,73. Так как авторы шкалы не указали теоретических предпосылок для факторов и в силу особенностей выборки и распределения, использовался метод минимальных факторных остатков и вращение varimax для поиска ортогональных факторов, однако следует отметить, что результаты, полученные при других параметрах (методы максимального правдоподобия и главных компонент, вращение oblimin) существенно не отличаются. Шкала имеет три фактора с собственными значениями выше единицы ($p < 0,05$). Суммарный вклад факторов составляет 0,44. Факторный анализ показал следующую структуру:

- Фактор 1: вопросы 3, 4, 5
- Фактор 2: вопросы 2, 9
- Фактор 3: вопросы 1, 6, 7, 8

ОБЩАЯ ПСИХОЛОГИЯ

В силу ограниченности выборки на этом этапе подробный анализ будет проведен на следующем этапе. Как и ожидалось, шкала экзистенциального поиска положительно коррелирует ($p < 0,05$) с шкалой экзистенциальной тревоги ($r = 0,29$) и нейротизмом ($r = 0,30$), отрицательно коррелирует с фактором наличия сейчас смысла в жизни ($r = -0,29$) и не коррелирует ($p > 0,05$) с экстраверсией ($r = -0,16$) и тревогой ($r = 0,19$). Однако неожиданным оказалось присутствие ($p < 0,05$) слабой корреляции между EQ и экзистенциальной изоляцией ($r = 0,21$) и крайне неожиданным – отсутствие корреляции ($p < 0,05$) с фактором поиска смысла в жизни ($r = 0,17$).

Третий этап

В результате проверки условий исключения было удалено 35 ответов. Средний балл равен 41 ± 1 . Альфа Кронбаха составила $\alpha = 0,80$, омега Макдональда $\omega_t = 0,83$ и $\omega_h = 0,63$. Эти результаты соответствуют полученным на предыдущем этапе значениям, что ещё раз может указывать на наличие нескольких факторов в шкале.

Коэффициенты item-total корреляции представлены в таблице 2 (третья строка). В данном случае все вопросы находятся в необходимых границах. Пятый вопрос все еще имеет высокое значение item-total корреляции ($r = 0,67$), однако оно не превышает максимально допустимого значения. Шестой вопрос, контентная валидность которого была поставлена под сомнение на первом этапе исследования, показывает среднюю корреляцию с общим баллом ($r = 0,49$), что свидетельствует, скорее, о целесообразности решения оставить его в шкале. При исключении этого вопроса из выборки значение альфы Кронбаха составляет $\alpha = 0,79$.

Таблица 2

Корреляции между вопросами шкалы экзистенциального поиска и общим баллом по шкале

№	1	2	3	4	5	6	7	8	9
2	0,53	0,64	0,63	0,55	0,71	0,63	0,44	0,35	0,62
3	0,54	0,64	0,51	0,57	0,67	0,49	0,33	0,53	0,65

Примечание. Первая строка (№) – номер вопроса шкалы, вторая строка (2) – результаты второго этапа исследования, третья (3) – результаты третьего этапа. Полужирным шрифтом выделены сильные корреляции.

Эксплораторный факторный анализ (тест Бартлетта 720,94, $p \ll 0,001$, КМО = 0,77), как и на предыдущем этапе, показал наличие трех факторов ($p \ll 0,001$), однако их суммарный вклад составил меньшее значение (0,37) и показал иную факторную структуру:

- Фактор 1: вопросы 3, 4, 5, 6, 8
- Фактор 2: вопросы 2, 9
- Фактор 3: вопросы 1, 7

Сравнение факторной структуры этого этапа с результатами, полученными на втором этапе, демонстрирует, что второй фактор не изменился, а вот вопросы 6 и 8 перешли из третьего фактора в первый. Это может свидетельствовать о сходстве между ними.

Матрица корреляций представлена в таблице 3. Как и на предыдущем этапе, шкала экзистенциального поиска положительно коррелирует ($p < 0,05$) с шкалой экзистенциальной тревоги ($r = 0,31$), отрицательно коррелирует с фактором наличия сейчас смысла в жизни ($r = -0,26$), не коррелирует ($p > 0,05$) со смыслом жизни в целом ($r = 0,04$). Однако, как и ожидалось, в этом исследовании отсутствует корреляция ($p > 0,05$) с экзистенциальной изоляцией ($r = -0,01$) и имеется ($p < 0,05$) положительная корреляция с фактором поиска смысла жизни ($r = 0,37$). Следует отметить, что наибольший вклад в корреляцию с экзистенциальными тревогами вносит фактор общей экзистенциальной тревоги в ECQ ($r = 0,36$), в то время как оставшиеся два фактора, уклонения и страха смерти, воздействуют слабее.

Таблица 3

Матрица корреляций между шкалами экзистенциального поиска и другими шкалами на третьем этапе

	EQ	MLQ	MLQ P	MLQ S	EIS	ECQ	ECQ GA
EQ		0,04	-0,26*	0,32*	-0,01	0,31*	0,36*
MLQ	0,04		0,74***	0,73***	-0,21*	-0,14	-0,06
MLQ P	-0,26*	0,74***		0,08	-0,21*	-0,46**	-0,45**
MLQ S	0,32*	0,73***	0,08		-0,10	0,26*	0,36*
EIS	-0,01	-0,21*	-0,21*	-0,10		0,15	0,14
ECQ	0,31*	-0,14	-0,46**	0,26*	0,15		0,94***
ECQ GA	0,36*	-0,06	-0,45**	0,36*	0,14	0,94***	

Примечание. * $p \leq 0,05$; ** $p < 0,01$; *** $p < 0,001$. EQ – Existential Quest, MLQ – Meaning in Life Questionnaire, MLQ P – MLQ Presence, MLQ S – MLQ Search, EIS – Existential Isolation Scale, ECQ – Existential Concerns Questionnaire, ECQ GA – ECQ General Anxiety

Обсуждение результатов

Результаты адаптации шкалы экзистенциального поиска выглядят несколько противоречивыми. С одной стороны, базовые психометрические показатели надежности и валидности в целом соответствуют ожиданиям. Вклад шестого вопроса, контентная валидность которого ставилась под сомнение на первом этапе исследования, в общий балл по шкале является нормальным и средним по значению. Большинство ожидаемых корреляций были получены с высокой значимостью. Отсутствие на втором этапе важной корреляции с поиском смысла жизни может объясняться особенностями выборки: участниками были студенты, чей средний возраст составил 21 год. Для подобной выборки не особо характерно задаваться экзистенциальными вопросами (Гришина, 2018). Кроме того, на 2 и 3 этапах исследования выборка характеризуется существенным гендерным дисбалансом с преобладанием женщин (более 80%), хотя статистически значимых отклонений в суб-выборках между мужчинами и женщинами в контексте корреляций не найдено.

Однако, с другой стороны, эксплораторный факторный анализ на 2 и 3 этапах исследования показал наличие нескольких факторов у шкалы. Это может быть связано с тем, что шкала содержит концептуально различные конструкторы. Косвенно на это указывали и значения омега Макдональда.

Из таблицы 3 следует, что первый и седьмой вопросы дают наибольший вклад в третий фактор: «Сегодня я всё ещё задаюсь вопросом о смысле жизни» и «Я очень хорошо знаю свою цель в жизни». Оба вопроса связаны со смыслом жизни и фактически дублируют аналогичные вопросы из опросника смысла в жизни MLQ. Таким образом, третий фактор можно было бы назвать «знанием собственного смысла в жизни». Однако если эти вопросы выделить в отдельный фактор и оценить его корреляцию с MLQ, то она не будет высокой ($r = -0,20$, $r = 0,39$ для MLQ и фактора поиска смысла в жизни соответственно).

Таблица 4

Вклад каждого вопроса в факторы F1–F3 для шкалы экзистенциального поиска

№	Вопрос	F1	F2	F3
1	Сегодня я всё ещё задаюсь вопросом о смысле жизни	0,15	0,23	0,45
2	Мое отношение к религии/духовности, скорее всего, изменится в соответствии с моим жизненным опытом	0,15	0,76	0,10
3	Способность сомневаться в убеждениях и пересматривать их – это хорошее качество	0,76	0,03	0,01

№	Вопрос	F1	F2	F3
4	Мне кажется, что сомнение является важным в экзистенциальных вопросах	0,54	0,20	0,18
5	Мой взгляд на мир обязательно изменится снова	0,51	0,42	0,06
6	Мое мнение различается по многим вопросам	0,31	0,16	0,24
7	Я очень хорошо знаю свою цель в жизни	-0,02	-0,00	0,39
8	Годы идут, но мой взгляд на мир не меняется	0,42	0,31	-0,10
9	Я часто пересматриваю свои религиозные/ духовные убеждения	0,22	0,60	0,21

Примечание. Все значения, превышающие пороговое (0,3), выделены полужирным шрифтом.

Второй фактор состоит из вопросов 2, 9 и, возможно, 5 и 8. Первая группа вопросов эксплицитно относится к теме религии и духовности, поэтому если ограничиться только ей, то можно было бы назвать второй фактор «отношением к духовности». Пятый и восьмой вопросы связаны общей темой изменения (или неизменности) взгляда на мир в целом. Более того, похожими по теме являются третий и шестой вопросы, поскольку они также связаны с убеждениями относительно общих вопросов и мира в целом. Однако отношение к миру, изменениям и духовности все же являются различными конструктами.

Итак, разделение шкалы на отдельные факторы возможно, но они будут содержать всего по несколько вопросов. Более того, сами формулировки вопросов фокусируются не на конкретных конструктах, а на их поиске и (предполагаемых) изменениях личности, что и представляет собой основу экзистенциального поиска. Этот конструкт имеет несколько граней, связанных с отношением и к религии или духовности, и к смыслу жизни, и к открытости к изменениям. Таким образом, мы считаем, что однофакторная структура шкалы экзистенциального поиска является более правдоподобной, нежели многомерная, основываясь на следующих результатах и аргументах:

(1) различия между значениями общей и иерархической омегами Макдональда присутствуют, но недостаточно высоки для того, чтобы явно свидетельствовать о существовании иного фактора, помимо основного;

ОБЩАЯ ПСИХОЛОГИЯ

(2) отсутствует чётко определённая факторная структура на разных выборках – вопросы «переходят» из одного фактора в другой во втором и третьем этапах исследования;

(3) контентный и критический анализы показывают, что более правдоподобным объяснением статистически значимой группировки вопросов является существование общих контекстов, таких как духовность и смысл жизни, непосредственно связанных с экзистенциальным поиском.

По этой же причине мы не считаем необходимым исключать седьмой вопрос из опросника, как это было сделано на итальянской выборке (Rizzo et al., 2019). Статистические показатели соответствуют заданным пределам. Содержательный анализ этого вопроса указывает на его связь с конструктом смысла жизни, который, в свою очередь, связан с экзистенциальным поиском, поэтому (и по результатам первого этапа) этот вопрос обладает контентной валидностью.

Разработка и валидизация шкалы экзистенциального поиска подтвердила концепцию экзистенциального поиска как измеряемого психологического конструкта (Van Pachterbeke, Keller & Saroglou, 2012). Использование шкалы в дальнейших исследованиях даст представление о факторах, которые влияют на экзистенциальный поиск, такие как возраст, гендер, жизненные события, убеждения и личностные черты (например, как в исследовании Saroglou et al., 2020). Шкала может быть использована для изучения роли экзистенциального поиска в общем психологическом благополучии, психическом здоровье и качестве жизни современной личности. С практической точки зрения применение шкалы экзистенциального поиска позволит провести безопасную психодиагностику, результаты которой дополнят работу экзистенциально-ориентированного подхода в отношении намеченных терапевтических целей, отслеживания динамики консультационного процесса, повышении осведомленности клиента (например, как в исследовании Arrowood, Vail & Cox, 2021).

Люди, открытые к экзистенциальному поиску, активно ищут смысл в своей жизни, при этом теряя смысл в настоящем, имеют более высокий уровень тревоги, в том числе, экзистенциальной тревоги. Они чуть более склонны к депрессии и более подвержены стрессу. При этом никаких отличий в социальном контексте (через экстраверсию или одиночество) не обнаружено. Возможно, для конструирования трехмерной шкалы, соответствующей исходным теоретическим положениям, следует разработать новый опросник экзистенциального поиска для русскоязычной выборки или расширить оригинальный, что может приравняться к созданию нового инструмента.

Заключение

Проведенное исследование показывает, что адаптированная шкала экзистенциального поиска является внутренне надежной и обладает контентной и

конструктивной валидностью. Большинство ожидаемых корреляций были получены с высокой значимостью. В частности, конструктивная валидность: шкала положительно коррелирует со шкалой экзистенциальной тревоги, причем наибольший вклад вносит фактор общей экзистенциальной тревоги, в то время как оставшиеся два – уклонения и страха смерти, воздействуют слабее. Шкала не коррелирует со смыслом жизни в целом, отрицательно коррелирует с фактором наличия сейчас смысла в жизни и положительно коррелирует с фактором поиска смысла жизни. Кроме того, отсутствует корреляция с экзистенциальной изоляцией. На третьем этапе выборка была более репрезентативной (хоть и не полностью случайной), что повышает вероятность того, что результаты исследования могут быть обобщены на генеральную совокупность, что обеспечивает внешнюю валидность исследования.

Для русскоязычной выборки все вопросы являются значимыми, в отличие от итальянской выборки, для которой седьмой вопрос был исключен. Рассматриваемая шкала измеряет разные грани экзистенциального поиска, связанные с отношением к смыслу жизни, духовности и изменениями в мировоззрении (полный текст шкалы см. в Приложении). По этой причине формально возможно выделение отдельных факторов, однако статистический и критический анализы показывают, что это нецелесообразно.

Данные

Дизайн исследования и гипотезы (кроме экспертной части) были предварительно зарегистрированы на веб-сайте Open Science Framework. Все упоминаемые документы, а также «сырые» данные доступны по адресу <https://osf.io/bjafd>

Ограничения

Настоящее исследование имеет следующие ограничения:

1. Выборка на первом этапе не является случайной.
2. Выборка на втором этапе не является репрезентативной: участниками являлись только студенты и только Санкт-Петербургского государственного университета, факультета психологии.
3. Выборка на третьем этапе не является полностью случайной: респонденты набирались в социальных сетях путем размещения объявлений, однако группы для размещения выбирались субъективно авторами настоящей статьи через каталоги и иные источники.

Литература

- Асмус, В. Ф. (1999). *Античная философия*. Высшая школа.
- Гаврилова, Т. А. (2011). Об адаптации опросника "профиль аттитюдов по отношению к смерти — переработанный" (DAP-r), разработанного П. Т. П. Вонгом, Г. Т. Рикером и Дж. Гессер. *Теоретическая и экспериментальная психология*, 4(1), 46–57.

ОБЩАЯ ПСИХОЛОГИЯ

- Гришина, Н. В. (2018). *Экзистенциальная психология*. Издательство СПбГУ.
- Золотарева, А. А. (2020). Систематический обзор психометрических свойств шкалы депрессии, тревоги и стресса (DASS-21). *Обозрение психиатрии и медицинской психологии имени ВМ Бехтерева*, (2), 26–37. <https://doi.org/10.31363/2313-7053-2020-2-26-37>
- Ишмухаметов, И. Н. (2006). Психометрические характеристики шкалы одиночества UCLA (версия 3): Изучение студентов ВУЗа. *Computer Modelling and New Technologies*, 10(3), 89–95.
- Леонтьев, Д. А. (2007). *Восхождение к экзистенциальному миропониманию*. В: *Третья Всероссийская научно-практическая конференция по экзистенциальной психологии: Материалы сообщений*. Д. А. Леонтьев (ред.). Смысл.
- Орел, В. Е., Сенин, И. Г. (2008). *Личностные опросники NEO PI-R и NEO-FFI: руководство по применению*. НПЦ «Психодиагностика».
- Титов, Р. С. (2013). Концепция индивидуальной религиозности Г. Олпорта: понятие религиозных ориентаций. *Культурно-историческая психология*, 9(1), 2–12.
- Ялом, И. (1999). *Экзистенциальная психотерапия*. Пер. с англ. Т.С. Драбкиной. Класс.
- Akoglu, H. (2018) User's Guide to Correlation Coefficients. *Turkish Journal of Emergency Medicine*, 18, 91–93. <https://doi.org/10.1016/j.tjem.2018.08.001>
- Allport, G. W. (1950). *The individual and his religion: a psychological interpretation*. Macmillan.
- Allport, G. W. (1966). The religious context of prejudice. *Journal for the Scientific Study of Religion*, 5(3), 448–451. <https://doi.org/10.2307/1384172>
- Allport, G. W., & Ross, J. M. (1967). Personal religious orientation and prejudice. *Journal of Personality and Social Psychology*, 5(4), 432–443. <https://doi.org/10.1037/h0021212>
- Altemeyer, B. (1996). *The authoritarian specter*. Harvard University Press.
- Arrowood, R. B., Vail, K. E., & Cox, C. R. (2021). The Existential Quest: Doubt, Openness, and the Exploration of Religious Uncertainty. *The International Journal for the Psychology of Religion*, 32(2), 89–126. <https://doi.org/10.1080/10508619.2021.1902647>
- Batson, C. D. (1976). Religion as prosocial: Agent or double agent? *Journal for the Scientific Study of Religion*, 15(1), 29–45. <https://doi.org/10.2307/1384312>
- Batson, C. D., & Raynor-Prince, L. (1983). Religious orientation and complexity of thought about existential concerns. *Journal for the Scientific Study of Religion*, 22(1), 38–50. <https://doi.org/10.2307/1385590>
- Batson, C. D., & Schoenrade, P. A. (1991). Measuring religion as Quest: I. Validity concerns. *Journal for the Scientific Study of Religion*, 30(4), 416–429. <https://doi.org/10.2307/1387277>
- Batson, C. D., Flink, C. H., Schoenrade, P. A., Fultz, J., & Pych, V. (1986). Religious orientation and overt versus covert racial prejudice. *Journal of Personality and Social Psychology*, 50(1), 175–181. <https://doi.org/10.1037/0022-3514.50.1.175>
- Beck, R., & Jessup, R. K. (2004). The multidimensional nature of quest motivation. *Journal of Psychology and Theology*, 32(4), 283–294. <https://doi.org/10.1177/009164710403200401>
- Costa, P. T., Jr., & McCrae, R. R. (2008). *The Revised NEO Personality Inventory (NEO-PI-R)*. In G. J. Boyle, G. Matthews, & D. H. Saklofske (Eds.). *The SAGE handbook of personality theory and assessment, Vol. 2. Personality measurement and testing*. Sage Publications, Inc. <https://doi.org/10.4135/9781849200479.n9>
- Dancey, C. P., & Reidy, J. (2011). *Statistics without Maths for Psychology*. Pearson Education Limited.
- Darley, J. M., & Batson, C. D. (1973). "From Jerusalem to Jericho": A study of situational and dispositional variables in helping behavior. *Journal of Personality and Social Psychology*, 27(1), 100–108. <https://doi.org/10.1037/h0034449>
- Dunn, T. J., Baguley, T., & Brunnsden, V. (2014). From Alpha to Omega: A Practical Solution to the Pervasive Problem of Internal Consistency Estimation. *British Journal of Psychology*, 105, 399–412. <https://doi.org/10.1111/bjop.12046>

- Fernández, R. V. (2022). *reliabiliPy: Measures of survey domain reliability in Python with explanations and examples. Cronbach's Alpha and Omegas. (Version v0.0.0)* [Computer software]. Zenodo. <https://doi.org/10.5281/ZENODO.5830894>
- Funke, F. (2005). The Dimensionality of Right-Wing Authoritarianism: Lessons from the Dilemma between Theory and Measurement. *Political Psychology*, 26(2), 195–218. <https://doi.org/10.1111/j.1467-9221.2005.00415.x>
- Harris, C.R., Millman, K.J., van der Walt, S.J. et al. (2020). Array programming with NumPy. *Nature*, 585, 357–362. <https://doi.org/10.1038/s41586-020-2649-2>
- Hood, R. W., Morris, R. J., & Watson, P. J. (1990). Quasi-experimental elicitation of the differential report of religious experience among intrinsic and indiscriminately pro-religious types. *Journal for the Scientific Study of Religion*, 29(2), 164–172. <https://doi.org/10.2307/1387425>
- Hughes, J. L., Camden, A. A., & Yangchen, T. (2016). Rethinking and updating demographic questions: Guidance to improve descriptions of research samples [Editorial]. *Psi Chi Journal of Psychological Research*, 21(3), 138–151.
- Keyes, C. L. M. (2002). The mental health continuum: From languishing to flourishing in life. *Journal of Health and Social Behavior*, 43(2), 207–222. <https://doi.org/10.2307/3090197>
- Kline, P. (1986). *A handbook of test construction: Introduction to psychometric design*. Methuen.
- Lovibond, P. F., & Lovibond, S. H. (1995). The structure of negative emotional states: Comparison of the Depression Anxiety Stress Scales (DASS) with the Beck Depression and Anxiety Inventories. *Behaviour Research and Therapy*, 33(3), 335–343. [https://doi.org/10.1016/0005-7967\(94\)00075-U](https://doi.org/10.1016/0005-7967(94)00075-U)
- Maslow, A. (1962). *Toward a psychology of being*. D Van Nostrand. <https://doi.org/10.1037/10793-000>
- McAdams, D. P., Diamond, A., de St. Aubin, E., & Mansfield, E. (1997). Stories of commitment: The psychosocial construction of generative lives. *Journal of Personality and Social Psychology*, 72(3), 678–694. <https://doi.org/10.1037/0022-3514.72.3.678>
- Nevo, B. (1985). Face validity revisited. *Journal of Educational Measurement*, 22(4), 287–293. <https://doi.org/10.1111/j.1745-3984.1985.tb01065.x>
- The pandas development team. (2023). *pandas-dev/pandas: Pandas (v2.2.0rc0)*. Zenodo. <https://doi.org/10.5281/zenodo.10426137>
- Petrillo, G., Capone, V., Caso, D., & Keyes, C. L. M. (2015). The Mental Health Continuum–Short Form (MHC–SF) as a measure of well-being in the Italian context. *Social Indicators Research*, 121(1), 291–312. <https://doi.org/10.1007/s11205-014-0629-3>
- Pinel, E. C., Long, A. E., Murdoch, E. Q., & Helm, P. (2017). A prisoner of one's own mind: Identifying and understanding existential isolation. *Personality and Individual Differences*, 105, 54–63. <https://doi.org/10.1016/j.paid.2016.09.024>
- Reischer, H. N., Roth, L. J., Villarreal, J. A., & McAdams, D. P. (2021). Self-transcendence and life stories of humanistic growth among late-midlife adults. *Journal of Personality*, 89(2), 305–324. <https://doi.org/10.1111/jopy.12583>
- Rizzo, M., Testa, S., Gattino, S., & Miglietta, A. (2019). Flexibility in Existential Beliefs and Worldview: Testing Measurement Invariance and Factorial Structure of the Existential Quest Scale in an Italian Sample of Adults. *Frontiers in psychology*, 10, 2134. <https://doi.org/10.3389/fpsyg.2019.02134>
- Roets, A., & Van Hiel, A. (2011). Item selection and validation of a brief, 15-item version of the Need for Closure Scale. *Personality and Individual Differences*, 50(1), 90–94. <https://doi.org/10.1016/j.paid.2010.09.004>
- Russell, D. W. (1996). UCLA Loneliness Scale (Version 3): Reliability, validity, and factor structure. *Journal of Personality Assessment*, 66(1), 20–40. https://doi.org/10.1207/s15327752jpa6601_2

- Sapp, G.L., & Jones, L.C. (1986). Religious Orientation and Moral Judgment. *Journal for the Scientific Study of Religion*, 25, 208.
- Saroglou, V., Clobert, M., Cohen, A. B., Johnson, K. A., Ladd, K. L., Van Pachterbeke, M., Adamovova, L., Blogowska, J., Brandt, P.-Y., Çukur, C. S., Hwang, K.-K., Miglietta, A., Motti-Stefanidi, F., Muñoz-García, A., Murken, S., Roussiau, N., & Tapia Valladares, J. (2020). Believing, Bonding, Behaving, and Belonging: The Cognitive, Emotional, Moral, and Social Dimensions of Religiousness across Cultures. *Journal of Cross-Cultural Psychology*, 51(7-8), 551–575. <https://doi.org/10.1177/0022022120946488>
- Smirnov, E., & Makarova, M. (2023a, April 18). *Adaptation of the Existential Quest Scale to the Russian Sample*. <https://doi.org/10.17605/OSF.IO/BJAFD>
- Smirnov, E., & Makarova, M. (2023b, April 17). *Adaptation of the Existential Concerns Questionnaire to the Russian Sample*. <https://doi.org/10.17605/OSF.IO/PRX9J>
- Smirnov, E., & Makarova, M. (2023c, April 17). *Adaptation of the Meaning in Life Questionnaire to the Russian Sample*. <https://doi.org/10.17605/OSF.IO/J5GAM>
- Smirnov, E., & Makarova, M. (2023, April 14). *Adaptation of the Existential Isolation Scale to the Russian Sample*. <https://doi.org/10.17605/OSF.IO/6HGFD>
- Steger, M. F., Frazier, P., Oishi, S., & Kaler, M. (2006). The meaning in life questionnaire: Assessing the presence of and search for meaning in life. *Journal of Counseling Psychology*, 53(1), 80–93. <https://doi.org/10.1037/0022-0167.53.1.80>
- Streiner, D. L., Norman, G. R., & Cairney, J. (2015). *Health measurement scales: A practical guide to their development and use (5th ed.)*. Oxford University Press. <https://doi.org/10.1093/med/9780199685219.001.0001>
- Trimble, D. E. (1997). The Religious Orientation Scale: Review and meta-analysis of social desirability effects. *Educational and Psychological Measurement*, 57(6), 970–986. <https://doi.org/10.1177/0013164497057006007>
- Trizano-Hermosilla, Í., Gálvez-Nieto, J.L., Alvarado, J.M., Saiz, J.L., & Salvo-Garrido, S. (2021). Reliability Estimation in Multidimensional Scales: Comparing the Bias of Six Estimators in Measures With a Bifactor Structure. *Frontiers in Psychology*, 12. <https://doi.org/10.3389/fpsyg.2021.508287>
- Vallat, (2018). Pingouin: statistics in Python. *Journal of Open Source Software*, 3(31), 1026. <https://doi.org/10.21105/joss.01026>
- van Bruggen, V., Ten Klooster, P., Westerhof, G., Vos, J., de Kleine, E., Bohlmeijer, E., & Glas, G. (2017). The Existential Concerns Questionnaire (ECQ)-Development and Initial Validation of a New Existential Anxiety Scale in a Nonclinical and Clinical Sample. *Journal of clinical psychology*, 73(12), 1692–1703. <https://doi.org/10.1002/jclp.22474>
- van Bruggen, V., Vos, J., Westerhof, G., Bohlmeijer, E., & Glas, G. (2015). Systematic review of existential anxiety instruments. *Journal of Humanistic Psychology*, 55(2), 173–201. <https://doi.org/10.1177/0022167814542048>
- Van Pachterbeke, M., Keller, J., & Saroglou, V. (2012). Flexibility in existential beliefs and worldviews: Introducing and measuring existential quest. *Journal of Individual Differences*, 33(1), 2–16. <https://doi.org/10.1027/1614-0001/a000056>
- Virtanen, P., Gommers, R., Oliphant, T.E. et al. (2020). SciPy 1.0: fundamental algorithms for scientific computing in Python. *Nature Methods*, 17, 261–272. <https://doi.org/10.1038/s41592-019-0686-2>
- Webster, D. M., & Kruglanski, A. W. (1994). Individual differences in need for cognitive closure. *Journal of Personality and Social Psychology*, 67(6), 1049–1062. <https://doi.org/10.1037/0022-3514.67.6.1049>
- Wong, P.T.P., Reker, G.T., & Gesser, G. (1994). *Death Attitude Profile—Revised: A multidimensional measure of attitudes toward death*. In R. A. Neimeyer (Ed.). *Death anxiety handbook: Research, instrumentation, and application* (pp. 121–148). Taylor & Francis.

Приложение

Шкала экзистенциального поиска

1. Сегодня я всё ещё задаюсь вопросом о смысле жизни.
2. Моё отношение к религии/духовности, скорее всего, изменится в соответствии с моим жизненным опытом.
3. Способность сомневаться в убеждениях и пересматривать их – это хорошее качество.
4. Мне кажется, что сомнение является важным в экзистенциальных вопросах.
5. Мой взгляд на мир обязательно изменится снова.
6. Моё мнение различается по многим вопросам.
7. Я очень хорошо знаю свою цель в жизни.
8. Годы идут, но мой взгляд на мир не меняется.
9. Я часто пересматриваю свои религиозные/духовные убеждения.

Респондент указывает степень своего согласия или несогласия с утверждениями при помощи шкалы от 1 до 7 баллов: 1 – «абсолютно нет»; 2 – «в основном нет»; 3 – «скорее, нет»; 4 – «ни да, ни нет»; 5 – «скорее, да»; 6 – «в основном да»; 7 – «абсолютно да».

Шкала содержит 2 обратных вопроса: № 7 и № 8.

Средние значения выраженности экзистенциального поиска по результатам адаптации шкалы на русскоязычной выборке: от 9 до 40 баллов – низкий уровень выраженности экзистенциального поиска; от 40 до 42 балла – средний уровень выраженности экзистенциального поиска; 42–63 балла – высокий уровень выраженности экзистенциального поиска.

Поступила в редакцию: 17.10.2023

Поступила после рецензирования: 12.12.2024

Принята к публикации: 28.01.2025

Заявленный вклад авторов

Евгений Александрович Смирнов – разработка методического инструментария исследования, проведение статистического анализа, анализ и интерпретация данных, подготовка и редактирование текста статьи.

Мария Владимировна Макарова – сбор данных, подготовка литературного обзора, написание вводной части текста статьи, техническое оформление текста статьи.

Светлана Николаевна Костромина – разработка теоретической концепции и

ОБЩАЯ ПСИХОЛОГИЯ

исследовательской методологии, анализ и интерпретация данных, подготовка и редактирование текста статьи.

Информация об авторах

Евгений Александрович Смирнов – кандидат физико-математических наук, магистр по психологии, магистр по философии, независимый исследователь, г. Барселона, Испания, ORCID ID: <https://orcid.org/0000-0001-8264-8668>, e-mail: smirik@gmail.com

Мария Владимировна Макарова – кандидат политических наук, магистр психологии, старший преподаватель кафедры психологии личности, Санкт-Петербургский государственный университет (ФГБОУ ВО СПбГУ), г. Санкт-Петербург, Российская Федерация; ORCID ID: <https://orcid.org/0000-0002-8279-0581>, e-mail: m.v.makarova@spbu.ru

Светлана Николаевна Костромина – доктор психологических наук, профессор, заведующая кафедрой психологии личности, Санкт-Петербургский государственный университет (ФГБОУ ВО СПбГУ), г. Санкт-Петербург, Российская Федерация; ORCID ID: <https://orcid.org/0000-0001-9508-2587>, e-mail: s.kostromina@spbu.ru

Информация о конфликте интересов

Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

Психическая саморегуляция и личностные изменения студентов

Яна Е. Виноградова^{*} , Валентина М. Бызова

Санкт-Петербургский Гуманитарный университет профсоюзов, Санкт-Петербург, Российская Федерация

^{*}Почта ответственного автора: yana.e.vinogradova@gmail.com

Аннотация

Введение. В статье представлены данные о понимании метакогнитивной включенности в управлении изменениями, необходимыми для саморазвития молодежи в период интенсивных изменений общества. Целью исследования является выявление показателей разных сфер психической саморегуляции и личностных изменений студентов. **Методы.** Участники исследования (130 студентов в возрасте 17–20 лет: 53 юноши и 77 девушек) обследованы по следующим методикам: «Метакогнитивная включенность в деятельность» (Е.И. Перикова, В.М. Бызова), «Эмоциональный интеллект» (Д.В. Люсин), «Стили саморегуляции» (В.И. Моросанова), «Стили самоизменений» (Т.Ю. Базаров, М.П. Сычева), «Потенциал самоизменений» (В.Р. Манукян, И.Р. Муртазина, Н.В. Гришина). **Результаты.** Основная роль метакогнитивной включенности заключается в содействии динамической взаимозависимости между фазами метакогнитивного знания, что и отражено в структуре психической регуляции девушек. Девушек отличает выраженность регуляторного процесса моделирование по сравнению с юношами. Выявлены значимые различия стилей реагирования на изменения у юношей и девушек. Девушек отличает выраженность консервативного стиля (установка на утверждение об изменениях), а юношей – выраженность инновационного стиля (установка на восприятие изменений). По данным контент-анализа в студенческих группах по-разному оценивали изменения. Позитивная оценка изменений соответствовала высоким показателям потенциала и способности к самоизменениям, а негативная оценка – высоким показателям возможности самоизменений. Корреляционная структура системы психической саморегуляции и особенности самоизменений

ОБЩАЯ ПСИХОЛОГИЯ

юношей образована метазнанием, компонентами эмоционального интеллекта и стилями реагирования на изменения, тогда как аналогичную структуру девушек отличают взаимосвязи метакогнитивного регулирования, процесса моделирования и стилей реагирования на изменения. **Обсуждение результатов.** В нашем исследовании был проведен анализ специфики психической саморегуляции и самоизменений в учебных группах разных направлений подготовки. Выявлено, что студенты, которые включены в разные учебные группы обнаруживают различные ресурсы для принятия изменений. Показанные структурные взаимосвязи компонентов психической саморегуляции и особенностей реагирования на изменения для юношей и девушек отображают особенности способности метакогнитивно регулировать текущие изменения. Обнаружена роль метакогнитивной включенности в деятельность при разных оценках переживания грядущих изменений.

Ключевые слова

самоизменения личности, метакогнитивная включенность, эмоциональный интеллект, стили реагирования на изменения, психическая саморегуляция

Для цитирования

Виноградова, Я. Е., Бызова, В. М. (2025). Психическая саморегуляция и личностные изменения студентов. *Российский психологический журнал*, 22(1), 47–67. <https://doi.org/10.21702/3m7czv80>

Введение

Условия современной социальной реальности обозначаются как изменяемые. Обобщая известные концепции социальных изменений, П. Штомпка приходит к выводу о необходимости систематизировать существующие подходы к пониманию изменений как необходимого атрибута прогресса, роста и развития (Штомпка, 1996).

При изучении изменений сталкиваются с рядом методологических трудностей. Г. М. Андреева утверждает, что исследования социальных изменений ограничены изучением восприятия человеком этих изменений (Andreeva & Leontiev, 2018), их восприятие членом группы при построении им образа социального мира (Андреева, 2005). Также подчеркивается практическая значимость исследования изменений как изучения жизненных проблем и человеческой ситуации, которая всегда является социальной и изменяющейся (Andreeva & Leontiev, 2018).

Г. М. Андреева выделяет три уровня изменений: радикальные преобразования типа социальных отношений; изменения конкретных областей общественной деятельности; изменения, влияющие на жизнедеятельность малых групп или отдельных лиц. По мнению автора, третий уровень социальных изменений попадает

в область изучения как социальной, так и общей психологии. Изменения вовлекают человека во внутренний диалог или во внутреннюю борьбу с целью освоения изменений и сохранения при этом личной самооценки (Andreeva & Leontiev, 2018).

Изменения также попадают в поле зрения социальной психологии здоровья. И. Н. Гурвич отмечает, что влияние социальных изменений на здоровье популяции рассматривается как интегральный повреждающий фактор. Понимание изменений сводится к результатам функционирования социальных систем. Они являются источником больших проблем, чем активность собственно психологических систем. А развитие личности обеспечивает готовность к преодолению жизненных изменений. Автор описывает понятие «консервативного импульса» как утраты «привычных паттернов социальных отношений, которая заставляет избегать изменений» (Гурвич, 1999).

Важность изучения восприятия изменений подтверждается многочисленными эмпирическими исследованиями. И.С. Бурикова и др. утверждают глобальный характер проявления изменений в потребностной и мотивационной сферах человека (Бурикова, Пушкина, Юрьева, 2009). Т.А. Полякова подчеркивает связь экономических, технологических и социальных изменений и качественных изменений самого человека (Полякова, 2009). Изменения личности понимаются в контексте жизнотворчества (Леонтьев, Миюзова, 2016), в сравнении их восприятия мужчинами и женщинами (Шеманова, 2008).

Активно исследуется феномен самоизменений (Гришина, 2018; Манукян, Муртазина, 2020), конструируются инструменты для изменения особенностей изменений (Манукян, Муртазина, Гришина, 2020; Базаров, Сычева, 2012). С помощью новых инструментов проводятся эмпирические исследования (Залеская, Гришина, 2020, Базаров и др., 2012) и делается вывод о том, что личностные изменения происходят благодаря активной роли личности (Манукян, Муртазина, Гришина, 2020).

Проблема изменений интересует и зарубежных исследователей. Исследования проводятся в контексте жизненных изменений (Bleidorn, 2012), с точки саморегуляции текущих изменений (Denissen et al., 2013), восприятия жизненных событий (De Vrie, Spengler, Frintrup & Mussel, 2021), изменчивости-стабильности личности в процессе изменений (Johnson, 1997).

Существует возможность осознанного управления изменениями с целью роста и развития. Нами проведено некоторое количество исследований связей характеристик изменений и системы психической саморегуляции (Бызова, Перикова, Ловягина, 2019). Однако остается не до конца проясненным вопрос о роли метакогнитивной включенности в деятельность в управлении изменениями как эффективной стратегии управления новым повседневным опытом.

Концепцию метакогнитивной включенности в деятельность предложил Дж. Флейвелл как «новую территорию для когнитивных исследований» (Flavell, 1979).

Автор выделяет проблематику когнитивного мониторинга интеллектуальной деятельности, включает в модель четыре класса явлений: метакогнитивные знания, цели (задачи), действия (стратегии) и метакогнитивный опыт.

Метакогнитивные знания определены как часть хранящихся в памяти знаний о мире, которые включают разнообразные когнитивные задачи, цели, действия и опыт. Цели соотносятся с когнитивной задачей. Действия (или стратегии) относятся к когнициям или другим видам поведения, которые применимы для их достижения. Метакогнитивный опыт (переживания) включает любые осознанные когнитивные или аффективные переживания, которые соотносятся с интеллектуальной деятельностью (Flavell, 1976).

Дж. Флейвелл поясняет содержание метакогнитивного опыта: человек верит (чувствует), что выучил инструкции; неадекватно выражает чувства своему другу; внезапно оказался в тупике, пытаясь понять прочитанное; долго решать, как кажется на первом этапе легкую задачу и т.д. Автор отмечает важность изучения различий содержания опыта разрешения когнитивных проблем человеком и качества метакогнитивного мониторинга (Flavell, 1979). В работах раскрывается практическая значимость изложенной концепции (Flavell & Flavell, 2004; Flavell, 1985).

Цель и гипотезы исследования

Целью нашего исследования стало изучение оценки опыта изменений, характеристик осознанной саморегуляции, метакогнитивной включенности в деятельность и самоизменений студентов.

Предмет исследования – система психической саморегуляции (метавключенность в деятельность, осознанная саморегуляция, эмоциональный интеллект) и характеристики самоизменений личности. **Объектом** исследования является студенческая молодежь, включенная в разные учебные группы.

Основной **гипотезой** исследования стало предположение о том, что существуют значимые отличия характеристик системы психической саморегуляции и самоизменений у студентов, включенных в разные учебные группы. Также были сформулированы частные гипотезы:

- существуют значимые различия компонентов системы психической саморегуляции у молодых людей и девушек;
- компоненты системы психической саморегуляции и самоизменений личности образуют плотные значимые взаимосвязи.

Методы

Теоретико-методологическими основаниями исследования стали: теория метакогнитивной включенности в деятельность Дж. Флейвелла (1979), концепция

социальных изменений Г. М. Андреевой (2005); установочный подход к выявлению социально-психологических особенностей участников процесса изменений (Базаров, Сычева, 2012).

Выборка и дизайн исследования

Общая выборка включила 130 студентов, в том числе 53 юноши и 77 девушек в возрасте от 17 до 20 лет (средний возраст – 19,1 год, $SD = 0,7$). В течение двух лет (2022–2023 гг.) проводился сбор данных среди студентов второго курса гуманитарного и естественнонаучного направлений (факультеты психологии, биологии, туризма, физической культуры и спорта) Санкт-Петербургского и Вятского госуниверситетов.

Выборки была сформированы из 6 учебных групп (табл. 1).

Таблица 1

Описание состава групп, включенных в выборку

Направление обучения	Возраст		Пол (%)		Выборка (%)
	<i>M</i>	<i>SD</i>	Юноши	Девушки	
1. «Бакалавры – психологи»	19,3	1,5	14	18,2	16,5
2. «Бакалавры – биологи»	19,4	0,7	42	0	16,5
3. «Бакалавры – спортсмены»	18,1	0,5	6	18,2	13,1
4. «Бакалавры – туризм»	19,3	0,8	14	18,2	16,5
5. «Специалисты – психология СПб»	18,9	0,5	20	26	23,6
6. «Специалисты – психология Киров»	20,0	0,0	4	19,5	13,4
Всего	19,1	0,7	100	100	100

Примечание. *M* – среднее значение; *SD* – стандартное отклонение.

В таблице 1 представлены половозрастные характеристики, а также процентное соотношение групп в выборке. По результатам сравнительного анализа (критерий Стьюдента, $p \leq 0,05$) значимых различий юношей (средний возраст = 19,1 год, ст.откл. = 0,5) и девушек (средний возраст = 19,08, ст.откл. = 0,08) по возрасту не выявлено.

Процедура исследования предполагала написание эссе («Какие изменения произошли с Вами за последнее время?»), а также заполнение бумажной формы опросников в условиях учебных аудиторий. Участие в исследовании было добровольным и не предполагало вознаграждения.

Методики

Для выявления характеристик системы психической регуляции и самоизменений мы применяли комплекс **методик**:

- опросник «Метакогнитивная включенность в деятельность» Г. Шроу и Р. Деннисон (Schraw & Dennison, 1994) в адаптации А.В. Карпова, И. М. Скитяевой (2005) и последующей модификации Е.И. Периковой, В.М. Бызовой (2022), направленный на оценку показателей метакогнитивной включенности в деятельность (Перикова, Бызова, 2022);
- опросник «Стиль саморегуляции поведения», направленный на оценки выраженности регуляторных процессов и регуляторно-личностных свойств (Моросанова, 2022);
- опросник «Эмоциональный интеллект» Д.В. Люсина, направленный на измерение способности личности понимать и управлять своими эмоциями и эмоциями других людей (Люсин, 2009);
- опросник «Стиль реагирования на изменения», предназначенный для оценки выраженности консервативного, инновационного, реактивного и реализующего стилей (Базаров, Сычева, 2012);
- опросник «Потенциал самоизменений», направленный на измерение потенциала самоизменений его компонентов: потребности в самоизменениях, возможности самоизменений, способности к осознанным самоизменениям, веры в возможности самоизменений (Манукян, Муртазина, Гришина, 2020).

Математико-статистический анализ полученных данных проводился с помощью программы SPSS Statistics, 24.0. Мы применяли описательные статистики, таблицы сопряженности, сравнительный анализ (критерий Стьюдента, одномерный и многомерный ANOVA) и корреляционный анализ.

Результаты

На первом этапе исследования были рассмотрены средние значения показателей системы психической регуляции (метакогнитивной включенности в деятельность, осознанной саморегуляции, эмоционального интеллекта) и самоизменений студентов. Данные проанализированы как для выборки в целом, так и для отдельно юношей и девушек (табл. 2).

Таблица 2

Средние значения показателей системы психической саморегуляции

Показатели	Для группы в целом		Юноши		Девушки	
	<i>M</i>	<i>SD</i>	<i>M</i>	<i>SD</i>	<i>M</i>	<i>SD</i>
Метакогнитивная включенность в деятельность	123,9	17,8	129,0	16,9	121,8	17,9
Метакогнитивные знания	44,93	6,3	45,88	6,9	44,56	6,06
Метакогнитивная регуляция	78,9	13,7	83,18	11,7	77,33	14,3
Декларируемые знания	18,9	3,0	19,41	2,9	18,8	3,05
Процедурные знания	10,8	1,9	11	2,2	10,7	1,9
Условные знания	15,2	2,3	15,7	2,3	15,02	2,1
Планирование	16,4	1,9	16,12	2,1	16,56	1,9
Стратегия управления информацией	7,9	1,3	6,18	0,8	7,8	1,4
Контроль компонентов	23,9	3,6	24,4	4,01	23,7	3,4
Структура исправления ошибок	15,8	2,0	16,29	4,01	23,7	3,4
Оценка	15,3	3,08	15,65	2,5	15,16	3,2
Осознанная саморегуляция	30,8	5,5	30,3	5,9	31,2	5,1
Регуляторный процесс планирование	6,0	1,8	6,05	1,9	6,07	1,7
Регуляторный процесс моделирование	6,1	1,8	5,7	1,7	6,5	1,9
Регуляторный процесс программирование	6,3	1,5	6,3	1,5	6,2	1,5
Регуляторный процесс оценка результата	6,2	1,5	6,0	1,4	6,4	1,6
Гибкость	5,7	1,8	5,6	1,6	5,8	2,0
Самостоятельность	5,5	1,9	5,5	2,0	5,4	1,8
Эмоциональный интеллект						
Межличностный	47,1	9,9	49,4	12,0	44,8	7,0
Внутриличностный	44,8	11,2	50,4	11,5	39,7	7,8
Понимание эмоций	45,3	10,9	49,54	12,6	41,5	7,5
Управления эмоция	45,2	10,2	48,9	11,3	41,5	7,3

Примечание. *M* – среднее значение; *SD* – стандартное отклонение

ОБЩАЯ ПСИХОЛОГИЯ

По данным, представленным в таблице 2, был проведен сравнительный анализ (Т-критерий, $p \leq 0,05$) для юношей и девушек. Были выявлены значимые различия по показателям осознанной саморегуляции. Показатели регуляторного процесса «Моделирование» у девушек ($M=6,55$; $SD=1,9$) достоверно значимо выше ($p=0,045$) по сравнению с юношами ($M=5,7$; $SD=1,7$).

Также выявлены значимые различия показателей эмоционального интеллекта. Показатели межличностного интеллекта у юношей ($M=49,4$; $SD=12$) выше ($p=0,044$), чем у девушек ($M=44,8$; $SD=7$); по показателям внутриличностного интеллекта юноши ($M=50,4$; $SD=11,5$) отличаются ($p=0,000$) от девушек ($M=39,7$; $SD=7,8$); по показателю понимания эмоций ($p=0,001$) юноши ($M=49,5$; $SD=12,6$) достоверно отличаются от девушек ($M=41,5$; $SD=7,5$); как и по показателям управления эмоциями: юноши ($M=48,9$; $SD=11,3$) значимо выше ($p=0,001$) отличаются по сравнению с девушками ($M=41,6$; $SD=7,3$).

Значимых различий по показателям метавключенности в деятельность между юношами и девушками обнаружено не было (т-критерий, $p > 0,05$).

Полученные средние были проанализированы (табл. 3). Представленные в таблице 3 результаты отражают, что средние по всем показателям метавключенности в деятельность достоверно значимо ниже средних, представленных Е. И. Периковой и В. М. Бызовой (Перикова, Бызова, 2022).

Таблица 3

Результаты сравнительного анализа средних значений метакогнитивной включенности в деятельность (Выборки 2022 и 2023 гг.)

	Исследование 2023 (N=130)		Исследование 2022 (N=268)		Т-критерий р-уровень
	M	SD	M	SD	
Метакогнитивная включенность в деятельность	123,9	17,8	194,7	34,15	0,000
Метакогнитивные знания	44,9	6,3	94,7	16,7	0,000
Метакогнитивная регуляция	78,98	13,7	100,1	18,15	0,000
Декларативные знания	18,97	3,0	29,6	5,6	0,000
Процедурные знания	10,82	1,9	14,35	3,0	0,000
Условные знания	15,22	2,3	18,5	3,7	0,000
Планирование	16,43	1,9	26,3	5,3	0,000
Стратегия управления информацией	7,9	1,3	37,3	6,8	0,000
Контроль компонентов	23,9	3,621	26,9	5,2	0,000
Структура исправления ошибок	15,8	2,076	20,05	3,7	0,000
Оценка	15,30	3,082	21,5	4,5	0,000

Примечание. M – среднее значение; SD – стандартное отклонение

Также был проведен сравнительный анализ показателей метакогнитивной включенности в деятельности и ее компонентов для юношей и девушек. Выявлено, что все показатели выборки достоверно значимо ниже ранее опубликованных. Исключение составляют показатели контроля компонентов для юношей, которые практически не отличаются от заявленных в 2022 году.

Результаты анализа данных по характеристикам самоизменений представлены в таблице 4.

Таблица 4

Средние значения по показателям самоизменений для юношей и девушек

Показатели самоизменений	Для группы		Юноши		Девушки	
	<i>M</i>	<i>SD</i>	<i>M</i>	<i>SD</i>	<i>M</i>	<i>SD</i>
Реактивный стиль реагирования на изменения	18,02	4,5	16,4	5,1	22,3	5,3
Консервативный стиль реагирования на изменения	21,3	5,0	18,65	3,0	22,3	5,3
Инновационный стиль реагирования на изменения	17,9	5,1	20,3	3,4	16,9	5,3
Реализующий стиль реагирования на изменения	19,4	4,1	16,4	5,1	18,6	4,2
Потенциал самоизменений	48,7	10,1	46,7	11,1	49,8	9,5
Потребность в самоизменениях	22,7	3,3	22,7	3,7	22,6	3,3
Способность к самоизменениям	23,5	3,5	22,8	3,7	23,8	3,4
Вера в самоизменения	20,0	4,3	18,7	4,9	20,8	3,8
Возможность самоизменений	17,5	4,0	16,8	4,2	17,8	4,0

Примечание. *M* – среднее значение; *SD* – стандартное отклонение

ОБЩАЯ ПСИХОЛОГИЯ

По результатам (табл. 4) сравнительного анализа выявлены значимые различия характеристик самоизменений юношей и девушек (т-критерий, $p \leq 0,05$). Показатели консервативного стиля реагирования на изменения юношей ($M=18,6$; $SD=3,0$) значимо ниже (Тьюки, $p=0,002$) по сравнению с показателями девушек ($M=22,3$; $SD=5,3$). Тогда как показатели инновационного стилей реагирования на изменения юношей ($M=20,3$; $SD=3,4$) выше (Тьюки, $p=0,018$) по сравнению с девушками ($M=16,9$; $SD=5,3$).

По показателям потенциала самоизменений достоверно значимые различия для юношей и девушек были выявлены по показателям веры в самоизменения (Тьюки, $p=0,009$). Девушки больше верят в самоизменения ($M=20,8$; $SD=3,8$) по сравнению с юношами ($M=18,7$; $SD=4,9$).

На втором этапе исследования был проведен контент-анализ текстов эссе. По результатам выделены категории, которые отображают варианты оценки опыта изменений: «Изменения негативно влияют на меня» (24,0%); «Изменения негативны, но их результат позитивен» (32,0%) и «Изменения позитивны для меня» (48,0%). Содержательно выделенные категории представлены в таблице 5 и таблице 6.

Таблица 5

Результаты контент-анализа текстов эссе на тему «Изменения за последнее время» в выборке юношей

Категория	Содержание
«Изменения негативно влияют на меня»	«Каждый день что-то изменяется, и это новое оставляет отпечаток на личности: теряются окружающие люди, а вместе с ними круг интересов, черты характера, характеристики нервной системы. Я стараюсь ухватиться за любого человека, чтобы сменить чувство одиночества. Но каждый раз появляется чувство, что меня не понимают»;
	«Очень тяжелые изменения. Очень много навалилось на мои плечи, учеба, работа, лаборатория. Очень сильный упадок сил, утратил желания чего-то делать, сонливость, желание выпивать»;
(24,0 %)	«В результате изменений пропало чувство определенности, уверенности в будущем. Стал менее любознательным, откладываю все на потом».

Категория	Содержание
«Изменения негативны,	«Мои отношения перешли в статус гражданского брака. Это сильно изменило мою жизнь. Вначале было сложно, но сейчас я начал получать истинное удовольствие от изменений»
но	«Меня изменил первый год — боялся, сомневался в способностях своих. Университет дал возможность познакомиться с новыми людьми, я получил более полное представление о мире благодаря наукам»;
их результат позитивен»	
(32,0%)	«По сравнению со школой изменился ритм моей жизни. Эта новизна меня пугала. А в итоге я чувствую большую уверенность в силах».
«Изменения позитивны для меня»	«Стал больше изучать нового и интересного стал проще относиться ко всему. Я стал сильнее, год научил меня стараться»;
	«За последний год множество изменений, которые сделали жизнь интересной и насыщенной. Главное поступление в университет. Благодаря этому я обрел множество знакомств, стремлюсь к самосовершенствованию»;
(44,0 %)	«Изменения связаны с переездом и полностью самостоятельной жизнью. Все они радостные и закрывают мои потребности во многих сферах».

ОБЩАЯ ПСИХОЛОГИЯ

Таблица 6

Результаты контент-анализа текстов эссе на тему «Изменения за последнее время» в выборке девушек

Категория	Содержание
«Изменения негативно влияют на меня» (16,9%)	«Из-за изменений повысилась тревожность за мир, контроль всего, осознание причин негативного отношения к себе».
	«Чувствую меньшую удовлетворенность жизнью и всегда нахожусь в сниженном настроении»;
	«Круг общения убавился. Осознала насколько подвержена манипуляциям. Поняла, что ничего не понимаю»;
	«То, что изменилось касалось значимым, потеряло свой смысл. Сложнее стало сдерживать эмоции. Я ощутила, как сильно я боюсь одиночества»;
	«Нет потребности что-то менять — безопасность более ценна, чем достижения в результате потерь».
«Изменения негативны, но их результат позитивен» (32,5%)	«По сравнению со школой стала более интровертированной, замкнутой, грустной. Стало тяжело»;
	«Стала более избирательна к дружеским связям. Но из-за более интересной учебы стала усидчивой и ответственной. Стало более просто относиться к внешнему виду, меньше думать о своих недостатках»;
	«В результате изменений изменился привычный образ жизни, но я стала более эмоционально стабильна, нашла в себе силы, нашла новое увлечение, которое развивает мои способности, мне стало более комфортно находиться в коллективе».

Категория	Содержание
«Изменения позитивны для меня» (50,6 %)	«Считаю, что изменения прошли в лучшую сторону. Переосмыслила многие процессы и установки»;
	«Стала толерантнее к изменениям и к людям вокруг меня, самостоятельно регулирую эмоциональное состояние. Сейчас легко завожу новые знакомства и углубляю существующие отношения».
	«Стала более самостоятельная, лучше рассчитываю время у меня значительно снизился уровень тревожности, повысилась самооценка, стала больше радоваться жизни».

По результатам анализа эссе выявлено, что все изменения, которые отмечали респонденты, связаны с поступлением в ВУЗ, включенностью в учебную деятельность, изменением образа жизни. По результатам анализа распределения категорий оценок самоизменений у юношей и девушек значимых различий выявлено не было (χ^2 , $p > 0,05$). Содержательно отличий в оценивании изменений не выявлено.

Также были проанализированы (ANOVA, $p \leq 0,05$) показатели системы психической саморегуляции и самоизменений личности респондентов, которые по-разному оценивали изменения. По результатам множественного сравнения (Тьюки $p \leq 0,05$) выявлено, что показатели потенциала самоизменений группы «Изменения позитивно влияют на меня» ($M=51,7$; $SD=9,1$) значимо выше ($p=0,029$) по сравнению с группой «Изменения негативны, но последствия позитивны» ($M=46,5$; $SD=9,5$) и по сравнению ($p=0,009$) с группой «Изменения негативно влияют на меня» ($M=44,8$; $SD=12,1$).

Показатели способности самоизменений группы «Изменения позитивно влияют на меня» ($M=24,0$; $SD=3,2$) выше по сравнению ($p=0,028$) с «Изменения негативно влияют на меня» ($M=21,8$; $SD=4,0$). Показатели возможности самоизменений группы «Изменения негативно влияют на меня» ($M=18,5$; $SD=4,7$) выше по сравнению с показателями группы «Изменения позитивно влияют на меня» ($M=16,4$; $SD=3,4$). Различий в выраженности стилей реагирования на изменения у респондентов, по-разному оценивающих изменения, не выявлено (ANOVA, $p \geq 0,05$).

Для анализа выявленных различий был проведен многомерный ANOVA. В результате была получена статистически достоверно значимая модель (След Пиллая $p=0,014$). Данная модель в основании отображает взаимовлияние факторов «Оценка опыта изменений» и «Включенность в группу», а зависимыми переменными выступают межличностный интеллект и регуляторный процесс – моделирование.

ОБЩАЯ ПСИХОЛОГИЯ

По результатам анализа межгрупповых эффектов показано, что фактор «Оценка опыта изменений» оказывает влияние на регуляторный процесс моделирования ($F, p=0,004$). Тогда как факторы «Принадлежность к группе» ($F, p=0,014$) и «Оценка опыта изменений» ($F, p < 0,000$) оказывают взаимное влияние на межличностный интеллект. При этом взаимовлияние выше перечисленных факторов на межличностный интеллект ($F, p=0,043$) достоверно значимо, тогда как для регуляторного процесса моделирования выявлено на уровне тенденции ($F, p=0,054$).

Многомерное сравнение показало (Тьюки, $p \leq 0,05$), что «бакалавры-биологи», которые оценивали опыт изменений как позитивный, отличаются показателями межличностного интеллекта ($M=49,0$; $SD=3,1$) по сравнению с бакалаврами-психологами ($M=44,0$; $SD=4,5$) на достоверном уровне значимости ($p=0,041$).

Тогда как группа «бакалавры-спортсмены», которые оценивали опыт изменения как позитивный, отличают высокие показатели процесса моделирования ($M=9$; $SD=1,5$) по сравнению с группой «бакалавры-психологи», которые оценивали опыт изменения как негативный ($M=4,2$; $SD=2,3$), ($p=0,005$) и группы «бакалавров-биологов», которые оценивали опыт изменения как негативный, но последствия как позитивные ($M=4,0$; $SD=1,6$) ($p < 0,000$).

При добавлении в модель фактора «Возраст» статистическая значимость не выявлена ($F, p \geq 0,05$).

Также был проведен корреляционный анализ показателей системы психической саморегуляции и особенностей самоизменений. Учитывали корреляции $r > 0,330$ и $p \leq 0,05$. Анализ проводили для юношей (табл. 7) и девушек (табл. 8).

Таблица 7

Корреляционная структура метавключенности в деятельность, осознанной саморегуляции, эмоционального интеллекта и особенностей самоизменений юношей

	Метакогнитивные Знания	Метакогнитивная Регуляция	Процесс Программирование	Процесс моделирование	Межличностный Интеллект	Внутриличностный Интеллект	Понимание эмоций	Управление эмоциями	Потенциал Самоизменений	Инновационный Стиль	Реактивный стиль	Реализующий Стиль	Консервативный Стиль
Метаког- нитивная включен- ность в деятель- ность	,831	,943	,445	,243	,319	,318	,268	,332	,200	,002	-,357	,389	-,107
	,000	,000	,065	,332	,197	,198	,282	,178	,427	,995	,146	,110	,673

	Метакогнитивные Знания	Метакогнитивная Регуляция	Процесс Программирование	Процесс моделирование	Межличностный Интеллект	Внутриличностный Интеллект	Понимание эмоций	Управление эмоциями	Потенциал Самоизменений	Инновационный Стиль	Реактивный стиль	Реализующий Стиль	Консервативный Стиль
Мета- когнитив- ное знание	1	,598 ,009	,344 ,163	,451 ,060	,526 ,025	,612 ,007	,442 ,066	,623 ,006	,610 ,007	,350 ,154	-,528 ,024	,530 ,024	-,411 ,090
Мета- когнитив- ная регу- ляция	,598 ,009	1	,435 ,071	,080 ,752	,145 ,566	,092 ,716	,122 ,630	,107 ,673	-,077 ,762	-,207 ,410	-,198 ,431	,244 ,329	,092 ,718
Осознан- ная регуляция	,213 ,397	,211 ,401	,353 ,025	,272 ,089	,282 ,078	,219 ,174	,316 ,047	,193 ,233	,209 ,195	-,153 ,544	,067 ,792	-,093 ,713	,191 ,448
Потенциал само- изменений	,610 ,007	-,077 ,762	,150 ,355	,353 ,026	,411 ,008	,473 ,002	,384 ,014	,542 ,000	1 ,029	,515 ,006	-,622 ,015	,563 ,015	-,450 ,061

Примечание. Шрифтом выделены статистически значимые взаимосвязи.

В таблице 7 представлены корреляционные связи: выявлено, что метакогнитивное знание обнаруживает взаимосвязи с межличностным интеллектом ($r=0,526$; $p=0,025$), внутриличностным интеллектом ($r=0,612$; $p=0,007$), управлением эмоциями ($r=0,623$; $p=0,006$), потенциалом самоизменений ($r=0,610$; $p=0,007$), реализующим стилем реагирования на изменения ($r=0,530$; $p=0,024$), и отрицательную взаимосвязь с реактивным стилем реагирования на изменения ($r=-0,538$; $p=0,024$).

Важными являются обнаруженные взаимосвязи потенциала самоизменений: позитивные связи с метазнанием ($r=0,610$; $p=0,007$), процессом моделирования ($r=0,353$; $p=0,026$), межличностным интеллектом ($r=0,411$; $p=0,002$), внутриличностным интеллектом ($r=0,473$; $p=0,002$), пониманием эмоций ($r=0,384$; $p=0,014$), инновационным стилем реагирования на изменения ($r=0,515$; $p=0,029$), реализующим стилем реагирования на изменения ($r=,563$; $p=0,015$) и негативная связь с реактивным стилем реагирования на изменения ($r=-0,622$; $p=0,015$).

Корреляционные взаимосвязи системы психической саморегуляции и особенностей самоизменений девушек представлены в таблице 8.

ОБЩАЯ ПСИХОЛОГИЯ

Таблица 8

Корреляционная структура метавключенности в деятельность, осознанной саморегуляции, эмоционального интеллекта и особенностей самоизменений девушек

	Метакогнитивные знания	Метакогнитивная регуляция	Процесс программирования	Процесс моделирование	Межличностный интеллект	Внутриличностный интеллект	Понимание эмоций	Управление эмоциями	Потенциал самоизменений	Инновационный стиль	Реактивный стиль	Реализующий стиль	Консервативный стиль
Метакогнитивная включенность в деятельность	,715	,955	,492	,120	,231	,332	,315	,287	,418	,017	-,266	,251	-,006
Метакогнитивные знания	,000	,000	,001	,444	,135	,030	,040	,062	,005	,915	,084	,104	,971
Метакогнитивная регуляция		,476	,501	,075	,539	,316	,347	,505	,284	,148	-,298	,282	-,096
Процесс программирования		,001	,001	,632	,000	,039	,023	,001	,065	,344	,052	,067	,542
Процесс моделирование	,476		,406	,119	,063	,284	,249	,147	,405	-,042	-,209	,196	,033
Межличностный интеллект		,001	,007	,448	,690	,065	,108	,347	,007	,791	,179	,207	,832
Внутриличностный интеллект	,441	,314	,708	,577	,250	,474	,412	,364	,147	,061	-,258	,291	-,012
Понимание эмоций	,003	,040	,000	,000	,102	,001	,005	,015	,341	,695	,090	,055	,939
Управление эмоциями	,284	,405	,168	,310	-,025	,250	,092	-,002		,508	-,386	,364	-,474
Потенциал самоизменений		,065	,007	,276	,041	,872	,102	,555	,990		,000	,010	,015
Инновационный стиль													
Реактивный стиль													
Реализующий стиль													
Консервативный стиль													

Примечание. Шрифтом выделены статистически значимые взаимосвязи.

В первую очередь выявлены взаимосвязи метакогнитивной включенности в деятельность с регуляторным процессом моделирование ($r=0,492$; $p=0,001$), внутриличностным интеллектом ($r=0,332$; $p=0,030$), потенциалом самоизменений ($r=0,481$; $p=0,005$). Потенциал самоизменений образует взаимосвязи с метакогнитивной регуляцией ($r=0,405$; $p=0,007$), инновационным стилем реагирования на изменения ($r=0,508$; $p=0,000$), реализующим стилем реагирования

на изменения ($r=0,364$; $p=0,015$) и отрицательные связи с реактивным ($r=-0,386$; $p=0,010$) и консервативным стилем самоизменений ($r=-0,474$ $p=0,001$).

Обсуждение результатов

Наш исследовательский интерес к анализу особенностей самоизменений личности и психической саморегуляции в контексте метакогнитивной включенности в деятельность студентов соотносится с целями актуальных исследований (Bui & Johnson, 2024; Faisal khellab, Demirel & Mohammadzadeh, 2022).

Анализ средних значений компонентов системы психической регуляции выявил значимые различия показателей юношей по сравнению с девушками. Девушек отличает выраженность регуляторного процесса моделирования. Показатели эмоционального интеллекта выше у юношей.

Средние выборочные значения компонентов метавключенности в деятельность, как и показатели в выборке как юношей, так и девушек в нашем исследовании значимо ниже нормативных средних, представленных в исследованиях 2022 года (Перикова & Бызова, 2022). Данный факт может быть связан с тем, что данные 2022 года отображают средние показатели выборки более старших респондентов.

Выявлены особенности показателей самоизменений юношей и девушек, что соотносится с выводами авторов методики «Потенциал самоизменений» (Манукян, Муртазина & Гришина, 2020). Девушек отличают большее значение веры в самоизменения по сравнению с юношами. Также девушек отличает выраженность консервативного стиля (установка на утверждение об изменениях), а юношей – выраженность инновационного стиля (установка на восприятие изменений). Полученные результаты отличаются от данных, опубликованных Т.Ю. Базаровым и М.П. Сычевой, полученных на выборке руководителей (2012).

По результатам контент-анализа текстов эссе были выявлены разные аспекты оценки изменений респондентами: «Изменения негативно влияют на меня», «Изменения негативны, но их результат позитивен», «Изменения позитивны для меня». Показано, что в выборке значимо выражена позитивная оценка изменений (48,0%). Значимых различий в оценивании изменений юношами и девушками выявлено не было. Шеманова Н.А. показывает, что в более старшем возрасте половые различия существуют (Шеманова, 2008).

Студентов, которые оценивали изменения позитивно, отличают высокие показатели потенциала и способности к самоизменениям. Студентов, которые оценивали изменения негативно, отличают высокие показатели возможности самоизменений. Жр. Гурат утверждает, неспособность правильно использовать метакогнитивную стратегию приводит к интенсивным негативным эмоциям, замешательству или разочарованию (Gurat, & Jr., 2016).

Полученная модель, отображающая взаимное влияние факторов «Принадлежность к группе» и «Оценка изменений» показывает, что позитивно

ОБЩАЯ ПСИХОЛОГИЯ

оценивают изменения респонденты, которых отличают высокие значения эмоционального интеллекта и регуляторного процесса моделирование. Специфика психической саморегуляции и самоизменений в разных учебных группах не была исследована ранее и является важным результатом нашего исследования. Показано, что в группах могут обнаруживаться разные ресурсы, которые позволяют членам отражать реальную социальную ситуацию. М. Томаселло утверждает, что приобретение когнитивной гибкости является важным результатом, следствием попыток молодых людей метакогнитивно регулировать различные социальные перспективы в рамках группового взаимодействия (Tomasello, 2024).

Результаты анализа взаимосвязей показателей системы психической регуляции и самоизменений юношей и девушек также проанализированы нами впервые. Выявлены различные структуры взаимосвязей для юношей и девушек. В выборке девушек потенциал самоизменений образует значимые связи с метавключенностью в деятельность (метакогнитивное регулирование) и стилями реагирования на изменения. Структура взаимосвязей юношей образована с метавключенностью в деятельность (метазнание), компонентами эмоционального интеллекта и стилями реагирования на изменения. Дж. Флейвел пишет: «Метакогнитивный опыт может быть кратким или длительным по продолжительности, простыми или сложными по содержанию, но он формирует убеждение (веру) об успехе или неудаче, или прогрессе, который вы делаете или можете сделать в дальнейшем» (Flavell, 1979).

Современные исследователи отмечают, что исполнительные процессы контролируют и управляют действиями и вниманием на исполнительном уровне (Gurat, Cesar & Medula, 2016). Метакогнитивные процессы контролируют и управляют исполнительными процессами на метакогнитивном уровне – оба уровня содействуют принятию эффективных и действенных поведенческих решений (Tomasello, 2024).

Ограничениями результатов исследования являются количественные, половозрастные и психометрические характеристики выборки. Перспективы исследования представляются в организации лонгитюдного исследования студентов в учебных группах на разных этапах обучения.

Заключение

Выводы исследователей о возможности управления восприятием изменений, а также о влиянии данного восприятия на психологическое здоровье генеральной совокупности открывают поле исследований эффективных способов восприятия изменений. В нашем исследовании показано, что существуют различия в переживании опыта изменений студентов. Выявленные особенности метакогнитивного мониторинга (применение метазнания или метарегулирования) позволяет предположить наличие разных стратегий управления изменениями, которые способствуют повышению психологического благополучия молодежи.

В нашем исследовании показано, что респондентов в возрасте от 17 до 20 лет отличают низкие значения метакогнитивной включенности в деятельность. При этом структура показателей системы психической регуляции и самоизменений девушек отличается плотными связями компонентов, включенностью в метакогнитивную регуляцию и стилями реагирования на изменения, тогда как в структуре юношей выявлены связи метакогнитивного знания, эмоционального интеллекта и стилей реагирования на изменения.

Подобные различия отображают разные возможности метакогнитивного мониторинга. Исследователи метакогнитивной включенности в деятельность утверждают, что метакогнитивные знания повышают эффективность в процессе индивидуального решения задач, которые представлены разными уровнями метакогнитивного мониторинга: подготовительным, производственным и оценочным.

Основная роль метакогнитивной включенности заключается в содействии динамической взаимозависимости между фазами метакогнитивного знания, что и отражено в структуре психической регуляции девушек.

Литература

- Андреева, Г. М. (2005). Социальная психология и социальные изменения. *Психологический журнал*, 26(5), 5–15.
- Базаров, Т. Ю., Голынчик, Е. О., Липатов, С. А., Несмеянов, Р. К. (2020). Стили реагирования на изменения и восприятие учителями организационной культуры и конфликтов в школе. *Вестник Московского университета. Серия психология*, 14(3), 85–118. <https://doi.org/10.11621/vsp.2022.03.06>
- Базаров, Т. Ю., Сычева, М. П. (2012). Создание и апробация опросника «Стили регуляции на изменения». *Психологические исследования*, 5(25).
- Бурикова, И. С., Пушкина, М. А., Юрьев, А. И. (2009). Психология глобальных изменений зрительской аудитории. *Вестник Санкт-Петербургского государственного университета*, 12(I, II), 36–40.
- Бызова, В. М., Перикова, Е. И., Ловягина, А. Е. (2019). Метакогнитивная включенность в системе психической саморегуляции студентов. *Сибирский психологический журнал*, 73, 126–140. <https://doi.org/10.17223/17267080/73/8>
- Гришина, Н. В. (2018). «Самоизменения» личности: возможное и необходимое. *Вестник Санкт-Петербургского университета. Психология и педагогика*, 8(2), 126–138. <https://doi.org/10.21638/11701/spbu16.2018.202>
- Гурвич, И. Н. (1999). *Социальная психология здоровья*. Издательство Санкт-Петербургского университета.
- Залеская, М. А., Гришина, Н. В. (2020). Опыт самоизменения как компонент жизненного опыта личности. *Научные исследования выпускников факультета СПбГУ*, 8, 27–36.
- Карпов, А. В., Скитяева, И. М. (2005). *Психология метакогнитивных процессов личности*. ИП РАН.
- Леонтьев, Д. А., Миюзова, А. Е. (2016). Личностные изменения как результат жизнетворческой работы. *Консультативная психология и психотерапия*, 24(1), 44–63. <https://doi.org/10.17759/cpp.2016240104>
- Люсин, Д. В. (2009). Опросник эмоциональный интеллект ЭМИн: новые психометрические данные. В *Социальный и эмоциональный интеллект: от процесса к измерениям* (под ред. Д. В. Люсина, Д. В. Ушакова). Институт психологии РАН.

- Манукян, В. Р., Муртазина, И. Р. (2019). Самоизменение: психологический статус и возможности изменения. *Вестник Санкт-Петербургского университета. Психология*, 9(4), 331–345. <https://doi.org/10.21638/spbu16.2019.401>
- Манукян, В. Р., Муртазина, И. Р., Гришина, Н. В. (2020). Опросник для диагностики потенциала самоизменений личности. *Консультативная психология и психотерапия*, 28(4), 35–58. <https://doi.org/10.17759/cpp.2020280403>
- Моросанова, В. И. (2022). Психология осознанной саморегуляции: от истоков к современным исследованиям. *Теоретическая и экспериментальная психология*, 15(3), 57–83.
- Перикова, Е. И., Бызова, В. М. (2022). Факторная структура русскоязычной версии опросника «Метакогнитивная включенность в деятельность». *Культурно-историческая психология*, 2, 116–126.
- Полякова, Т. А. (2009). Глобальные изменения в обществе обуславливают качественные изменения самого человека – интервью с Д. И. Фельдштейном. *Психологическая наука и образование*, 14(3), 103.
- Шеманова, Н. А. (2008). Изменения в психической жизни мужчин и женщин среднего возраста. *Психологическая наука и образование*, 13(1), 14–22.
- Штомпка, П. (1996). *Социология социальных изменений* (пер. с англ. В. А. Ядова). Аспект-пресс.
- Andreeva, G. M., Leontiev, A. N. (2018). Methodological problems in the study of the psychological aspects of social change. *Psychology. Journal of the Higher School of Economics*, 15(4), 646–654. <https://doi.org/10.17323/1813-8918-2018-4-646-654>
- Bleidorn, W. (2012). Hitting the road to adulthood: Short-term personality development during a major life transition. *Personal Social Psychology Bulletin*, 38, 1594–1608. <https://doi.org/10.1177/014616721245670>
- Bui, T. H., & Johnson, N. F. (2024). Self-regulation and metacognition in a flipped classroom: EFL students' perspectives at a Vietnamese university. *Issues in Educational Research*, 34(1), 19–36. <http://www.iier.org.au/iier34/bui.pdf>
- Denissen, J. J. A., van Aken, M. A., Penke, L., & Wood, D. (2013). Self-regulation underlies temperament and personality: An integrative developmental framework. *Child Development Perspective*, 7, 255–260. <https://doi.org/10.1111/cdep.12050>
- De Vries, J. H., Spengler, M., Frintrup, A., & Mussel, P. (2021). Personality development in emerging adulthood—How the perception of life events and mindset affect personality trait change. *Frontiers in Psychology*, 12, 671421. <https://doi.org/10.3389/fpsyg.2021.671421>
- Schraw, G., & Dennison, R. (1994). Assessing metacognitive awareness. *Contemporary Educational Psychology*, 19(4), 460–475. <https://doi.org/10.1006/ceps.1994.1033>
- Tomasello, M. (2024). An agency-based model of executive and metacognitive regulation. *Frontiers in Developmental Psychology*, 2, 1–11. <https://doi.org/10.3389/fdpys.2024.1367381>

Поступила в редакцию: 26.06.2024

Поступила после рецензирования: 24.10.2024

Принята к публикации: 14.01.2025

Заявленный вклад авторов

Яна Евгеньевна Виноградова – разработка концепции, проведение исследования, подготовка и обработка данных; подготовка текста статьи.

Валентина Михайловна Бызова – разработка концепции, проведение исследования, редактирование текста, утверждение окончательного результата.

Информация об авторах

Яна Евгеньевна Виноградова – кандидат психологических наук, доцент кафедры социальной психологии Санкт-Петербургского Гуманитарного университета профсоюзов, Негосударственное образовательное учреждение высшего профессионального образования «Санкт-Петербургский Гуманитарный университет профсоюзов», Санкт-Петербург, Российская Федерация; Author ID: 1041455, ORCID ID: <https://orcid.org/0000-0002-6358-4432>; e-mail: yana.e.vinogradova@gmail.com

Валентина Михайловна Бызова – доктор психологических наук, профессор, профессор кафедры общей психологии Санкт-Петербургского государственного университета, Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение высшего образования «Санкт-Петербургский государственный университет», Санкт-Петербург, Россия; Author ID: 153098, ORCID ID: <https://orcid.org/0000-0001-6362-7714>; e-mail: vbysova@mail.ru

Информация о конфликте интересов

Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

Научная статья

УДК 159.9:331

<https://doi.org/10.21702/f54evb77>

Коммуникативная направленность психолога-консультанта как фактор готовности к консультированию женщин с психологическим бесплодием

Татьяна И. Бонкало^{1*} , Валентина А. Степанова²

¹ Научно-исследовательский институт организации здравоохранения и медицинского менеджмента Департамента здравоохранения города Москвы, Москва, Российская Федерация

² Семейный центр психологической поддержки и личностного развития, Краснодар, Российская Федерация

*Почта ответственного автора: bonkalotatyanaivanovna@yandex.ru

Аннотация

Введение. Актуальность темы исследования обусловлена объективно действующим противоречием между ростом количества женщин с психологическим бесплодием, их запросов на оказание квалифицированной психологической помощи и недостаточной разработанностью проблемы подготовки психологов к оказанию такой помощи. Цель данного исследования - выявление типологических особенностей женщин с психологическим бесплодием и их удовлетворенности отношениями с психологами-консультантами, характеризующимися разной направленностью в общении. **Методы.** Исследование осуществлялось в два этапа: в первой серии выявлялись типы женщин с психологическим бесплодием с помощью обработки эмпирических данных об особенностях их личности, проявляющихся в межличностном взаимодействии. Были обследованы 312 женщин с диагнозом «неуточненное бесплодие». Вторая серия эмпирического исследования состояла в выявлении отношения женщин-клиентов с преобладанием разного типа их личности к психологам-консультантам разной направленности в общении (n=72). **Результаты.** Выявлены пять типов женщин с психологическим бесплодием и особенности их отношения к психологам-консультантам разной коммуникативной

направленности: большинство женщин агрессивно-маскулинного типа продемонстрировали удовлетворенность коммуникационным взаимодействием с консультантами, характеризующимися преобладанием конформной направленности; инфантильно-капризного типа – манипулятивной направленности; опекающе-назидательного типа – авторитарной направленности; тревожно-фобического – альтероцентрической направленности; профессионально-ориентированного типа – диалогической направленности. Установлено, что представления консультантов о «трудных» клиентах из числа бесплодных женщин во многом обусловлены преобладанием определенного типа направленности в коммуникативном взаимодействии. **Обсуждение результатов.** Сделан вывод о том, что одним из факторов готовности психолога к консультированию женщин с психологическим бесплодием является способность использовать разные способы поведения в коммуникативных ситуациях, трансформировать их в зависимости от типологических особенностей личности клиента.

Ключевые слова

готовность к консультированию женщин с психологическим бесплодием, типологические особенности женщин с психологическим бесплодием, коммуникативная направленность, отношения в системе «Консультант-клиент», коммуникативная гибкость, «трудный» клиент, характерологические коммуникативные тенденции

Для цитирования

Бонкало Т.И., Степанова В.А. (2025). Коммуникативная направленность психолога-консультанта как фактор готовности к консультированию женщин с психологическим бесплодием. *Российский психологический журнал*, 22(1), 68–82. <https://doi.org/10.21702/f54evb77>

Введение

Проблема оказания психологической помощи женщинам с нарушениями репродуктивной функции относится к одной из актуальных и одновременно сложных и далеко не решенных проблем. Ее актуальность обусловлена, прежде всего, ростом запроса на адресную помощь в связи с трудностями в осуществлении материнской роли, с одной стороны, а с другой – отсутствием научно обоснованных сведений о готовности психолога-консультанта к работе с таким запросом. Трудность подготовки психолога-консультанта к работе с женщинами с психологическим бесплодием определяется как особенностями профессионального образования психолога, приоритетами фундаментальной подготовки со значительным объемом

методологического знания (Арпентьева, 2016), так и неразработанностью содержания психологического консультирования, отсутствием алгоритма консультирования в связи с дефицитом психологического знания о женском бесплодии (Восканян, Васильева, 2024).

Женское бесплодие – источник возникновения серьезных психологических проблем (Голышкина и др., 2021). Бесплодие может иметь многочисленные негативные психологические последствия, такие как эмоциональный стресс, депрессия, тревога, страх (Шахворостова, 2017), гнев, стыд, ревность (Ермошенко, Крутова, 2005), одиночество, отчаяние, отсутствие самоуважения, эмоциональная нестабильность (Дементьева, 2010), недостаточное сексуальное впечатление и сексуальная дисфункция (Assaysh-Öberg, Borneskog & Ternström, 2023). Негативные психологические явления, связанные с бесплодием, являются фактором роста запроса бесплодных женщин на оказание им квалифицированной психологической помощи.

Бесплодие является глобальной проблемой, и, по некоторым оценкам, во всем мире от бесплодия страдают около 186 миллионов человек (Assaysh-Öberg, Borneskog, Ternström, 2023). Несмотря на это, психологические исследования бесплодия и связанного с ним содержания психологического консультирования женщин, страдающих бесплодием, достаточно немногочисленны и лишены своей системности и фундаментального научного осмысления (Kim, Moon & Kim, 2020).

Большинство исследований, посвященных психологическому консультированию бесплодных женщин, так или иначе связывают его содержание с негативными психоэмоциональными последствиями женского бесплодия (Fallahzadeh et. al., 2019), а в качестве результатов психологического консультирования указываются уменьшение стресса, тревоги, апатии (Meyers & Domar, 2021).

Психологическое (психогенное, функциональное) бесплодие, или бесплодие неясного генеза, связано с отсутствием каких-либо медицинских и объективно установленных проблем в репродуктивной системе женщины; беременность не наступает по психологическим причинам, что может быть связано с внутриличностным конфликтом или страхом женщины, с наличием у нее определенных психологических проблем, вызывающих внутреннее сопротивление наступлению беременности (Василенко, Блюм, 2017). Во многих исследованиях доказывается значимая роль семьи и семейных отношений в развитии и функционировании репродуктивной системы женщины (Мордас, Рудакова, 2021). В.Е. Гаврилова в качестве факторов отсутствия беременности у некоторых женщин при их объективном соматическом здоровье, рассматривает их особую диспозицию, сформированную еще в детстве вследствие особенностей семейного воспитания и детско-родительских отношений (Гаврилова, 2018). Среди неблагоприятных семейных факторов, обуславливающих формирование в детстве особой диспозиции, или «семейного сценария», блокирующего на уровне центральной нервной системы наступление

беременности, автор выделяет большую дистанцию с матерью, возложение на девочку-ребенка обязанностей ухаживать за младшим сиблингом, завышенные «взрослые» требования к ребенку (Гаврилова, 2018). Основной причиной бесплодия может являться переживание психотравмирующего опыта, связанного с семьей и ее социальным положением: бедность, уход отца из семьи, вынужденный отказ от «радостей» детства (Manohar et al., 2016), что в конечном счете перерастает в страх перед неблагоприятным материальным положением и внутриличностный конфликт, когда внутри борются два основных мотива: мотив матери и мотив карьеры (Kirper & Zadik, 1996). Исследование особенностей семейной ситуации развития женщин с психологическим бесплодием, развития как в родительской семье, так и в своей собственной, позволяет повысить эффективность оказываемой помощи (Шахворостова, 2017; Степанова, Бонкало, 2022).

Психологическая помощь женщинам с нарушениями репродуктивной функции так или иначе включает в себя работу с их прошлым, изучение факторов, обуславливающих возникновение конфликта между стремлением женщины родить ребенка и ее внутренней неготовностью к выполнению роли матери (Филиппова, 2014). Сложность консультирования при проблеме, связанной с женским бесплодием неясной этиологии, заключается в его многоаспектности, многоплановости, связанных с необходимостью интеграции тех направлений психологии, которые занимаются разными проявлениями нарушений репродуктивной функции, разными этапами ее становления (Anderson, Dabelko-Schoeny & Fields, 2018).

Психологическое консультирование при проблемах, связанных с женским бесплодием неясной этиологии, – это особый вид профессиональной деятельности психолога-консультанта, который, во-первых, вынужденно действует в рамках деятельности смежных специалистов, затрагивая предметные области работы врачей акушерской практики, врачей-терапевтов, врачей-психиатров, юристов, социальных работников, педагогов (Kheirkhah, Faramarzi & Shafierizi, 2023); во-вторых, выполняет помогающую деятельность при разных состояниях клиентов, имеющих разные социальные ситуации их развития (Andrei et al., 2021); в-третьих, интегрирует задачи психологического консультирования с задачами психотерапии и психокоррекции, что обусловлено взаимопроникновением глубинных личностных проблем клиенток с проблемами межличностного взаимодействия (Kheirkhah, Faramarzi & Shafierizi, 2023).

Психологическая помощь в ситуации женского бесплодия неясной этиологии строится на основе консультативной беседы. В психологическом консультировании, как известно, могут возникать разные трудности, связанные как с поведением клиента (Миронова, 2024), так и с состоянием самого психолога-консультанта (Кораблина, Коргожа, 2014). Важную и фактически решающую роль здесь играет характер отношений в системе «психолог-клиент» (Прусова, 2022), что признают сторонники всех направлений психологического консультирования. Достаточно большое внимание уделяется коммуникативной составляющей личности самого

психолога-консультанта, формированию у него коммуникативной компетентности (Степанова, 2024), содержание которой, по мнению исследователей, включает в себя развитые эмоциональный и социальный интеллекты, эмпатию (Долгова, Мельник, Карахан, 2015), коммуникабельность (Лаврентьева, 2006), интернальный локус контроля (Петровская, 1996), умение говорить, слушать, убеждать (Наливайко, Шинкорук, 2010).

Профессия психолога-консультанта, как известно, относится к группе помогающих профессий, основная особенность которых состоит в том, что между тем, кто оказывает помощь, и тем, кто ее получает, складываются особые отношения в процессе диалога (Наливайко, Шинкорук, 2010). Такие «помогающие» отношения выстраивает именно психолог-консультант, и от его способности устанавливать коммуникативный контакт, управлять диалоговой беседой зависит эффективность всего процесса консультирования (Арпентьева, 2016). Своеобразие профессиональной подготовки психолога-консультанта, как специалиста помогающей деятельности, заключается в необходимости интеграции процессов формирования профессиональной компетентности как совокупности определенных знаний, умений и навыков, образующих способность к решению профессиональных задач (Шорохов, 2023), и психологической готовности – мотивационной, нравственной и экзистенциальной составляющих общей профессиональной готовности психолога-консультанта (Кораблина, Коргожа, 2014).

Однако остается открытым и далеко не исследованным вопрос о связи коммуникативной направленности личности консультанта, его индивидуального коммуникативного стиля и особенностей коммуникативного взаимодействия с клиентом.

Целью исследования стало выявление связи между коммуникативной направленностью психолога-консультанта и удовлетворенностью клиенток, женщин различных типов с психологическим бесплодием, складывающимися с психологом-консультантом отношениями. Удовлетворенность отношениями рассматривается нами в качестве одного из показателей эффективности первой фазы консультационного процесса.

Методы

Исследование, нацеленное на выявление типологических особенностей женщин с бесплодием неясного генеза, проводилось нами ранее, результаты опубликованы в работе (Степанова, 2023). Результаты данного исследования являются продолжением исследования и включают ту же выборку из 312 женщин с психологическим бесплодием. Исследовался уровень удовлетворенности женщин с бесплодием неясной этиологии отношениями с психологом-консультантом.

Особенности коммуникативной направленности психологов-консультантов изучались на выборке, состоящей из 72 психологов-консультантов с опытом

работы от 3-х до 10-и лет, оказывавших индивидуальную психологическую помощь опрошенным женщинам (не менее двух сессий). Все респонденты – женщины; возраст – от 29 до 58 лет (средний возраст – 44,6 года).

Для исследования коммуникативной направленности личности психолога-консультанта была выбрана методика, разработанная и апробированная еще в 1987 году С.Л. Братченко (методика основана на положениях теории диалога (М.М. Бахтин и др.), предназначена для выявления устойчивых типов направленности личности в общении, проявляющейся в коммуникативном стиле, индивидуальной коммуникативной стратегии; данные психометрической проверки методики, свидетельствующие о ее достаточной ретестовой надежности и конструктивной валидности, представлены в диссертации автора; удовлетворенности отношениями – десятибалльная шкала удовлетворенности (вариативный ответ на вопрос: «Оцените, насколько Вы удовлетворены отношением с психологом-консультантом: от 0 до 10 баллов, где 0 баллов – совсем не удовлетворен, а 10 баллов – удовлетворен полностью).

Исследовалось также соотношение оценок женщин-клиентов консультантов и консультантов клиентов, их представлений об идеальном консультанте и трудном клиенте. Для этого использовалась методика диагностики межличностных отношений (ДМО) Т. Лири.

Статистические методы включали в себя пакет описательной статистики, а также сравнительный (U-критерий Манна Уитни), корреляционный (Спирмен), кластерный (Уорд) и факторный (метод главных компонент) анализы.

Результаты

Пять основных типов женщин с психологическим бесплодием были выделены нами в предшествующем исследовании (Степанова, 2023) и включают агрессивно-маскулинный (АМ), инфантильно-капризный (ИК), опекающе-назидательный (ОН), тревожно-фобический (ТФ) и профессионально-ориентированный (ПО) типы.

Исследование коммуникативной направленности психологов-консультантов, оказывающих психологическую помощь женщинам с бесплодием неясного генеза, выполненное с помощью методики С.Л. Братченко, показало, что практикующие психологи имеют индивидуальный стиль общения и отличаются друг от друга индивидуальной формулой коммуникативного поведения (рисунок 1). Отсутствие преобладания какого-либо типа коммуникативной направленности (все показатели входят в диапазон средних значений) зафиксировано только у менее, чем 20% практикующих психологов-консультантов.

При исследовании степени удовлетворенности женщин с психологическим бесплодием отношениями, складывающимися в системе «Психолог-клиент» (ответ на прямой вопрос с вариантами ответа от 0 до 10 баллов, в зависимости

ОБЩАЯ ПСИХОЛОГИЯ

от субъективной оценки степени удовлетворенности), выявлены определенные взаимосвязи с показателями преобладающей коммуникативной направленности личности психолога-консультанта (таблица 1).

Рисунок 1

Процентное распределение консультантов по преобладающему типу коммуникативной направленности

Таблица 1

Связи между степенью удовлетворенности разных типов женщин с психологическим бесплодием отношениями с психологами-консультантами и преобладающим типом их коммуникативной направленности

Тип личности женщин-клиентов	Коэффициент конкордации W	Типы коммуникативной направленности консультантов				
		ДН	АвН	МН	КН	АлН
АМ	0,75***	0,132	-0,221	-0,169	0,617***	0,207
ИК	0,81***	-0,196	-0,187	0,563***	0,198	0,177
ОН	0,77***	0,233	0,449**	0,156	-0,033	-0,004
ТФ	0,73***	-0,204	-0,043	0,174	0,114	0,661***
ПО	0,86***	0,753***	-0,012	-0,584***	0,112	0,349**

Примечание: ** $p < 0,01$; *** $p < 0,001$

ДН – направленность на диалог; АвН – направленность на авторитаризм; МН – направленность на манипулирование; КН – направленность на согласие, конформизм; АлН – направленность на собеседника и его потребности

Установлено, что большинство женщин с психологическим бесплодием агрессивно-маскулинного (АМ) типа удовлетворены коммуникационным взаимодействием с консультантами, направленными на принятие объектной позиции в общении; для них характерны отказ от желания быть понятым своим партнером по общению (в данном случае, психологом-консультантом) и стремление во всем ему помогать ($r = 0,617$; $p < 0,001$); женщины инфантильно-капризного (ИК) типа испытывают больший комфорт при общении с консультантами, ориентированными на закрытость и неискренность, обладающими способностями скрыто манипулировать партнером ($r = 0,563$; $p < 0,001$); опекающе-назидательные (ОН) личности, напротив, ценят способность консультанта категорично оценивать ситуацию, директивно давать советы, настаивать на своей точке зрения ($r = 0,449$; $p < 0,01$); тревожно-фобический тип (ТФ) женщины ориентирован на взаимодействие с таким консультантом, который все свое внимание отдает клиенту, стремится глубже понять его запросы, слушает его, сочувствует ему, пытается облегчить его состояние ($r = 0,661$; $p < 0,001$); женщины-клиенты с преобладанием профессионально-ориентированного (ПО) типа, напротив, испытывают удовлетворенность отношениями с консультантом, стремящимся к выстраиванию равноправного диалога, к достижению коммуникативного сотрудничества ($r = 0,753$; $p < 0,001$).

Следует обратить внимание на тот факт, что диалогическая коммуникативная направленность консультанта отнюдь не всегда может демонстрировать эффективность в выстраивании отношений с женщинами-клиентами, что направленность корреляции между степенью удовлетворенности отношениями с консультантами, ориентированными на построение равноправного диалога, в группах инфантильно-капризных и тревожно-фобических типов женщин отрицательная. В то же время манипулятивная направленность в общении консультанта не всегда обуславливает отрицательный коммуникативный эффект: корреляционная связь между обозначенными показателями в группах женщин с преобладанием инфантильно-капризного, опекающе-назидательного и тревожно-фобического типов – положительная.

Более того, результаты исследования соотношения представлений женщин-клиентов и психологов-консультантов об идеальном консультанте и трудном клиенте свидетельствуют о необходимости при консультировании женщин с психологическим бесплодием для достижения контакта в системе «Психолог-консультант» учитывать потребности самого клиента, его типологические особенности, проявляющиеся в межличностном взаимодействии.

Характерологические профили трудных клиентов, в представлениях психологов, оказывающих психологическую помощь женщинам с бесплодием неясной этиологии, значимо отличаются друг от друга, в зависимости от преобладающего типа их коммуникативной направленности (таблица 2).

Таблица 2

Представления психологов-консультантов о «трудном» клиенте из числа женщин с психологическим бесплодием (среднегрупповой балл)

Преобладающая направленность на:	I	II	III	IV	V	VI	VII	VIII
Диалог	7,8	14,2	4,9	5,8	13,2	13,3	6,6	8,9
Директивность	12,6	6,9	14,8	6,2	9,2	1,6	4,2	7,4
Манипулирование	13,4	12,9	15,2	10,7	4,3	1,8	2,0	2,6
Конформизм	8,4	5,9	5,4	9,4	4,6	5,8	4,4	3,2
Альтероцентризм	5,6	13,8	6,2	8,6	8,0	0,8	3,2	2,4
Одинаковая выраженность	4,9	5,7	5,4	3,2	2,8	0,6	1,4	0,8

Примечание: I-VIII –характерологические тенденции по Т. Лири:

I – Авторитарный; II – Эгоистичный; III – Агрессивный; IV – Подозрительный; V – Подчиняемый; VI – Зависимый; VII – Дружелюбный; VIII - Альтруистический

По мнению психологов-консультантов с преобладанием направленности на выстраивание диалога, трудный клиент из числа женщин, страдающих бесплодием неустановленного генеза и обратившихся за психологической помощью, – это такой человек, который характеризуется самовлюбленностью (14,2), в сочетании с самоуничижением и чрезмерным чувством вины (13,2), а также крайней несамостоятельностью и зависимостью (13,3); с точки зрения консультантов, ориентированных на директивный стиль общения, трудный клиент обладает такими характерологическими чертами личности, как раздражительность, негативизм, непослушание (14,8), стремление к доминированию, сопротивлению (12,6); консультанты, выстраивающие коммуникативное поведение, исходя из интересов своего собеседника, считают, что им трудно консультировать женщин, которые проявляют при общении насмешливость, язвительность, скептицизм (13,8).

Попарное сравнение среднегрупповых показателей характерологических тенденций трудных клиентов, с точки зрения консультантов разной коммуникативной направленности, показало, что между группами психологов существуют статистически достоверные различия, причем, на достаточно высоком уровне значимости (таблица 3).

Таблица 3

Результаты сравнительного анализа представлений психологов-консультантов с преобладанием разной коммуникативной направленности о «трудном» клиенте (уровень значимости)

Различия между:	I	II	III	IV	V	VI	VII	VIII
1 – 2 гр.	0,000	0,000	0,000	0,124	0,046	0,000	0,049	0,093
1 – 3 гр.	0,000	0,089	0,000	0,007	0,000	0,000	0,001	0,001
1 – 4 гр.	0,102	0,000	0,000	0,004	0,000	0,000	0,023	0,009
1 – 5 гр.	0,095	0,087	0,069	0,088	0,005	0,000	0,006	0,001
1 – 6 гр.	0,047	0,000	0,106	0,039	0,000	0,000	0,000	0,000
2 – 3 гр.	0,110	0,015	0,092	0,004	0,074	0,069	0,071	0,000
2 – 4 гр.	0,000	0,103	0,001	0,042	0,039	0,008	0,101	0,005
2 – 5 гр.	0,000	0,000	0,000	0,049	0,061	0,098	0,077	0,021
2 – 6 гр.	0,000	0,110	0,000	0,012	0,033	0,087	0,023	0,001
3 – 4 гр.	0,000	0,000	0,000	0,124	0,117	0,003	0,042	0,099
3 – 5 гр.	0,000	0,105	0,000	0,063	0,036	0,094	0,100	0,118
3 – 6 гр.	0,000	0,000	0,000	0,000	0,056	0,067	0,077	0,082
4 – 5 гр.	0,091	0,023	0,079	0,093	0,001	0,000	0,061	0,097
4 – 6 гр.	0,093	0,096	0,312	0,004	0,055	0,000	0,000	0,000
5 – 6 гр.	0,069	0,000	0,078	0,000	0,000	0,172	0,181	0,024

Примечание: I-VIII –характерологические тенденции по Т. Лири (табл. 2)

1 гр. – Преобладание направленности на диалог; 2 гр. – преобладание направленности на директивность; 3 гр. – преобладание направленности на манипулирование; 4 гр. – преобладание направленности на конформизм; 5 гр. – преобладание направленности на альтероцентризм; 6 гр. – отсутствие преобладания определенного типа коммуникативной направленности

В группе консультантов, у которых отсутствует преобладание той или иной коммуникативной направленности и все установки в коммуникативном взаимодействии выражены одинаково (по 20%), выявлено значительно меньшее количество тех характерологических черт клиента, которые могут вызвать трудность в установлении с ними психологического контакта.

Следует также уточнить, что в обозначенной группе были получены высшие показатели степени удовлетворенности женщин отношениями в системе «Психолог-консультант» (9,6), вне зависимости от их типологических особенностей (из 48 женщин 46 поставили наивысшую оценку удовлетворенности отношениями, что составляет 95,83%).

Обсуждение результатов

В современной психологии научное осмысление проблемы коммуникативного поведения психологов-консультантов, их профессионального общения представлено весьма ограниченным объемом теоретического и эмпирического материала (Миронова, 2024). Основное внимание на протяжении многих лет уделялось коммуникативной компетентности психолога, традиционно рассматриваемой как интегративное образование его личности, включающее в себя определенный набор коммуникативных качеств и навыков, универсальных для успешного профессионального взаимодействия с разными типами клиентов (Петровская, 1996; Лаврентьева, 2006; Наливайко, Шинкорук, 2010; Долгова, Мельник, Карахан, 2015).

Однако в исследованиях последних лет все чаще звучит мысль о том, что характер межличностного общения во многом обусловлен типологическими характеристиками коммуникативной сферы личности партнеров по общению (Назарова, 2023), теми их особенностями, которые достаточно устойчивы и проявляются в индивидуальных коммуникативных стилях, установках, позициях в общении, коммуникативной направленности (Одинцова, Расходчикова, Кузьмина, 2024).

При рассмотрении трудностей, с которыми сталкиваются практические психологии, исследователями отмечаются коммуникативные барьеры, связанные с неразвитой способностью психологов-консультантов устанавливать психологический контакт с разной категорией клиентов (Миронова, 2024), а также с индивидуальными особенностями собственного устойчивого коммуникативного поведения (Шорохов, 2023; Степанова, 2024).

В ситуации консультирования женщин с психологическим бесплодием, сложность которого обусловлена как разными типологическими особенностями их личности (Степанова, 2023), смысложизненными ориентациями (Степанова, Бонкало, 2022), наличием внутриличностного конфликта (Kipper & Zadik, 1996), так и их психическими состояниями – состояниями тревоги Голышкина и др., 2021),

депрессии (Fallahzadeh et. al., 2019), страха (Ермошенко, Крутова, 2005), раздражения (Дементьева, 2010), – навязчивыми идеями (Филиппова, 2014), актуализируется поиск способов установления психологического контакта в системе «Психолог-клиент» как первой фазы консультационного процесса.

Результаты проведенного исследования подтверждают наличие связи между коммуникативной направленностью психологов-консультантов, специализирующихся на проблемах женского бесплодия, и удовлетворенностью клиентами отношениями, складывающимися в системе «Психолог – клиент».

Вместе с тем, ставшее уже традиционное представление о том, что направленность психолога-консультанта на диалоговое общение с клиентом является одним из важных условий успешности процесса установления контакта (Прусова, 2022), не нашло своего подтверждения. Не подтвердилась и отрицательная роль ориентации психолога-консультанта на манипулирование клиентом в профессиональном взаимодействии.

В результате исследования выявлено, что удовлетворенность женщин с психологическим бесплодием отношениями с психологом-консультантом зависит как от типологических особенностей самих женщин, так и от коммуникативной направленности консультанта, что для установления контакта в системе «Психолог-клиент» необходима коммуникативная гибкость психолога, развитая способность преодолевать собственные привычные и устойчивые формы коммуникативного поведения, занимать разные позиции в профессиональном взаимодействии, в зависимости от типологических особенностей клиентов.

Заключение

В процессе исследования выявлено, что коммуникативная направленность личности психолога-консультанта как достаточно устойчивая и своеобразная характеристика его позиции в межличностном общении взаимосвязана с типологическими особенностями женщин с психологическим бесплодием. На основании проведенного исследования можно предположить, что коммуникативная направленность психолога-консультанта выступает одним из факторов его готовности к консультированию женщин с психологическим бесплодием. При условии отсутствия четкой выраженности той или иной коммуникативной направленности отмечается и отсутствие трудностей в психологическом консультировании разных типов женщин, и высокая степень удовлетворенности самих женщин, вне зависимости от их типологических особенностей, отношениями в системе «Психолог-клиент».

Это свидетельствует о необходимости в процессе профессиональной подготовки психологов к консультированию женщин с психологическим бесплодием акцентировать внимание на развитии способности использовать в коммуникативном взаимодействии разные способы общения и руководствоваться

разными установками, в зависимости от типологических особенностей клиента. Развитие такой способности предполагает формирование у психолога коммуникативной гибкости, коммуникативной флексибельности и креативности.

Литература

- Арпентьева, М. Р. (2016). Подготовка психологов-консультантов: консультативно-ориентированная модель. *Современная наука*, 3, 54–65.
- Василенко, Т. Д., Блум, А. И. (2017). Бесплодие неясной этиологии как особая кризисная ситуация неопределенности в жизни женщины. *Innova*, 1(6), 17–20.
- Восканян, Я. Ю., Васильева, О. С. (2024). Психологические аспекты женского бесплодия неясной этиологии: обзор зарубежных исследований. *Мир науки. Педагогика и психология*, 12, 1. <https://mir-nauki.com/PDF/39PSMN124.pdf> DOI:10.15862/39PSMN124
- Гаврилова, В.Е. (2018). Психологические предпосылки бесплодия у здоровых женщин, состоящих в браке. *Психология. Психофизиология*, 11(3), 103–109. <https://doi.org/10.14529/psy180312>
- Голышкина М.С., Геворгян М.М., Николенко В.Н., Оганесян М.В., Павлюк П.А., Ризаева Н.А., Унанян А.Л. (2021). Женское бесплодие как фактор эмоционального расстройства: значение психотерапии в лечении бесплодия. *Неврология, нейропсихиатрия, психосоматика*, 13(2), 97–103. <https://doi.org/10.14412/2074-2711-2021-2-97-103>
- Дементьева, Н.О. (2010). Психологические аспекты исследования женского бесплодия «неясной этиологии». *Вестник Санкт-Петербургского университета*, 1, 131–139.
- Долгова, В.И., Мельник, Е.В., Карахан, Н. (2015). Понятие коммуникативной компетентности в психолого-педагогических исследованиях. *Концепт*, 31, 81–85.
- Ермошенко, Б.Г., Крутова, В.А. (2005). Роль психологических факторов при бесплодии (обзор литературы). *Успехи современного естествознания*, 8, 17–20.
- Кораблина, Е.П., Коргожа, М.А. (2014). Своеобразие подготовки современных психологов-консультантов. *Вестник Герценовского университета*, 3-4, 136–140.
- Лаврентьева, О.В. (2006). Коммуникативная компетентность как фактор обретения профессиональной компетентности психолога, *Современные проблемы науки и образования*, 1, 62–65.
- Миронова, О.И. (2024). Подходы к исследованию коммуникативных барьеров в деятельности начинающих психологов, *Системная психология и социология*, 2 (50), 5-17. <https://doi.org/10.25688/2223-6872.2024.50.2.1>
- Мордас, Е.С., Рудакова, А.Г. (2021). Детско-родительские отношения в психогенезе женского психогенного бесплодия (психоаналитический взгляд). *Психолог*, 5, 70–104. <https://doi.org/10.25136/2409-8701.2021.5.36373>
- Назарова, Т.Б. (2023). От типологии видов общения к типологии коммуникантов: динамика коммуникативного поведения и коммуникативной личности. *Вестник Самарского университета. История, педагогика, филология*, 29, 2, 107–115. <http://doi.org/10.18287/2542-0445-2023-29-2-107-115>
- Наливайко, Т.Е., Шинкорук, М.В. (2010). Сущность и структура социальной и коммуникативной компетентности личности. *Ученые записки КНАГТУ*, II-2(2), 50–54.
- Одинцова, М.А., Расходчикова, М.Н., Кузьмина, Е.И. (2024). Профессионально важные качества психологов в современных зарубежных исследованиях. *Современная зарубежная психология*, 13, 4, 151–162. <https://doi.org/10.17759/jmfp.2024130414>
- Петровская, Л. А. (1996). О природе компетентности в общении. *Мир психологии*, 3, 31–35.
- Прусова, А.А. (2022). Ценностные отношения взрослых в психологическом консультировании. *Психопедагогика в правоохранительных органах*, 27, 3(90), 307–315. <https://doi.org/10.24412/1999-6241-2022-390-307-315>

- Степанова, В.А., Бонкало, Т.И. (2022). Ценностно-смысловые основания готовности к материнству женщин с психологическим бесплодием. *Научные исследования и разработки. Социально-гуманитарные исследования и технологии*, 11(4), 25–31. <https://doi.org/10.12737/2306-1731-2022-11-4-25-31>
- Степанова, В.А. (2023). Социально-психологическая типология женщин с бесплодием неясной этиологии. *Человеческий капитал*, 5(173), 326–334. <https://doi.org/10.25629/HC.2023.05.34>
- Степанова, И.В. (2024). Динамика коммуникативных навыков у студентов-психологов в процессе обучения. *Бюллетень северного государственного медицинского университета*, 51, 1, 275–284.
- Филиппова, Г.Г. (2014). Репродуктивная психология: психологическая помощь бесплодным парам при использовании вспомогательных репродуктивных технологий *Клиническая и медицинская психология: исследования, обучение, практика*, 3(5), 6–7.
- Шахворостова, Т.В. (2017). К вопросу о социально-психологической детерминации репродуктивной функции женщин с диагнозом «бесплодие». *Развитие человека в современном мире*, 2, 202–208.
- Шорохов, А. Г. (2023). Онлайн-супервизия как способ повышения уровня профессионального мастерства и формирования профессиональной идентичности психологов-консультантов. *Инновационная наука: психология, педагогика, дефектология*, 6(2), 38–47. <https://doi.org/10.23947/2658-7165-2023-6-2-38-47>
- Anderson, K., Dabelko-Schoeny, H., Fields, N. (2018). Multidisciplinary and Interdisciplinary Practice Across Home and Community-Based Service Settings. *Home- and Community-Based Services for Older Adults*. Columbia University Press. <https://doi.org/10.7312/ande17768-005>
- Andrei, F., Salvatori, P., Cipriani, L. (2021). Self-efficacy, coping strategies and quality of life in women and men requiring assisted reproductive technology treatments for anatomical or non-anatomical infertility. *European Journal of Obstetrics & Gynecology and Reproductive Biology*, 264, 241–246. <https://doi.org/10.1016/j.ejogrb.2021.07.027>
- Assaysh-Öberg, Sh., Borneskog, C., Ternström, E. (2023). Women's experience of infertility & treatment – A silent grief and failed care and support. *Sexual & Reproductive Healthcare*, 37, 100879. <https://doi.org/10.1016/j.srhc.2023.100879>
- Fallahzadeh, H., Zareei H., Abadi, M., Momayyezi, H. (2019). The comparison of depression and anxiety between fertile and infertile couples: a meta-analysis study. *International Journal of Reproductive BioMedicine (IJRM)*, 17 (3), 153–162. <https://doi.org/10.18502/ijrm.v17i3.4514>
- Kheirkhah, F., Faramarzi, M., & Shafierizi, Sh. (2023). Preliminary examination of acceptability, feasibility, and effectiveness of internet-based cognitive behavioral therapy for treatment of depression and anxiety in infertile women. *Heliyon*, 9(5), e15760. <https://doi.org/10.1016/j.heliyon.2023.e15760>
- Kim, M., Moon, S-H., Kim, J.-E. (2020). Effects of psychological intervention for Korean infertile women under In Vitro Fertilization on infertility stress, depression, intimacy, sexual satisfaction and fatigue. *Archives of Psychiatric Nursing*, 34(4), 211–217. <https://doi.org/10.1016/j.apnu.2020.05.001>
- Kipper, D.A., Zadik, H. (1996). Functional infertility and femininity: A comparison of infertile women and their mothers. *Journal of Clinical Psychology*, 52(4), 375–382. [https://doi.org/10.1002/\(SICI\)1097-4679](https://doi.org/10.1002/(SICI)1097-4679)
- Manohar, M., Khan, H., Shukla, V. et al. (2016). Proteomic Identification and Analysis of Human Endometrial Proteins Associated with Unexplained Infertility. *Journal of Proteomics & Bioinformatics*, 144, 99–112. <https://doi.org/10.1016/j.jprot.2016.05.026>

Meyers, A. J., Domar, A.D. (2021). Research-supported mobile applications and internet-based technologies to mediate the psychological effects of infertility: a review. *Reproductive BioMedicine Online*, 42(3), 679–685. <https://doi.org/10.1016/j.rbmo.2020.12.004>

Поступила в редакцию: 02.02.2024

Поступила после рецензирования: 09.08.2024

Принята к публикации: 02.12.2024

Заявленный вклад авторов

Татьяна Ивановна Бонкало – дизайн и концепция исследования, обобщение и систематизация результатов исследования.

Валентина Андреевна Степанова – сбор и обработка эмпирического материала.

Информация об авторах

Татьяна Ивановна Бонкало – доктор психологических наук, ведущий научный сотрудник ГБУ «Научно-исследовательский институт организации здравоохранения и медицинского менеджмента Департамента здравоохранения города Москвы» (115088, г. Москва, улица Шарикоподшипниковская, 9); Researcher ID: 56436468100, Scopus ID: 201024-006663, Author ID: 771234, ORCID ID: <https://orcid.org/0000-0003-0887-4995>; e-mail: bonkalotatyanaivanovna@yandex.ru

Валентина Андреевна Степанова – психолог Семейного Центра психологической поддержки и личностного развития, Краснодар, Российская Федерация; ORCID ID: <https://orcid.org/0009-0008-0790-6506>; e-mail: stepanova_10@mail.ru

Информация о конфликте интересов

Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

Самоотношение созависимых женщин: психологические и генетические предикторы

Павел Н. Ермаков¹ , Анастасия С. Коленова^{1,2*} , Анна М. Кукуляр^{1,2} ,
Анастасия С. Бордоносенко¹

¹ Южный федеральный университет, Ростов-на-Дону, Российская Федерация

² Донской государственный технический университет, Ростов-на-Дону,
Российская Федерация

*Почта ответственного автора: askolenova@gmail.com

Аннотация

Введение. Самоотношение – ключевой аспект, влияющий на психологическое состояние и потенциально являющегося мишенью терапевтического воздействия у созависимых женщин. Особое внимание уделяется роли рефлексии в формировании самоотношения, а также возможной связи с генетическими факторами, такими как гены COMT и DRD2. Цель исследования – выявление психологических и генетических предикторов уровня самоотношения у созависимых женщин. **Методы.** Для исследования генетических предикторов использовался метод генотипирования. В качестве генов-кандидатов мы рассматривали генотипы генов рецептора дофамина DRD2 (rs1800497) и гена фермента COMT (Val158Met). Психологическая диагностика была проведена с использованием следующих методик: тест-опросник самоотношения (В. В. Столин, С. Р. Пантеев); опросник «Дифференциальный тип рефлексии» (Д.А. Леонтьев); тест смысловых ориентаций (Д.А. Леонтьев); шкала созависимости (Б. Уайнхолд, Дж. Уайнхолд). В исследовании приняли участие 353 человека – женщины в возрасте от 18 до 54 лет. **Результаты.** Уровень самоотношения у созависимых женщин достоверно различается в зависимости от генотипов генов DRD2 и COMT, с наиболее высокими показателями у носительниц генотипа CC (DRD2) и VV (COMT). Выявлены и описаны корреляционные связи показателей самоотношения с рефлексией и смысловыми ориентациями. Уровень самоотношения у созависимых женщин ассоциирован с полиморфизмами

ОБЩАЯ ПСИХОЛОГИЯ

генов DRD2 и COMT, а также опосредован психологическими факторами, включая осмысленность жизни и особенности рефлексии. **Обсуждение результатов.** Возможные нейрофизиологические механизмы, лежащие в основе выявленных эффектов, включают влияние полиморфизмов генов DRD2 и COMT на дофаминергическую передачу; описана их связь с уровнем самооотношения. Генетическая основа самооценки является сложной и многогранной, а роль отдельных генов может проявляться только во взаимодействии с другими генетическими и средовыми факторами. Полученные данные подчеркивают комплексное взаимодействие генетических и психологических механизмов в формировании самооотношения.

Ключевые слова

созависимое поведение, созависимые женщины, самооотношение, психологические предикторы, генетические предикторы, полиморфизм генов, COMT, DRD2

Финансирование

Исследование выполнено при поддержке гранта РНФ № 21-78-10139, «Психологические и генетические механизмы адаптивных и дезадаптивных стратегий поведения и ценностно-смысловые предикторы созависимости у женщин (алкогольные, наркотические, игровые аддикции)», <https://rscf.ru/project/21-78-10139/>

Для цитирования

Ермаков, П. Н., Коленова, А. С., Кукуляр, А. М., Бордоносенко, А. С. (2025). Самоотношение созависимых женщин: Психологические и генетические предикторы. *Российский психологический журнал*, 22(1), 83–100. <https://doi.org/10.21702/f06jgn71>

Введение

Созависимость представляет собой сложный, неоднородный и неоднозначный феномен, который имеет многолетнюю практику использования психологами и психиатрами для описания людей, проживающих с зависимыми родственниками, а также некоторых особенностей межличностного взаимодействия (Коленова, Кукуляр, Дятлова, 2023). Happ et al. (2022) пришли к заключению, что созависимость – это специфическая, в значительной степени устойчивая установка, которая определяет негативное восприятие человека в отношении самого себя и позитивное поведение по отношению к другим. Также показано, что опыт созависимости

переживается как сложная, но ощутимая многомерная психосоциальная проблема в их жизни (Bacon et al., 2020). В целом, обобщение практического опыта работы с созависимыми, наряду с данными современных исследований, свидетельствует о том, что самооценка созависимых женщин имеет свою уникальную специфику и отличается сильно заниженным уровнем (Артемцева, 2017; Бальзамова, 2022; Зенкова, 2023; Колонова, Кукуляр, Дятлова, 2023; Раклова, 2019). Данное условие является определяющим при формировании Я-концепции личности созависимой женщины. В практике реальной жизни это проявляется через негативизацию образа Я, постоянный запрос на похвалу и одобрение со стороны значимых близких. При этом, похвала и комплименты в адрес созависимой женщины формируют лишь еще большее чувство вины. Также показано, что работа с самооценкой и развитие самопонимания в терапевтическом процессе выступает одним из ведущих факторов положительной динамики изменений созависимых моделей поведения (Мадалиева, Исмаилов, Халилов, 2020; Хазова, Вариошкина, 2022). Показано, что в результате терапии происходит постепенное реконструирование личности женщин: изменяется самооценка и самовосприятие, происходит осознание собственных границ, изменяется стиль мышления. Это, в свою очередь, обуславливает отношение женщины к себе как источнику активности, а также снижение реактивного поведения в связи с проблемами зависимого члена семьи.

В исследованиях, посвященных межличностным взаимоотношениям созависимых в различных контекстах показано, что созависимые характеризуются личностно-коммуникативной направленностью на значимого Другого (Михайлова, 2020), в то время как отчуждающее одиночество характеризуется преобладанием в личности тенденции к обособлению, отчуждению от других людей, норм и ценностей, потерей значимых связей и контактов, интимности, приватности в общении, способности к единению, отчуждением от себя самого, саморастворением, что подтверждено результатами исследования Артемцевой Н.Г. (2019). В отношении поведения в рамках профессиональной деятельности Биктагирова А. Р. и Гарифуллина Г. Ф. (2018) показали, что для созависимой личности характерно стремление к руководству другими людьми и проблемы в эмоциональной сфере – созависимая личность периодически пребывает в депрессивном или подавленном состоянии. Также авторы отмечают, что созависимый обладает качествами манипулятора, умеет духовно и эмоционально заражать других людей и очень часто создает непреодолимые трудности в профессиональном и личном развитии человека. В ходе исследования, реализованного А. А. Аванесян, М. А. Кулаченко, А. В. Москаленко (2020), было установлено, что у созависимых личностей на фоне преобладания негативного фона отношения к себе отмечается склонность к постоянному контролированию своей деятельности. Они отличаются высоким требованием к себе, что приводит к конфликту между реальным «Я» и «Я» идеальным, между уровнем их притязаний и достижений, а также к признанию своей малоценности. Султанова и коллеги (2022) обнаруживают отрицательную связь

ОБЩАЯ ПСИХОЛОГИЯ

созависимости с такими характеристиками, как самоуважение, успехи и автономия. Так же отмечается, что выраженность созависимости сопряжена с эмоциональной лабильностью, сниженным фоном настроения и чувством беспомощности; внешним локусом контроля и чувствительностью к оценке со стороны; а также ипохондричностью и склонностью к соматизации переживаний.

В психологии и философии считается, что самоотношение личности основано на самосознании (Арцимович, 2008; Столин, 1988). Еще со времен Р. Декарта и Дж. Локка основой самосознания считается рефлексия как способность к самоанализу и критическому осмыслению своих мыслей, эмоций и действий в разных сферах жизни (Столин, 1988). По сути, рефлексия позволяет человеку сформировать представление о себе, своих ценностях и жизненных приоритетах, осмыслить свое существование, что предполагает тесную связь между осмысленностью жизни, рефлексией и самоотношением. Данная связь многократно подтверждена на различных выборках (Андреева, 2023; Карташева, 2022; Рябышева, 2014). Можно также отметить, что сама рефлексия неоднородна и не является однозначно конструктивным свойством (Леонтьев & Осин, 2014). Учитывая различия в формах самой рефлексии, можно предположить, что и характер связи ее с самоотношением может быть неоднозначен.

В психогенетике большинство современных работ сходятся на том, что самооценка, как и другие устойчивые характеристики личности, имеет генетическую детерминацию (Jonassaint et al., 2012; Kilford et al., 2015; Neiss, Sedikides & Stevenson, 2002; Shikishima et al., 2018). Так, например, генетические факторы могут играть ключевую роль в формировании аффективного и когнитивного аспекта самооценки личности, в частности, могут влиять на индивидуальные различия в обработке информации, связанной с оценкой себя и своих способностей (Podina et al., 2015). Также показано, что гены нейромедиаторных систем могут влиять на уровень чувствительности к стрессу в целом, а также к критике, успехам или неудачам, что влияет на формирование самооценки (Niitsu et al., 2022; Serrano et al., 2021; Richter, 2017). Исследования на выборках подростков свидетельствуют о связи полиморфизмов генов COMT и DRD2 с уровнем виктимизации и общим уровнем дисрегуляции (Jonassaint et al., 2012; Gao et al., 2022). Сравнительные исследования на модельных организмах также многократно показали, что ген DRD2, кодирующий дофаминовый рецептор D2 (D2R), может быть связан со снижением мотивации общения и симптомами некоторых нервно-психических расстройств, таких как шизофрения и большая депрессия (Ike et al., 2023). Кроме того, есть сведения о том, что у людей ген COMT модулирует личное самосознание и когнитивную гибкость (Wang et al., 2016), а также связан с формированием дисфункциональных или иррациональных убеждений (Schmack et al., 2015; Podina et al., 2015).

Таким образом, анализ литературы позволяет заключить, что самоотношение и образ Я созависимых женщин имеет свою специфику и может выступать одной из ключевых мишеней терапии. Самоотношение и формирование образа

Я основывается на способности к осмыслению и оценки своего опыта, чувств, личности в целом, что свидетельствует о возможной связи между самооотношением созависимых женщин и особенностями рефлексии. Также есть основания полагать, что гены COMT и DRD2 могут быть ассоциированы с особенностями самооотношения. В этой связи, **цель** данного исследования - выявить психологические и генетические предикторы уровня самооотношения созависимых женщин.

Методы

Выборка составила 353 человека – женщины в возрасте от 18 до 54 лет (средний возраст 29,6 лет). Из них 188 человек – женщины в возрасте от 18 до 54 лет (средний возраст 34,3 лет), находящиеся в отношениях или состоящие в родстве с зависимым (алкоголизм, наркомания, нехимические зависимости).

С целью исследования особенностей самооотношения, рефлексии и осмысленности жизни были использованы следующие психологические тесты:

- тест-опросник самооотношения (В. В. Столин, С. Р. Пантеев);
- опросник «Дифференциальный тип рефлексии» (Д.А. Леонтьев);
- тест смысловых ориентаций (Д.А. Леонтьев);
- шкала созависимости (Б. Уайнхолд, Дж. Уайнхолд).

Опрос респондентов проведен в период с 13.09.2022 г. по 20.03.2023 г. очно, в формате электронного тестирования.

Для исследования генетических предикторов использовался метод молекулярно-генетического анализа. В качестве генов-кандидатов мы рассматривали генотипы генов рецептора дофамина DRD2 (rs1800497) и гена фермента COMT (Val158Met).

Сбор генетического материала у испытуемых (бuccального эпителия) для выделения геномной ДНК происходил непосредственно после завершения психологической диагностики, преимущественно в первой половине дня. Анализ ДНК был проведен методом аллель-специфической полимеразной цепной реакции (ПЦР) с детекцией в «реальном времени». В исследовании с забором генетического материала приняли участие 107 человек, из которых 60 – женщины от 22 до 52 лет (средний возраст 35,3 лет), находящиеся в родстве или в романтических отношениях с зависимым (алкоголизм, наркомания, нехимические зависимости).

Методы математической статистики: для определения соответствия эмпирического распределения нормальному закону был использован критерий Шапиро-Уилка; для изучения значимости различий в выделенных подгруппах применялся непараметрический критерий Крускала-Уолиса (в качестве апостериорного анализа было проведено попарное сравнение по методу Данна), для построения модели предикторов самооотношения применялся дисперсионный анализ с ковариатами ANCOVA, где факторами выступили генотипы по исследуемым

ОБЩАЯ ПСИХОЛОГИЯ

генам, а ковариатами – параметры рефлексии и смысложизненные ориентации. Был также применен корреляционный анализ с применением коэффициента ранговой корреляции Спирмена.

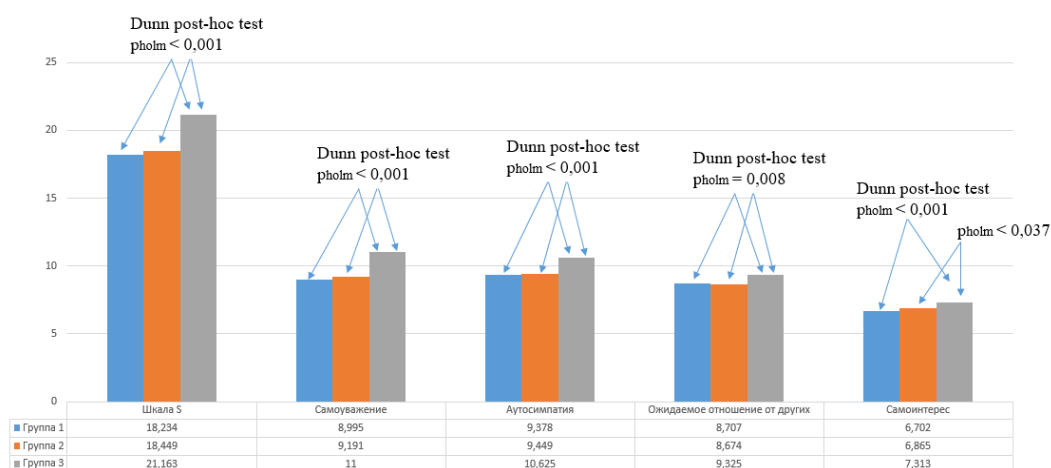
Статистическая обработка осуществлялась с применением программного пакета JASP 0.16

Результаты

В результате анализа компонентов и общего уровня самоотношения в выборке удалось установить, что группа созависимых женщин, состоящих в родстве или романтических отношениях с зависимым (алкоголизм, наркомания, нехимические зависимости), показывают достоверно более низкие баллы в сравнении с контрольной группой женщин, не указавших в своем близком окружении лиц с зависимостью и имеющих низкие и средние баллы по шкале созависимости Уайнхолдов (рисунок 1). Также значимые различия установлены между двумя подгруппами контрольной группы (не указавшими в своем близком окружении лиц с зависимостью): между группой имеющих низкие и средние баллы и группой имеющих высокие баллы по шкале созависимости Уайнхолдов. Все результаты расчета описательных статистик, а также проверки на нормальность распределение представлены в приложении 1.

Рисунок 1

Результаты исследования самоотношения в выборке (средние значения и сравнительный анализ)

Примечание: Группа 1 – Созависимые (N= 188); Группа 2 – Высокий уровень созависимости в контрольной группе (N= 89); Группа 3 - Низкий и средний уровни созависимости в контрольной группе (N= 80)

Далее был проведен корреляционный анализ по методу Спирмена между компонентами и общим уровнем самоотношения в выборке, видами рефлексии, смысложизненными ориентациями и общим уровнем осмысленности жизни (таблица 1).

Таблица 1

Результаты корреляционного анализа между компонентами и общим уровнем самоотношения в выборке, видами рефлексии, смысложизненными ориентациями и общим уровнем осмысленности жизни (N = 353)

Variable		Шкала S	Самоува- жение	Ауто- сим- патия	Ожидае- мое отно- шение от других	Само- инте- рес
Системная рефлексия	Rs	0,11	0,12	-	0,148	0,226
	p-value	0,037	0,024	-	0,005	< ,001
Интро- спекция	Rs	-0,531	-0,576	-0,294	-0,286	-0,254
	p-value	< ,001	< ,001	< ,001	< ,001	< ,001
Квази- рефлексия	Rs	-0,238	-0,272	-0,178	-0,121	-
	p-value	< ,001	< ,001	< ,001	0,022	-
Осмыс- ленность жизни	Rs	0,563	0,58	-	0,42	0,347
	p-value	< ,001	< ,001	-	< ,001	< ,001
Цели	Rs	0,531	0,56	-	0,368	0,339
	p-value	< ,001	< ,001	-	< ,001	< ,001
Процесс	Rs	0,536	0,522	-	0,374	0,303
	p-value	< ,001	< ,001	-	< ,001	< ,001
Результат	Rs	0,528	0,504	-	0,371	0,367
	p-value	< ,001	< ,001	-	< ,001	< ,001
Локус контроля-Я	Rs	0,574	0,59	-	0,345	0,346
	p-value	< ,001	< ,001	-	< ,001	< ,001
Локус контроля - Жизнь	Rs	0,531	0,569	-	0,399	0,317
	p-value	< ,001	< ,001	-	< ,001	< ,001

Показано, что практически все компоненты самоотношения имеют достоверные положительные связи с выраженностью системной рефлексии, смысложизненными ориентациями и осмысленностью жизни (таблица 1). Исключение составил

ОБЩАЯ ПСИХОЛОГИЯ

показатель аутосимпатии, по которому обнаружены значимые связи только с параметрами интроспекции и квазирефлексии. При этом связи с этими видами рефлексии во всех остальных случаях также отрицательные.

Далее для проверки предположения о том, что гены дофаминергической системы, уровень осмысленности жизни и параметры рефлексии могут выступать предикторами самоотношения созависимых женщин, был проведен ковариационный анализ (таблица 2).

Таблица 2

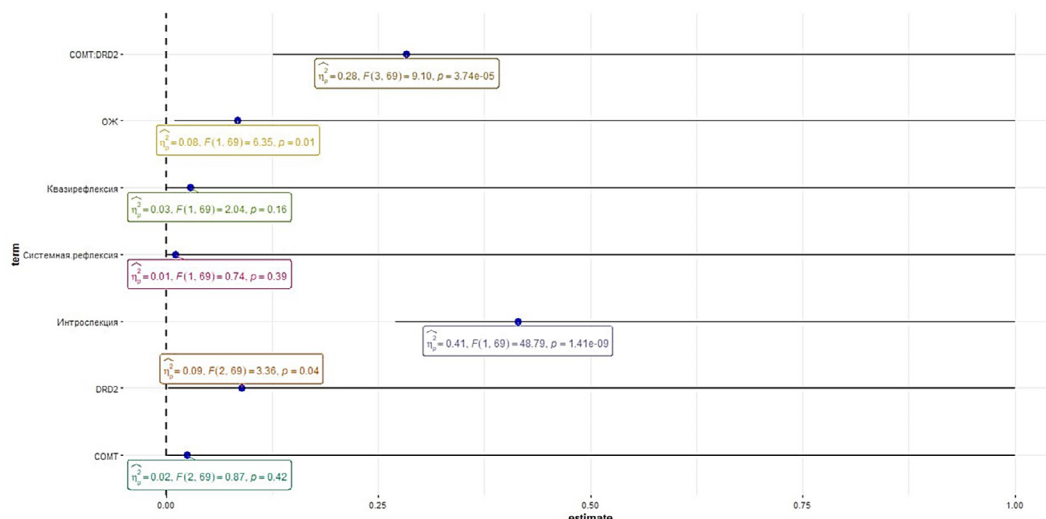
Результаты ковариационного анализа психологических и генетических предикторов самоотношения

	Сумма квадратов (Sum Sq)	Средний квадрат (Mean Sq)	Эта- квадрат (η^2)	F	p
COMT	7,19	3,60	0,02	0,87	0,422
DRD2	27,67	13,83	0,09	3,36	0,040
COMT: DRD2	112,27	37,42	0,28	9,10	<0,001
Интроспекция	200,71	200,71	0,41	48,79	<0,001
Системная рефлексия	3,03	3,03	0,01	0,74	0,394
Квазирефлексия	8,38	8,38	0,03	2,04	0,158
Осмысленность жизни	26,13	26,13	0,08	6,35	0,014
Residuals	69 283,83	4,11			

В результате ковариационного анализа показано, что значимый эффект имеют уровень осмысленности жизни, уровень интроспекции и генотип по гену DRD2 и взаимодействие генов COMT:DRD2. Графически описанные эффекты представлены на рисунке 2.

Рисунок 2

Результаты ковариационного анализа психологических и генетических предикторов самоотношения

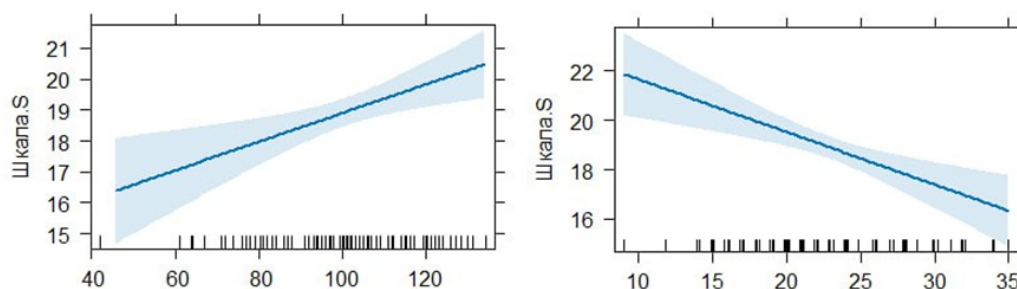

Наиболее сильные эффекты ($\eta^2 > 0,14$) отмечены между самоотношением и уровнем интроспекции, а также между самоотношением и взаимодействием генов COMT:DRD2 (рисунок 2). Отдельно по гену DRD2 и показателю осмысленности жизни отмечены средние эффекты ($\eta^2 > 0,06$).

Данные ковариационного анализа в целом согласуются с данными корреляционного анализа и свидетельствуют о том, что чем выше уровень осмысленности жизни, тем выше уровень самоотношения (рис. 3). Для интроспекции отмечена обратная направленность.

Рисунок 3

Анализ отношений между зависимой переменной (интегральный показатель самоотношения – Шкала S) и психологическими предикторами (осмысленность жизни – ОЖ; интроспекция)

ОБЩАЯ ПСИХОЛОГИЯ

Наиболее высокие значения самооотношения отмечены у носительниц генотипа CC по гену DRD2 (рис. 4). При этом, носительницы генотипа TT имеют наибольший разброс значений. При анализе совместного влияния показано, что носительницы генотипа CC по гену DRD2 с генотипом VV по гену COMT будут иметь наиболее высокие значения в выборке, а носительницы генотипа CT по гену DRD2 с генотипом VV по гену COMT будут иметь наиболее низкие показатели (рис. 5).

Рисунок 4

Анализ уровня самооотношения созависимых женщин-носительниц различных генотипов по гену DRD2

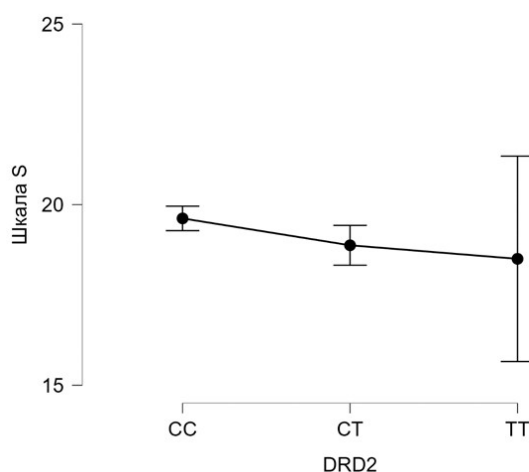
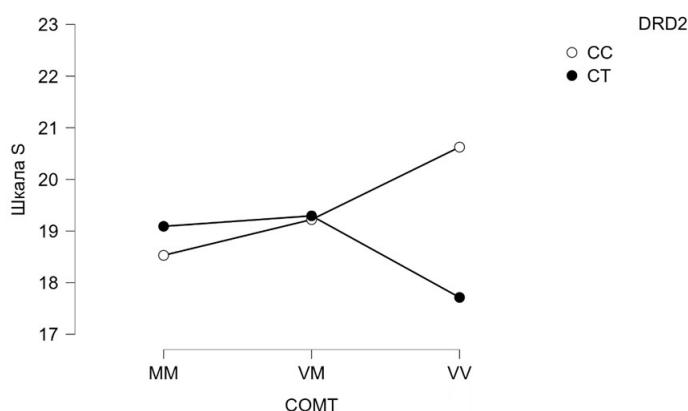

Рисунок 5

Анализ уровня самооотношения созависимых женщин-носительниц различных генотипов по генам DRD2 и COMT

Обсуждение результатов

Проведенное исследование показало, что уровень самооотношения достоверно различается у носительниц различных генотипов генов DRD2 и COMT, имеет положительную связь с уровнем осмысленности жизни и отрицательную – с интроспекцией. Результаты корреляционного анализа в целом соответствуют выводам, основанным на теоретическом анализе научной литературы и данным эмпирических исследований, полученных на различных выборках (Андреева, 2023; Карташева, 2022; Рябышева, 2014). В большинстве современных источников также подтверждается идея о том, что гены дофаминергической системы могут быть ассоциированы с различными личностными характеристиками и когнитивными функциями. Носители генотипа CC гена DRD2 в локусе rs1800497 могут иметь более выраженную активность дофаминовых рецепторов, что в литературе связывают с повышением скорости обработки информации и реактивностью поведения, и сниженной (в сравнении с носителями аллеля T) выраженностью симптомов тревоги и депрессии (Моссэ и др., 2022; Li, Bäckman, Persson, 2019). Варианты в полиморфном локусе Val158Met гена COMT, также известном как «Warrior or Worrier» – «воин или паникер» (Serrano et al., 2021; Гафаров и др., 2021), напрямую связывают с активностью фермента катехол-О-метилтрансферазы, ответственной за метаболизм катехоламинов, включая дофамин. Носители генотипа VV имеют более низкий уровень дофамина ввиду более высокой активности фермента COMT, по мнению ряда авторов, это делает их более стрессоустойчивыми, более внимательными, более эффективными в ситуации неопределенности (Serrano et al., 2021); носители VM имеют промежуточный вариант по активности фермента, и могут проявлять большее разнообразие в регуляции поведения (Mueller et al., 2014; Cha et al., 2022; Гафаров и др., 2021); носители генотипа MM отличаются большей эмоциональностью, импульсивностью, нестабильностью и повышенным риском развития психических заболеваний (Гафаров и др., 2021). Таким образом, наиболее высокий уровень самооотношения у носителей генотипа CC по гену DRD2 и гетерозиготного генотипа VV гена COMT может быть обусловлен балансом между более высоким уровнем дофаминергической активности, свойственным генотипу CC DRD2, и высокой активностью COMT, способствующей оптимальному уровню метаболизма дофамина. В свою очередь, сниженное количество плотности рецепторов (генотип CT по гену DRD2) в совокупности с высокоактивным вариантом COMT будет давать наиболее существенное снижение дофаминергической трансмиссии и наиболее низкие показатели самооотношения в выборке созависимых женщин. Однако, следует отметить, что генетическая основа самооценки чрезвычайно сложна и многогранна, и конкретные гены могут играть роль лишь в контексте других генетических и окружающих факторов. Дальнейшие исследования в этой области помогут расширить наше понимание генетических механизмов, лежащих в основе самооценки.

Выводы

Проведенное исследование имело целью выявить психологические и генетические предикторы уровня самооотношения созависимых женщин. В качестве генов кандидатов были выбраны гены дофаминергической системы, а именно ген рецептора дофамина второго типа DRD2 (полиморфный локус rs1800497) и гена фермента COMT (полиморфный локус Val158Met). Полученные данные позволяют заключить, что уровень самооотношения достоверно различается у носительниц различных генотипов генов DRD2 и COMT. При этом наиболее высокий уровень самооотношения отмечен у носительниц генотипа CC по гену DRD2 и варианта VV гена COMT. Положительный эффект на уровень самооотношения имеет повышение уровня осмысленности жизни и снижение склонности к непродуктивному «самокопанию» (интроспекции).

Литература

- Аванесян, А. А., Кулаченко, М. А., Москаленко, А. В. (2020). Изучение личностных особенностей созависимых людей в семьях с больным наркотической зависимостью. *Форум*, 1(21), 71–76. EDN NWZZXY.
- Андреева, Е. А. (2023). Особенности самооотношения юношей и девушек. *Общество: социология, психология, педагогика*, 1(105), 79–83.
- Артемцева, Н. Г. (2017). *Феномен созависимости: общее, типологическое, индивидуальное* (Монография). ИПРАН.
- Арцимович, И. В. (2008). Рефлексия как основа формирования и развития самооотношения личности. *Культурная жизнь Юга России*, 4.
- Бальзамова, В. С. (2022). Психологические особенности Я-концепции созависимой женщины. *Психология и педагогика в Крыму: пути развития*, 5, 27–39.
- Биктагирова, А. Р., & Гарифуллина, Г. Ф. (2018). Социально-психологические аспекты созависимого поведения в современном обществе. *Вестник Башкирского государственного педагогического университета им. М. Акмуллы*, 2(46), 107–113. EDN PMUTIZ.
- Гафаров, В. В., Громова, Е. А., Панов, Д. О., и др. (2021). Ассоциация полиморфного маркера Val158Met гена COMT с депрессией в открытой популяции 25–44 лет (международная программа ВОЗ MONICA, эпидемиологическое исследование). *Неврология, нейропсихиатрия, психосоматика*, 13(2), 19–25. <https://doi.org/10.14412/2074-2711-2021-2-19-25>
- Зенкова, К. С. (2023). Влияние повышенной тревожности на формирование созависимых отношений. *Актуальные вопросы медицинской науки*, 1, 160–161. EDN MZWENS.
- Карташева, М. И. (2022). Роль системы "Я" в структуре ментальной регуляции психических состояний в процессе учебной деятельности. *Ярославский педагогический вестник*, 1(124).
- Коленова, А. С., Кукуляр, А. М., & Дятлова, Л. А. (2023). Психологические маркеры созависимого поведения: теория и практика. *Российский психологический журнал*, 20(1), 6–19. <https://doi.org/10.21702/rpj.2023.1.1>
- Леонтьев, Д. А., & Осин, Е. Н. (2014). Рефлексия «Хорошая» и «Дурная»: от объяснительной модели к дифференциальной диагностике. *Психология. Журнал Высшей школы экономики*, 11 (4), 110–135.

- Мадалиева, С. Х., Исмаилов, Ш. Т., & Халилов, А. (2020). Опыт применения методики Самосовладания по Асимову в психокоррекции созависимого поведения. *Человеческий фактор: Социальный психолог*, 2(40), 218–222. EDN JGRBVH.
- Михайлова, Н. В. (2020). Индивидуально-психологические особенности переживания одиночества у созависимых людей. *Человек. Искусство. Вселенная*, 1, 241–253. EDN EHNCKD.
- Моссэ, И. Б., Кухтинская, Л. В., Седляр, Н. Г., Докукина, Т. В., & Кильчевский, А. В. (2022). Роль полиморфных вариантов генов дофаминергической системы в формировании психо-эмоционального статуса человека. *Доклады Национальной академии наук Беларуси*, 66(3), 294–300. <https://doi.org/10.29235/1561-8323-2022-66-3-294-300>
- Раклова, Ю. (2019). Коррекция созависимого поведения: предложите психологическую программу. *Универсальный журнал психологии*, 7(2), 29–37. <https://doi.org/10.13189/ujp.2019.070201>.
- Рябышева, Е. Н. (2014). Влияние рефлексии на развитие личности. *Территория науки*, 2, 49–52.
- Столин, В. В., & Пантеев, С. Р. (1988). Опросник самоотношения. В *Практикум по психодиагностике: психодиагностические материалы* (с. 123–130). МГУ.
- Султанова, А. Н., Филь, Т. А., Гаджиева, У. Х., Станкевич, А. С., Чут, У. Ю., Жданова, А. Г., Баранова, Д. Е., Орлов, А. Е., Шкиря, Е. Е., Тошмирзаева, Г. Э., Сычева, Т. Ю., Лобастов, Р. Л., Карафинка, П. М., & Киселева, А. А. (2022). Сущность феномена созависимости в представлении разных авторов. *МНИЖ*, 5-2(119).
- Хазова, С. А., & Вариошкина, Е. Н. (2022). О самоотношении, границах и позитивном мышлении: динамика личностных особенностей созависимых женщин в процессе психокоррекционной работы. *Вестник Омского университета. Серия «Психология»*, 1, 61–71.
- Bacon, I., McKay, E., Reynolds, F., & McIntyre, A. (2020). The lived experience of codependency: An interpretative phenomenological analysis. *International Journal of Mental Health and Addiction*, 18, 1–15. <https://doi.org/10.1007/s11469-018-9983-8>
- Cha, E., Ahn, H. J., Kang, W., Jung, K. I., Ohn, S. H., Bashir, S., & Yoo, W. K. (2022). Correlations between COMT polymorphism and brain structure and cognition in elderly subjects: An observational study. *Medicine (Baltimore)*, 101(18), e29214. <https://doi.org/10.1097/MD.00000000000029214>
- Gao, Y., Xiong, Y., Liu, X., et al. (2022). Examining how and why polygenic dopamine composite levels moderate adolescents' vulnerability to peer victimization. *Child and Adolescent Psychiatry and Mental Health*, 16, 84. <https://doi.org/10.1186/s13034-022-00521-7>
- Happ, Z., Bodó-Varga, Z., Bandi, S., Kiss, E., Nagy, L., & Csókási, K. (2022). How codependency affects dyadic coping, relationship perception and life satisfaction. *Current Psychology*, 42, 1–8. <https://doi.org/10.1007/s12144-022-02875-9>
- Ike, K. G. O., Lamers, S. J. C., Kaim, S., et al. (2023). The human neuropsychiatric risk gene *Drd2* is necessary for social functioning across evolutionary distant species. *Molecular Psychiatry*. <https://doi.org/10.1038/s41380-023-02345-z>
- Jonassaint, C. R., Ashley-Koch, A., Whitfield, K. E., Hoyle, R. H., Richman, L. S., Siegler, I. C., Royal, C. D., & Williams, R. (2012). The serotonin transporter gene polymorphism (5HTTLPR) moderates the effect of adolescent environmental conditions on self-esteem in young adulthood: A structural equation modeling approach. *Biological Psychology*, 91(1), 111–119. <https://doi.org/10.1016/j.biopsycho.2012.05.004>
- Kilford, E. J., Dumontheil, I., Wood, N. W., & Blakemore, S. J. (2015). Influence of COMT genotype and affective distractors on the processing of self-generated thought. *Social Cognitive and Affective Neuroscience*, 10(6), 777–782. <https://doi.org/10.1093/scan/nsu118>

- Li, X., Bäckman, L., & Persson, J. (2019). The relationship of age and DRD2 polymorphisms to frontostriatal brain activity and working memory performance. *Neurobiology of Aging*, 84, 189–199. <https://doi.org/10.1016/j.neurobiolaging.2019.08.022>
- Mueller, S. C., Cornwell, B. R., Grillon, C., Macintyre, J., Gorodetsky, E., Goldman, D., Pine, D. S., & Ernst, M. (2014). Evidence of MAOA genotype involvement in spatial ability in males. *Behavioral Brain Research*, 267, 106–110. <https://doi.org/10.1016/j.bbr.2014.03.025>
- Neiss, M. B., Sedikides, C., & Stevenson, J. (2002). Self-esteem: A behavioural genetic perspective. *European Journal of Personality*, 16(5), 351–367. <https://doi.org/10.1002/per.456>
- Niitsu, K., et al. (2022). Genetic associations with resilience to potentially traumatic events and vantage sensitivity to social support. *Archives of Psychiatric Nursing*, 40, 147–157. <https://doi.org/10.1016/j.apnu.2022.07.013>
- Podina, I., Popp, R., Pop, I., & David, D. (2015). Genetic correlates of maladaptive beliefs: COMT VAL(158)MET and irrational cognitions linked depending on distress. *Behavior Therapy*, 46(6), 797–808. <https://doi.org/10.1016/j.beth.2015.06.004>
- Richter, A., Barman, A., Wüstenberg, T., Soch, J., Schanze, D., Deibele, A., Behnisch, G., Assmann, A., Klein, M., Zenker, M., Seidenbecher, C., & Schott, B. H. (2017). Behavioral and neural manifestations of reward memory in carriers of low-expressing versus high-expressing genetic variants of the dopamine D2 receptor. *Frontiers in Psychology*, 8, 654. <https://doi.org/10.3389/fpsyg.2017.00654>
- Schmack, K., Rössler, H., Sekutowicz, M., Brandl, E. J., Müller, D. J., Petrovic, P., & Sterzer, P. (2015). Linking unfounded beliefs to genetic dopamine availability. *Frontiers in Human Neuroscience*, 9, 521. <https://doi.org/10.3389/fnhum.2015.00521>
- Serrano, J. M., Banks, J. B., Fagan, T. J., & Tartar, J. L. (2019). The influence of Val158Met COMT on physiological stress responsivity. *Stress (Amsterdam, Netherlands)*, 22(2), 276–279. <https://doi.org/10.1080/10253890.2018.1553949>
- Shikishima, C., Hiraishi, K., Takahashi, Y., Yamagata, S., Yamaguchi, S., & Ando, J. (2018). Genetic and environmental etiology of stability and changes in self-esteem linked to personality: A Japanese twin study. *Personality and Individual Differences*, 121, 140–146. <https://doi.org/10.1016/j.paid.2017.09.013>
- Sultanova, A. N., Fil', T. A., Gadzhieva, U. H., Stankevich, A. S., Chut, U. Yu., Zhdanova, A. G., Baranova, D. E., Orlov, A. E., Shkirya, E. E., Toshmirzaeva, G. E., Sycheva, T. Yu., Lobastov, R. L., Karafinka, P. M., & Kiseleva, A. A. (2022). The essence of co-dependency phenomenon in the representation of different authors. *International Research Journal*, 5(119). <https://doi.org/10.23670/IRJ.2022.119.5.040>
- Wang, B., Ru, W., Yang, X., Yang, L., Fang, P., Zhu, X., Shen, G., Gao, X., & Gong, P. (2016). Catechol-O-methyltransferase (COMT) gene modulates private self-consciousness and self-flexibility. *Consciousness and Cognition*, 44, 186–192. <https://doi.org/10.1016/j.concog.2016.08.001>

Приложение

Описательные статистики по выборке: исследование самоотношения

		Среднее значение (Mean)	Стандартное отклонение (Std, Deviation)	Тест Шапиро-Уилка (Shapiro-Wilk test)	P-value of Shapiro-Wilk
Шкала S	Группа 1	18,234	4,216	0,922	< ,001
	Группа 2	18,449	4,017	0,936	< ,001
	Группа 3	21,163	3,042	0,903	< ,001
Само-уважение	Группа 1	8,995	2,861	0,960	< ,001
	Группа 2	9,191	2,540	0,970	0,036
	Группа 3	11,000	2,250	0,945	0,002
Ауто-симпатия	Группа 1	9,378	2,349	0,939	< ,001
	Группа 2	9,449	2,620	0,968	0,026
	Группа 3	10,625	1,912	0,939	< ,001
Ожидаемое отношение от других	Группа 1	8,707	1,750	0,872	< ,001
	Группа 2	8,674	1,664	0,917	< ,001
	Группа 3	9,325	1,167	0,812	< ,001
Самоинтерес	Группа 1	6,702	1,450	0,792	< ,001
	Группа 2	6,865	1,391	0,772	< ,001
	Группа 3	7,313	0,976	0,709	< ,001
Само-уверенность	Группа 1	5,005	1,620	0,922	< ,001
	Группа 2	4,899	1,438	0,947	0,001
	Группа 3	5,813	1,159	0,857	< ,001
Отношение других	Группа 1	5,734	1,036	0,757	< ,001
	Группа 2	5,708	1,014	0,859	< ,001
	Группа 3	5,825	0,569	0,648	< ,001
Само-принятие	Группа 1	5,165	1,548	0,892	< ,001
	Группа 2	5,045	1,445	0,892	< ,001
	Группа 3	5,525	1,125	0,854	< ,001

ОБЩАЯ ПСИХОЛОГИЯ

		Среднее значение (Mean)	Стандартное отклонение (Std, Deviation)	Тест Шапиро-Уилка (Shapiro-Wilk test)	P-value of Shapiro-Wilk
Само-руководство	Группа 1	4,101	1,294	0,942	< ,001
	Группа 2	4,382	1,257	0,935	< ,001
	Группа 3	4,775	1,158	0,865	< ,001
Само-обвинение	Группа 1	4,282	1,758	0,941	< ,001
	Группа 2	4,079	1,835	0,952	0,002
	Группа 3	3,587	1,733	0,932	< ,001
Самоинтерес	Группа 1	6,016	1,322	0,731	< ,001
	Группа 2	5,989	1,394	0,727	< ,001
	Группа 3	6,575	1,167	0,422	< ,001
Само-понимание	Группа 1	3,755	1,442	0,937	< ,001
	Группа 2	3,888	1,563	0,944	< ,001
	Группа 3	4,800	1,184	0,899	< ,001
Системная рефлексия	Группа 1	40,537	4,842	0,943	< ,001
	Группа 2	39,674	4,835	0,966	0,019
	Группа 3	38,8	5,522	0,966	0,03
Интро-спекция	Группа 1	23,569	5,766	0,983	0,024
	Группа 2	24,775	4,97	0,965	0,016
	Группа 3	19,313	5,046	0,978	0,173
Квази-рефлексия	Группа 1	24,261	5,287	0,989	0,158
	Группа 2	25,966	5,426	0,978	0,129
	Группа 3	22,063	5,782	0,986	0,54
ОЖ	Группа 1	97,632	19,797	0,97	0,042
	Группа 2	92,033	18,654	0,983	0,888
	Группа 3	105,318	17,442	0,956	0,417
Цели	Группа 1	30,598	8,085	0,95	0,002
	Группа 2	30,067	7,538	0,932	0,057
	Группа 3	34,136	5,54	0,951	0,334

		Среднее значение (Mean)	Стандартное отклонение (Std, Deviation)	Тест Шапиро-Уилка (Shapiro-Wilk test)	P-value of Shapiro-Wilk
Процесс	Группа 1	27,368	5,889	0,976	0,102
	Группа 2	25,7	5,621	0,953	0,208
	Группа 3	29,682	4,989	0,934	0,15
Результат	Группа 1	25,46	6,088	0,965	0,017
	Группа 2	23,433	6,118	0,966	0,428
	Группа 3	27,773	6,102	0,893	0,022
ЛК-Я	Группа 1	20,023	5,272	0,958	0,006
	Группа 2	18,367	4,824	0,948	0,147
	Группа 3	21,773	3,816	0,958	0,455
ЛК-Ж	Группа 1	29,276	7,337	0,974	0,079
	Группа 2	27,933	6,313	0,978	0,78
	Группа 3	31,545	6,537	0,969	0,696
Шкала созависимости (Б, Уайнхолд, Дж, Уайнхолд),	Группа 1	41,809	8,419	0,988	0,127
	Группа 2	46,382	5,793	0,894	< ,001
	Группа 3	33,15	4,551	0,931	< ,001

Легенда: Группа 1 – Созависимые (N= 188); Группа 2 – Высокий уровень созависимости в контрольной группе (N= 89); Группа 3 - Низкий и средний уровни созависимости в контрольной группе (N= 80)

Поступила в редакцию: 4.03.2024

Поступила после рецензирования: 10.10.2024

Принята к публикации: 14.01.2025

Заявленный вклад авторов

Павел Николаевич Ермаков – концептуализация, планирование исследования, критический пересмотр содержания статьи.

Анастасия Сергеевна Колёнова – планирование и проведение эмпирического исследования, написание текста статьи.

Анна Михайловна Кукуляр – проведение и обработка данных эмпирического исследования, написание текста статьи.

Анастасия Сергеевна Бордоносенко – участие в подготовке текста статьи.

Информация об авторах

Павел Николаевич Ермаков – доктор биологических наук, профессор, Южный федеральный университет, Ростов-на-Дону, Российская Федерация; Scopus Author ID: 6602450914; WoS Redearcher ID: B-3040-2016; SPIN-код РИНЦ: 7706-9441; ORCID ID: <https://orcid.org/0000-0001-8395-2426>; e-mail: paver@sfedu.ru

Анастасия Сергеевна Колёнова – кандидат психологических наук, старший научный сотрудник, Региональный научный центр Российской академии образования на базе Южного федерального университета, доцент кафедры «Психофизиология и клиническая психология» Донского государственного технического университета, г. Ростов-на-Дону, Российская Федерация; ResearcherID: L-5441-2016; AuthorID: 806448; SPIN-код: 2822-1466; ORCID: <https://orcid.org/0000-0003-0715-8655>; e-mail: askolenova@gmail.com

Анна Михайловна Кукуляр – кандидат психологических наук, старший научный сотрудник, Региональный научный центр Российской академии образования на базе Южного федерального университета, доцент кафедры «Общая и консультативная психология» Донского государственного технического университета, г. Ростов-на-Дону, Российская Федерация; ResearcherID: AAI-1372-2021; Scopus Author ID: 57218094113; SPIN-код: 4476-1656; ORCID: <https://orcid.org/0000-0003-4786-2954>; e-mail: vetkina-anna@mail.ru

Анастасия Сергеевна Бордоносенко – ассистент кафедры психофизиологии и клинической психологии, Академия психологии и педагогики, Южный Федеральный Университет, Ростов-на-Дону, Российская Федерация; SPIN-код РИНЦ: 2710-9932, Web of Science ResearcherID: LQK-0696-2024, ORCID ID: <https://orcid.org/0009-0005-0643-6344>; e-mail: bordonosenko@sfedu.ru

Информация о конфликте интересов

Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

Исполнительные функции у лиц с длительной зависимостью от психоактивных веществ

Елена И. Николаева^{*} , Полина В. Ивашина

Российский государственный педагогический университет, Санкт-Петербург,
Российская Федерация

*Почта ответственного автора: klemtina@yandex.ru

Аннотация

Введение. В работе поставлена задача: выявить роль исполнительных функций (рабочей памяти и тормозного контроля) в формировании длительной зависимости от психоактивных веществ (ПАВ). **Методы.** Было обследовано 95 человек контрольной группы (не употребляющих психоактивные вещества) и 146 человек экспериментальной группы, употребляющих психоактивные вещества (ПАВ), среди них 99 человек с зависимостью от наркотических веществ разных групп, 47 человек с синдромом зависимости от алкоголя. Стаж употребления наркотиков и алкоголя составил 5–20 лет. Испытуемые заполнили анкету, направленную на изучение длительности употребления психоактивных веществ и типа этих веществ; выполнили задания теста «Прогрессивные матрицы» Дж. Равена. Для оценки тормозного контроля использовались парадигмы «go/go» и «go/no-go». Для описания объема рабочей памяти и ее механизмов (проактивной интерференции и обучения) применялась методика О. М. Разумниковой. Были использованы возможности пакета программы SPSS-21, применяли регрессионный и факторный анализы. **Результаты.** Полученные в результате факторного и регрессионного анализа данные свидетельствуют о том, что люди с длительным опытом употребления как наркотических веществ, так и алкоголя имели трудности в выполнении заданий шкал D и E «Прогрессивных матриц» Дж. Равена, оценивающих наиболее аналитическую и синтетическую деятельности. В то же время было показано, что именно сформированные исполнительные функции позволяют людям с длительной зависимостью продолжать социальную активность на достаточно устойчивом уровне. Такими адаптивными механизмами стали высокий

ПСИХОФИЗИОЛОГИЯ

уровень обучения в рабочей памяти и сформированный тормозный контроль. **Обсуждение результатов.** Исполнительные функции имеют двойственные функции в отношении зависимости: при поздней провокации зависимости они имеют протективную функцию, препятствующую возникновению зависимости, но при очень раннем формировании зависимости (до 12 лет), постепенно формирующиеся исполнительные функции позволяют сохранять устойчивое социальное состояние на фоне употребления ПАВ.

Ключевые слова

психоактивные вещества, алкоголь, исполнительные функции, парадигма go/go и go/no-go, рабочая память, тормозный контроль

Для цитирования

Николаева, Е. И., & Ивашина, П. В. (2025). Исполнительные функции у лиц с длительной зависимостью от психоактивных веществ. *Российский психологический журнал*, 22(1), 101–117. <https://doi.org/10.21702/tj7rt132>

Введение

Наркомания – это компульсивное немедицинское самостоятельное употребление наркотических веществ (Wise & Robble, 2020; Архипова и др., 2024). Употребление происходит, несмотря на отрицательные последствия, о которых знает человек, принимающий наркотики (Leshner, 1997). О негативных последствиях применения наркотических средств информируют в учебных заведениях разного уровня, в СМИ. Однако в непосредственном окружении дети и подростки (возраст, когда наиболее часто формируется зависимость – Маренко и др., 2024) редко видят негативные последствия, а результат сиюминутного применения психоактивных веществ не выглядит в начале угрожающим (Yang et al., 2022). Это уточнение связано с результатами исследований, в которых животные, нажимающие на рычаг для получения награды в виде кокаина, одновременно получали удар током по ногам (Deroche-Gamonet et al., 2004), либо слышали звук, на который ранее у них вырабатывался болевой рефлекс (Vanderschuren & Everitt, 2004), и, несмотря на непосредственное болевое подкрепление, животные выбирали кокаин и нажимали на рычаг. Эти данные вскрывают глубокий внутренний механизм, обуславливающий возникновение зависимости: начало употребления связано с приятными чувствами, а последствия формирования зависимости столь тяжелы, что даже непосредственная боль не способствует прекращению зависимого поведения.

Психоактивные вещества (ПАВ), вызывающие привыкание, влияют на систему вознаграждения мозга и внеклеточные колебания вовлеченного в этот

процесс нейромедиатора дофамина. Дофамин включен в модуляцию системы мотивации, а также контролирует высвобождение глутамата; способствует развитию долговременных клеточных модификаций, которые либо усиливают, либо подавляют влияние глутамата, влияя на активность системы вознаграждения, управляющей поведением человека (Wise & Robble, 2020). В экспериментах на животных, у которых искусственно истощались запасы дофамина или повреждалась дофаминовая система, значимо снижалась двигательная активность (хотя не было расстройств двигательной системы) и мотивация, в том числе к еде: животное могло умереть от голода при наличии еды (Ungerstedt, 1971; Stricker & Zigmond, 1976); нарушался процесс обучения новым условным рефлексам, останавливалась реакция на прогностически значимые стимулы. Реакция на значимые стимулы критически важна для жизни: прогнозирующие стимулы ведут животное, как и человека от одного вознаграждения к другому, направляя поведение на выживание (Bolles, 1972). Современные исследования подтверждают ответственность системы вознаграждения за формирование зависимого поведения в целом и зависимости от психоактивных веществ в частности (Morie & Potenza, 2021; Ceceli et al., 2022; Barendse et al., 2024). Считается, что человек уже в неолитический период был знаком с опиатами (Merlin, 2003), которые являются экзогенными лигандами морфиновых рецепторов и в той или иной мере выполняют функции эндогенных лигандов β -эндорфинов, энкефалинов, динарфинов и ноцицептина/орфанина FQ. Эти опиоидные пептиды вместе с родственными им пептидными рецепторами широко экспрессируются в нервной системе и, в частности, в путях, несущих информацию о боли (Corder et al., 2018).

Глубокие психофизиологические корни формирования зависимости не предполагают простого решения вопроса зависимости от психоактивных веществ. Именно поэтому существует большой пласт работ, направленных на изучение психологических особенностей аддиктивного поведения в целом.

Психологические факторы, повышающие вероятность зависимости человека от ПАВ, – высокий уровень импульсивности планирования; низкий уровень самонаправленности, что, согласно психобиологической модели личности С.Р. Клонингера (Cloninger, 2008), отражает недостаток осознания собственных возможностей и ограничений; отсутствие целеустремленности и ответственности, психотравмирующий детский опыт (Губанова, Корж, 2024).

В одной из работ был описан социальный состав потребителей психоактивных веществ в России. В нем лидировали предприниматели (32%), рабочие встречались в 23% случаев, безработные – 20%, руководящие работники – 17%, учащиеся и студенты – 15%, домохозяйки – 14%, служащие – 11%, инженерно-технические работники – 9%, работники умственного труда – 8% (Араловец, 2019). Самый низкий процент зависимости среди работников умственного труда позволяет высказать предположение, что высокий интеллект является протективным механизмом, ограничивающим возможность формирования зависимости.

Деградация личности, утрата социального статуса и даже летальный исход, особенно при раннем начале употребления ПАВ, происходят достаточно быстро (Араловец, 2019). Однако представляет особый интерес долговременная зависимость от ПАВ с сохранением у аддикта достаточно высокого социального статуса и работоспособности. Это предполагает наличие некоторых психофизиологических механизмов адаптации, предотвращающих быстрое разрушающее влияние психоактивных веществ.

В настоящее время протективные способности личности связывают с исполнительными функциями, которые контролируются наиболее поздно возникшей в эволюции и поздно созревающей в онтогенезе областью мозга – префронтальной корой (Николаева и др., 2021; Ceceli et al., 2022). Исполнительные функции относятся к когнитивным процессам более высокого порядка, которые играют важную роль в развитии саморегуляции поведения и мыслительных операций (Roebers, 2017). К таким процессам относятся мониторинг, управление, контроль, адаптация информационных процессов более низкого уровня, таких как кодирование, хранение и извлечение информации (Paige et al., 2024). Основными исполнительными функциями являются тормозный контроль и рабочая память (Ede & Nobre, 2023).

Рабочая память – это память на промежуточные этапы некоторого процесса (Величковский, 2016), которая включает как минимум два механизма: проактивную интерференцию (Anderson & Hulbert, 2021) и обучение в процессе воспроизведения (Streb et al., 2016). Если первый механизм ухудшает последующее запоминание, то второй механизм обеспечивает ее удержание, несмотря на наличие дистракторов (Разумникова, Николаева, 2019).

Роль исполнительных функций в формировании зависимости активно исследуется. М. Hildebrandt соавторами (2021) обнаружили 359 статей на платформах PubMed и Web of Science только в 2020 году, где так или иначе изучалась связь тормозного контроля с зависимостью от ПАВ. Проведя глубокий анализ работ, они отмечают, что многие исследования подтверждают наличие этой зависимости, но есть и достаточное количество работ, которые не соответствуют такому выводу. Этому противоречию авторы не нашли объяснения и отметили острую необходимость дальнейших исследований.

В то же время авторы подчеркивают как разнообразие подходов к оценке исполнительных функций, так и разнообразие оцененных выборок в исследованиях.

Нам показалось значимым обследовать людей, достаточно долго употребляющих наркотические вещества и при этом сохранивших рабочее место, порой на достаточно высокооплачиваемой престижной работе, поскольку быстрая деградация личности многократно описана. Встает вопрос о том, что может удерживать личность от стремительной деградации при сохранении зависимости от психоактивных веществ?

Мы предположили, что именно исполнительные функции могут быть протекторными факторами, не позволяющими человеку стать зависимым в раннем возрасте, и именно исполнительные функции могут стать адаптивным механизмом устойчивости зависимого поведения; но если зависимость возникла до момента сформированности исполнительных функций, то дальнейшее их формирование может привести к ситуации длительного употребления ПАВ.

Цель исследования: выявить особенности исполнительных функций у людей, длительное время (5–20 лет) употребляющих психоактивные вещества (ПАВ).

Методы

Выборка

Исследование проводилось в различных обществах **Анонимных алкоголиков и Анонимных наркоманов**.

Отбирались в исследование люди, прошедшие реабилитацию в одном из стационаров г. Санкт-Петербурга и завершившие прием необходимых препаратов.

Всего был обследован 241 человек.

В **контрольную** группу было включено 95 человек (добровольцы, откликнувшиеся на призыв о проведении исследования в интернете) в возрасте $34,7 \pm 9,4$ лет (из них 48% женщин и 52% мужчин), не употреблявшие психоактивные вещества. В целях обеспечения однородности выборки участники исследования были отобраны в контрольную группу в соответствии с возрастом участников исследования, употребляющих ПАВ.

Экспериментальную группу составили 146 человек в возрасте $35,6 \pm 7,8$ лет (39% женщин и 61% мужчин), имеющих длительный (от 5 до 20 лет) опыт употребления наркотиков и алкоголя. Среди них:

- 47 человек, зависимых от алкоголя;
- 99 – от наркотиков;
- 4 человека из выборки впервые употребили ПАВ в 6 лет (2 человека при впервые употребили наркотики, 2 – алкоголь).

Исследуемые лица употребляли различные ПАВ, часто в сочетании, но в данном исследовании влияние этих различий не оценивалось, в том числе 25 человек употребляли опиоиды, 31 стимуляторы и 43 человека пользовались несколькими препаратами. При сравнении особенностей исполнительных функций между группами в дисперсионном анализе различий между группами найдено не было. Критерием включения в экспериментальную группу стал диагноз по МКБ – 10 «синдром зависимости», поставленный врачом стационара.

ПСИХОФИЗИОЛОГИЯ

Таблица 1

Распределение участников по длительности употребления ПАВ, $M \pm SD$

Группа	Длительность употребления, годы
Вся группа ПАВ	17,4 $\pm$ 8,1
Подгруппы	
Наркотики	16,3 $\pm$ 7,6
Алкоголь	19,8 $\pm$ 8,8
Подгруппы употребляющих наркотики	
Опиоиды	20,3 $\pm$ 5,4
Стимуляторы	14,2 $\pm$ 8,0
Несколько препаратов	15,3 $\pm$ 8,0

Как видно из таблицы 1, средняя длительность употребления наркотических веществ во всех группах составила 14-20 лет, что подтверждает длительный характер зависимости.

Как можно видеть из таблицы 2, раннее начало употребления наркотиков соотносится с возрастом 6–12 лет, позднее – после 25 лет.

Таблица 2

Распределение участников с разным возрастом начала употребления наркотиков по длительности их употребления, $M \pm SD$

Возраст начала употребления, годы	Стаж употребления среднее значение, годы	Число участников
6 – 12	21,7	10
13 – 17	17,2	56
18 – 20	13,4	13
21 – 25	15,1	13
старше 25	8,1	7

Таблица 3

Распределение участников с разным возрастом начала употребления алкоголя по длительности его употребления, $M \pm SD$

Возраст начала употребления, годы	Стаж употребления, среднее значение, годы	Число участников
6 – 12	21,0	6
13 – 17	23,9	18
18 – 20	19,6	10
21 -25	19,7	6
старше 25	8,7	7

Распределение участников, употребляющих алкоголь, по возрасту начала его употребления и длительности употребления соответствует данным об участниках, употребляющих наркотики. Наиболее вероятное время приобщения к ПАВ-подростковый возраст.

Стоит подчеркнуть, что в выборку вошли люди, употребляющие ПАВ, но тем не менее, сохраняющие социальный статус. В таблице 4 представлено распределение участников исследования по уровню образования

Таблица 4

Сравнение уровня образования участников исследования разных групп и подгрупп, N

Группа	Ученая степень	Высшее	Среднее специальное	Среднее
контрольная	2	60	22	11
вся группа ПАВ	2	36*	63*	45*
Подгруппы				
наркотики	1	20*	46*	36*
алкоголь	1	16*	19*	11*
Подгруппа употребляющих наркотики				
опиоиды	0	4*	14**	7*
стимуляторы	1	8*	13	9
несколько ПАВ	0	8*	17*	18

Примечание: * - отличие показателей участников контрольной группы от показателей участников исследования, употребляющих ПАВ, с уровнем значимости $p \leq 0,05$, ** - $p \leq 0,01$ (критерий Манна-Уитни).

Как видно из таблицы 4, в группе лиц, не употребляющих ПАВ, чаще встречается высшее образование, тогда как среди употребляющих ПАВ преобладают люди со средним специальным. Однако кандидаты наук в равной степени встречаются во всех группах. Это подчеркивает факт отсутствия социальной деградации участников исследования. У всех имелось постоянное место работы.

От всех испытуемых были получены информированные согласия на участие в исследовании.

Методики

Все испытуемые заполнили анкету, направленную на изучение длительности употребления психоактивных веществ. Исследования проводились очно и индивидуально.

Среди исполнительных функций были выбраны тормозный контроль и рабочая память, поскольку для их изучения в настоящее время существуют надежные инструменты (Reichl et al., 2023). Для оценки тормозного контроля использовались парадигмы «go/go» и «go/no go» (Разумникова, Николаева, 2021). В первом случае испытуемый должен был отвечать нажатием кнопки на клавиатуре компьютера при появлении на экране любого стимула, во втором случае была инструкция не реагировать на определенные стимулы, реакция на которых уже была выработана в первом случае (Кривощёков и др., 2022).

В методике, направленной на оценку рабочей памяти, в трех сериях предъявляли один и тот же набор стимулов в разной последовательности. Требовалось выбирать на экране стимул, который ранее не выбирался. Если совершалась ошибка, начиналась следующая серия. Подсчитывалось число правильно запомненных стимулов. Интерференция оценивалась по снижению числа воспроизведенных стимулов в последующей серии, тогда как обучение оценивалось, напротив, по повышению числа запомненных стимулов в следующей серии (Разумникова, Николаева, 2019).

Кроме этого был использован тест «Прогрессивные матрицы» Дж. Равена (2002), направленный на оценку невербального интеллекта. Этот тест был применен для того, чтобы показать, что интеллект всех участников находится в пределах нормы, а потому различия в исполнительных функциях у зависимых и не зависимых от ПАВ участников исследования не определяются сниженным в следствие употребления ПАВ интеллектом.

Обработка данных

Все данные вводили в таблицу и обрабатывали пакетом программы SPSS-21. Были проведены: оценка данных на нормальность с помощью теста Колмогорова-Смирнова, факторный и регрессионный анализы.

Этическая экспертиза

Работа соответствует этическим стандартам Хельсинской декларации ВМА (протокол заседания локального этического комитета неврологической клиники «Прогноз» № 10 от 13.11.2020).

Результаты

После введения всех результатов был проведен качественный анализ, в который вошло сравнение средних значений всех изучаемых параметров. Он не выявил значимых различий в уровне исполнительных функций между контрольной и двумя экспериментальными группами. Отсутствие таких различий было связано с большим разбросом данных в группах, составленных из лиц, зависимых от алкоголя и от наркотиков.

Необходимо подчеркнуть, что у всех испытуемых уровень интеллекта был в пределах нормы, хотя различия для отдельных шкал были выявлены. Эти различия в дальнейшем были обнаружены и в других видах анализа, представленных ниже.

Результаты факторного анализа представлены в таблицах 5 и 6. После исключения переменных, получивших небольшой вес (менее 0,4) было получено четырехфакторное решение с мерой адекватности выборки Кайзера-Мейера-Олкина 0,611, что позволило принять этот вариант к рассмотрению (процент объясненной дисперсии составил 64,4%). Все это можно найти в таблице 5.

Таблица 5

Критерий Кайзера-Мейера-Олкина и критерий Бартлетта

Критерий адекватности Кайзера-Мейера-Олкина	0,611
Аппроксимированный хи-квадрат	375,445
Тест сферичности Бартлета	
Уровень значимости	0,000

В таблице 6 представлены компоненты факторного анализа.

ПСИХОФИЗИОЛОГИЯ

Таблица 6

Повернутая матрица компонентов

Переменные	Компоненты		
	1	2	3
Отношение к зависимости: 0 – нет, 1 – алкоголь, 2 – наркотики	0,857	-0,255	0,016
Возраст первого употребления	0,845	-0,284	0,053
Число воспроизведенных элементов в первом воспроизведении в рабочей памяти	-0,525	-0,050	-0,002
Число воспроизведенных элементов во втором воспроизведении в рабочей памяти	-0,067	0,827	0,057
Число воспроизведенных элементов в третьем воспроизведении в рабочей памяти	-0,219	0,633	-0,105
Число ошибок в серии go/no-go	0,200	0,207	0,826
Число пропусков в серии go/no-go	-0,176	-0,351	0,749
Метод экстракции: метод главных компонент			
Метод ротации: Варимакс с нормализацией Кайзера			
Ротация произошла за 5 итераций			

Согласно таблице 6, первый фактор (процент объясненной дисперсии 26,4%) включал с высоким весом отношение к группе зависимых от алкоголя и ПАВ, возраст первого употребления алкоголя или ПАВ и объем первого воспроизведения в рабочей памяти. Эти результаты свидетельствуют о том, что чем меньше возраст начала употребления, меньше объем первого воспроизведения в тесте, оценивающем состояние рабочей памяти, тем выше вероятность попадания в группу лиц, зависимых от алкоголя или ПАВ.

Второй компонент (20,0% объясненной дисперсии) включает два других воспроизведения в рабочей памяти. Третий фактор (18,0% объясненной дисперсии), включает оба параметра, относящихся к тормозному контролю.

Наши данные свидетельствуют об уже известном явлении, согласно которому большую роль в формировании зависимости человека от алкоголя или наркотиков играет возраст первого употребления. Важно, что при этом отмечено ухудшение первого воспроизведения в рабочей памяти. Однако последующие воспроизведения в рабочей памяти не отличают группы зависимых и независимых от тех или иных веществ. Это означает, что у зависимых людей активно действует механизм обучения в рабочей памяти, что позволяет компенсировать первый провал в воспроизведении и восполнить недостаток включенности в задание.

Линейный пошаговый регрессионный анализ с включением всех переменных, где зависимой переменной стала группа испытуемых, употребляющих либо алкоголь, либо наркотики, представлен далее (табл. 7).

Таблица 7

Влияние независимых переменных на зависимую «группа лиц, употребляющих алкоголь»

Независимые переменные	R ²	Критерий Дарбина-Уотсона
Возраст первого употребления употребления алкоголя	R=0,908	
шкала E теста Дж. Равена,		
ошибки в тесте go/no-go,	0,8235	1,925
	p=0,000	
объем первого воспроизведения в рабочей памяти		

Благодаря регрессионному анализу получена модель, в которой 4 параметра предопределяют попадание человека в группу длительной зависимости от алкоголя: возраст первого употребления алкоголя ($\beta=0,679$), число баллов по шкале E теста Дж. Равена ($\beta=-0,202$), число ошибок в серии go/no-go ($\beta=-0,101$), и объем первого воспроизведения в рабочей памяти ($\beta=-0,155$). Эта модель объясняет 83,3% изменений зависимой переменной «группа лиц, употребляющих алкоголь» и имеет высокую значимость. Ее можно использовать, поскольку критерий Дарбина-Уотсона составляет 1,925. Коэффициент бета отрицателен для всех параметров, кроме длительности употребления алкоголя. Вероятность стать алкоголиком с длительным стажем употребления определяется ранним возрастом начала употребления, снижением успешности выполнения одной из самых сложных серий в тесте Дж. Равена, которая требует эффективной аналитической деятельности, ухудшением исполнительных функций (тормозного контроля и рабочей памяти).

ПСИХОФИЗИОЛОГИЯ

Стоит подчеркнуть, что тормозный контроль имеет минимальный вес по отношению к другому компоненту исполнительных функций – рабочей памяти, тогда как раннее начало зависимости – максимальный вес среди всех параметров.

В таблице 8 представлена модель факторов, предопределяющих вероятность принадлежности человека к группе зависимых от наркотических веществ лиц.

Таблица 8

Влияние независимых переменных на зависимую переменную «группа лиц, употребляющих наркотики»

Независимые переменные	R ²	Критерий Дарбина-Уотсона
Длительность употребления ПАВ,	R=0,923	
шкалы E D теста Дж. Равена,	0,852	1,749
ошибки в тесте go/no-go	p=0,000	

Полученная в регрессионном анализе модель объясняет 85,7% изменений зависимой переменной. В ней вероятность попадания в группу лиц, употребляющих наркотики, также определяется длительностью употребления ПАВ ($\beta=0,842$), уровнем выполнения заданий по шкалам E ($\beta=-0,088$) и D ($\beta=-0,073$), числу ошибок в тесте, оценивающем тормозный контроль ($\beta=-0,077$). Коэффициент бета отрицателен для всех значений, кроме длительности употребления. Следовательно, чем ниже результаты по шкалам D и E теста Дж. Равена, тем в большей мере нарушается процесс тормозного контроля, тем с большей вероятностью человек попадает в группу зависимых от ПАВ. Стоит, однако, подчеркнуть, что максимальный вес в этой модели принадлежит длительности употребления ПАВ.

Обсуждение результатов

Потребность в поиске механизмов, позволяющих противостоять возникновению зависимости крайне актуальна в настоящее время (Архипова, 2024; Губанова, Корж, 2024). Специфика изучаемой выборки состоит в том, что в ней есть люди, в разное время пристрастившиеся к ПАВ, но при этом достаточно устойчиво функционирующие в социуме в течение длительного времени (от 5 лет до 20 лет) с сохранением места работы. Известно, что многие зависимые люди от ПАВ достаточно быстро деградируют и часто умирают достаточно рано (Араловец, 2019; Николаева и др., 2021). Все это позволяет предположить у данных людей наличие компенсаторного механизма, позволяющего противостоять деградации.

Наши данные полностью соответствуют многочисленным ранее полученным данным о том, что чем раньше человек начинает ПАВ, тем более вероятно попадание в группу зависимых (Марсенко и др., 2024; Рощина, Белова, 2024; Formánek et al., 2022). В тоже время в литературе представлены крайне противоречивые данные относительно уровня интеллекта и эффективности исполнительных функций (Hildebrandt et al., 2021; Morie, Potenza, 2021; Reichl et al., 2023).

Мы показали, что у людей, длительно употребляющих ПАВ, на фоне отсутствия выраженного изменения интеллекта значимо снижены более сложные мыслительные процессы, то есть способность к аналитико-синтетической деятельности (шкалы D и E теста Дж. Равена). Эти люди способны выполнять достаточно простые интеллектуальные операции, но именно проблемы с синтезом и анализом становятся прогностическим фактором принадлежности к группе зависимых людей.

Мы не увидели выраженных изменений тормозного контроля в целом по группе, что можно объяснить компенсаторным механизмом, который состоит в более медленном выполнении всех заданий зависимыми от ПАВ участниками исследования по сравнению с теми, кто не был зависимым. Более того, можно предположить, что именно отсутствие выраженного снижения тормозного контроля позволяет этим испытуемым дозировать употребление алкоголя и ПАВ, тем самым сохраняя свой социальный статус.

Известно, что при алкоголизме в большей мере страдает рабочая память (Пешковская, 2023; Powell et al., 2024), тогда как при употреблении наркотиков больше выраженность интеллектуальных нарушений (Mistler et al., 2021), что подтверждают результаты регрессионного анализа. Зависимые люди достаточно легко справляются с простыми интеллектуальными заданиями, поэтому они могут долго держаться на тех рабочих местах, где происходит рутинная одинаковая ежедневная активность. У зависимых в нашей выборке действительно снижено первое воспроизведение, но позднее на основе механизма обучения в рабочей памяти они демонстрируют устойчиво высокий объем во втором и третьем воспроизведении, что отражает включение механизма обучения (Streb et al., 2016), которое противостоит проактивной интерференции (Anderson, Hulbert, 2021). Таким образом, именно способность преодолевать трудности, возникающие в процессе запоминания информации позволяет этим людям достаточно эффективно существовать в обществе, употребляя ПАВ.

Возможно, в случае длительной зависимости от психоактивных веществ (в нашей выборке были именно такие, при этом известно, что в основном зависимые люди умирают достаточно рано – Pere et al., 2023) даже при снижении функционирования интеллектуальных операций синтеза и анализа вырабатывается более дозированное употребление ПАВ за счет адаптации (Mistler et al., 2021), механизмами которой становятся обучение в рабочей памяти, позволяющее преодолеть механизм забывания, и некоторый уровень тормозного контроля, который сформирован достаточным образом, чтобы ограничивать употребление ПАВ.

Эти данные расширяет теоретические построения С. Р. Клонингера (Cloninger, 2008), который полагал, что употребление ПАВ связано со снижением осознания своего поведения. Они показывают, как осознающие свое поведение люди могут продолжать саморазрушающее поведение на протяжении многих лет, опираясь на механизмы когнитивного контроля.

Заключение

Наши данные свидетельствуют о том, что люди с длительным опытом (до 20 лет и более) употребления ПАВ имеют более низкие показатели выполнения самых сложных шкал в тесте Дж. Равена, оценивающего невербальный интеллект – шкалы D и E. В то же время у них вырабатываются компенсаторные механизмы, которые позволяют длительное время сохранять устойчивое социальное положение. Такими механизмами становятся сформированный тормозный контроль и механизм обучения в рабочей памяти. Следовательно, исполнительные функции в случае отсутствия ранней провокации употребления ПАВ будут протекторным фактором для начала употребления ПАВ. Но если провокация произошла, то далее в случае постепенного вхождения в зависимость формирующиеся исполнительные функции могут стать адаптивным механизмом, удерживающим зависимых длительное время в стабильном социальном статусе.

Литература

- Араловец, Н. А. (2019). Наркомания в России на рубеже XX-XXI вв.: проблемы изучения. *Труды Института Российской истории РАН*, 15, 265–277.
- Архипова, Л.Ю., Рагимова, О.А., Кирсанова, И.С., & Печерская, С.С. (2024). К вопросу об аддикциях в подростковой и молодежной среде развития. *Общество. Среда. Развитие*, 1(70), 52–56.
- Величковский, Б. Б. (2016). *Функциональная организация рабочей памяти*. Дисс. на соиск. степени доктора психол. наук. М.: МГУ.
- Губанова, К.А., & Корж, Е.М. (2024). К вопросу об особенностях мироощущения аддиктивного подростка. *Новое в психолого-педагогических исследованиях*, 2(73), 229–242. https://doi.org/10.51944/20722516_2024_2_229
- Кривошёков, С. Г., Николаева, Е. И., Вергунов, Е. Г., & Приходько, А. Ю. (2022). Многомерный анализ показателей тормозного и автономного контроля при ортостазе и в эмоциональных ситуациях. *Физиология человека*, 48(1), 26–37. <https://doi.org/10.31857/S0131164621060059>
- Маренко, В.А., Мильчарек, Т.П., & Сосковец, А.В. (2024). Построение и анализ моделей «риск распространения наркомании». *Информатика и системы управления*, 1(79), 25–34.
- Николаева, Е. И., Ивашина, П.В., & Буйнов, Л.Г. (2021). Особенности исполнительных функций при наркотической зависимости. *Вестник психофизиологии*, 4, 77–84.
- Пешковская, А. Г. (2023). Специфика исполнительных когнитивных функций у людей с разным опытом употребления алкоголя. *Российский психологический журнал*, 20(2), 230–239. <https://doi.org/10.21702/rpj.2023.2.14>
- Равен, Дж., Равен, Дж. К., & Корт, Дж. Х. (2002). *Руководство для Прогрессивных Матриц Равена и Словарных шкал: Раздел 1 и 2*. Когито-Центр.

- Разумникова, О. М., & Николаева, Е. И. (2019). Возрастные особенности тормозного контроля и проактивная интерференция при запоминании зрительной информации. *Вопросы психологии*, 2, 124–132.
- Разумникова, О. М., & Николаева, Е. И. (2021). *Онтогенез тормозного контроля когнитивных функций и поведения*. Новосибирск, НГТУ.
- Рощина, Я. М., & Белова, Ю. Ю. (2024). Кто перестаёт пить алкоголь в России? *Экономическая социология*, 25(1), 11–57.
- Anderson, M. C., & Hulbert, J. (2021). Active forgetting: adaptation of memory by prefrontal control. *Annual Review of Psychology*, 72, 1–36. <https://doi.org/10.1146/annurev-psych-072720-094140>
- Barendse, M.E.A., Swartz, J.R., Taylor, S.L., Fine, J.R., et al. (2024). Sex and pubertal variation in reward-related behavior and neural activation in early adolescents. *Developmental Cognitive Neuroscience*, 66, 101–113. <https://doi.org/10.1016/j.dcn.2024.101358>
- Bolles, R. C. (1972). Reinforcement, expectancy, and learning. *Psychological Review*, 79, 394–409.
- Ceceli, A. O., Bradberry, C. W., & Goldstein, R. Z. (2022). The neurobiology of drug addiction: cross-species insights into the dysfunction and recovery of the prefrontal cortex. *Neuropsychopharmacology*, 47, 276–291. <https://doi.org/10.1038/s41386-021-01153-9>
- Cloninger, C.R. (2008). The psychobiological theory of temperament and character: comment on Farmer and Goldberg. *Psychological Assessment*, 20(3), 292–299. <https://doi.org/10.1037/a0012933>
- Corder, G., Castro, D. C., Bruchas, M. R., & Scherre, G. (2018). Endogenous and exogenous opioids in pain. *Annual Review of Neuroscience*, 41, 453–473. <https://doi.org/10.1146/annurev-neuro-080317-062701>
- Deroche-Gamonet, V., Belin, D., & Piazza, P.V. (2004). Evidence for addiction-like behavior in the rat. *Science*, 305, 1014–1011. <https://doi.org/10.1126/science.1099020>
- Ede, F., & Nobre, A. C. (2023). Turning Attention Inside Out: How Working Memory Serves Behavior. *Annual Review of Psychology*, 74, 137–165. <https://doi.org/10.1146/annurev-psych-021422-041757>
- Hildebrandt, M., Dieterich, R., & Endrass, T. (2021). Neural correlates of inhibitory control in relation to the degree of substance use and substance-related problems – A systematic review and perspective. *Neuroscience and Biobehavioral Reviews*, 128, 1–11. <https://doi.org/10.1016/j.neubiorev.2021.06.011>
- Leshner, A. I. (1997). Addiction is a brain disease, and it matters. *Science*, 278, 45–47. <https://doi.org/10.1126/science.278.5335.45>
- Merlin, M. D. (2003). Archaeological evidence for the tradition of psychoactive plant use in the Old World. *Economic Botany*, 57, 295–323. [https://doi.org/10.1663/0013-0001\(2003\)057\[0295:AEFTTO\]2.0.CO;2](https://doi.org/10.1663/0013-0001(2003)057[0295:AEFTTO]2.0.CO;2)
- Mistler, C.B., Shrestha, R., Gunstad, J., et al. (2021). Adapting behavioural interventions to compensate for cognitive dysfunction in persons with opioid use disorder. *General Psychiatry*, 34, e100412. <https://doi.org/10.1136/gpsych-2020-100412>
- Morie, K.P., & Potenza, M.N. (2021). A mini-review of relationships between cannabis use and neural foundations of reward processing, inhibitory control, and working memory. *Frontiers in Psychiatry*, 12, 657371. <https://doi.org/10.3389/fpsyt.2021.657371>
- Paige, K.J., Colder, C.R., Cope, L.M., Hardee, J.E., et al. (2024). Clarifying the longitudinal factor structure, temporal stability, and construct validity of Go/No-Go task-related neural activation across adolescence and young adulthood. *Developmental Cognitive Neuroscience*, 67, 101390. <https://doi.org/10.1016/j.dcn.2024.101390>
- Pepe, M., Di Nicola, M., Moccia, L., & Franza, R. (2023). Limited access to emotion regulation

- strategies mediates the association between positive urgency and sustained binge drinking in patients with alcohol use disorder. *International Journal of Mental Health and Addiction*, 21, 3549–3562. <https://doi.org/10.1007/s11469-022-00807-z>
- Reichl, D. Enewoldsen, N., & Müller, A. (2023). Pilot testing of an adaptive, individualized inhibitory control training for binge drinking: first evidence on feasibility, acceptance, and efficacy. *Psychological Research*, 87, 1267–1283.
- Roebers, C. M. (2017). Executive function and metacognition: Towards a unifying framework of cognitive self-regulation. *Developmental Review*, 45, 31–51. <https://doi.org/10.1016/j.dr.2017.04.001>
- Streb, M., Mecklinger, A., Anderson, M. C., Lass-Hennemann, J., & Michael, T. (2016). Memory control ability modulates intrusive memories after analogue trauma. *Journal of Affective Disorders*, 192, 134–142. <https://doi.org/10.1016/j.jad.2015.12.032>
- Stricker, E. M., & Zigmond, M. J. (1976). Recovery of function after damage to central catecholamine-containing neurons: A neurochemical model for the lateral hypothalamic syndrome. In J.M. Sprague & A.N. Epstein (Eds.), *Progress in Psychobiology and Physiological Psychology* (pp. 121–188). Academic Press.
- Vanderschuren, L. J., & Everitt, B. J. (2004). Drug seeking becomes compulsive after prolonged cocaine self-administration. *Science*, 305, 1017–1019. <https://doi.org/10.1126/science.10989>
- Wise, R. A., & Robble, M. A. (2020). Dopamine and addiction. *Annual Review of Psychology*, 71, 79–106. <https://doi.org/10.1146/annurev-psych-010418-103337>
- Yang, W., Singla, R., Maheshwari, O., Fontaine, C.J., & Gil-Mohapel, J. (2022). Alcohol use disorder: Neurobiology and therapeutics. *Biomedicines*, 10, 1192. <https://doi.org/10.3390/biomedicines10051192>

Поступила в редакцию: 08.04.2024

Поступила после рецензирования: 26.05.2024

Принята к публикации: 14.01.2025

Заявленный вклад авторов

Николаева Елена Ивановна – выдвижение основных идей статьи, научная консультация, написание статьи и участие в ее оформлении.

Ивашина Полина Владимировна – разработка концепции исследования, организация сбора данных, их анализ и интерпретация, обзор литературы по теме статьи, написание и оформление статьи.

Информация об авторах

Елена Ивановна Николаева – доктор биологических наук, профессор, заведующая кафедрой возрастной психологии и педагогики семьи, Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение высшего образования «Российский государственный педагогический университет», Санкт-Петербург, Российская Федерация; Researcher ID: D-2869-2016, Scopus ID: 7102412673, Author ID: 73661, ORCID ID: <https://orcid.org/0000-0001-8363-8496>; e-mail: klemtina@yandex.ru

Полина Владимировна Ивашина – аспирант, Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение высшего образования «Российский государственный педагогический университет им. А. И. Герцена», Санкт-Петербург, Российская Федерация; Researcher ID: KHT-2530-2024, Scopus Author ID: 57224939857, Author ID: 1162988, ORCID ID: <https://orcid.org/0000-0002-5051-5286>; e-mail: p.ivashina@yandex.ru

Информация о конфликте интересов

Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

Структура эмоционального благополучия школьников

Анна А. Печеркина^{*}, Георгий И. Борисов, Дмитрий А. Тарасов

Уральский федеральный университет имени первого Президента России
Б.Н. Ельцина, Екатеринбург, Российская Федерация

^{*}Почта ответственного автора: 79apa@mail.ru

Аннотация

Введение. На современном этапе развития системы образования вопросы формирования и сохранения эмоционального благополучия у школьников приобретают особую значимость. В фокусе данной статьи находится определение структуры эмоционального благополучия школьника и выделение особенностей взаимосвязи его компонентов, в том числе и отдельно по группам – мальчиков и девочек. **Методы.** Исследование проводилось в школах г. Екатеринбурга. В нем приняли участие 700 школьников 5–9 классов. Из них – 402 мальчика и 298 девочек. Использовался следующий психодиагностический инструментарий: методика «Шкалы позитивного и негативного аффекта» (Е.Н. Осин, 2012); опросник «Психическая устойчивость» (Clough, Earle, & Sewell, 2002, адаптация Малых С.Б., Исмагуллиной В.И., Колясникова П.В., Лобасковой М.М.); опросник «Многомерная шкала удовлетворенности жизнью школьников» (Е.С. Хюбнер, 1994, адаптация Сычева О.А., Гордеевой Т.О., Лункиной М.В., Осина Е.Н., Сидневой А.Н.); опросник «Сильные и слабые стороны» (Goodman R., 2001). Для статистической обработки данных использовался корреляционный анализ по методу Спирмана с поправкой на множественные сравнения (метод Холма); эксплораторный факторный анализ с косоугольным вращением (oblimin) с помощью метода MINRES. **Результаты.** Установлено, что структура эмоционального благополучия школьников представлена тремя компонентами – эмоциональным, когнитивным и деструктивным – и имеет некоторые гендерные особенности. При этом структура эмоционального благополучия девочек соотносится с общей структурой, а структура эмоционального благополучия мальчиков имеет некоторые отличия и

образована когнитивным компонентом, негативным эмоциональным компонентом и позитивным эмоциональным компонентом. **Обсуждение результатов.** Впервые структура эмоционального благополучия рассмотрена не в целом по выборке, а по группам – мальчики и девочки. Полученные представления расширяют имеющиеся в науке представления о феномене эмоционального благополучия. Результаты исследования могут быть использованы для разработки программ психологического сопровождения школьников с акцентом на сохранении их эмоционального благополучия.

Ключевые слова

благополучие, эмоциональное благополучие, структура эмоционального благополучия, школьники, позитивный аффект, негативный аффект, удовлетворенность школой

Финансирование

Исследование выполнено при финансовой поддержке Российского научного фонда в рамках научного проекта № 23-28-01515 «Эмоциональное благополучие школьника: особенности индивидуальных различий и академическая успешность».

Для цитирования

Печеркина, А.А., Борисов, Г.И., Тарасов, Д.А. (2025). Структура эмоционального благополучия школьников. *Российский психологический журнал*, 22(1), 118–138. <https://doi.org/10.21702/855r7228>

Введение

В последние десятилетия система школьного образования претерпевает значительные изменения. В формируемых новых условиях меняются требования как к учителю, так и к ученику. Система основного образования становится все более ориентирована не только на формирование знаний по предмету и овладение общекультурными компетенциями, но и на формирование целостной и благополучной личности. В данном контексте особая роль отводится формированию именно эмоционального благополучия, т.к. оно является основополагающим при формировании знаний и компетенций, а также выстраивания коммуникации со всеми субъектами образовательного процесса.

Следует отметить, что образовательный процесс и образовательная среда связаны с эмоциональным состоянием ученика и могут как способствовать проявлению позитивных эмоций, положительной самооценки, высокой мотивации

к обучению (Дементьева и др, 2021), так и привести к фрустрации, разочарованию, формированию негативных представлений о себе и о процессе обучения (Иванова, Степанова, 2024). Исходя из этого можно говорить о том, что эмоциональное благополучие является феноменом, формируемым и проявляющимся в образовательном процессе и среде. В этой связи актуальным является определение понимания его сути и содержания.

Содержание и структура феномена эмоционального благополучия

Несмотря на то, что феномен эмоционального благополучия достаточно активно изучается в психологии, к настоящему времени отсутствует единое и однозначное представление о его содержании и структуре.

Анализируя имеющиеся на сегодня в психологической науке данные, можно выделить следующие ключевые представления о содержании эмоционального благополучия: как балансе позитивного и негативного аффекта, при этом акцент сделан на том, что чем больший позитивный аффект испытывает человек, тем большим он обладает качеством жизни (Bradburn, 2019); как способности и умению выражать свои эмоции и успешности саморегуляции человека (Никулина, 2008); как совокупности эмоционального комфорта и самоотношения (Панкова, 2011); как позитивном эмоциональном состоянии личности, связанным с удовлетворением потребностей (Лисина, 1997); как положительном эмоциональном самочувствии, которое является основой отношения личности с окружающей средой (Кошелева, 2004); как эмоциональных проявлениях, связанных с процветанием и психическим здоровьем (Charles, 2010); как частоте и интенсивности переживания радости, восхищения, тревоги, печали, гнева и привязанности, которые делают жизнь человека приятной или неприятной, а также способности личности управлять своими эмоциями (McLaughlin, 2008); как чувстве неуверенности, защищённости, способствующих нормальному развитию личности, выработке у неё положительных качеств, доброжелательного отношения к другим людям (Урунтаева, Афонькина, 1995); как ощущению или переживанию эмоционального комфорта – дискомфорта, связанного с различными значимыми аспектами жизни человека (Орлова, 2016); как устойчивого эмоционально-положительного самочувствия личности, основой которого является удовлетворение основных возрастных потребностей и формируемого под влиянием воспитания и обучения, в ходе приобретения индивидуального жизненного опыта (Устинова, 2016); как интегральная характеристика эмоциональной сферы личности, в которой представлены позитивные чувства и переживания, отражающие успешное функционирование личности (Суворова, Ермаченко, 2023).

Обобщая имеющиеся представления о содержании эмоционального благополучия, можно выделить ряд общих моментов. Практически все исследователи рассматривают данный феномен с позиции позитивного эмоционального

состояния. В этой связи важно отметить, что любое эмоциональное состояние всегда имеет временные ограничения в своем проявлении, поэтому феномен «эмоциональное благополучие» не является статичным и на его проявление могут влиять различные факторы (как внешние, так и внутренние). Но при этом важно отметить, что каждый исследователь акцентирует отдельное внимание на разных аспектах и в содержательное наполнение данного феномена включают:

- совокупность характеристик эмоционального состояния, отражающих удовлетворенность, комфорт и т.п.;
- способность к управлению эмоциями, эмоциональной саморегуляции;

удовлетворение потребностей, которое находит отражение в отношениях с миром.

Следует отметить, что единство в представлении о структурных компонентах (как в количестве, так и в качественном их наполнении) также в настоящее время отсутствует. Можно выделить следующие представления, в которых описываются компоненты эмоционального благополучия и представлена его структура.

S. Lubomirski и H. Lepper описывают эмоциональное благополучие как феномен, состоящий из трех компонентов, а именно: позитивный аффект, негативный аффект (т.е. аффективные оценки) и удовлетворенность жизнью (т.е. когнитивная оценка) (Lyubomirsky & Lepper, 1999).

S.C. Feller с коллегами, исходя из положения, что эмоциональное благополучие – это зонтичное понятие, включают в его структуру следующие компоненты: положительные эмоции и настроение, относительное отсутствие отрицательных эмоций, настроений и состояний (например, стресса, печали, одиночества); ощущение смысла и цели; качество жизни; удовлетворенность жизнью; удовлетворенность другими сферами жизни (например, удовлетворенность работой, удовлетворенность отношениями) (Feller et al., 1999).

Ю.Б. Григорова выделяет два компонента эмоционального благополучия – общий, включающий эмоциональный фон личности (преобладание переживания счастья или тревожности) и дифференциальный, образованный удовлетворенностью жизнью (удовлетворённость трудом, удовлетворённость отношениями с другими, удовлетворённость государством, удовлетворенность своим положением и т.д.) (Григорова, 2019).

T. Mayr и M. Ulich предложили структуру социально-эмоционального благополучия, состоящую из следующих компонентов: контактность/социальная активность; самоконтроль/вдумчивость; самоутверждение; эмоциональная устойчивость/совладание с ситуацией стресса; ориентация на задачу; удовольствие от исследования (Mayr & Ulich, 2009).

S.M. Lamers и коллеги, опираясь на взгляды Э. Динера, представляют эмоциональное благополучие как состоящее из эмоционального компонента, в

котором акцентируется внимание на позитивных эмоциях, таких как радость и счастье, и когнитивном компоненте, включающем оценку удовлетворённости жизнью. Однако авторы отмечают, что эмоциональное благополучие может включать не только позитивные эмоции, но и диспозиции, например, оптимизм и чувство юмора и другие позитивные психологические конструкты (Lamers et al., 2012).

О. А. Елисеева описала структуру эмоционального благополучия подростков в соотнесении с разными уровнями безопасности образовательной среды. Структура эмоционального благополучия подростков в образовательной среде с высоким уровнем безопасности образована тремя элементами: «Эмоциональным», отражающим эмоциональную сферу подростков, «Когнитивным», в котором обобщены когнитивные аспекты благополучия и «Активность», включающая одну переменную – собственно активность субъекта (Елисеева, 2011).

Т. В. Архиреева предлагает несколько иную структуру эмоционального благополучия, рассматривая ее на примере младшего школьника. По мнению автора, она образована двумя компонентами. Первый – эмоциональный, состоящий из позитивных эмоций, второй – когнитивно-оценочный, состоящий из удовлетворенности отношениями с родителями, учителем и сверстниками; удовлетворенности успехами в учебной деятельности; оценки возможности организовывать и управлять своей жизнью; оптимизма в оценке перспектив будущей жизни (Архиреева, 2017).

И. Е. Белякова, М. А. Кечерукова представляют эмоциональное благополучие как физический, эмоциональный, финансовый, социальный, профессиональный аспекты реализации личности (Белякова & Кечерукова, 2022).

Е. Langeland рассматривает структуру данного феномена как состоящую из переживания счастья, приятных эмоций и хороших чувств, проявления эмоциональной витальности (Langeland, 2023).

Е. A. Iovino предлагает рассматривать структуру эмоционального благополучия с позиции множества измерений, которые отражают то, как человек чувствует себя в данный момент, в целом и по отношению к жизни (Iovino et al, 2021).

Два компонента в структуре эмоционального благополучия, которые встречаются в том или ином виде у всех авторов – это собственно эмоциональный (позитивный и негативный аффект) и когнитивный (удовлетворённость различными сферами жизни). Но при этом следует отметить, что только этими двумя составляющими структура не ограничивается, авторы выделяют и другие компоненты – механизмы саморегуляции, активность, жизненные цели, диспозиции контроля и оптимизма и т.д., что подчеркивает сложность и неоднозначность данного феномена.

Эмоциональное благополучие школьников

Важно отметить, что в наполнении конкретным содержанием данных компонентов отражается в том числе и возрастная специфика. Если рассматривать структуру эмоционального благополучия применительно к школьному возрасту, то по содержательному наполнению она будет отличаться от взрослого человека прежде всего в когнитивном компоненте, так как сферы жизни школьника отличны от взрослого.

При этом, учитывая специфику школьного возраста (основной акцент – на учебной деятельности и возрастном становлении), можно предположить, что в структуру эмоционального благополучия школьника наряду с позитивными составляющими (преобладание положительных эмоций, психологическая устойчивость, саморегуляция и т.п.), могут входить и элементы, которые препятствуют эмоциональному благополучию, такие как наличие психологических и эмоциональных проблем, проявляющиеся в поведении и взаимоотношениях со сверстниками, учителями, родителями (Choi, 2018).

Эмоциональное благополучие школьника понимается нами как стабильное эмоционально-положительное состояние ребенка в образовательной среде, основанное на удовлетворении потребностей, соответствующих возрасту, осознании переживания собственных эмоций и владении навыками эмоциональной регуляции (Печеркина и др., 2023). Соответственно, его структура состоит из эмоционального компонента (включает позитивный и негативный аффект, психическую устойчивость), когнитивного компонента (включает удовлетворенность такими сферами, как школа, сверстники, учителя и семья). Учитывая позитивную направленность рассмотрения эмоционального благополучия, можно предположить, что в его структуре должны отсутствовать компоненты с негативной направленностью.

Важно отметить, что эмоциональное благополучие может иметь гендерные различия. Результаты исследований указывают на то, что, например, девочки обладают более высокими показателями нейротизма в подростковом возрасте по сравнению с мальчиками. Причем в данном возрастном периоде у девочек происходит пик нейротизма, если рассматривать в сравнении со всеми возрастными периодами (Soto et al., 2011). Также девочки обладают более высокими эмоциональными способностями, в то время как мальчики обладают более высокой эмоциональной самооценкой (D'Amico & Geraci, 2022). Кроме того, для девочек являются характерными наличие более высоких показателей эмоциональной озабоченности и личного стресса, трудности в распознавании чувств и меньшая ориентация на внешний мир, в отличие от мальчиков (Trentini et al., 2022).

Цель и гипотезы исследования

Эмоциональное благополучие является сложным феноменом, структура которого представлена несколькими составляющими. Вышесказанное актуализирует

постановку следующих проблемных вопросов: какие компоненты входят в структуру эмоционального благополучия школьников? Каково содержательное наполнение данных структурных компонентов? Имеются ли различия в структуре эмоционального благополучия у мальчиков и девочек?

Цель данного исследования: определить структуру эмоционального благополучия школьника и выделить особенности взаимосвязи его компонентов с учетом гендерной специфики.

Гипотезой исследования выступило предположение о том, что эмоциональное благополучие школьника образовано эмоциональным и когнитивным компонентом и имеет гендерную специфику.

Методы

Выборка

В исследовании приняли участие 700 школьников 5–9 классов города Екатеринбурга (402 мальчика, 298 девочек). Участники были проинформированы о целях исследования, участие было добровольным.

Методики

Для проведения эмпирического исследования использовались следующие методики:

- Методика «Шкалы позитивного и негативного аффекта» (ШПАНА) (Е.Н. Осин, 2012). Оценивает соотношение позитивных и негативных эмоций и содержит шкалы «Позитивный аффект», «Негативный аффект».
- Опросник «Психическая устойчивость» (MTQ10) (Clough, Earle, & Sewell, 2002, адаптация Малых С.Б., Исматуллиной В.И., Колясникова П.В., Лобасковой М.М., 2021), оценивает психическую устойчивость личности.
- Опросник «Многомерная шкала удовлетворенности жизнью школьников» (MSLS/ШУДЖИ) (Е.С. Хюбнер, 1994, адаптация Сычева О.А., Гордеевой Т.О., Лункиной М.В., Осина Е.Н., Сидневой А.Н., 2018). Направлена на определение удовлетворенности жизнью школьником и содержит шкалы: «Семья», «Школа», «Учитель», «Я сам», «Друзья».
- Опросник «Сильные и слабые стороны» (Goodman R., 2001, адаптация Е. Слободской, М. Розенбуш, Н. Бодягина, С. Грачева, Г. Князева, В. Гафурова, 2020). Оценивает влияние имеющихся проблем ребенка на его социальное функционирование, а также социальную активность как позитивную черту. Содержит шкалы «Просоциальное поведение», «Гиперактивность», «Эмоциональные симптомы», «Проблемы с поведением», «Проблемы со сверстниками», «Общее число проблем».

Анализ данных

Для проверки переменных на нормальность распределения проведен тест Шапиро-Уилка; для выявления связей между показателями эмоционального благополучия использовался корреляционный анализ по методу Спирмана с поправкой на множественные сравнения (метод Холма); для определения структуры эмоционального благополучия проведен эксплораторный факторный анализ с косоугольным вращением (oblimin) с помощью метода MINRES.

Результаты

Перед проведением факторного анализа осуществлена проверка на нормальность распределения с помощью теста Шапиро-Уилка для переменных, которые, по нашему предположению, должны образовывать факторы в структуре эмоционального благополучия школьника. Результаты представлены в таблице 1.

Таблица 1

Результаты теста Шапиро-Уилка

Шкала	Минимум	Максимум	Среднее	Станд. откл.	Критерий Шапиро-Уилка	p-уровень значимости
Позитивный аффект (ПА)	6	50	17,538	8,91	0,915	0,000
Негативный аффект (НА)	6	50	30,296	10,84	0,971	0,000
Эмоциональные симптомы	0	10	2,862	2,67	0,894	0,000
Семья	9	30	23,146	4,78	0,938	0,000
Друзья	6	30	24,48	5,13	0,896	0,000
Школа	6	30	20,701	5,50	0,980	0,000
Я сам	7	30	22,525	5,51	0,949	0,000
Учителя	6	30	21,575	5,61	0,965	0,000
Гипер-активность	0	9	3,123	2,28	0,944	0,000
Просоциальное поведение	0	10	7,148	2,27	0,929	0,000
Психическая устойчивость	1	10	6,763	1,39	0,970	0,000
Проблемы с поведением	0	9	2,483	1,90	0,889	0,000
Проблемы со сверстниками	0	8	2,93	1,97	0,944	0,000

ПЕДАГОГИЧЕСКАЯ ПСИХОЛОГИЯ

Все изучаемые нами переменные не соответствуют нормальному распределению, исходя из этого в исследовании будут применяться непараметрические методы.

На первом этапе для определения связи между изучаемыми показателями, образующими эмоциональное благополучие школьника, проведен корреляционный анализ по методу Спирмана. Результаты представлены в таблице 2.

Таблица 2

Результаты корреляционного анализа показателей эмоционального благополучия школьников

	6	7	8	9	10	11	12	13
1. Семья	0.17***	-0.37*	0.22*	0.33*	-0.31*	-0.37*	-0.25*	-0.27*
2. Друзья	0.19***	-0.44*	0.18*	0.38*	-0.38*	-0.37*	-0.27*	-0.3*
3. Школа	0.19***	-0.40*	0.21*	0.41*	-0.37*	-0.31*	-0.26*	-0.24*
4. Я сам	0.32**	-0.41*	0.23*	0.35*	-0.35*	-0.43*	-0.25*	-0.4*
5. Учителя	0.39***	-0.31***	0.21*	0.36*	-0.32*	-0.4*	-0.29*	-0.48*
6. Позитивный аффект (ПА)	1	0.08	0.21*	0.38*	-0.35*	-0.33*	-0.26*	-0.36*
7. Негативный аффект (НА)		1	-0.03	-0.19*	0.44*	0.60*	0.44*	0.34*
8. Психическая устойчивость			1	0.23*	-0.15*	-0.09	-0.08	-0.1
9. Просоциальное поведение				1	-0.42*	-0.24*	-0.38*	-0.41*
10. Гиперактивность					1	0.57*	0.57*	0.4*
11. Эмоциональные симптомы						1	0.56*	0.53*
12. Проблемы с поведением							1	0.5*
13. Проблемы со сверстниками								1

Примечание. * корреляция значима на уровне 0,05, ** корреляция значима на уровне 0,01, *** корреляция значима на уровне 0,001

По результатам корреляционного анализа установлено, что позитивный аффект обладает прямой связью со всеми сферами удовлетворенности жизнью – «Семья» ($r=0.17$; $p<0,001$), «Друзья» ($r=0.19$; $p<0,001$), «Школа» ($r=0.19$; $p<0,001$), «Я сам» ($r=0.32$; $p<0,01$), «Учителя» ($r=0.39$; $p<0,001$). Негативный аффект обладает обратной связью с этими же сферами удовлетворенности жизнью («Семья» ($r=0.37$; $p<0,05$), «Друзья» ($r=0.44$; $p<0,05$), «Школа» ($r=0.40$; $p<0,001$), «Я сам» ($r=0.41$; $p<0,05$), «Учителя» ($r=0.31$; $p<0,001$)). Психическая устойчивость связана со всеми сферами удовлетворенности жизнью и позитивным аффектом («Семья» ($r=0.22$; $p<0,05$), «Друзья» ($r=0.18$; $p<0,05$), «Школа» ($r=0.21$; $p<0,05$), «Я сам» ($r=0.23$; $p<0,05$), «Учителя» ($r=0.21$; $p<0,05$), «Позитивный аффект» ($r=0.21$; $p<0,05$)), при этом связь с негативным аффектом отсутствует. Просоциальное поведение обладает прямой связью так же со всеми сферами удовлетворенности жизнью (r от 0,33 до 0,41; $p<0,05$), а также позитивным аффектом ($r=0.38$; $p<0,05$), психической устойчивостью ($r=0.23$; $p<0,05$) и обратной связью с негативным аффектом ($r=-0.19$; $p<0,05$). Такие проблемы, как гиперактивность, эмоциональные симптомы, проблемы с поведением, проблемы со сверстниками обладают обратной связью со всеми сферами удовлетворенности жизнью (r от -0,24 до -0,43; $p<0,05$), позитивным аффектом (r от -0,25 до -0,36; $p<0,05$) и прямой связью с негативным аффектом (r от 0,34 до 0,60; $p<0,05$).

Полученный результат указывает на то, что выделенные нами показатели связаны друг с другом. Следовательно, они могут сформировать факторную модель, которая будет представлять структуру эмоционального благополучия школьников.

Далее данные по шкалам были проверены с помощью теста Кайзера-Мейера-Олкина, позволяющего оценить адекватность шкал для факторного анализа. Значение теста Кайзера-Мейера-Олкина составило 0,84, что является хорошим показателем для проведения факторного анализа между шкалами. Также адекватность проведения факторного анализа была подтверждена результатами расчёта критерия сферичности Бартлетта с $\chi^2 = 620,77$, $df = 78$, $p < 0,001$. Был использован параллельный анализ для определения количества факторов, которое оказалось равно 3.

На втором этапе был проведен эксплораторный факторный анализ с косоугольным вращением (oblimin) с помощью метода MINRES. Результаты представлены в таблице 3.

Таблица 3

Результаты эксплораторного факторного анализа эмоционального благополучия школьника

	Фактор 1	Фактор 2	Фактор 3
Семья	0,73	-0,04	-0,01
Школа	0,79	-0,02	-0,07
Учителя	0,89	0,10	-0,06

ПЕДАГОГИЧЕСКАЯ ПСИХОЛОГИЯ

	Фактор 1	Фактор 2	Фактор 3
Я сам	0,82	-0,02	0,06
Друзья	0,65	-0,10	0,21
Позитивный аффект	0,17	-0,20	0,63
Негативный аффект	-0,19	0,65	0,49
Психическая устойчивость	0,30	0,05	0,21
Просоциальное поведение	0,35	-0,16	0,38
Гиперактивность	-0,09	0,63	-0,12
Эмоциональные симптомы	-0,05	0,79	0,05
Проблемы с поведением	0,11	0,78	-0,14
Проблемы со сверстниками	-0,08	0,57	-0,26
Общая нагрузка	3,51	2,64	1,01
Доля объясненной изменчивости	0,27	0,20	0,08
Доля объясненной изменчивости, кумулятивная	0,27	0,47	0,55

Первый фактор образован следующими переменными – удовлетворённость учителем (0,89), самим собой (0,82), школой (0,79), семьей (0,73), друзьями (0,65) и психической устойчивостью (0,3). Фактор показывает связь между удовлетворённостью различными областями собственной жизни, которые касаются как учебного процесса, близких отношений и самовосприятия, так и способности противостоять негативному влиянию окружающей среды. Фактор получил название «Когнитивный компонент».

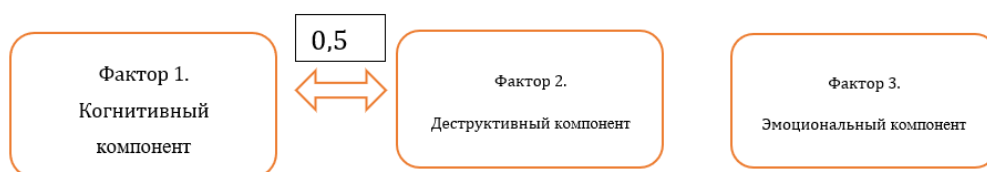
Следующий фактор образован переменными, представляющими проблемы, а именно – эмоциональные симптомы (0,79), проблемы с поведением (0,78), гиперактивность (0,63), проблемы со сверстниками (0,57) и негативный аффект (0,65). Фактор отражает связь между слабыми сторонами школьника, проявляющихся в совокупности испытываемых им проблем. Данные проблемы у школьников выражаются в несовпадении своих эмоциональных реакций и возникшей ситуации, проявлении трудностей с самоконтролем, выстраиванием отношений с другими детьми, в неадекватной активности, сложностями с концентрацией внимания, а также проявлением негативных эмоций таких как подавленность, тревожность, нервозность и т.д. Данный фактор получил название «Деструктивный компонент».

Последний фактор образован позитивным аффектом (0,63), негативным аффектом (0,49) и просоциальным поведением (0,38). Фактор отражает связь эмоциональных переживаний с просоциальным поведением. Фактор представляет совокупность позитивных эмоций, таких как увлеченность, радость, заинтересованность, и негативных эмоций, таких как раздражительность, стыд, тревожность, а также включает социально приемлемое поведение, связанное с соблюдением ребёнком правил и норм и способность к сотрудничеству с другими людьми. Можно предположить, что позитивные и негативные эмоции у школьника связаны с социально одобряемым и приемлемым поведением, поэтому требование следовать определенным социальным нормам может вызвать негативные переживания в случае несоответствия или недоступности их реализации. Фактор получил название «Эмоциональный компонент».

Важно отметить, что когнитивный и деструктивный компоненты взаимосвязаны (рисунок 1). При этом, чем более выражены переменные фактора «Деструктивный компонент», тем менее выражены переменные фактора «Когнитивный компонент». Это указывает на то, что наличие негативных переживаний у школьников приводит к снижению удовлетворенности в разных сферах жизни, поэтому наличие проблем можно рассматривать как фактор, который мешает школьнику быть удовлетворённым. При этом связи с эмоциональным компонентом не было установлено, следовательно, переживание удовлетворенности не связано с переживаниями, вызванными просоциальной активностью.

Рисунок 1

Связь структурных компонентов эмоционального благополучия школьника

Поскольку эмоциональная сфера мальчиков и девочек по данным исследований имеет некоторые отличия, мы предположили, что и структура эмоционального благополучия у них так же может иметь различия. Для этого нами были построены эксплораторные модели эмоционального благополучия для 2 групп – мальчиков и девочек.

Начнем с анализа полученной факторной модели эмоционального благополучия в группе мальчиков.

Данные по шкалам были проверены с помощью теста Кайзера-Мейера-Олкина, позволяющего оценить адекватность шкал для факторного анализа. Значение теста

ПЕДАГОГИЧЕСКАЯ ПСИХОЛОГИЯ

Кайзера-Мейера-Олкина составило 0,85, что является хорошим показателем для проведения факторного анализа между шкалами. Также адекватность проведения факторного анализа была подтверждена результатами расчёта критерия сферичности Бартлетта с $\chi^2 = 666,87$, $df = 78$, $p < 0,001$. Был использован параллельный анализ для определения количества факторов, которое оказалось равно 3.

Эксплораторный факторный анализ с косоугольным вращением (oblimin) был проведён с помощью метода MINRES (Таблица 4).

Таблица 4

Структура эмоционального благополучия мальчиков

	Фактор 1	Фактор 2	Фактор 3
Семья	0,78	-0,06	0,08
Друзья	0,79	-0,05	-0,08
Школа	0,88	0,07	-0,15
Я сам	0,79	-0,06	0,14
Учителя	0,63	-0,06	0,35
Позитивный аффект (ПА)	0,12	-0,01	0,76
Негативный аффект (НА)	-0,17	0,85	0,37
Психическая устойчивость	0,36	0,12	0,1
Просоциальное поведение	0,29	-0,19	0,26
Гиперактивность	-0,06	0,62	-0,17
Эмоциональные симптомы	-0,13	0,67	-0,13
Проблемы с поведением	0,15	0,75	-0,27
Проблемы со сверстниками	-0,07	0,47	-0,4
Нагрузка	3,53	2,62	1,33
Часть объяснённой дисперсии	0,27	0,2	0,1
Часть объяснённой дисперсии, накопленная	0,27	0,47	0,58

Полученная модель для мальчиков имеет некоторые различия по сравнению с общей моделью. Первый фактор образован переменными «удовлетворенность школой» (0,88), «удовлетворенность самим собой» (0,79), «удовлетворенность друзьями» (0,79), «удовлетворенность семьей» (0,78), «удовлетворенность учителем» (0,63), «психическая устойчивость» (0,36). Полученный фактор по аналогии с общей моделью представляет «Когнитивный компонент» эмоционального благополучия.

Следующий фактор содержит переменные проблем, с которыми сталкивается школьник, а именно: «негативный аффект» (0,85), «проблемы с поведением» (0,75), «эмоциональные симптомы» (0,67), «гиперактивность» (0,62), «проблемы со сверстниками» (0,47) и «негативный аффект» (0,5). Фактор объединяет выраженные негативные переживания школьника. Можно предположить, что ученик испытывает проблемы по причине выраженных негативных переживаний, таких как тревога, стыд, страх и т.д. Фактор получил название «Негативный эмоциональный компонент».

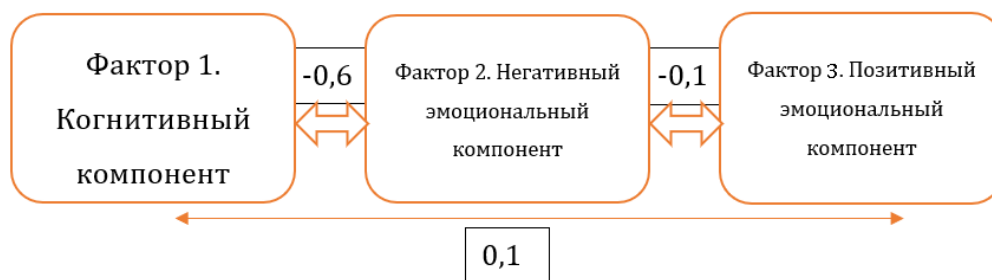
Третий фактор образован позитивным аффектом (0,76), негативным аффектом (0,37) и удовлетворенностью учителем (0,35). Данный фактор отражает эмоциональные реакции, которые связаны с удовлетворённостью учителем. Данный результат указывает на то, что значимую роль в формировании направленности эмоциональных переживаний школьника играет то, какие взаимоотношения выстроены с учителем. Фактор получил название «Позитивный эмоциональный компонент».

Исходя из полученной модели, у мальчиков более выражены негативные эмоции, связанные с проблемами, при этом проявление позитивных эмоций связано с удовлетворённостью учителем.

В данной модели фактор «Когнитивный фактор» имеет обратную связь с фактором «Негативный эмоциональный компонент», а также очень слабо связан с фактором «Позитивный эмоциональный компонент». Фактор «Позитивный эмоциональный компонент» обладает очень слабой обратной связью с фактором «Негативный эмоциональный компонент» (Рисунок 2).

Рисунок 2

Связь структурных компонентов эмоционального благополучия у мальчиков

Таким образом, эмоциональное благополучие школьников-мальчиков образовано когнитивным компонентом, негативным эмоциональным компонентом и позитивным эмоциональным компонентом.

Далее рассмотрим полученную факторную модель эмоционального благополучия девочек.

Данные по шкалам были проверены с помощью теста Кайзера-Мейера-Олкина, позволяющего оценить адекватность шкал для факторного анализа. Значение теста Кайзера-Мейера-Олкина составило 0,86, что является хорошим показателем для проведения факторного анализа между шкалами. Также адекватность проведения факторного анализа была подтверждена результатами расчёта критерия сферичности Бартлетта с $\chi^2 = 607,24$, $df = 78$, $p < 0,001$. Был использован параллельный анализ для определения количества факторов, которое оказалось равно 3.

Эксплораторный факторный анализ с косоугольным вращением (oblimin) был проведён с помощью метода MINRES (Таблица 5).

Таблица 5

Структура эмоционального благополучия девочек

	Фактор1	Фактор 2	Фактор 3
Семья	0,63	0,01	-0,05
Друзья	0,78	-0,03	-0,07
Школа	0,89	0,05	-0,03
Я сам	0,85	0,03	0,05
Учителя	0,68	-0,07	0,14
Позитивный аффект (ПА)	0,14	-0,23	0,66
Негативный аффект (НА)	-0,23	0,51	0,51
Психическая устойчивость	0,2	0	0,28
Просоциальное поведение	0,27	-0,29	0,37
Гиперактивность	-0,06	0,67	-0,17
Эмоциональные симптомы	0,02	0,84	0,04
Проблемы с поведением	0,07	0,77	-0,01
Проблемы со сверстниками	-0,07	0,63	-0,15
Нагрузка	3,35	2,7	1,03
Часть объяснённой дисперсии	0,26	0,21	0,08
Часть объяснённой дисперсии, накопленная	0,26	0,47	0,54

В первый фактор вошли такие переменные, как удовлетворенность школой (0,89), самим собой (0,85), друзьями (0,78), учителями (0,68), семьей (0,63). Данный фактор получил название «Когнитивный компонент».

Второй фактор образован эмоциональными проблемами (0,84), проблемами с поведением (0,77), гиперактивностью (0,67), проблемами со сверстниками (0,63) и негативным аффектом (0,51). Данный фактор объединил проблемы и негативные эмоции и получил название «Деструктивный компонент».

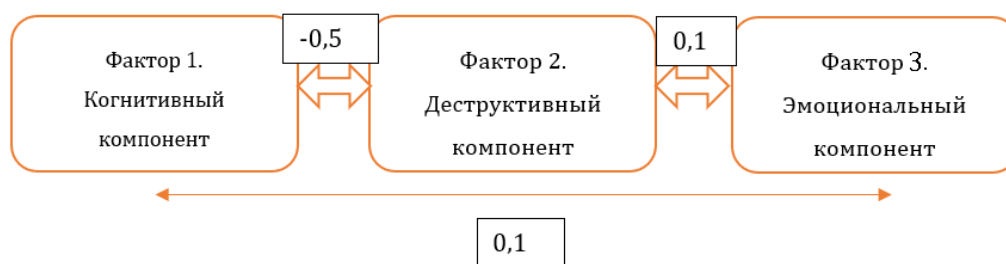
Третий фактор образован позитивным аффектом (0,66), негативным аффектом (0,51) и просоциальным поведением (0,37). Данный фактор получил название «Эмоциональный компонент».

Анализируя полученную на группе девочек структуру эмоционального благополучия, можно сделать вывод, что она в целом повторяет общую структуру, за исключением того, что в когнитивном компоненте отсутствует такой показатель, как психическая устойчивость.

Фактор «Когнитивный компонент» обладает обратной связью с фактором «Деструктивный компонент» и очень слабой связью с фактором «Эмоциональный компонент». Фактор «Эмоциональный компонент» обладает очень слабой связью с фактором «Деструктивный компонент» (рисунок 3).

Рисунок 3

Связь структурных компонентов эмоционального благополучия у девочек

Учитывая, что в полученной факторной модели эмоционального благополучия девочек отсутствует переменная «психическая устойчивость», и рассматривая это в контексте обратной связи когнитивного компонента с деструктивным компонентом, можно предположить, что у девочек влияние проблем и негативных переживаний на удовлетворенность будет более сильным, чем у мальчиков.

Обсуждение результатов

Нами были получены модели эмоционального благополучия школьников, которые частично согласуются с общим представлением о структуре эмоционального благополучия как совокупности когнитивного (удовлетворённость) и эмоционального (позитивные и негативные эмоции) компонентов, представленных в работах Т.В. Архиреевой (2017), Ю.Б. Григоровой (2019), О.А. Елисеевой (2011), S. Lubomirski, H. Lepper (1999).

В полученную нами структуру также вошел деструктивный компонент, который образован наличием проблем у школьника и негативным аффектом. Данный компонент обладает обратной средней связью с когнитивным компонентом, что позволяет его рассматривать как преграду для достижения удовлетворенности

в разных сферах жизни школьника. Поэтому деструктивный компонент можно рассматривать в том числе как показатель неблагополучия школьника. При этом важно отметить, что благополучие и неблагополучие рассматриваются с позиции как зависимых, так и независимых явлений (Ryff, et al., 2006). Полученные нами результаты показывают связь удовлетворённости различными сферами жизни с неблагополучием. Если у школьника преобладают негативные переживания, то это приводит к проявлению неудовлетворённости собой и учебой, а также отношениями с теми, с кем он находится в постоянном общении. В этом случае можно рассматривать благополучие и неблагополучие как связанные явления. Это согласуется с представлением С. Ryff и коллег (2006), R. Nes и коллег (2008), Zhao M. Y., Tay L (2023), рассматривающих феномен «благополучие» с позиции отсутствия признаков неблагополучия.

При этом важно отметить, что обнаруженная связь сохраняется и в гендерно специфичных моделях. Данный результат частично согласуется с результатами исследования P. S. Morrison, I. Liu, D. Zeng. Авторами была обнаружена связь между переживанием благополучия и неблагополучия на группе студентов, однако обнаруженная связь не являлась сильной (Morrison et al., 2023).

У мальчиков структура эмоционального благополучия образована когнитивным компонентом, негативным эмоциональным компонентом и позитивным эмоциональным компонентом. При этом между когнитивным компонентом и негативным эмоциональным компонентом обнаружена обратная связь, и очень слабая связь с позитивным эмоциональным компонентом. В позитивном эмоциональном компоненте наибольшую нагрузку получила переменная «позитивный аффект», которая связана с удовлетворенностью учителем. Полученный результат согласуется с положениями Е.С. Поповичевой о роли учителя в поддержании благополучия школьника (Поповичева, 2023). Е.С. Поповичева опиралась на исследования D. Kim, J. Kim (2013), L. Tian и коллег (Tian et al., 2013), в которых установлено, что уровень благополучия школьника связан с учителем, который должен научить школьника реалистично оценивать свои сильные и слабые стороны, а также обеспечить контроль за социально-эмоциональными особенностями учеников.

Структура эмоционального благополучия девочек школьного возраста соответствует общей структуре, но в когнитивный компонент не вошла переменная «психическая устойчивость». Данный результат не согласуется с представлением Н.Ю. Литвиновой о том, что психическая устойчивость является условием субъективного благополучия. Автор в своем теоретическом анализе пришла к выводу, что форсированность психической устойчивости обеспечивает счастье, удовлетворенность, эмоциональный комфорт (Литвинова, 2015). Согласно результатам исследования Akbari & Khormaiee (2015) психическая устойчивость опосредует влияние эмоционального интеллекта на эмоциональное благополучие (на примере студентов). В исследовании M.Yildirim, F. Ç. Tanriverdi психическая устойчивость выступала предиктором удовлетворённости жизнью (Yildirim &

Tanriverdi, 2021). В исследовании М. Desrianty и коллег показано, что психическая устойчивость обеспечивает психологическое благополучие у старших школьников (Desrianty et al., 2021).

Выводы

Структура эмоционального благополучия представлена тремя компонентами, а именно когнитивным, деструктивным и эмоциональным. Между когнитивным и деструктивным компонентами эмоционального благополучия школьников обнаружена отрицательная связь.

Обнаружены гендерные различия в структуре эмоционального благополучия школьников. Структура эмоционального благополучия девочек школьного возраста соответствует общей структуре и представлена когнитивным, деструктивным и эмоциональным компонентами. У мальчиков школьного возраста структура эмоционального благополучия образована когнитивным компонентом, негативным эмоциональным компонентом и позитивным эмоциональным компонентом.

Полученные в данной работе результаты могут быть использованы в рамках разработки программ психологического сопровождения школьников в условиях усложняющейся образовательной среды. Перспективы дальнейших исследований могут быть связаны с эмпирическим подтверждением полученных моделей с помощью методов структурного моделирования. Также в планах дальнейших исследований находится определение связи компонентов эмоционального благополучия школьника с характеристиками академической успешности, личностными чертами, семейным окружением, деятельностью в свободное время.

Литература

- Архиреева, Т. В. (2017). Субъективное благополучие младших школьников. *Вестник Новгородского государственного университета им. Ярослава Мудрого*, 4(102), 13–16.
- Белякова, И. Е., Кечерукова, М. А., Мурзина, Ю. С. (2022). Креативность и эмоциональное благополучие студентов в период вынужденного дистанционного обучения: взаимосвязи явлений. *Образование и наука*, 24(8), 138–169.
- Григорова, Ю. Б. (2019). Структура эмоционального благополучия. *Азимут научных исследований: педагогика и психология*, 1(26), 331–334.
- Дементьева, Ю. В., Иванов, В. С., Шарагин, В. И., Некрасова, М. В. (2021). Исследование взаимосвязи активного совпадающего поведения старшеклассников с эмоциональным состоянием и психологической защищенностью образовательной среды школы. *Ученые записки университета им. ПФ Лесгафта*, 2 (192), 404–409.
- Елисеева, О. А. (2011). Структура субъективного благополучия подростков в образовательной среде с низким уровнем психологической безопасности. *Известия Российского государственного педагогического университета им. АИ Герцена*, 132, 368–375.
- Иванова, А. О., Степанова, О. С. (2024). Особенности тревожности школьников во взаимосвязи с психологической безопасностью образовательной среды. *Экстремальная психология и безопасность личности*, 1(3), 20–35.
- Кошелева, А. Д. (2004). Роль семьи в становлении эмоционального отношения ребенка к

- миру. *Детский сад от А до Я*, (4), 124–136.
- Лисина, М. И. (1997) *Общение, личность и психика ребенка*. Москва: Воронеж.
- Литвинова, Н. Ю. (2015). Психологические факторы субъективного благополучия. *Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия Акмеология образования. Психология развития*, 2(14), 147–149.
- Никулина, Д. С. (2008). Подходы к определению эмоционального благополучия. *Известия Южного федерального университета. Технические науки*, 83(6), 73–76.
- Орлова, Е. А. (2016). Эмоциональное благополучие детей в образовательной среде ДОУ: диагностико-коррекционный аспект. *Вестник Академии права и управления*, 1(42), 159–163.
- Панкова, Н. В. (2011). Эмоциональное благополучие и психологическое здоровье подростков из семей группы риска. *Ученые записки университета им. ПФ Лесгафта*, 74(4), 148–151.
- Печеркина, А. А., Катькало, К. Д., Борисов, Г. И. (2023). Эмоциональное благополучие школьников: теоретические основания и перспективы исследования. *Образование и наука*, 25(8), 134–161.
- Поповичева, Е. С. (2023). Связь субъективного благополучия школьников с их социально-эмоциональным развитием. *Педагогика и психология образования*, 1, 236–251.
- Суворова, О. В., Ермаченко, В. В. (2023). Возможности оптимизации эмоционального благополучия младших подростков средствами мировой музыкальной и художественной культуры. *Проблемы современного педагогического образования*, 79(4), 314–318.
- Урунтаева, Г. А., Афонькина, Ю. А. (2009). *Практикум по детской психологии*. Академия.
- Устинова, Н. А. (2016). Проблема эмоционального благополучия личности. В: *Личность в современном мире*. Уральский государственный педагогический университет.
- Akbari, A., & Khormaiee, F. (2015). The prediction of mediating role of resilience between psychological well-being and emotional intelligence in students. *International Journal of School Health*, 2(3), 1–5.
- Bradburn, N. M. (2019). The measurement of psychological well-being. In *Health Goals and Health Indicators* (pp. 84–94). Routledge.
- Charles, S. T. (2010). Strength and vulnerability integration: a model of emotional well-being across adulthood. *Psychological bulletin*, 136(6), 1068.
- Choi, A. (2018). Emotional well-being of children and adolescents: Recent trends and relevant factors. *OECD Education Working Papers*, 169, 39.
- D'Amico, A., Geraci, A. (2022). Sex differences in emotional and meta-emotional intelligence in pre-adolescents and adolescents. *Acta psychologica*, 227, 103594.
- Desrianty, M., Hassan, N. C., Zakaria, N. S., & Zaremohzzabieh, Z. (2021). Resilience, family functioning, and psychological well-being: Findings from a cross-sectional survey of high-school students. *Asian Social Science*, 17(11), 77.
- Feller, S. C., Castillo, E. G., Greenberg, J. M., Abascal, P., Van Horn, R., Wells, K. B., & University of California, Los Angeles Community Translational Science Team. (2018). Emotional well-being and public health: Proposal for a model national initiative. *Public Health Reports*, 133(2), 136–141.
- Iovino, E. A., Koslouski, J. B., & Chafouleas, S. M. (2021). Teaching simple strategies to foster emotional well-being. *Frontiers in psychology*, 12, 772260.
- Kim, D. H., & Kim, J. H. (2013). Social relations and school life satisfaction in South Korea. *Social Indicators Research*, 112, 105–127.
- Lamers, S. M., Bolier, L., Westerhof, G. J., Smit, F., & Bohlmeijer, E. T. (2012). The impact of emotional well-being on long-term recovery and survival in physical illness: a meta-analysis. *Journal of Behavioral Medicine*, 35, 538–547.

- Langeland, E. (2024). Emotional well-being. In *Encyclopedia of quality of life and well-being research* (pp. 2072-2074). Cham: Springer International Publishing.
- Lyubomirsky, S., & Lepper, H. S. (1999). A measure of subjective happiness: Preliminary reliability and construct validation. *Social indicators research*, 46, 137–155.
- Mayr, T., & Ulich, M. (2009). Social-emotional well-being and resilience of children in early childhood settings—PERIK: An empirically based observation scale for practitioners. *Early Years*, 29(1), 45–57.
- McLaughlin, C. (2008). Emotional well-being and its relationship to schools and classrooms: A critical reflection. *British Journal of Guidance & Counselling*, 36(4), 353–366.
- Morrison, P. S., Liu, I., & Zeng, D. (2023). Well-being and ill-being on campus. *International Journal of Wellbeing*, 13(3).
- Nes, R. B., Czajkowski, N., Roysamb, E., Reichborn-Kjennerud, T., & Tambs, K. (2008). Well-being and ill-being: shared environments, shared genes? *The Journal of Positive Psychology*, 3(4), 253–265.
- Ryff, C. D., Dienberg Love, G., Urry, H. L., Muller, D., Rosenkranz, M. A., Friedman, E. M., ... & Singer, B. (2006). Psychological well-being and ill-being: do they have distinct or mirrored biological correlates? *Psychotherapy and psychosomatics*, 75(2), 85–95.
- Soto, C. J., John, O. P., Gosling, S. D., & Potter, J. (2011). Age differences in personality traits from 10 to 65: Big Five domains and facets in a large cross-sectional sample. *Journal of personality and social psychology*, 100(2), 330.
- Tian, L., Liu, B., Huang, S., & Huebner, E. S. (2013). Perceived social support and school well-being among Chinese early and middle adolescents: The mediational role of self-esteem. *Social Indicators Research*, 113, 991–1008.
- Trentini, C., Tambelli, R., Maiorani, S., & Lauriola, M. (2022). Gender differences in empathy during adolescence: Does emotional self-awareness matter? *Psychological Reports*, 125(2), 913–936.
- Yıldırım, M., & Tanrıverdi, F. Ç. (2021). Social support, resilience and subjective well-being in college students. *Journal of Positive School Psychology*, 5(2), 127–135.
- Zhao, M. Y., & Tay, L. (2023). From ill-being to well-being: Bipolar or bivariate? *The Journal of Positive Psychology*, 18(5), 649–659.

Поступила в редакцию: 29.07.2024

Поступила после рецензирования: 24.10.2024

Принята к публикации: 02.12.2024

Заявленный вклад авторов

Анна Александровна Печеркина – планирование и проведение исследования, написание обзорной части статьи, аннотации, выводов, критический пересмотр содержания статьи.

Георгий Игоревич Борисов – проведение теоретического анализа по проблеме исследования, интерпретация и описание полученных количественных и качественных результатов.

Дмитрий Александрович Тарасов – количественная и качественная обработка полученных данных, оформление результатов в форме рисунков и таблиц.

Информация об авторах

Анна Александровна Печеркина – кандидат психологических наук, зав. кафедрой возрастной и педагогической психологии, директор департамента психологии, Уральский федеральный университет имени первого Президента России Б.Н. Ельцина, Екатеринбург, Российская Федерация; Researcher ID: Q-7376-2016, Scopus ID: 57190120274, Author ID: 408120, ORCID ID: <https://orcid.org/0000-0000-0002-2261-2505>; e-mail: a.a.pecherkina@urfu.ru

Георгий Игоревич Борисов – старший преподаватель кафедры общей и социальной психологии, Уральский федеральный университет имени первого Президента России Б.Н. Ельцина, Екатеринбург, Российская Федерация; Researcher ID: AAF-7831-2020, Scopus ID: 57214098801, Author ID: 831561, ORCID ID: <https://orcid.org/0000-0002-3713-3005>; e-mail: georgy.borisov@urfu.ru

Дмитрий Александрович Тарасов – ассистент кафедры «Клиническая психология и психофизиология», Уральский федеральный университет имени первого Президента России Б. Н. Ельцина, Екатеринбург, Российская Федерация; Author ID: 1180199; ORCID ID: <https://orcid.org/0000-0001-7490-7439>; e-mail: dmitry.tarasov@urfu.ru

Информация о конфликте интересов

Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

Процессы понимания текста в обучении студентов в контексте субъектно-аналитического подхода

Евгения Н. Каменева-Любавская^{1,2*} , Татьяна В. Борзова² ,
Галина А. Астафьева²

¹ Дальневосточный государственный медицинский университет, Хабаровск, Российская Федерация

² Тихоокеанский государственный университет, Хабаровск, Российская Федерация

*Почта ответственного автора: klen.93@mail.ru

Аннотация

Введение. Научная новизна исследования состоит в описании воздействия использования субъектно-аналитического подхода на развитие уровня понимания текста. Целью данного исследования является оценка развития уровня понимания у студентов, обученных способам работы с текстом. **Методы.** В исследовании приняли участие 120 студентов ФГБОУ ВО ДВГМУ Минздрава России, 60 из которых вошли в экспериментальную группу, 60 – в контрольную. Была осуществлена специально организованная деятельность по обучению студентов экспериментальной группы способам понимания текста, а далее были оценены различия между группами по уровню понимания текста. Для качественного анализа динамики развития умений, связанных с пониманием текста, применялся комплекс уровней понимания текста, разработанный В.П. Зинченко. **Результаты.** Студенты экспериментальной группы показали более высокие умения и навыки, необходимые для работы с текстом, чем студенты контрольной группы. В ходе исследования была выделена психологическая структура обучения студентов пониманию согласно уровням понимания В. П. Зинченко: естественный, культурный и творческий (объект развития, необходимые навыки, структурные элементы, когнитивные процессы, соответствующие каждому уровню понимания, направленность способам понимания

ПЕДАГОГИЧЕСКАЯ ПСИХОЛОГИЯ

текста). Каждому навыку определены необходимые умения и соответствующие им способы понимания текста. **Обсуждение результатов.** Установлено, что субъектно-аналитический подход наряду со специально организованным обучением способам работы с текстом обуславливает количественные и качественные изменения в понимании у обучающихся.

Ключевые слова

понимание текста, субъектно-аналитический подход, аналитические навыки, холистические навыки, уровни понимания

Финансирование

Исследование выполнено за счет гранта Российского научного фонда № 24-28-01757, <https://rscf.ru/project/24-28-01757/>

Для цитирования

Каменева-Любавская, Е.Н., Борзова, Т.В., Астафьева, Г.А. (2025). Процессы понимания в обучении студентов в контексте субъектно-аналитического подхода. *Российский психологический журнал*, 22(1), 139–158, <https://doi.org/10.21702/0wzy1386>

Введение

Стремительно развивающийся в настоящее время научно-технический прогресс приводит к постоянному усложнению структуры мира, взаимодействия между людьми, между различными процессами и явлениями. С каждым годом людям все сложнее воспринимать информацию, успевать обрабатывать и структурировать постоянно увеличивающиеся ее объемы. Соответственно, возникает необходимость обучения новым навыкам обработки и анализа информации, дополнительного обучения навыкам понимания текста. Вопросы обработки и понимания информации объединены вокруг субъектно-аналитического подхода в психологии, название которого сформулировано В. В. Знаковым. Субъектная составляющая рассматривалась как проявление внутренних условий познающего мир человека, прежде всего, его собственного опыта (Фуко, 2011). Субъектная составляющая представляет собой восприятие информации извне через призму собственной внутренней системы ценностей с помощью осуществления целенаправленной деятельности, перехода от одного ее этапа к другому (Kintch, 1988; Харламенкова, 2010). Т. П. Войтенко рассматривает субъективную составляющую с точки зрения гносеологии как «свободную волю человека, направляющую его деятельность» (Войтенко, 2017). В.В. Знаков представляет субъектность как «совокупность внутренних условий развития понимания...: внешние причины действуют,

преломляясь через внутренние условия, составляющие основание психического развития» (Знаков, 2015; Знаков, 2023а). В.В. Знаков рассматривает субъектность в рамках социокультурного направления, где полная объективность недостижима ввиду разных жизненных установок, ценностей и норм людей (Знаков, 2023б). Во всех описаниях субъективной составляющей прослеживается восприятие внешней информации, новых знаний через внутренние условия: собственную систему ценностей и поэтапность восприятия, собственный опыт и/или собственные психические возможности развития.

Компоненты субъектно-аналитического подхода

Аналитическая составляющая субъектно-аналитического подхода подразумевает под собой выделение отличительных особенностей, явлений свойств рассматриваемого явления или процесса. М.С. Гусельцева говорит о необходимости анализа, который обосновывается будущим синтезом отдельных частей в единое целое для более глубокого понимания текста, определения новых смыслов (Гусельцева, 2009). При этом возможно отсеивание незначительных данных, которые не способствуют пониманию текста и не несут никакой смысловой нагрузки. Это отмечает и В.В. Знаков, определяя тот факт, что в процессе познания того или иного предмета исследования необходима ясность, которая порой может приводить к его упрощению (Знаков, 2015). В.В. Знаков рассматривает аналитическую составляющую в рамках когнитивного направления исследований понимания, где исследователи стремятся «соотнести и сравнивать реальное положение с потенциально допустимым и потому возможным» (Знаков, 2023б). Так, М.С. Гусельцева (2019) акцентирует внимание на необходимости использования различных аналитических стратегий, которые подразумевают поиск определенного набора способов решения проблем и задач для достижения оптимального результата (Гусельцева, 2019). Это означает, что аналитическая составляющая заключается не только в разборе воспринимаемой информации на отдельные объекты, процессы и явления с целью более глубокого ее понимания, но и в поиске подходящих *способов понимания* для того или иного текста.

Субъектно-аналитический подход под процессом понимания подразумевает под собой анализ текста, его разделение на отдельные единицы для более детального разбора с целью получения целостной картины и внедрения ее в собственное мировоззрение. Все это требует развитых у человека на достаточно высоком уровне аналитических и холистических навыков. Аналитические навыки представляют собой способность к выделению отдельных элементов, понятий и явлений из потока информации для дальнейшей переработки, анализа и внедрения в собственную систему ценностей. Холистические навыки, напротив, являются такими способностями, которые позволяют оценить ситуацию, полученную информацию целостной картиной. Данные навыки требуют от человека высокой скорости

мышления при минимальной осознанности (Evans, 2008; Ткаченко, Хухлаев, 2022). Аналитические и холистические навыки отражают способности человека к анализу и синтезу получаемой информации.

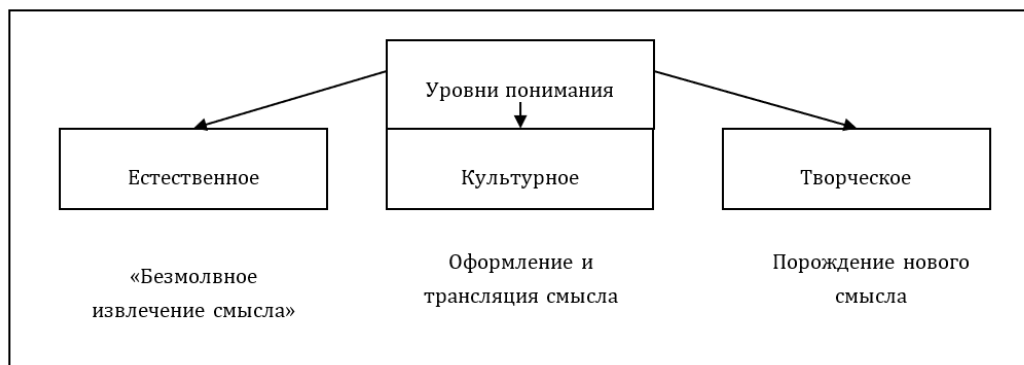
Уровни понимания в образовательном процессе

Исходя из выводов о том, что понимание текста, согласно субъектно-аналитическому подходу, включает в себя и подбор совокупности определенных способов, необходимо выделить уровни понимания текста для определения конкретных способов их достижения. В рамках проводимого нами исследования важно рассмотреть работу В.П. Зинченко, где он указывает, что целостный процесс понимания может «включать в себя отдельные акты», которые могут быть объединены в уровни (Зинченко, 2014).

Уровни понимания в образовательном процессе (Зинченко, 2014), выделенные В.П. Зинченко, представлены на рисунке 1.

Рисунок 1

Уровень понимания текста по В.П. Зинченко

Естественное понимание происходит тогда, когда учащемуся удастся извлечь смысл из текста. Оно достигается в том случае, когда подтверждается поведением и деятельностью человека. Данный уровень, несмотря на название, не является врожденным. Такое понимание подразумевает под собой предметное понимание, требующее наличия у человека аналитических навыков, бессознательных умозаключений (Calet, López-Reyes & Jiménez-Fernández, 2020). Естественное понимание обязательно связано с действиями человека и не может существовать отдельно. Данный вид не является первой ступенью понимания, его можно охарактеризовать как понимание через практику, поскольку здесь происходят такие эмпирические акты, как восприятие знаков (букв, слов, формы, цвета) и выделение знакомой и незнакомой информации. Осознание факта незнакомой информации важно для будущего анализа информации и синтеза в собственную картину мира. Kirchhoff & Glaesser (2023) подчеркивали, что процесс понимания

протекает качественнее, если обращать внимание на значение отдельных слов или формулировок в контексте самого текста, даже если они входят в противоречие с собственным опытом. Важность понимания связи между словом и его контекстом при работе с текстом подчеркивает также Seyidova (2023). В своем исследовании она приходит к выводу о том, что влияние контекста на семантику слова позволяет улучшить процесс коммуникации читателя и автора (Seyidova, 2023). В случае если начинать работу с текстом с обобщений и обращения к уже имеющимся знаниям, возможно искажение смысла текста и, как следствие, его непонимание.

Культурный уровень понимания помимо извлечения смысла текста обучающимся содержит его знаковое оформление, которое приводит к возможности представления. Полнота и адекватность понимания на данном уровне измеряется текстом, соответствующим оригиналу. При этом применение смысла в действии у обучающегося может не произойти. Следовательно, культурный вид понимания может оказаться механическим повтором представленного в тексте смысла, проводимым с помощью холистических навыков. Эмпирические акты остаются те же, однако возможно понимание смысла в контексте, представленном в тексте.

Третий уровень понимания, выделяемый В.П. Зинченко – творческий. Включая характеристики первых двух видов, он обязательно включает в себя появление нового смысла, новой знаковой формы представления текста. В образовательной среде оценка творческого понимания текста требует от педагога дополнительных возможностей к пониманию творческих текстов своих учеников, как устных, так и письменных (Зинченко, 2014). Здесь уже в полной мере происходит понимание смысла текста в том контексте, в котором представил его автор, а также активно-диалогическое понимание, которое подразумевает под собой своеобразный спор читателя с автором, рождение собственного решения представленной проблемы. Соответственно, на данном этапе используются холистические навыки человека.

Для успешного протекания понимания, независимо от его вида, необходимо сохранение предметности, смысла текста. Предметность обязательно входит в действие и образ, которые характерны для естественного и творческого понимания. Сложнее, в случае с культурным видом, поскольку присутствует вероятность ошибки при вербализации смысла текста.

Если процесс обучения направлен не просто на запоминание, но и на понимание текста, то эффективность обучения повышается. Важными являются дисциплины, которые не просто транслируют теоретические аспекты тех или иных научных дисциплин, но и способствуют пониманию получаемой информации.

Уровни развития понимания учебного текста

Исходя из анализа составляющих субъектно-аналитического подхода В.В. Знакова, и классификации видов понимания по В.П. Зинченко, нами были определены уровни понимания текста и соответствующие им структурные элементы (Таблица 1).

Таблица 1

Уровни развития понимания учебного текста

Структурные компоненты	Уровни понимания		
	Естественный	Культурный	Творческий
Объект развития	Определение	Явление, процесс	Внутренний смысл
Необходимые навыки	Аналитические	Холистические	Холистические
			Аналитические
Структурные элементы	Определения, явления, процессы	Смысл текста, его практическое применение	Новый смысл текста, его новая знаковая форма
Когнитивные процессы	Узнавание	Воспроизведение, осмысленное понимание	Внутреннее понимание, появление новых смыслов
Направленность способов понимания текста	Упрощение	Наглядность	Объяснение

Из таблицы 1 видно, что в процессе понимания учебного текста можно выделить такие уровни, как естественный, культурный и творческий. На естественном уровне происходит знакомство с определениями и их узнавание. Процесс понимания может не происходить до конца, но происходит процесс узнавания и выделения среди прочих. Для преодоления данного этапа необходимо, чтобы способы понимания текста были направлены на упрощение основных определений, явлений и процессов, на их запоминание, «что может вызывать затруднения даже у опытных читателей» (Цукерман, Клещ, 2017). На втором, культурном уровне понимания, происходит объединение всех появившихся на предыдущем этапе отдельных определений, явлений и процессов в целостную картину. Определяются взаимосвязи между ними, появляется их осмысленное практическое применение. Здесь способы понимания текста должны способствовать тому, чтобы студент наглядно представил полученные на первом уровне знания за счет их применения в своем жизненном опыте, внедрения в систему уже полученных знаний. На третьем, творческом этапе, происходит внутреннее понимание, которое характеризуется появлением новых смыслов текста, тех, которые не представлены в тексте. Здесь происходит обращение обучающегося вовнутрь себя, протекает процесс рефлексии и самопонимания (Мосунова, 2019; Красных, 2023). Студент объясняет для себя и, возможно, окружающих, для чего ему нужен данный текст, как он изменил его

восприятие и мировоззрение. Этот уровень должен показать, что у студента действительно произошло понимание представленной ему информации.

В процессе проводимого нами исследования была разработана система показателей, необходимых для продуктивной работы с текстом. Для их развития были подобраны соответствующие способы понимания текста (таблица 2).

Таблица 2

Способы понимания текста

Уровни понимания текста	Навыки понимания	Показатели понимания, необходимые умения	Способы понимания текста
Естественный	Аналитические	Структурирование информации	Иллюстрационный план
			Создание устного вторичного текста.
			Классификация текста на знакомую и незнакомую информацию
Культурный	Холистические	Развитие чужой мысли	Маркировка позитивной и негативной информации в тексте
			Читательская проекция на теоретический материал
Творческий	Холистические	Убедительное аргументирование собственной идеи.	Определение противоречий в тексте
			Определение собственной проблемы текста
			Сравнительная таблица
	Аналитические	Ведение профессиональной беседы, с предъявлением подтверждающих факторов	

ПЕДАГОГИЧЕСКАЯ ПСИХОЛОГИЯ

Естественному уровню понимания соответствуют такие способы, как: иллюстрационный план текста, создание устного вторичного текста. Иллюстрационный план текста включает в себя комплекс иллюстраций, которые должны передавать основные положения учебного текста. Данный план должен быть узнаваем не только для его создателя, но и для других людей, которые знакомы с текстом. На основании этого плана студент создает вторичный текст и представляет его в устной форме. Классификация подразумевает под собой выделение знакомых и неизвестных понятий, процессов и явлений, описанных в тексте. При «маркировке позитивной и негативной информации в тексте» студент классифицирует информацию, полученную в тексте, на позитивную или негативную, и объясняет, почему он отнес ее к той или иной категории. На данном этапе обучающиеся используют свои аналитические навыки, чтобы разбить текст на отдельные смысловые единицы для ознакомления с ним. Данные способы понимания текста позволяют создать такие условия в образовательном процессе, которые позволяют студенту проявить себя в рамках недетерминированного «возможного», самодетерминированного выбора, что позволяет обучающимся структурировать информацию, используя собственные аналитические навыки, более качественно проработать новые определения, определения, процессы (Ricketts, 2020).

Культурному уровню соответствует такой способ понимания учебного текста, как читательская проекция на теоретический материал. Читательская проекция – результат процесса восприятия текста в сознании реципиента (Сорокин, 1985). Перенос смысла прочитанного на имеющиеся знания, собственный опыт, схожий с ситуацией, описанной в тексте, возможен при понимании текста. Помимо этого, процесс рассуждения, поиска ответов на собственные мотивационные вопросы по тексту («где это возможно применить?», «как это связано с моей профессиональной деятельностью?») будет способствовать большему пониманию как теоретического, так и практического материала (Miyamoto, Pfost & Artelt, 2019). Здесь задействованы холистические навыки, которые позволяют объединить разрозненные на первом этапе понимания определения и процессы, понять авторский смысл текста и перенести его на собственный опыт, аналогичные ситуации.

Третий, творческий уровень понимания текста, может достигаться за счет таких способов, как «определение противоречий» и «определение проблемы текста». Для философии противоречие – это «категория, выражающая внутренний источник всякого движения, развития, изменения, перехода в новое качество» (Кондаков, 1975). В педагогике под противоречием понимается «несоответствие между противоположностями: желаемым и действительным, потребностями и возможностями» (Глебов, 2020). Соответственно, противоречие представляет собой индивидуальную заявку обучающегося, который выявил его при анализе полученной информации и внедрении ее в собственную картину мира. Немаловажной составляющей любого текста является его проблема. Под проблемой текста понимается противоречие, которое поднимается в изучаемом исследовании, либо

при его связи с внешними факторами, другими исследованиями или в целом, науками. Проблема текста «требуется выхода за пределы уже полученных знаний, движения к новому знанию» (Мочалов, 1964). Решение проблемы требует изучения того, что ранее не было изучено. От того, насколько правильно она сформулирована, зависит качество будущих знаний (Collins, 2020; Дорожкин, Голубинская, 2023). Обучающийся может определить проблему текста на основе уже полученных теоретических знаний, собственного жизненного опыта, с помощью вопросов об использовании информации в тексте в своей будущей профессиональной деятельности, о негативном влиянии на другие сферы, не указанные в нем. «Сравнительная таблица» как способ понимания подразумевает под собой самостоятельное выделение студентом объектов для сравнения в тексте и критериев для их анализа. Работа с текстом на творческом уровне требует от обучающихся владения холистическими и аналитическими навыками на высоком уровне, поскольку важен не только анализ смысла текста, но и собственные знания, ориентация в окружающей обстановке. Данные способы понимания текста позволяют развивать такие умения, как:

- выявление неочевидных закономерностей в тексте, позволяющее извлечь не только поверхностно представленную информацию, но и выявить скрытые смыслы текста. При этом происходит ее соотнесение с собственными знаниями и жизненным опытом обучающегося, интерпретация извлеченной информации;
- убедительное аргументирование собственной идеи, которая должна отражать спорные, неочевидные моменты в тексте, должна быть четко и ясно сформулирована (Венедиктова, 2013);
- ведение профессиональной беседы, с предъявлением подтверждающих факторов, которое требует от студента хорошего знания теоретического материала, способностей выстраивать логические связи между различными определениями, явлениями и событиями, необходимыми для подтверждения собственной точки зрения.

Цель исследования состояла в оценке развития уровня понимания текста у студентов, обученных способам работы с текстом, что является основой успешного обучения. Нами предполагалось, что проведение специального обучения студентов способам понимания текста будет способствовать развитию их холистических и аналитических навыков. Нами делался акцент на то, что студенты в не жестко контролируемых условиях образовательного процесса будут использовать освоенные способы работы с текстом в границах других учебных дисциплин и внеучебной деятельности.

Методы

В исследовании приняли участие студенты ФГБОУ ВО «Дальневосточный государственный медицинский университет» Минздрава России, г. Хабаровск. В экспериментальную группу вошло 60 человек, в контрольную – 60. В рамках

ПЕДАГОГИЧЕСКАЯ ПСИХОЛОГИЯ

эксперимента оценка работы с рассматриваемыми способами понимания текста проводилась с помощью освоения таких умений, как: «структурирование информации», «развитие чужой мысли», «убедительное предъявление собственной заявки», «выявление неочевидных закономерностей», «ведение профессиональной беседы, с предъявлением подтверждающих факторов», хорошее владение которыми достигалось с помощью освоения различных способов понимания текста. Для качественного анализа динамики развития умений, связанных с пониманием текста, применялся комплекс уровней понимания текста, разработанный В.П. Зинченко.

В данном исследовании использовались такие методы, как:

- анализ источников литературы, посвященных субъектно-аналитическому подходу в психологии, проблеме понимания текста;
- констатирующий, формирующий и конфиматорный эксперимент, в ходе которого проводилось обучение студентов способам понимания текста, направленным на развитие умений и навыков;
- критерий Манна-Уитни, коэффициент корреляции Спирмена;
- количественный и качественный анализ полученных данных.

В процессе эксперимента осуществлялась деятельность, направленная на развитие умений и навыков, необходимых для понимания текста (подробнее см. Каменева-Любавская, Борзова, 2024).

Одним из текстов, предлагаемых студентам, являлся текст И.А. Краденых «Экономический потенциал территории опережающего развития Хабаровского края» (Краденых, 2023). Мы исходили из того, что современный мир требует от системы образования и каждого человека всестороннего развития, готовности к жизни в обществе, с его постоянно меняющимися условиями и ускоряющимся темпом жизни. В силу того, что обучение способам понимания текста проводилось в рамках дисциплины «Экономика», приобретение необходимых навыков проходило на примере полученных знаний.

Результаты

Приведем некоторые примеры работ студентов экспериментальной группы, которые прошли специальное обучение способам понимания текста. Орфография работ студентов сохранена.

Читательская проекция на теоретический материал

В процессе обучения данному способу понимания анализировались явления и процессы, описанные в тексте, происходил поиск их обоснования с помощью пройденного теоретического материала.

Студент М. Н. отмечает: «В начале статьи И. А. Краденых перечисляет преимущества ТОР (ТОР – территория опережающего развития), которые

являются примером бюджетно-налоговой политики страны. Освобождая предприятия, располагающиеся на данной территории, государство поддерживает их деятельность, помогает развиваться, за счет освобождения от уплаты некоторых налогов в течение определенного периода времени. Благодаря данной поддержке предприятия могут экономить, а появившиеся средства вкладывать в развитие собственного предприятия. Помимо этого, предприятия ТОР получают государственную поддержку в форме субсидий, которые, как правило, получают от государства, и инвестиций, получаемых от других, более крупных фирм с запада нашей страны или за рубежом. Помимо этого, создание новых предприятий на территориях опережающего развития подразумевает под собой создание новых рабочих мест, что должно привести к уменьшению безработицы, улучшению благосостояния населения страны».

В границах способа «читательская проекция на теоретический материал» студент М.Н. правильно определил, что меры поддержки предприятий ТОР являются примером осуществления государством бюджетно-налоговой политики. Также студент указал, что данные меры подразумевают под собой рост экономики всего региона, на котором расположен ТОР. Обучающийся здесь не просто переформулировал ту информацию, которая имеется в тексте, но и развил мысль автора, логически обосновал ее. Соответственно, можно сказать, что он овладел таким умением, как развитие чужой мысли.

Определение собственной проблемы текста

Обучение данному способу понимания текста происходило с разбора категории «противоречие». После того, как оно было усвоено, студенты осуществляли поиск тех явлений и процессов, которые могут идти вразрез тому, о чем говорится в тексте. Данное противоречие служит основанием для формулирования проблемы.

Так, студент Ф. И. отмечает: «Имеются определенные противоречия между предполагаемыми преимуществами ТОРа и инновационным развитием. В начале статьи автор пишет о развитой инфраструктуре, богатой ресурсной базе и транспортно-логистическом потенциале Хабаровского края. Однако далее он отмечает, что данный регион отстает по социально-экономическим показателям и сталкивается с нехваткой квалифицированных кадров, развитием науки и, как следствие, инвестиционной привлекательностью. Это означает, что, несмотря на всю поддержку государства, ТОР по-прежнему являются непривлекательными для инвесторов, в связи с отсутствием развитой инфраструктуры, удаленностью от центра страны, постоянной «утечкой квалифицированных кадров (утечкой «мозгов»)». Да, на данную территорию приезжают работать иностранные специалисты, однако квалифицированными их назвать нельзя. Соответственно, пока сама территория Хабаровского края не станет привлекательной для жизни (хороший уровень образования, здравоохранения, адекватные заработные платы и цены на квартиры),

ПЕДАГОГИЧЕСКАЯ ПСИХОЛОГИЯ

молодые люди и грамотные специалисты не перестанут мигрировать в центральную часть страны, и, следовательно, ТОР не станут привлекательными для инвесторов. Таким образом, одной из проблем, представленных в тексте, является проблема инвестиционной привлекательности и экономической эффективности ТОР.

Помимо всего вышесказанного, я могу выделить противоречие между активным развитием ТОР и его влиянием на экологию региона. ТОР предполагают развитие производства и промышленности, следовательно, увеличится количество вредных выбросов в окружающую среду. Соответственно, при активной деятельности ТОР, предприятиям необходимо будет увеличить количество очистительных сооружений, что сделает их деятельность менее прибыльной. Здесь можно выделить проблему экологической безопасности региона при развитии ТОР».

Данные противоречия сформулированы четко, они грамотно аргументированы студентом как информацией из текста, так и собственными знаниями. Студент Ф.И. выделила закономерность между медленным развитием предприятий, располагающихся на ТОР, и непривлекательностью регионов для высококвалифицированных специалистов. Также обучающейся было отмечено и аргументировано собственное противоречие, связанное с развитием ТОР и негативным влиянием на окружающую среду. Анализируя данный ответ, можно сказать, что студентка Ф.И. владеет такими умениями, как «развитие чужой мысли», «убедительное представление собственной заявки», «выявление неочевидных закономерностей», «ведение профессиональной беседы, с предъявлением подтверждающих факторов».

Сравнительная таблица

Сравнительная таблица как способ понимания текста предполагает поиск определений, явлений и процессов в тексте, которые возможно было бы сравнить. Допустимо, что в тексте у выбранных определений, явлений и процессов могут быть описаны разные характеристики. В этом случае, студентам рекомендовалось прибегать к дополнительному поиску информации для осуществления полноценного сравнительного анализа. После заполнения таблицы необходимо было написать качественный и количественный (при возможности) вывод.

Представим работу студента П.В., выполненную на основании способа понимания «Таблица сравнений».

«Вывод. Как видно из таблицы, каждый из трех представленных в тексте ТОР имеет свою специализацию в зависимости от имеющихся на данной территории ресурсов. Соответственно, направленность деятельности ТОР, тоже для каждого своя. В Николаевске – это использование богатых природных богатств, имеющихся на данной территории, в Комсомольске – развитие НТП, с целью строительства более технологичных машин. В Хабаровске – социально-экономическая направленность. Поэтому, каждый ТОР имеет собственные проблемы, мешающие

их нормальному и продуктивному развитию. Так, проблема удаленности ТОР «Николаевск» может быть решена за счет строительства новой качественной и безопасной дороги, предусматривающей вес многотонных фур для перевозки сырья. Отток молодых кадров в ТОР «Комсомольск» может быть решен за счет большей привлекательности рабочих мест (большие социальные гарантии, большая заработная плата, предоставление выплат на приобретение собственного, а не служебного жилья, предоставление услуг здравоохранения на достойном уровне). Проблема расширения площадей для сельскохозяйственных предприятий в ТОР «Хабаровск», может быть решена за счет помощи местных органов в поиске владельцев заброшенных земельных участков и их выкупа. Таким образом, задача региональных властей не только отслеживать выполнение государственных мер поддержки, выполненные показатели деятельности, но и содействовать в оперативном решении появляющихся проблем. Благодаря данной поддержке предприятия ТОР будут более активно развиваться, получать большую прибыль, что приведет к получению больших налоговых отчислений в бюджет региона, что будет способствовать лучшему развитию Хабаровского края».

Таблица 3

Работа студента П.В. по способу понимания «Таблица сравнений»

Сравни- тельные признаки	ТОР «Николаевск»	ТОР «Комсомольск»	ТОР «Хабаровск»
Произ- водство	Судоремонт, рыбопереработка, добыча полезных ископаемых	Машиностроение, металлопереработка, деревообработка	Сельское хозяйство, логистика, промышленное производство
Направ- ленность ТОР	Использование природоресурсного потенциала	Развитие научного- технологического потенциала, увеличение трудовых ресурсов	Повышение социально- экономического потенциала региона
Проблемы ТОР	Удаленность ТОР от центра региона, транспортная труднодоступность	Отток молодых кадров	Расширение площади предприятий сельского хозяйства за счет заброшенных земельных участков

ПЕДАГОГИЧЕСКАЯ ПСИХОЛОГИЯ

Студент, используя текст, и имеющиеся у него знания, грамотно составил сравнительную таблицу (таблица 3), выделил сравнительные признаки для анализа каждого ТОР. Студент выделил и кратко описал основные виды деятельности каждого ТОР, рассмотренного в статье, описал основную направленность, а также выделил их проблемы. Помимо этого, студент предложил способы решения данных проблем для улучшения деятельности предприятий. При применении данного способа понимания текста студент показал, что владеет такими умениями, как «развитие чужой мысли», «убедительное представление собственной заявки», «выявление неочевидных закономерностей», «ведение профессиональной беседы, с предъявлением подтверждающих факторов». Также студент показал, что обладает аналитическими навыками (при детальном описании каждого ТОР) и холистическими (при написании вывода).

Анализ количественных показателей исследования

В исследовании приняли участие 120 студентов ФГБОУ ВО ДВГМУ Минздрава России, 60 из которых вошли в экспериментальную группу, в 60 – в контрольную.

До проведения эксперимента уровень умений, необходимых для понимания текста (которые оценивались от 1 до 5 баллов, где 1 – наихудшая оценка, 5 – наилучшая оценка), в контрольной и экспериментальной группах был на одном уровне. Об этом говорят рассчитанные критерии Манна-Уитни, которые превышают табличное значение, равное 1486, и попадают в зону незначимости.

Анализ статистически значимых различий между контрольной группой и экспериментальной на этапе завершения исследования также осуществлялся с помощью критерия Манна-Уитни. Результаты представлены в таблице 4.

Таблица 4

Расчетные показатели критерия Манна-Уитни

Структурирование информации	Развитие чужой мысли	Убедительное предъявление собственной заявки	Выявление неочевидных закономерностей	Ведение профессиональной беседы, с предъявлением подтверждающих факторов
682,5	532,5	550	302	469

Как показано в таблице 4, по всем рассматриваемым нами умениям, необходимым для понимания текста, наблюдаются статистически значимые различия, поскольку расчетные показатели меньше табличного (равного 1486), и, следовательно, все значения попадают в зону значимости (Наумова, Мухачева, 2014).

Помимо этого, была построена матрица коэффициентов корреляции Спирмена (таблица 5). Она показывает, что имеется высокая (или средняя, ближе к верхней границе значений) связь между наличием специального обучения способам понимания текста и уровнем развитости умений (сила связи оценивалась по шкале Чеддока).

Таблица 5
 Матрица коэффициентов корреляции

Показатели	Наличие специального обучения	Структурирование информации	Развитие чужой мысли	Убедительное предъявление собственной заявки	Выявление неочевидных закономерностей	Ведение профессиональной беседы, с предъявлением подтверждающих факторов
Наличие специального обучения	1	0,6	0,7	0,7	0,7	0,7
Структурирование информации	0,6	1	0,6	0,4	0,5	0,4
Развитие чужой мысли	0,7	0,6	1	0,6	0,5	0,5
Убедительное предъявление собственной заявки	0,7	0,4	0,6	1	0,6	0,5
Выявление неочевидных закономерностей	0,7	0,5	0,5	0,6	1	0,5
Ведение профессиональной беседы, с предъявлением подтверждающих факторов	0,7	0,4	0,5	0,5	0,5	1

Примечание: в таблице вынесены значимые значения $p \leq 0,05$

Помимо этого, матрица показывает наличие средней связи между рассматриваемыми умениями. Это говорит о том, что все они взаимосвязаны между собой, и без овладения другими факторами качественно овладеть только одним умением невозможно.

Обсуждение результатов

Полученные в процессе исследования данные являются результатом проведения специального обучения способам понимания текста. Обнаружены статистически значимые различия между контрольной и экспериментальной группами на завершающем этапе исследования. Это говорит о том, что студенты, прошедшие специальное обучение, обладают умениями понимать текст на более высоком уровне и, соответственно, более качественными аналитическими и холистическими навыками (Ryherd & Landi, 2019). Для качественного анализа динамики развития умений, связанных с пониманием текста, применялся комплекс уровней понимания текста, разработанный В.П. Зинченко. Так, например, такое умение, как «структурирование информации», соответствует первому, естественному уровню понимания текста, поскольку здесь допускается понимание отдельных определений, слов, описанных в тексте, при этом допускается непонимание всего смысла текста в целом. Задача этого уровня при обучении студентов способам понимания текста – научить структурировать информацию по определенным критериям, заданным тематикой текста, выделять незнакомую информацию (определения, процессы), с целью более углубленного понимания в дальнейшем. Поэтому работа со студентами по обучению их способам понимания была направлена на развитие аналитических навыков.

Такие умения как «развитие чужой мысли» осваивалось студентами на втором, культурном уровне понимания текста, который характеризуется знаковым оформлением смысла текста. В процессе работы студентов на данном уровне обучающимся приходится объединять ту информацию, которая получена на первом уровне, для того, чтобы представить смысл текста, то есть использовать собственные холистические навыки. Хорошим показателем является способность студентов аргументировать гипотезы автора не только словами из текста, но и собственными размышлениями, с опорой на уже полученные теоретические знания по данной тематике.

Такие умения, как «выявление неочевидных закономерностей», «убедительное аргументирование собственной идеи», «ведение профессиональной беседы, с предъявлением подтверждающих факторов» соответствуют высшему, творческому уровню понимания текста, поскольку здесь происходит порождение новых смыслов у обучающихся. Здесь фиксируется использование и аналитических, и холистических навыков, которые позволяют систематизировать новую информацию и внедрить ее в собственную структуру знаний. Задача педагога на этом уровне – создать

такие условия для обучающихся, в которых они бы не просто анализировали и воспринимали информацию, а хотели бы поделиться своими «открытиями», тем, что они узнали, к чему пришли (Groen, Veenendaal & Verhoeven, 2019).

Полученные результаты позволяют говорить о том, что студенты, прошедшие специальное обучение способам понимания текста, в состоянии достичь творческого уровня, который определяется владением аналитическими и холистическими навыками на высоком уровне, в то время, когда студенты контрольной группы оставались, в лучшем случае, на культурном уровне.

Заключение

Процесс понимания текста в образовательном процессе представляет собой взаимодействие обучающегося с текстом, которое включает в себя следующие поэтапные уровни: естественный, где происходит буквальное понимание, культурный, отличающийся знаковым оформлением текста, и творческий, для которого характерно полное понимание, рождение новых смыслов. Для каждого уровня характерны собственные структурные компоненты, которые включают в себя структурные элементы, когнитивные процессы, соответствующие каждому уровню понимания, и направленность способов понимания текста

Для достижения творческого уровня понимания нами были разработаны концептуальные положения модели понимания текста на основе субъектно-аналитического подхода, разработанного В.В. Знаковым. Понимание текста на высшем уровне требует от обучающегося наличия аналитических и холистических навыков на хорошем уровне. Овладение данными навыками наступает при отработке таких умений, как «структурирование информации», «развитие чужой мысли», «выделение неочевидных закономерностей», «убедительное представление собственной заявки», «ведение профессиональной беседы, с предъявлением подтверждающих факторов», которые, в свою очередь, отрабатываются с помощью различных способов понимания текста.

В процессе исследования нами было отмечено, что в результате специально организованной деятельности студенты гораздо чаще достигали творческого уровня понимания текста. Те студенты, которые не проходили специального обучения, как правило, оставались в лучшем случае на культурном уровне – уровне знакового оформления авторской мысли.

В тексте, как правило, сказано ровно столько, сколько необходимо для того, чтобы обучающийся смог ознакомиться с тем или иным явлением или процессом, при этом остается простор для собственных мыслей и размышлений. Понимание того, что описано в тексте, соответствует естественному уровню, оформление мысли автора в собственной, знаковой форме – культурному. Заполнение пространства, оставленного автором для размышления, постановка собственных вопросов, размышление о выявленных проблемах соответствует творческому

ПЕДАГОГИЧЕСКАЯ ПСИХОЛОГИЯ

уровню, где идеи и мысли, представленные в тексте, встречаются с картиной мира читателя. В результате данного взаимодействия возможно рождение новой мысли, новых знаний. Рассматривая студента как субъекта, находящегося на высшем уровне своей целостности, познавательной активности, мы исходим из допущения необходимости владения им широким спектром способов работы с различного рода текстами для достижения высокого уровня их понимания. Усваивая под руководством педагога широкий спектр способов работы с текстами, человек выделяет для себя нужные и значимые. Овладение одними способами предполагает желание применять другие способы работы, разрабатывать свои, трансформировать уже известные способы, быть внимательным к своим собственным словам и мыслям. Таким образом, необходимо рассматривать обучение студентов пониманию на основе субъектно-аналитического подхода как особую область знания для освоения необходимых умений и навыков, которые помогут им в осуществлении будущей профессиональной деятельности и, возможно, приведут их к новым научным знаниям или открытиям.

Литература

- Венедиктова, Т. Д. (2013). Уроки письма в транснациональной перспективе: опыт Чикагского университета. *Высшее образование в России*, (8-9), 116–120.
- Войтенко, Т. П. (2017). Принцип субъектного подхода в психологии и педагогике: проблема антропологического контекста. *Вестник ПСТГУ. Серия IV: Педагогика. Психология*, (44), 67–83. <https://doi.org/10.15382/sturIV201744.67-83>
- Глебов, А. А. (2020). Противоречие как предпосылка педагогической проблемы. *Известия ВГПУ*, 4(174), 8–11.
- Гусельцева, М. С. (2019). Субкультуры: культурно-психологические трансформации современности в свете методологии латентных изменений. *Вестник Санкт-Петербургского университета. Психология*, 9(3), 229–242. <https://doi.org/10.21638/spbu16.2019.301>
- Гусельцева, М.С. (2009). Культурно-аналитический подход в психологии и методологии междисциплинарных исследований. *Вопросы психологии*, (5), 17–27. <https://doi.org/10.54359/ps.v2i7.957>
- Дорожкин, А.М. & Голубинская А.В. (2023). Незнание как эпистемологическая проблема. *Эпистемология и философия науки*, 60(3), 77–90. <https://doi.org/10.5840/eps202360343>
- Зинченко, В.П. (2014). *Понимание как философско-методологическая проблема психологии, или О переводе знаний на язык смысла. Современные методологические стратегии: интерпретация, конвенция, перевод: коллектив. моногр.* Российская академия наук.
- Знаков, В.В. (2015). Субъектно-аналитический подход в психологии понимания. *Психологические исследования*, 8(42), 12. <https://doi.org/10.54359/ps.v8i42.536>
- Знаков, В.В. (2023а). Субъектно-аналитический подход в психологии. А.Л. Журавлев, Е.А. Сергиенко, Г.А. Виленская (ред.). *Научные подходы в современной отечественной психологии*. Институт психологии Российской академии наук.
- Знаков, В.В. (2023б). Психология возможного и возможностное мышление. *Теоретическая и экспериментальная психология*, 2(16), 5–22. <https://doi.org/10.11621/TEP-23-9>

- Каменева-Любавская Е.Н., Борзова Т.В. (2024). Развитие навыков метакогнитивной включенности в деятельность при обучении способам понимания текста. *Российский психологический журнал*, 21(3), 211–228. <https://doi.org/10.21702/rpj.2024.3.12>
- Кондаков, Н.И. (1975). *Логический словарь-справочник*. Наука.
- Краденых, И.А. (2023). Экономический потенциал территории опережающего развития Хабаровского края. *Российские регионы: взгляд в будущее*, (12), 33–41.
- Красных, В.В. (2023). Психологическая структура значения и проблемы понимания текста. *Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Теория языка. Семиотика. Семантика*, 14(4), 1306–1320. <https://doi.org/10.22363/2313-2299-2023-14-4-1306-1320>
- Мосунова, Л.А. (2019). Управление чтением художественных текстов как процессом порождения смысла. *Вестник Новосибирского государственного педагогического университета*, 8(2), 135–152. <https://doi.org/10.15293/2226-3365.1802.08>
- Мочалов, И.И. (1964). Научная проблема и ее роль в познании. *Вопросы философии*, (11), 28.
- Наумова Т.А., Мухачева Е.В. (2014). *Наставления по обработке результатов научного эксперимента для студентов, будущих педагогов. Методическое пособие*. Издательство Удмуртского университета.
- Сорокин, Ю.А. (1985). *Психолого-лингвистические аспекты изучения текста*. Наука.
- Ткаченко, Н.В., Хухлаев, О.Е. (2022). Осознанность в межкультурной коммуникации: опыт качественного анализ. *Вестник РУДН. Серия Психология и педагогика*, 19(1), 110–127. <https://doi.org/10.22363/2313-1683-2022-19-1-110-127>
- Фуко, М. (2011). *Управление собой и другими. Курс лекций, прочитанных в Колледж де Франс в 1982-1983 учебном году*. Наука.
- Харламенкова, Н.Н. (2010). Активность субъекта: ее границы в ретроспективе и перспективе жизни. В.В. Знаков, З.И. Рябикина, Е.А. Сергиенко. (ред.). *Психология субъекта и психология человеческого бытия*. Кубанский государственный университет.
- Цукерман, Г.А., Клещ, Н.А. (2017). Понимание понятийного текста и владение понятиями. *Психологическая наука и образование*, 22(3), 19–27. <https://doi.org/10.17759/pse.2017220302>
- Calet, N., López-Reyes, R., & Jiménez-Fernández, G. (2020). Do reading comprehension assessment tests result in the same reading profile? A study of Spanish primary school children. *Journal of Research in Reading*, 43(1), 98–115.
- Collins, A.A. et al. (2020). Performance variations across reading comprehension assessments: Examining the unique contributions of text, activity, and reader. *Reading and Writing*, 33(3), 605–634.
- Evans, J. S. B. (2008). Dual-processing accounts of reasoning, judgment, and social cognition. *Annual Review of Psychology*, (59), 255–278. <https://doi.org/10.1146/annurev.psych.59.103006.093629>
- Groen, M. A., Veenendaal, N.J. & Verhoeven L. (2019). The role of prosody in reading comprehension: evidence from poor comprehension. *Journal of Researches in Reading*, 42(1), 37–57. <https://doi.org/10.1111/1467-9817.12133>
- Kintch, W. (1988). The Role of Knowledge in Discourse Comprehension: A Construction-Integration Model. *Psychological Review*, 95(2), 163–182. <https://doi.org/10.1037/0033-295X.95.2.163>
- Kirchhoff, L., Glaesser, J. (2023). Understanding and Text properties: investigating Readers' Sense-making processes. *Journal of Literary Education*, (7), 59–83.
- Miyamoto, A., Pfost, M., Artelt, C. (2019). The relationship between intrinsic motivation and reading comprehension: Mediating effects of reading amount and metacognitive knowledge of strategy use. *Scientific Studies of Reading*, 23(6), 445–460.

- Ricketts, J. et al. (2020). Reading and oral vocabulary development in early adolescence. *Scientific Studies of Reading*, (5), 380–396. <https://doi.org/10.1080/10888438.2019.1689244>
- Ryherd K., & Landi N. (2019). Category Learning in Poor Comprehenders. *Scientific Studies of Reading*, 23(4), 305–316. <https://doi.org/10.1080/10888438.2019.1566908>
- Seyidova, N. (2023). The influence of context on word semantics. *Path of Science*, 9(8), 8007–8011.

Поступила в редакцию: 02.09.2024

Поступила после рецензирования: 19.10.2024

Принята к публикации: 01.12.2024

Заявленный вклад авторов

Евгения Николаевна Каменева-Любавская – планирование и руководство исследованием, организация эмпирического исследования, анализ и интерпретация полученных эмпирических данных, подготовка и редактирование текста статьи.

Татьяна Владимировна Борзова – теоретический обзор зарубежных и отечественных исследований, подготовка текста статьи, работа с источниками.

Галина Андреевна Астафьева – теоретический обзор зарубежных исследований, работа с источниками.

Информация об авторах

Евгения Николаевна Каменева-Любавская – старший преподаватель кафедры сестринского дела с курсом социальных дисциплин, ФГБОУ ВО «Дальневосточный государственный медицинский университет» Министерства здравоохранения Российской Федерации, г. Хабаровск, Российская Федерация; аспирант Высшей школы психологии, ФГБОУ ВО «Тихоокеанский государственный университет», г. Хабаровск, Российская Федерация; Author ID: 822845, ORCID ID: <https://orcid.org/0000-0002-9446-4011>; e-mail: klen.93@mail.ru

Татьяна Владимировна Борзова – доктор психологических наук, профессор с ученой степенью «Доктор наук» и ученым званием «Доцент высшей школы психологии», ФГБОУ ВО «Тихоокеанский государственный университет», г. Хабаровск, Российская Федерация; Researcher ID: HKE-9138-2023, Scopus ID: 57205363884, Author ID: 278454, ORCID ID: <https://orcid.org/0000-0002-2307-9001>; e-mail: borzova_tatiana@mail.ru

Галина Андреевна Астафьева – аспирант Высшей школы психологии, ФГБОУ ВО «Тихоокеанский государственный университет», г. Хабаровск, Российская Федерация; Author ID: 1244803, ORCID ID: <https://orcid.org/0000-0002-2495-1885>; e-mail: astagala.ru@inbox.ru

Информация о конфликте интересов

Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

Effectiveness of Education in Reducing Antisocial Behaviors Among Youth in Saudi Arabia: A Survey Study

Ali A. Al-Subaihi^{1*} , Haifa T. Al-Bokai² , Abdulrahman A. Al-Subaihi³

¹ Taibah University, Madinah, Saudi Arabia

² Al Balqa Applied University, As-Salt, Jordan

³ Wayne State University, Detroit, USA

* Corresponding author: alialsubaihi@yahoo.com

Abstract

Introduction. The novelty of the research lies in examining the efficacy of the Saudi government's educational reforms aimed at addressing issues such as extremism and promoting tolerance. For the first time studied, our research assesses the prevalence of antisocial behavior among university students in Saudi Arabia following two decades of these reform efforts. A new perspective on the problem is presented through the utilization of the psychopathy assessment tool SRP-4, comparing results with students from other nations. **Methods.** In our investigation, we surveyed 1076 participants from the target population, utilizing the Self-Report Psychopathy- Version 4 (SRP 4). Our research is exploratory, focusing on understanding the effectiveness of reforms rather than confirming a specific hypothesis. **Results.** The results underscore the importance of comprehending raw and T scores on the SRP 4 scale for statistical analysis. By comparing scores between US college students and Saudi Arabian undergraduates, we reveal average levels of psychopathic traits among the latter, despite some disparities highlighted by Cohen's d values. **Discussion.** Our study emphasizes the significance of understanding raw and T scores in the SRP 4 scale before analyzing data. Through the comparison of American and Saudi Arabian university students, we've uncovered insights into psychopathic traits across diverse populations. Utilizing Cohen's d values, significant variations have been highlighted. These findings offer valuable perspectives on the psychosocial traits of college students.

Keywords

educational reform, Saudi Arabia, antisocial behavior, psychopathy assessment, comparative study, university students

For citation

Al-Subaihi, A. A., Al-Bokai, H. T., & Al-Subaihi, A. A. (2025). Effectiveness of education in reducing antisocial behaviors among youth in Saudi Arabia. *Russian Psychological Journal*, 22(1), 159–176. <https://doi.org/10.21702/7dgeja42>

Introduction

Regularly assessing the educational system's operations is crucial from scientific, political, and economic perspectives, both locally and globally. This involves the participation of experts, thinkers, and well-educated individuals from local and international communities. Evaluations typically compare educational outcomes in terms of intellect, behavior, science, profession, and society with local demands and those of nearby and distant education systems. This helps identify strengths for enhancement and weaknesses for correction before they become critical.

When negative phenomena arise locally, like rising unemployment rates, the spread of begging, or different forms of antisocial (by which is meant extreme deviation from social standards that also violates the rights of others), the need for a thorough review of the activities of the education system becomes imperative. In these situations, a thorough and impartial evaluation of these efforts is crucial.

Significant changes are needed in the system to counteract actions linked to individuals or groups that pose threats, at national or global levels—such as attacking residential spaces or mosques in Saudi Arabia and being involved in events like the 9/11 attacks in the United States or conflicts in regions such as Chechnya, Iraq, Syria, and Yemen.

The government of Saudi Arabia has implemented a range of reforms and initiatives aimed at improving education and training results to meet standards effectively. The strategies utilize technology to update education and training schemes in line with the changing requirements of both international job markets. One notable project is the education development plan that aims to enhance student skills, promote creativity, and reinforce pride by improving teaching methods, content, and educational settings. The Ministry of Education also runs programs such as "Fatin" and "Rifq" to protect students from diverging and facing problems. These initiatives aim to teach students life skills and leadership qualities to address moral dilemmas effectively while encouraging empathy and understanding among individuals and increasing awareness of different types of violence within the student body as well as among teachers and parents.

Saudi universities have implemented numerous scientific projects, incentive awards, and international conferences to foster moderation, tolerance, and rejection of violence and terrorism. They have also established scientific centers and programs to combat antisocial behavior, demonstrating the government's commitment to creating safe and secure educational environments. These efforts, spanning over two decades, aim to provide students with the necessary tools for a proper and secure life, while equipping school staff and parents with effective preventive educational methods to address violence.

Hence, there is a crucial need for survey research to explore the impact of all these efforts undertaken by the Ministry of Education and Saudi universities to combat antisocial among youth in Saudi Arabia, considering that the majority (about 65%) of the Saudi Arabian population falls into the youth category (aged between 15 and 34 years) (General Authority of Statistics, 2022).

The main research question is: "What is the prevalence of antisocial behavior among university students in Saudi Arabia after two decades of reform efforts?" This will be supported by four sub-questions, each focusing on specific aspects of psychopathy assessment and comparison among culturally diverse college students. These are:

(1) What are the classification levels of psychopathic tendencies among university undergraduates from Saudi Arabia, as determined by the correspondence between raw scores and T scores for each facet, factor, and total score in the SRP 4 instrument? (2) How do the effect sizes of psychopathic traits, assessed by the SRP-4, vary across college students from the USA, Europe, and Saudi Arabia? (3) What factors contribute to the differing effect sizes between the USA and Saudi samples across SRP-4 components, and how do these variations affect the understanding of psychopathic traits in college students from these cultures? and (4) What are the contributing factors to the consistent average level of psychopathic traits among college students from different cultural backgrounds, as indicated by SRP 4 components?

These sub-questions offer nuanced perspectives on evaluating, comprehending, and contrasting psychopathic traits within this demographic. Using the Self-Report Psychopathy-Fourth Version (SRP 4), the aim of the current study is to assess the effectiveness of several strategies that have been done by Saudi government and universities to prevent antisocial behaviors among youth in Saudi Arabia and compare the results with similar foreign studies.

The primary objective of this study is to collect descriptive data, investigate a novel area, or gain insights into a particular phenomenon without having a predefined prediction. As such, the aim is to explore the topic thoroughly, often without formulating a hypothesis at the outset.

The research emphasizes the importance of evaluating Saudi Arabia's system to address the rising antisocial behaviors seen in college students and highlights efforts to improve educational quality and meet international standards through various reforms,

like curriculum updates and counseling programs driven by the Ministry of Education and universities in Saudi Arabia geared towards creating a safe learning atmosphere. However, the study points out the significance of assessments to measure the impact of these actions in reducing youth conduct due to the significant number of young people in Saudi Arabia. Such evaluations can help shape strategies and initiatives to promote behavior among young people in Saudi Arabia that is in line with global standards.

The Comprehensive Theoretical Basis

The definition of "antisocial" in psychology differs based upon the circumstances and the theoretical perspective being used. There are two recognized interpretations: 1. One interpretation involves a diagnosis called antisocial personality disorder (ASPD), which is characterized by a pattern of disregarding and violating the rights of others. Individuals with ASPD often exhibit behaviors such as dishonesty, impulsiveness, aggression, irresponsibility, and lack of remorse. 2. The other interpretation is...The Diagnostic and Statistical Manual of Mental Disorders (DS M. 5) published by the American Psychiatric Association in 2013, provides details regarding this diagnosis. Antisocial behavior encompasses a range of behaviors that can cause harm or disturbance to others and society at large. Traits such as aggression, deceitfulness, disregard for norms, and rule violations are all examples of behavior as outlined by Moffitt in 1993.

The rise of conduct is impacted by factors such as biology and genetics, along with environmental and social aspects. This mix of elements interacts intricately to mold susceptibilities and play a role in the formation of behaviors. Grasping the relationship among these factors is essential for dealing with and lessening the effects of antisocial behavior, on individuals and communities.

Neuroscientific studies indicate that irregularities in the structure and function of areas of the brain like the cortex and amygdala can play a role in antisocial behavior by affecting impulse control and emotional regulation (Blair et al., 2014). When these regions show decreased activity levels in individuals with behavior traits can lead to increased impulsiveness and difficulties in managing emotions that may contribute to conduct tendencies. Research into genetics highlights a influence in antisocial behavior, with estimates suggesting heritability falls between 40% to 50% although environmental factors are also significant contributors (Moffitt et al., 2006). Some specific genes associated with neurotransmitters such as serotonin and dopamine. Which play roles in regulating mood and processing rewards. Could potentially increase the likelihood of engaging in behavior (Caspi et al., 2003).

Experiencing situations in childhood like abuse or neglect can increase the chances of engaging in behavior, according to researchers in environmental and social sciences (Felitti et al., 1998). These experiences may impact how the brain develops, which can result in struggles with managing emotions and forming relationships. Effective social growth often originates from caring and well-defined parenting approaches, like styles

that emphasize warmth and boundaries. On the contrary, using techniques such as discipline or neglect might elevate the likelihood of impulsive and aggressive actions (Baumrind, 1996). Additionally, peer pressure has an impact since people can mimic behaviors through social learning and reinforcement to fit in or seek approval within their social groups (Bandura, 1977). Furthermore, Socioeconomic challenges such as poverty and being exposed to violence in the community can worsen behavior by restricting opportunities and causing feelings of despair and frustration while also exposing people to influences (as noted by Sampson et al., 1997). As a result of these circumstances... Individuals might turn to methods of dealing with their problems.

Understanding the complexities of life involves recognizing that a person's being is influenced by a combination of factors, like genetics and environment along, with social interactions that all work together rather than in separate silos. For example. A child inheriting traits and growing up in a household might struggle with emotional regulation and interpersonal communication skills leading to a higher likelihood of displaying antisocial behavior.

People with health conditions, like ADHD or anxiety disorders may display antisocial behavior at times and require proper diagnosis and treatment tailored to their needs. The interpretation and expression of behavior can vary across cultures; therefore, it's important to consider cultural context when assessing such behaviors and avoid being influenced by ethnocentric biases.

To sum up the issue of behavior is complex. Does not have a single origin point. Developing strategies to prevent and intervene in behavior necessitates grasping the interplay between biological influences, genetic predispositions, environmental factors, and social dynamics. By tackling weaknesses, fostering environments, and establishing supportive connections, we can strive to reduce instances of antisocial actions and foster a safer and more cohesive society.

Studies in psychology have thoroughly investigated how aggression and antisocial conduct are connected. Have uncovered a link between the two concepts. Antisocial behavior involves engaging in actions that show a lack of respect for rules and the rights of others. Violence is when someone deliberately uses force or authority to inflict harm. People who display behaviors often exhibit behavior towards others through expressions of anger or verbal and physical aggression (as noted by Moffitt in 1993 and Dodge & Coie in 1987).

Studies conducted over time have consistently indicated that individuals who exhibit behavior in their childhood and teenage years are more likely to engage in behavior later in life. This trend highlights the connection between onset behaviors and future involvement, in violent activities as outlined in the "age crime curve" concept discussed by Farrington (1986) and Moffitt (1993).

Individuals who have been identified with antisocial personality disorder (ASPD) as adults or conduct disorder (CDO during their childhood and teenage years frequently

display behaviors that are deemed antisocial, with a tendency for actions like physical aggression and criminal violence linked to both conditions (American Psychiatric Association; 2013). Moreover; characteristics such as anger, impulsiveness; and hostility that are typically seen in individuals with tendencies may play a role in their predisposition toward violence. Impulsiveness is known to increase the likelihood of engaging in violent actions by hindering individuals from managing their impulses and thinking about the outcomes (reference; Barratt 1994 and Coccaro et al. 1997). Additionally, people who grow up in environments marked by violence or abuse might adopt ways of coping and see violence as a way to handle conflicts or assert dominance (citing Bandura 1973 and Dodge et al. 1990).

The results underscore the relationship between conduct and violence in relation to personal traits and environmental factors among young individuals in Saudi Arabia without focusing on pinpointing the causes of antisocial behaviors, as the primary aim of this research is to measure such behaviors.

In research environments, antisocial actions are measured objectively through a variety of assessment tools and methods. Self-report surveys are often utilized, which are tools aimed at evaluating behavior based on individuals' responses. The Psychopathy Checklist Revised (PCI R), the Antisocial Personality Disorder Scale (APDS), and the Self Report Psychopathy Fourth Version (SRp 4) are some examples cited by Hare in 2003. Another approach involves methods where antisocial behaviors are observed and documented directly in controlled or natural settings. Field observations can involve studying real life scenarios or conducting controlled experiments, in laboratory settings (referencing Frick & Morris work from 2004).

Measuring behavior through interviews is a method used by clinicians to evaluate related disorders using structured or semi-formal questioning techniques that adhere to established diagnostic criteria, like those found in the DSM– Interestingly enough! A fourth approach involves evaluating responses like heart rate variability (HRV) and electrodermal activity (EDA), which can shed light on reactions linked to behaviors such as arousal and emotional control.

Sophisticated brain imaging methods such as positron emission tomography and functional magnetic resonance imaging can offer insights into how the brain functions in connection with behaviors by uncovering neural links and potential biomarkers tied to such behavior, according to Raine et al. (2000).

Methods

In this section, we will provide an in-depth exploration of the individuals involved in the study, the instruments utilized for data collection, the methodology for gathering data, and the statistical analysis methods applied.

Participants

We picked adults aged 18 to 26 from various cultural backgrounds to study antisocial behaviors in the Saudi Arabian youth community, effectively using a convenience sampling method without proper planning by selecting units from the target population casually. This common nonprobability sampling approach is generally suitable for research in the humanities.

According to the methods outlined by Al Suhail (2003), a total of 1076 individuals (567 males and 509 females) were selected from the specified population to form the sample group with attributes presented in Table 1.

Table 1
Characteristics of The Sample

		N	%
Gender	Male	567	52.7
	Female	509	47.3
	Total	1076	100
Age	18 – less than 20	230	30.3
	20 – less than 22	330	34.3
	22 – less than 24	170	22.4
	24 - 26	29	3.8
	Missing Data	113	10.5
	Total	1076	100
Academic Specializations	Scientific Colleges	449	41.7
	Humanities Colleges	627	58.3
	Total	1076	100

Note. *N = Sample Size. % = Valid Percentage*

The study benefits from a sample of 1076 people, both male and female, who were chosen from Saudi Arabia's youth population and ranged in age from 18 to 26. The determination of sample size adheres to established protocols, demonstrating methodological accuracy. The diverse backgrounds and cultural influences of the participants enrich the study's findings. Make them widely applicable while the transparent disclosure of participant details, in Table 1, strengthens the study's credibility.

In terms of this and after consideration, it seems like our sample adequately reflects the target population for this study. This is because of the range of ages, equal representation across genders, varied demographics, large sample size, and appropriate sampling method used.

Measures

The Self-Report Psychopathy Scale

The Self-Assessment Psychopathy Inventory (SRPI 4) created by Paulhus and colleagues in 2017 and consisting of 64 items tailored to evaluate traits in individuals aged 18 and above in situations is commonly employed for this purpose. The four components of SRP 4 include traits related to manipulation and deceitfulness (interpersonal factor IPM) disturbances, emotional connections with others (affective factor CA) impulsive and unpredictable behavior patterns (lifestyle factor ELS), and a tendency to ignore social norms, like delinquency and criminal behavior (antisocial factor CT) as defined by Massa and Eckhardt (2017). Each dimension comprises 16 items making it an even distribution. Participants rate the extent to which specific personality traits apply to them using a 5-point Likert Scale, ranging from 1 (strongly disagree) to 5 (strongly agree).

The four facets are grouped into two factors: the first consists of the first two facets that are IPM and CA, while the ELS and CT facets comprise the second factor. Individuals scoring high on the first factor are diagnosed as selfish and callous, using others without feeling guilt or remorse. Those scoring high on the second factor are diagnosed as suffering from chronic instability and antisocial disorder, living a socially deviant lifestyle. Individuals scoring high overall are diagnosed as psychologically disturbed, exhibiting multiple, recurrent, and severe psychopathological traits (Paulhus et al., 2017).

The Self-Report Psychopathy Scale (SRP 4) offers two versions: a shorter variant and a full-length one. While the short form comprises fewer items (29 items) compared to the full version (64 items), both demonstrate a strong correlation ($r = .92$; Paulhus et al., 2017) and align with the four-facet model (Gordts et al., 2017). Despite this correlation, we have chosen to utilize the full SRP 4 due to its inherent advantages, including a more comprehensive assessment, specific measurement, improved criterion validity, better facilitation of comparative analysis, and alignment with our research objectives. Therefore, while acknowledging the strong correlation with the short form, we find validation of the complete version more advantageous.

The researchers followed the guidelines for translating and adapting tests as stipulated by Hernández, Hidalgo, Hambleton, & Gómez (2020), along with other pertinent studies by Beaton et al. (2000), Tsang, Royse, & Terkawi (2017), and Hambleton & Lee (2013). This comprehensive approach was undertaken to guarantee the suitability and efficacy of the test within the Saudi Arabian context.

The SRP 4 was translated into Arabic using four main methods. Among these processes is (1) *Forward Translation*, in which a skilled translator translated the SRP 4 into Arabic from its original language. (2) *Backward Translation*: To guarantee accuracy and consistency, it was translated back into the original language by another qualified translator. (3) *The Committee of Experts* To ensure linguistic and cultural equivalency and

spot any differences, a panel of specialists in psychometrics and translation examined both the forward and back translations. Finally, before the translated instrument was finalized, a small sample of Arabic-speaking people was given the translated version of the SRP 4 for (4) *preliminary pilot testing translation*. The participants in the pilot study were asked to provide detailed explanations of their interpretation of each item and its corresponding response. All that was done to assess comprehension, clarity, and cultural appropriateness.

Personal information form

The personal information form was crafted to collect precise demographic information from participants, encompassing details such as age, gender, and academic specialization. This demographic data was essential for describing the study's findings and facilitating comparisons with similar research studies.

Data Collection Process

The study used convenience sampling, a nonprobability sampling technique, to collect data from a group of college students. After being made aware of the objectives of the study, participants were asked to voluntarily respond to SRP 4 questions on a 5-point Likert scale, where 1 represented a strong disagreement and 5 represented a strong agreement. Most participants needed ten to fifteen minutes to finish the SRP 4 scale in an understandable and efficient manner.

Data Analysis

To address all research objectives, both descriptive and inferential statistical procedures were carried out for this study using SPSS 25.0. The reliability of the scale was assessed by computing Cronbach's alpha (α) and the Guttman Split-Half Coefficient. Additionally, the item-total correlation was calculated using SPSS 25.0 to assess the validity of the scale.

The relationship between a test's individual items and the test score is evaluated using item-total correlation. It assists in ascertaining if each item contributes to the measurement of the construct that the test is evaluating. Concept validity is demonstrated by higher correlations between individual items and the overall score, which implies that the items measure the same underlying concept as the test (Cohen, & Swerdlik, 2018).

Results

Before presenting the statistical analysis results of our survey data, it's crucial to emphasize the classification of both raw scores and T scores for each facet of the scale and its corresponding factors in SRP 4. This will facilitate our diagnostic processes. Table 2 shows the interval of raw scores for each facet, factor, and for the total score in SRP 4, referencing

ПЕДАГОГИЧЕСКАЯ ПСИХОЛОГИЯ

the college sample, comprising 788 undergraduate students from a university in the USA. Among the sample, 34.8% were male, with an average age of 20.7 years (SD = 3.9 years, Range = 20-57 years), with the majority (90.9%) aged 24 years or younger.

Table 2

Raw Score and T Score Ranges for Each Class in SRP 4 Based on USA College Students

Factor Name		IPM	CA	ELS	CT	Factor 1	Factor 2	Total Score
Classi- fication	T Score	Raw Scores						
Low	30-39	16-28	16-27	16-31	16	32-57	32-49	64-110
Average	40-59	29-47	28-44	32-50	17-32	58-90	50-80	111-168
Elevated	60-69	48-57	45-53	51-60	33-40	91-107	81-95	148-197
Extre- mely Elevated	70-80	58-80	54-80	61-80	41-80	108- 160	96-160	198-320

Note. IPM = interpersonal factor. CA = affective factor. ELS = lifestyle factor. CT = antisocial factor. Factor 1 = The sum of IPM and CA. Factor 2 = The sum of ELS and CT. Total Score = The sum of IPM, CA, ELS, and CT. Source. Paulhus et al., 2017.

Raw scores on the SRP 4 are computed by summing up the numerical values of the item responses provided by a respondent. Higher scores on the SRP 4 indicate more pronounced psychopathic characteristics, whereas lower scores suggest fewer such traits. For instance, a raw Total Score of 200 signifies a significantly higher level of psychopathy compared to a raw Total Score of 100. However, interpreting differences among raw scores can be challenging; these scores cannot be meaningfully compared between individuals, nor can an individual's scores on different subscales be compared to each other, as they all have distinct means and standard deviations. To facilitate result interpretation, raw scores need to be converted to standardized scores (Paulhus et al., 2017). In the context of the SRP 4, standardized scores typically refer to T-scores. T-scores have a mean of 50 and a standard deviation of 10 in a normal distribution. These scores are derived from raw scores using a formula that standardizes the scores to a common scale.

Table 3 displays the classification of both raw scores and T scores for each facet, factor, and total score in SRP 4, obtained from an investigation comprising 1076 university undergraduates from Saudi Arabia. These classifications serve to establish norms for interpreting SRP 4 scores among the Saudi Arabian university undergraduate population, thus addressing the initial research question.

Table 3

Raw Score and T Score Ranges for Each Class in SRP 4 Based on Saudi Arabia College Students

Factor Name		IPM	CA	ELS	CT	Factor 1	Factor 2	Total Score
Classi- fication	T Score	Raw Scores						
Low	30-39	16-36	16-34	16-30	16-17	32-73	32-50	64-126
Average	40-59	37-51	35-48	31-47	18-39	74-97	51-84	127-179
Elevated	60-69	52-58	49-55	48-56	40-49	98-109	85-101	180-206
Extre- mely Elevated	70-80	59-80	56-80	57-80	50-80	110-160	102-160	207-320

Note. IPM = interpersonal factor. CA = affective factor. ELS = lifestyle factor. CT = antisocial factor. Factor 1 = The sum of IPM and CA. Factor 2 = The sum of ELS and CT. Total Score = The sum of IPM, CA, ELS, and CT.

Table 4 offers a comprehensive overview of the Self-Report Psychopathy Scale, 4th Edition (SRP-4) scores, encompassing college students from the USA (categorized as a reference group), Europe, and Saudi Arabia. It delineates scores relating to the overall SRP-4 assessment, two factors, and distinct facets (IPM, CA, ELS, CT).

In-depth analysis of extensive datasets, such as those outlined here, requires a careful evaluation of statistical significance. It's essential to recognize that significant tests not only indicate the magnitude or importance of a test result (Cohen, 1988; Thompson, 2002). The significance of a test is contingent upon both sample size and effect size; larger sample sizes heighten the likelihood of achieving statistical significance. With sample sizes nearing 800 respondents, it becomes imperative to assess not only the statistical significance but also the strength of the effect (Paulhus et al., 2017).

Effect size serves as a crucial statistic indicating the magnitude of the difference between the groups being compared. Instead of solely focusing on whether a finding is statistically significant (p-value), it aids in comprehending the practical significance

ПЕДАГОГИЧЕСКАЯ ПСИХОЛОГИЯ

of the result. Cohen's *d* index, calculated as: $d = (M1 - M2) / \text{spooled}$, where *M1* and *M2* represent the group means and *spooled* is the pooled standard deviation (average standard deviation of both groups), quantifies the difference between two means in standard deviation units. A higher Cohen's *d* value indicates a greater disparity across the groups. Effect sizes are classified as small if $d = 0.2$, medium if $d = 0.5$, and large if $d = 0.8$ (Cohen, 1988).

Table 4

Descriptive statistics of SRP 4 raw scores for a sample of college students from the USA (reference sample), Europe, and Saudi Arabia

Sample	Elements	SRP 4 Raw Scores			
		Mean	SD	Min.	Max.
USA Sample (Reference <i>N</i> = 788)*	Total	141.0	29.1	68	225
	Factor 1	75.0	16.7	34	133
	Factor 2	66.0	15.3	32	123
	IPM	38.8	9.7	17	70
	CA	36.2	8.8	16	63
	ELS	41.4	9.7	16	73
	CT	24.6	8.0	16	61
European Sample (<i>N</i> = 389)*	Total	130.1	24.1	77	254
	Factor 1	69.6	14.0	39	120
	Factor 2	60.5	12.9	35	134
	IPM	37.1	8.9	18	66
	CA	32.4	6.7	20	61
	ELS	39.5	8.9	19	74
	CT	21.9	6.0	16	60
Saudi Arabia Sample (<i>N</i> = 1076)*	Total	154.4	26.6	74	246
	Factor 1	85.9	12.2	48	133
	Factor 2	68.5	17.1	23	126
	IPM	44.2	7.2	24	75
	CA	41.6	6.9	20	62
	ELS	39.7	8.6	12	80
	CT	28.8	10.8	2	63

Note. *IPM* = interpersonal factor. *CA* = affective factor. *ELS* = lifestyle factor. *CT* = antisocial factor. *Factor 1* = The sum of *IPM* and *CA*. *Factor 2* = The sum of *ELS* and *CT*. *Total Score* = The sum of *IPM*, *CA*, *ELS*, and *CT*. *SD* = Standard Deviation. *Min.* = Minimum Raw Score of SRP 4. *Max.* = Maximum Raw Score of SRP 4.

Based on the provided results for the Saudi Arabian college sample in the SRP-4 assessments at Table 3 and Table 4, the mean total score is 154.4, indicating an *average* level of psychopathic traits within the sample. Factor 1, assessing interpersonal and affective traits, has a mean score of 85.9, suggesting an *average* level of manipulateness and lack of empathy. Factor 2, evaluating lifestyle and antisocial traits, has a mean score of 68.5, also indicating an *average* levels of impulsivity and irresponsibility. Among individual facets, the Impulsive and Irresponsible Lifestyle (IPM) has a mean score of 44.2, the Criminal Antisocial (CA) facet means at 41.6, the Erratic Lifestyle (ELS) scores 39.7 on mean, and the Criminal Traditions (CT) facet has a mean score of 28.8. These results collectively depict a profile of *average* psychopathic traits and behaviors among Saudi Arabian college students across various dimensions assessed by the SRP 4.

Creating Table 5 to display Cohen's d values to indicate effect sizes across the three groups would provide valuable insight into the practical significance of the differences observed. This presentation allows for a clear comparison of effect sizes across different components of the SRP-4 assessment among the three groups (the USA, European, and Saudi).

Table 5

The effect sizes across different components of the SRP-4 assessment among the three samples Cohen's d values

The Samples	Saudi Arabia Sample (N = 1076)		
	Elements	Cohen's d value	Effect Size
USA Sample (Reference N = 788)	Total	-0.48	small
	Factor 1	-0.76	medium
	Factor 2	-0.15	small
	IPM	-0.65	medium
	CA	-0.70	medium
	ELS	0.19	small
	CT	-0.43	small
European Sample (N = 389)	Total	-0.94	large
	Factor 1	-1.28	large
	Factor 2	-0.50	medium
	IPM	-0.92	large
	CA	-1.34	large
	ELS	-0.02	small
	CT	-0.71	medium

Note. IPM = interpersonal factor. CA = affective factor. ELS = lifestyle factor. CT = antisocial factor. Factor 1 = The sum of IPM and CA. Factor 2 = The sum of ELS and CT. Total Score = The sum of IPM, CA, ELS, and CT.

Table 5 displays the Cohen's d values, indicating the effect sizes or the extent of differences, between the USA and Saudi samples across different aspects of the SRP-4 evaluation. Specifically, a Cohen's d value of -0.48 for the total component implies a moderate effect size, highlighting a noticeable distinction in the total SRP-4 scores between the USA and Saudi samples, with the USA sample demonstrating slightly lower scores on average compared to the Saudi sample.

For Factor 1, a Cohen's d value of -0.76 indicates a large effect size, implying a considerable difference in Factor 1 scores between the two samples. Specifically, the USA sample exhibits significantly lower scores on Factor 1 compared to the Saudi sample. Conversely, Factor 2's Cohen's d value of -0.15 suggests a small effect size, indicating a minimal difference in Factor 2 scores between the USA and Saudi samples.

The Cohen's d values for each facet are as follows: IPM has a Cohen's d value of -0.65 , indicating a moderate to large effect size and suggesting a noticeable distinction in IPM scores between the two samples, with the USA sample displaying lower scores on average compared to the Saudi sample. CA exhibits a Cohen's d value of -0.70 , implying a moderate to large effect size and indicating a significant difference in CA scores between the USA and Saudi samples, with the USA sample showing lower scores on average. The ELS analysis reveals a Cohen's d value of 0.19 , indicating an effect size and showing variation in ELS scores between the two groups studied here. In contrast to that is the CT analysis, which exhibits a Cohen's d value of 0.43 , indicating an effect size and hinting at a difference in CT scores between the two groups, with the US group showing marginally lower scores, on average, compared to the Saudi group.

In terms of effect sizes, across assessment components as shown by these values vary; it's important to highlight that based on the categorization by Paulhus et al (2017) the average scores of the participants for all aspects of SR4 imply a moderate level of psychopathic characteristics akin to those seen in American and European participants.

Discussion

The study found an average level of psychopathic traits within the Saudi college student sample based on the SRP-4 assessment. This indicates that the majority of students scored within the average range classified by Paulhus et al. (2017). The analysis revealed a moderate to large effect size for the total score and some facets (Factor 1, IPM, CA, CT) between the American and Saudi samples. This suggests a noticeable difference, with Saudi students scoring slightly higher on average. The results include data from Europe alongside the US and Saudi samples, allowing for further comparison of psychopathy levels across these regions.

The focus on statistical significance is acknowledged, but the importance of effect size is emphasized. Calculating Cohen's d provides a clearer picture of the magnitude of the differences observed between groups. The results only represent a specific sample of Saudi Arabian college students and might not be generalizable to the entire population.

The study doesn't delve into potential cultural factors that might influence the interpretation of psychopathy scores.

The findings suggest an average level of psychopathic traits, but further investigation is needed to identify individuals with potentially concerning scores requiring clinical evaluation. The study paves the way for exploring the reasons behind the observed differences between the US and Saudi samples.

It's crucial to remember that these are just potential discussions based on the provided information. A complete understanding would require access to the full research paper and a deeper analysis of the methodology and limitations.

Based on the findings presented, the study draws several conclusions. Firstly, regarding psychopathy levels among Saudi students, the study suggests that most college students in the Saudi Arabian sample exhibited average psychopathic traits according to the SRP-4 assessment, indicating scores within the normal range. A moderate to large effect size was observed between the American and Saudi samples, particularly in the total score and specific facets like Factor 1 traits and manipulativeness, suggesting slightly higher scores among Saudi students compared to their American counterparts. However, while European data was included, the study did not explicitly compare Saudi students with the European group, warranting further analysis for a comprehensive understanding.

The study also underscores the importance of standardizing scores, such as converting raw scores to T scores, to facilitate the interpretation of psychopathy assessment results across different populations. This standardization allows for meaningful comparisons and diagnostic processes. The research emphasizes that college students from different backgrounds show similar levels of psychopathic traits when compared cross-culturally; this is supported by the comparable average scores on the SRP 4 components observed in samples from the USA

Moreover, examining the impact magnitudes using Cohen's d values offers perspectives on the real-world importance of variations seen in the USA and Saudi sample data across aspects of the SRP-4 questionnaire. Although variances are present, between them

The research highlights how the SRP P assessment can help identify traits in college students by offering scores and aiding in understanding various aspects and elements of the diagnosis process. The study also proposes directions for studies such as investigating variations in the occurrence and display of psychopathy within college communities and evaluating the impact of interventions customized for specific cultural settings.

In summary, the research adds to our knowledge of evaluating psychopathy in college students from different backgrounds by emphasizing the significance of consistent scoring methods, cross-cultural evaluations, and examining effect sizes when interpreting assessment outcomes. These discoveries hold relevance for applications, research approaches, and forthcoming investigations in the sphere of evaluation and treatment.

Ethics Statement

The research adhered to ethical standards throughout, ensuring participants were fully informed of the study's purpose, procedures, risks, and their right to withdraw consent. Confidentiality was safeguarded through data anonymization, and measures were implemented to minimize any potential risks or discomfort for volunteers. It's noteworthy that despite the absence of an ethics committee at the universities where data was collected, ethical protocols were rigorously followed.

Acknowledgements

This research received no direct financial support. However, the authors would like to extend their appreciation to all individuals who offered scientific feedback, contributing to the completion and publication of this work.

References

- Al-Subaihi, A. A. (2003). Sample size determination. Influencing factors and calculation strategies for survey research. *Neurosciences Journal*, 8(2), 79–86.
- American Psychiatric Association. (2013). *Diagnostic and statistical manual of mental disorders* (5th ed.). Arlington, VA: American Psychiatric Publishing. <https://doi.org/10.1176/appi.books.9780890425596>
- Bandura, A. (1973). *Aggression: A social learning analysis*. Prentice-Hall. <https://doi.org/10.2307/1227918>
- Bandura, A. (1977). *Social learning theory*. Prentice-Hall.
- Barratt, E. S. (1994). Impulsiveness and aggression. In J. Monahan & H. J. Steadman (Eds.), *Violence and mental disorder: Developments in risk assessment* (pp. 61–79). University of Chicago Press.
- Baumrind, D. (1996). The influence of parenting style on adolescent adjustment and competence in high school. *Child Development*, 67(5), 1263–1286.
- Beaton, D. E., Bombardier, C., Guillemin, F., & Ferraz, M. B. (2000). Guidelines for the process of cross-cultural adaptation of self-report measures. *Spine*, 25, 3186–3191. <https://doi.org/10.1097/00007632-200012150-00014>
- Blair, R. J., Mitchell, D. G., & Blair, K. S. (2014). The role of prefrontal cortex in the development of antisocial behavior. *Developmental Psychopathology*, 26(4), 899–910.
- Caspi, A., McClay, J., Moffitt, T. E., Craig, I. W., & Martin, J. (2003). Association of the serotonin transporter gene polymorphism (5-HTTLPR) with aggressive and antisocial behavior in males only. *British Journal of Psychiatry*, 182(2), 143–148.
- Coccaro, E. F., Schmidt, C. A., & Samuels, J. F. (1997). Association of aggression with a novel variation in the promoter region of the monoamine oxidase A gene. *American Journal of Psychiatry*, 154(9), 1195–1199.
- Cohen, J. (1988). *Statistical power analysis for the behavioral sciences* (2nd ed.). Erlbaum.
- Cohen, R. J., & Swerdlik, M. E. (2018). *Psychological testing and assessment: An introduction to tests and measurement* (9th ed.). McGraw-Hill Education.
- Dodge, K. A., & Coie, J. D. (1987). Social-information-processing factors in reactive and proactive aggression in children's peer groups. *Journal of Personality and Social Psychology*, 53(6), 1146–1158. <https://doi.org/10.1037/0022-3514.53.6.1146>

- Dodge, K. A., Bates, J. E., & Pettit, G. S. (1990). Mechanisms in the cycle of violence. *Science*, 250(4988), 1678–1683. <https://doi.org/10.1126/science.2270481>
- Farrington, D. P. (1986). Age and crime. *Crime and Justice*, 7, 189–250. <https://doi.org/10.1086/449114>
- Felitti, V. J., Anda, R. F., Nordenberg, D., Williamson, D. F., Spitz, A. M., Edwards, V., & Marks, J. S. (1998). Relationship of childhood abuse and household dysfunction to many of the leading causes of death in adults: The Adverse Childhood Experiences (ACE) Study. *American Journal of Preventive Medicine*, 14(4), 245–258. [https://doi.org/10.1016/S0749-3797\(98\)00017-8](https://doi.org/10.1016/S0749-3797(98)00017-8)
- Frick, P. J., & Morris, A. S. (2004). Temperament and developmental pathways to conduct problems. *Journal of Clinical Child and Adolescent Psychology*, 33(1), 54–68. https://doi.org/10.1207/S15374424JCCP3301_6
- General Authority of Statistics. (2022). *Census report*. General Authority of Statistics, Kingdom of Saudi Arabia. Available online: <https://portal.saudicensus.sa/portal> (accessed on 18 March 2024).
- Gordts, S., Uzieblo, K., Neumann, C., Van den Bussche, E., & Rossi, G. (2017). Validity of the Self-Report Psychopathy Scales (SRP-III full and short versions) in a community sample. *Assessment*, 24(3), 308–325. <https://doi.org/10.1177/1073191115606205>
- Hambleton, R. K., & Lee, M. K. (2013). Methods for translating and adapting tests to increase cross-language validity. *The Oxford Handbook of Child Psychological Assessment*, 172–181. <https://doi.org/10.1093/oxfordhb/9780199796304.013.0008>
- Hare, R. D. (2003). *The Hare Psychopathy Checklist-Revised (PCL-R) manual* (2nd ed.). Multi-Health Systems.
- Hernández, A., Hidalgo, M. D., Hambleton, R. K., & Gómez Benito, J. (2020). International test commission guidelines for test adaptation: A criterion checklist. *Psicothema*, 32(3), 390–398.
- Massa, A. A., & Eckhardt, C. I. (2017). Self-Report Psychopathy Scale (SRP). In Zeigler-Hill, V., & Shackelford, T. (Eds.), *Encyclopedia of Personality and Individual Differences*. Springer, Cham. https://doi.org/10.1007/978-3-319-28099-8_83-1
- Moffitt, T. E. (1993). Adolescence-limited and life-course-persistent antisocial behavior: A developmental taxonomy. *Psychological Review*, 100(4), 674–701. <https://doi.org/10.1037/0033-295X.100.4.674>
- Moffitt, T. E. (2006). Life-course-persistent versus adolescence-limited antisocial behavior. In D. Cicchetti & D. J. Cohen (Eds.), *Developmental psychopathology: Risk, disorder, and adaptation* (2nd ed., pp. 570–598). John Wiley & Sons, Inc. <https://doi.org/10.1002/9780470939406.ch15>
- Patrick, C. J. (2008). Psychophysiological correlates of aggression and violence: An integrative review. *Philosophical Transactions of the Royal Society B: Biological Sciences*, 363(1503), 2543–2555. <https://doi.org/10.1098/rstb.2008.0028>
- Paulhus, D. L., Neumann, C. S., Hare, R. D., Williams, K. M., & Hemphill, J. F. (2017). *Self-report psychopathy scale 4th edition (SRP 4) manual*. MHS, Multi-Health Systems Incorporated.
- Raine, A., Lencz, T., Bihle, S., LaCasse, L., & Colletti, P. (2000). Reduced prefrontal gray matter volume and reduced autonomic activity in antisocial personality disorder. *Archives of General Psychiatry*, 57(2), 119–127. <https://doi.org/10.1001/archpsyc.57.2.119>
- Sampson, R. J., Raudenbush, S. W., & Earls, F. (1997). Neighborhoods and violent crime: A multilevel study of collective efficacy. *Science*, 277(5328), 918–924. <https://doi.org/10.1126/science.277.5328.918>
- Thompson, B. (2002). Statistical significance testing. In J. Armitage & T. Colton (Eds.), *Encyclopedia of Biostatistics*. John Wiley & Sons.

Tsang, S., Royse, C. F., & Terkawi, A. S. (2017). Guidelines for developing, translating, and validating a questionnaire in perioperative and pain medicine. *Saudi Journal of Anaesthesia*, 11(Suppl 1), S80–S89. https://doi.org/10.4103/sja.SJA_203_17

Received: June 20, 2024

Revised: August 23, 2024

Accepted: September 11, 2024

Author Contributions

Ali A. Al-Subaihi, carried out the calculations and confirmed the analytical techniques, made a significant contribution to the finished work, and actively engaged in discussions regarding the findings.

Haifa T. Al-Bokai, formulated the notion and created the theory, made a significant contribution to the finished work, and actively engaged in discussions regarding the findings.

Abdulrahman A. Al-Subaihi, formulated the notion and created the theory, made a significant contribution to the finished work and actively engaged in discussions regarding the findings.

Author Details

Ali A. Al-Subaihi – Ph.D., Professor, Faculty Member, Department of Educational Psychology, College of Education, Taibah University, Madinah, Saudi Arabia; ORCID ID: <https://orcid.org/0009-0007-8268-3720>; e-mail: alialsuaihii@yahoo.com

Haifa T. Al-Bokai – Ph.D., Associate Professor, Faculty Member, Department of Special Education, Princess Rahma University College, Al Balqa Applied University, Balqa – Qasabet Al Salt, Jordan; ORCID ID: <https://orcid.org/0009-0000-9171-4647>; e-mail: hayfaelbokai@bau.edu.jo

Abdulrahman A. Al-Subaihi – Ph.D. candidate, Student, The Educational Evaluation and Research Program, Department of Educational Leadership and Policy Studies, College of Education, Wayne State University, Detroit, MI, United States; ORCID ID: <https://orcid.org/0009-0007-3641-0203>; e-mail: aasubaihi@hotmail.com

Conflict of Interest Information

The authors have no conflicts of interest to declare.

Job Satisfaction and Turnover Intentions of Expatriate Non-Native English-Speaking Teachers in China

Miloš Marković^{*} , Jorge López-Carratalá

Universidad Católica San Antonio de Murcia, Murcia, Spain

*Corresponding author: mmarkovic@alu.ucam.edu

Abstract

Introduction. This study explores the relationship between job satisfaction and turnover intentions among expatriate non-native English-speaking teachers in China. With the increasing demand for international educators, particularly in China, improving teacher retention is essential. While turnover in international schools has been studied extensively, research on expatriate non-native English-speaking teachers in China remains limited.

Methods. A mixed-methods approach was used to survey 158 expatriate non-native English-speaking teachers in China, employing the Job Satisfaction Survey and Turnover Intention Scale for quantitative data, alongside an open-ended question for qualitative insights. Data were analyzed using descriptive statistics, correlations, multiple regression, and thematic coding. **Results.** A significant negative correlation was found between job satisfaction and turnover intentions ($r = -0.712$, $p < 0.001$). Both extrinsic factors (e.g., pay, working conditions) and intrinsic factors (e.g., relationships with coworkers, communication) were identified as key drivers of turnover intentions. The regression model revealed that job satisfaction accounted for 50.7% of the variance in turnover intentions, emphasizing its substantial role in teachers' decisions to leave. **Discussion.** These findings highlight the importance of improving both extrinsic and intrinsic factors to reduce turnover intentions among expatriate non-native English-speaking teachers. Strategies such as stay interviews and enhanced career development opportunities can help retain teachers and boost job satisfaction. By addressing both intrinsic and extrinsic factors of job satisfaction, schools can reduce teacher turnover intentions, ensuring stability and continuity in education.

Keywords

job satisfaction, turnover intentions, expatriate teachers, non-native english-speaking teachers, teacher retention, international education, China

For citation

Marković, M., & López-Carratalá, J. (2025). Job Satisfaction and Turnover Intentions of Expatriate Non-Native English-Speaking Teachers in China. *Russian Psychological Journal*, 22(1), 177–194. <https://doi.org/10.21702/vqbx898>

Introduction

The global demand for qualified educators has led to increased mobility of teachers internationally. Additional pressure on this state is intensified by UNESCO's (2024) prediction that 44 million more teachers will be required by 2030 to ensure that every child has access to education. Teacher shortage has been observed in many regions, forcing schools to rely on temporary or even unqualified teachers to fill vacancies. While international schools offer unique opportunities for educators, they are not immune to this global trend. In fact, some of the greatest challenges they face are attracting and retaining qualified teachers (Mancuso et al., 2010).

Teacher turnover in international schools is influenced by various factors, including leadership styles, compensation and benefits packages, working conditions, as well as challenges related to cultural adjustment (Mancuso et al., 2010). High teacher turnover significantly impacts education systems. Frequent staff transitions disrupt continuity, hinder students' academic progress, and complicate the consistent implementation of curricula and instructional strategies (Ronfeldt et al., 2013; Sorensen & Ladd, 2020). Furthermore, turnover can destabilize school culture, weaken a sense of belonging, and place financial burdens on schools due to the costs of recruitment and training (Lee et al., 2012). Understanding factors that influence turnover intentions among expatriate teachers can help educational institutions in creating effective retention strategies.

Job satisfaction is a critical factor when it comes to understanding why teachers choose to stay in or leave their jobs. Studies show that satisfied teachers are more likely to remain in their roles, while dissatisfied teachers tend to leave (Ingersoll, 2001; Skaalvik & Skaalvik, 2011). Various factors influence job satisfaction within the teaching profession. Aspects such as equitable compensation, reasonable workloads, supportive administrators, and professional development opportunities all contribute significantly (Loeb et al., 2005; Mancuso et al., 2011). By prioritizing these elements, schools can effectively reduce turnover.

For expatriate teachers, job satisfaction is even more important. They deal with challenges that go beyond the classroom, like adjusting to a new culture, adapting to

unfamiliar workplaces, and often living without strong social or family support systems (Chu & Morrison, 2011; Dos Santos, 2019). When teachers feel satisfied with their jobs, they tend to overcome these challenges. Conversely, if they lack satisfaction, they are more likely to consider leaving.

The global number of international schools has surged by 50%, reaching over 14,000, with student enrolment increasing by 57% to a total of 7.3 million (ISC, 2024). Asia leads this expansion, particularly Eastern Asia, which covers 57% of all international schools and experienced a 16% growth even during the pandemic (ISC, 2023). As a result, the need for qualified teachers has grown significantly. ISC (2024) predicts that the international school workforce, which has expanded by 60% over the past decade, will need an additional 160,000 teachers by 2028. A large portion of these roles will likely be filled by expatriate non-native English-speaking teachers. Holborow (1999) points out that most of the global population resides in countries where English is a second language, and Braine (2010) estimates that 80% of English teachers worldwide are non-native speakers. However, much of the existing research has focused on native English-speaking teachers, often neglecting the broader experiences of expatriate non-native English-speaking educators. These teachers bring unique perspectives, shaped by their cultural experiences, teaching styles, and language skills, that can greatly enhance the learning environment. Ignoring their roles and challenges leaves a gap in the literature, which fails to fully capture the diversity of international teaching contexts. Expanding research to include these voices is crucial for a more complete understanding of global educational dynamics.

This lack of research is problematic because expatriate non-native English-speaking teachers face unique challenges in the international school setting. They often deal with biases related to their non-native speaker status, which can affect their confidence, job satisfaction, and even how they are treated by students, parents, and administrators (Selvi, 2010). Additionally, expatriate non-native English-speaking teachers might receive lower salaries or fewer benefits compared to their native-speaking counterparts, which can further impact their satisfaction and likelihood of staying in their roles (Maganaka, 2023).

The current study addresses this gap by focusing on expatriate non-native English-speaking teachers in China's international schools. With the growing importance of these teachers in meeting the demand for qualified educators, understanding their job satisfaction and its impact on turnover intentions is essential. By examining this underrepresented group, this research aims to provide insights that can help schools better support expatriate non-native English-speaking teachers and reduce turnover.

Theoretical Framework

Herzberg's Two-Factor Theory explains how job satisfaction operates by categorizing its determinants into two groups: motivators and hygiene factors. Motivators, such as recognition, professional growth, and achievement, are intrinsic factors that actively enhance job satisfaction. In contrast, hygiene factors, including salary, working conditions,

and job security, do not inherently increase satisfaction but can cause dissatisfaction when absent (Herzberg et al., 1959). For expatriate non-native English-speaking teachers, hygiene factors like adequate pay, sufficient support for cultural adjustment, and stable working conditions are foundational to maintaining satisfaction. At the same time, motivators, such as career advancement opportunities and acknowledgment of their professional skills, can boost engagement and commitment. This study applies Herzberg's framework to analyze how these factors jointly contribute to job satisfaction and subsequently affect turnover intentions.

Social Exchange Theory (Blau, 1964) focuses on the reciprocal nature of workplace relationships. According to this theory, employees evaluate their workplace based on the balance of what they give—such as effort, loyalty, and expertise—and what they receive, such as fair treatment, support, and opportunities (Cropanzano & Mitchell, 2005). When the perceived balance is fair, employees feel valued and are more likely to remain with their organization. However, when the exchange feels inequitable or insufficient, dissatisfaction and turnover intentions increase. For expatriate non-native English-speaking teachers, factors like inclusion, organizational support, and fair treatment play a critical role in shaping these perceptions. This study uses Social Exchange Theory to explore how perceived reciprocity and workplace support influence expatriate non-native English-speaking teachers' satisfaction and their decision to stay or leave.

Literature Review

Job satisfaction is a complex concept that reflects how employees view and experience their roles. It includes various elements, such as the work environment, interpersonal relationships, pay, growth opportunities, and the alignment of job roles with personal values (Spector, 1997; Herzberg, 1968). Herzberg's Two-Factor Theory (1959) offers a useful framework for understanding job satisfaction. According to Herzberg, job satisfaction is influenced by both intrinsic and extrinsic factors. Intrinsic factors, such as recognition and career development, serve as "motivators" that encourage employees to perform well and stay in their jobs, while extrinsic factors, like salary, working conditions, and job security, act as "hygiene factors" that prevent dissatisfaction but do not necessarily drive motivation (Herzberg et al., 1959).

Research on job satisfaction in education has shown that a variety of factors contribute to teachers' satisfaction, including their work environment, relationships with colleagues, and opportunities for professional growth (Guoba et al., 2022; McJames et al., 2023; Toropova et al., 2021). Specifically, in international schools, additional factors such as cultural adjustment and integration into the host community, positive interaction with school leaders, and supportive colleagues play a pivotal role in shaping job satisfaction (Yoshihara, 2018).

However, while extensive research has been conducted on teacher job satisfaction, studies specifically addressing expatriate non-native English-speaking teachers, especially

in rapidly growing educational markets like China, remain scarce. Thus, exploring the factors contributing to job satisfaction of expatriate non-native English-speaking teachers in China presents an opportunity to fill a significant gap in the literature and provide practical recommendations for schools and policymakers.

Turnover intention, defined as the conscious decision to consider leaving an organization (Tett & Meyer, 1993), is a strong predictor of actual turnover (Griffeth et al., 2000; Kaur et al., 2013). Numerous factors contribute to turnover intentions, including low job satisfaction, lack of organizational support, unmet expectations, and stress (Mobley, 1977; Hom et al., 1992). Recognizing and addressing turnover intentions early is crucial for retention.

Factors influencing turnover include teachers' desire for mobility, short-term contracts, misrepresentation during recruitment, and inadequate professional support (Odland & Ruzicka, 2009; Dos Santos, 2020; Tkachyk, 2017). Moreover, economic factors, including compensation and work-life balance, as well as working conditions and school support, are also significant predictors (Loeb et al., 2005; Mancuso et al., 2011). Additionally, uncertainty about job security, such as unexpected budget cuts or terminations, intensify turnover intentions (Amodio, 2015; Rey et al., 2020). Given the diverse range of factors that affect teacher turnover, a holistic approach is essential for effective early detection and intervention.

International schools are particularly susceptible to high turnover rates, with some regions in East Asia reporting turnover rates as high as 20% to 50% (Tkachyk, 2017). Similarly, Near East South Asia (NESA) international schools have documented average turnover rates of 17%, with some schools experiencing turnover rates as high as 60% (Mancuso et al., 2010). Studies of South American international schools indicate an annual turnover rate of 28% (Desroches, 2013), while in Thailand, turnover rates range from 16% to 20% (Ngotngamwong, 2012). Bunnell (2014) reported a 30% turnover rate in Dubai. In the context of international schools, high turnover rates are frequently linked to challenges like isolation, misalignment with organizational culture, and inadequate support systems (Odland & Ruzicka, 2009).

High turnover intentions can have wide-reaching consequences for both educational institutions and students. For individual teachers, the desire to leave can lead to professional burnout and emotional distress, particularly when compounded by cultural and professional challenges. Moreover, dissatisfaction of this kind can lead to disengagement and actual turnover, reinforcing the idea that turnover intentions often originate from cumulative dissatisfaction (Hayden & Thompson, 2008) and as a psychological process of withdrawal (Fang & Wang, 2006).

High turnover disrupts learning continuity, increases recruitment costs, and affects overall school performance (Ronfeldt et al., 2013). International schools face additional hurdles as they invest heavily in recruiting expatriate teachers, often offering higher salaries, relocation benefits, and housing allowances to attract candidates (Odland &

Ruzicka, 2009). In a case study by ISC Research (2021), one head of a school in Shanghai stated that recruiting new expatriate teachers is still a major challenge, and one of the ways to meet the demand is paying over the odds initially to attract staff. Consequently, when these teachers leave prematurely, investments are lost, creating both financial and organizational strain. In the context of international schools in China, this can be particularly problematic as the demand for qualified teachers continues to rise, and the pool of qualified expatriate teachers remains limited. High turnover can result in a less experienced and less stable workforce, schools have no choice but to hire unqualified teachers, often young and inexperienced, or second-career educators lacking proper training, often on short-term contracts (Marinell & Johnson, 2014; Troesch & Bauer, 2020). According to Teach Away (2023), 48% of teachers presently do not possess a teaching license. Darling-Hammond (2022) indicates that a significant proportion of new teachers hired without formal preparation, are more likely to exit the teaching profession. Eventually all of this may impact the school's ability to deliver high-quality education consistently. Thus, there is an urgent need for comprehensive teacher preparation programs, since inexperienced educators lacking adequate training are two to three times more likely to exit teaching profession compared to those who go through formal training (Ingersoll et al., 2014).

The relationship between job satisfaction and turnover intentions is well-documented in the literature. Studies have shown that lower job satisfaction is a strong predictor of higher turnover intentions (Tett & Meyer, 1993; Steel, 2002). In the teaching profession, dissatisfaction with leadership support, workload, or opportunities for professional development often translates into intentions to leave (Bunnell & Poole, 2021; Dos Santos, 2020; Skaalvik & Skaalvik, 2017). Dissatisfaction is a strong predictor of turnover intentions, with factors like lack of recognition, limited growth opportunities, and poor work conditions driving employees to seek alternative employment (Carver-Thomas & Darling-Hammond, 2017; Griffeth et al., 2000; Hom et al., 1992).

This study broadens the existing literature by examining non-native English-speaking expatriate teachers in China, a group that has been underexplored in the context of job satisfaction and turnover intentions. Understanding this relationship is crucial for identifying actionable strategies to enhance teacher retention and mitigate the negative effects of high turnover on schools.

Research Objective

To examine the levels and relationship between job satisfaction and turnover intentions among non-native English-speaking expatriate teachers working in China.

Research Hypotheses:

- H_0 : There is no significant relationship between job satisfaction and turnover intentions among non-native English-speaking expatriate teachers in China.
- H_1 : There is a significant relationship between job satisfaction and turnover intentions among non-native English-speaking expatriate teachers in China.

Methods

Participants

The study involved 158 expatriate non-native English-speaking teachers from international schools across China. Most participants were male (61.4%) and aged between 25–34 years (55.1%). Regarding marital status, 47.5% were single, 36.1% married, and 16.4% were in other relationships. In terms of teaching experience, 34.2% had 1–3 years of domestic experience, and 36.7% had 4–6 years of international teaching experience. Almost half had lived in China for over five years (49.4%). The majority of teachers worked in kindergartens (34.8%) and held bachelor's degrees (60.8%). The sample was highly diverse, with participants coming from 60 nationalities, including those from Europe (80), Africa (38), Asia and Oceania (26), and Latin America/Caribbean region (14). These demographics reflect a highly diverse sample, providing a comprehensive representation of expatriate teachers working in China.

Research Design

The research design employed a mixed-methods approach, combining both quantitative and qualitative data to gain a deeper understanding of the relationship between job satisfaction and turnover intentions. This approach allows for a comprehensive exploration of the relationship between the variables while also providing nuanced insights from open-ended responses. The survey started with a section gathering demographic information, followed by Turnover Intention Scale and Job Satisfaction Survey, ending with an open-ended question.

Instruments

Turnover Intention Scale (TIS-6), adapted from Roodt's (2004) original 15-item scale, was used to measure participants' turnover intentions. The TIS-6 consists of six items that assess the likelihood of participants leaving their job. The scale utilizes a 5-point semantic differential scale and has shown excellent reliability and validity in various studies (Bothma & Roodt, 2013).

Job Satisfaction Survey (JSS) is a 36-item scale developed by Spector (1985) to measure job satisfaction. It consists of nine subscales: Pay, Promotion, Supervision, Fringe Benefits, Contingent Rewards, Operating Procedures, Coworkers, Nature of Work, and Communication. Each subscale is measured with four items. The JSS has been widely used in research across various sectors, showing strong validity and reliability (Spector, 1985).

Both the TIS-6 and JSS have demonstrated high reliability and validity in previous studies. The TIS-6 has shown strong internal consistency with a Cronbach's alpha of 0.78 in the current study, which is consistent with the findings of Bothma and Roodt (2013) who reported an alpha of 0.80. For the Job Satisfaction Survey, comprising 36 items across

nine subscales, overall Cronbach's alpha in this study was 0.92, demonstrating excellent reliability, ensuring that it provides a valid measure of various facets of job satisfaction.

Open-ended Question: A single open-ended question was included to gather qualitative data regarding participants' experiences and views on job satisfaction and turnover intentions. Responses were coded manually and categorized into domains based on recurring themes related to the study's objectives.

Data Collection

Data were collected over a six-week period from January to February 2024 using an online survey hosted on Google Forms. Participants were recruited through chain referral sampling, where initial participants shared the survey link within their professional networks, particularly in online expatriate teacher groups. Prior to completing the survey, participants provided informed consent and were assured of confidentiality and anonymity. The survey was distributed with an optional contact email for participants interested in receiving study results.

Data Analysis

Data analysis was conducted using SPSS version 27. Descriptive statistics were first computed to summarize the demographic characteristics and the key variables (TIS-6 and JSS). To examine the relationship between job satisfaction and turnover intentions, Pearson's correlation was employed to test the strength and direction of the relationship between the total job satisfaction score and turnover intentions.

Next, multiple regression analysis was conducted to explore how the subscales of job satisfaction predict turnover intentions. Assumptions of normality, linearity, and homoscedasticity were checked before performing the regression analysis. In addition to the quantitative analyses, open-ended responses were manually coded to identify recurring themes related to job satisfaction and turnover intentions. These responses were used to provide qualitative insights that complement the quantitative findings.

Results

The study involved 158 expatriate non-native English-speaking teachers in China. Table 1 presents the descriptive statistics for the overall Job Satisfaction scores and its subscales, as well as for the Turnover Intention Scale (TIS-6). The mean job satisfaction score was 132.4 (SD = 17.5), with the highest mean reported for the Contingent Rewards subscale (M = 14.6, SD = 2.3) and the lowest for Promotion (M = 11.5, SD = 3.7).

Table 1

Descriptive Statistics for Job Satisfaction and Turnover Intention Scales (n = 158)

Scale	Mean $\pm$ SD	α
Nature of Work	17.3 $\pm$ 2.8	.79
Coworkers	17.2 $\pm$ 2.7	.69
Supervision	16.8 $\pm$ 2.1	.75
Contingent Rewards	14.6 $\pm$ 2.3	.74
Communication	14.4 $\pm$ 3.1	.78
Pay	13.9 $\pm$ 2.9	.70
Operating Conditions	13.7 $\pm$ 2.7	.56
Fringe Benefits	12.9 $\pm$ 2.9	.71
Promotion	11.5 $\pm$ 3.7	.63
Job Satisfaction	132.4 $\pm$ 17.5	.92

Regarding Turnover Intentions, Table 2 provides descriptive statistics for the TIS-6 scale including each survey item. The mean turnover intention score was 3.16 (SD = 0.80). The highest mean score was observed for "dreaming about another job" (M = 3.77), suggesting frequent consideration of alternative employment opportunities. Conversely, the lowest mean score was reported for "job satisfaction in fulfilling personal needs" (M = 2.91), signifying notable dissatisfaction in this area.

Based on the threshold score of 18, participants were divided into two groups: low turnover intention (≤ 18) and high turnover intention (> 18). The results indicated that 43.7% of participants reported low turnover intention, while 56.3% had high turnover intention.

Table 2

Descriptive Statistics for TIS-6 Survey Items (n=158)

Survey Item	Mean $\pm$ SD
How often have you considered leaving your job?	3.22 $\pm$ 1.26
How satisfying is your job in fulfilling your personal needs?	2.91 $\pm$ 1.02

ПСИХОЛОГИЯ ТРУДА

Survey Item	Mean $\pm$ SD
How often are you frustrated when not given the opportunity at work to achieve your personal work-related goals?	2.97 $\pm$ 1.08
How often do you dream about getting another job that will better suit your personal needs?	3.77 $\pm$ 1.18
How likely are you to accept another job at the same compensation level should it be offered to you?	3.08 $\pm$ 1.25
How often do you look forward to another day at work?	3.04 $\pm$ 1.10
Turnover Intention Score	3.16 $\pm$ 0.80

The results of the correlational analysis between Job Satisfaction and Turnover Intentions are presented in Table 3. A strong negative correlation was observed between Job Satisfaction score and Turnover Intention ($r = -0.712$, $p < 0.001$), indicating that higher job satisfaction is associated with lower turnover intentions. Furthermore, all subscales of Job Satisfaction exhibited significant negative correlations with turnover intentions, with Pay ($r = -0.665$) and Communication ($r = -0.593$) showing the strongest correlations. The correlation effect sizes were predominantly large ($r > 0.5$), except for Promotion and Operating Conditions, which were moderate.

Table 3
Correlation Between Job Satisfaction Subscales and Turnover Intentions ($n = 158$)

Variable	r	p-value
Job Satisfaction	-0.712	< 0.001
Coworkers	-0.545	< 0.001
Pay	-0.665	< 0.001
Promotion	-0.407	< 0.001
Supervision	-0.485	< 0.001

Variable	r	p-value
Fringe Benefits	-0.500	< 0.001
Contingent Rewards	-0.574	< 0.001
Operating Conditions	-0.398	< 0.001
Nature of Work	-0.441	< 0.001
Communication	-0.593	< 0.001

Further analysis, including simple linear regression, was conducted to assess whether Job Satisfaction significantly predicted Turnover Intentions. The results, shown in Table 4, revealed that Job Satisfaction score explained 50.7% of the variance in turnover intentions ($R^2 = 0.507$, $p < 0.001$). The regression coefficient for JS was -0.128 ($\beta = -0.712$), indicating that an increase in job satisfaction is associated with a decrease in turnover intentions. These results reject H_0 and support the H_1 hypothesis that job satisfaction significantly predicts turnover intentions.

Table 4
Regression Analysis for Job Satisfaction Predicting Turnover Intentions ($n = 158$)

Predictor	B	SE B	β	T	p-value	R^2
Constant	35.932	1.364	-	26.340	<0.001	
Job Satisfaction	-0.128	0.010	-0.712	-12.671	<0.001	0.507

Next, a multiple regression analysis was conducted to explore whether the subscales of Job Satisfaction (including Coworkers, Pay, Promotion, Supervision, Fringe Benefits, Contingent Rewards, Operating Conditions, Nature of Work, and Communication) predicted Turnover Intentions. As shown in Table 5, the subscales explained 55.9% of the variance in turnover intentions ($R^2 = 0.559$, $p < 0.001$). Pay and Communication emerged as the most significant predictors of turnover intentions, with $\beta = -0.447$ and $\beta = -0.222$, respectively, both with large effect sizes.

Table 5
Multiple Regression Analysis for Job Satisfaction Subscales Predicting Turnover Intentions (n = 158)

Predictor	B	SE B	β	T	p-value
Constant	33.886	1.273	-	26.626	<0.001
Pay	-0.509	0.100	-0.447	-5.104	<0.001
Communication	-0.225	0.074	-0.222	-3.055	0.003
Coworkers	-0.276	0.086	-0.217	-3.213	0.002

Note: $R^2: 0.559$, Adjusted $R^2: 0.532$, $F(3,154) = 60.224$, $p < 0.001$

In addition to the quantitative findings, the analysis of qualitative responses revealed key factors influencing expatriate non-native English-speaking teachers' job satisfaction and turnover intentions in China. Compensation and benefits emerged as a major concern, particularly the pay discrepancies based on nationality. As one teacher put it, "I feel salaries shouldn't be so different just because of passport" (R 28), illustrating frustration with unequal treatment. Equal hiring policies were also highlighted, where many expatriate teachers felt non-native speakers were unfairly overlooked in favor of native speakers, despite possessing equal or superior qualifications. One respondent shared, "It makes me angry when local leadership changes something at the last minute... it was just about the passport" (R 44). Discrimination at work further compounded the dissatisfaction, as participants felt their value as educators was undermined by biases based on their nationality.

Another recurring theme was the pay scale, with several teachers expressing concern over non-transparent salary structures. One teacher noted, "I moved to a smaller city for less competitiveness, but realized a far less qualified person is getting paid almost double what I am only because of the nationality and race" (R 8). Communication with local and foreign staff was another issue, with many reporting miscommunications due to cultural differences. "The Chinese staff is not frank and keeps problems until the last second" (R 6), highlighting how this lack of openness affected workplace dynamics. Moreover, trust, honesty, and support from school HR and leadership were significant concerns, contributing to a sense of disengagement. Workload was also cited as a critical factor affecting job satisfaction, with one teacher mentioning, "The workload is unimaginable, and it's affecting my mental health as I have to teach four different subjects each semester" (R 9). Motivation to stay in the profession was low, exacerbated by lack of advancement opportunities. "There is no room for advancement in this school" (R 9) pointed to how stagnation led to frustration. Finally, visa issues were seen as a constant

source of insecurity, with one respondent stating, "Visa issues are a big risk for me to lose my job as the government is changing policies all the time" (R 13). These factors collectively influenced turnover intentions, demonstrating how dissatisfaction with both extrinsic and intrinsic aspects of the job contributed to the decision to leave

The results of this study reveal a significant negative relationship between job satisfaction and turnover intentions. The regression analyses suggest that both overall job satisfaction and specific subscales, such as Pay and Communication are important predictors of turnover intentions among expatriate non-native English-speaking teachers in China. These findings are discussed further in the next section.

Discussion

This research aimed to investigate the relationship between job satisfaction and turnover intentions among expatriate non-native English-speaking teachers in China. Findings highlight a significant negative relationship between these variables, where higher job satisfaction corresponds with lower turnover intentions. This aligns with the substantial body of literature that links job satisfaction with employees' intention to leave an organization (Griffeth et al., 2000; Tett & Meyer, 1993). Furthermore, this study fills an important gap in the literature by focusing on a population that is often overlooked—expatriate non-native English-speaking teachers in China, a demographic that is becoming increasingly relevant due to the expansion of international schools.

The findings of this study demonstrate that several facets of job satisfaction, including pay, coworkers, and communication, are strongly related to turnover intentions. Most of all, the subscales of 'pay' and 'coworkers' showed the highest correlations with turnover intentions ($r = -0.665$ and $r = -0.737$, respectively), indicating that teachers who are dissatisfied with their compensation or have poor relationships with colleagues are more likely to consider leaving their jobs. These results align with Herzberg's Two-Factor Theory, which posits that external factors such as pay and interpersonal relationships are key contributors to job dissatisfaction. This is particularly relevant in the context of expatriate teachers, who may face additional stressors related to living and working abroad, such as cultural differences and separation from family. The study further reinforces Herzberg's idea that extrinsic factors play a crucial role in teacher retention in the context of international schools in China which aligns with previous research (Mancuso et al., 2011).

Social Exchange Theory (SET) also provides a useful framework for understanding the dynamics between job satisfaction and turnover intentions in this study. SET suggests that employees expect fair exchanges with their employers, where the rewards they receive are proportional to their efforts. When expatriate non-native English-speaking teachers sense that their efforts are not reciprocated, whether through inadequate compensation, lack of support from colleagues, or unclear communication, their intention to leave the job increases. This explains why factors like 'pay' ($r = -0.665$) and 'coworkers' ($r = -0.737$) had such a strong influence on turnover intentions in this study. Teachers who feel

undervalued or unsupported in their roles are likely to seek opportunities elsewhere, which can create a cycle of high turnover in schools. These findings are consistent with that of Bunnell and Poole (2021) and Dos Santos (2020) who emphasized the importance of school leadership for expatriate teachers.

The implications of these findings are significant, particularly considering the continued growth of international schools in China. With more schools opening each year and a growing demand for teachers, retaining a stable and satisfied workforce becomes crucial. The high turnover intentions observed in this study suggest that many international schools may struggle to keep their teachers, which could lead to decreased student achievement, increased recruitment costs and financial instability. Schools should, therefore, implement retention strategies such as stay interviews which allow administrators to identify and address teachers' concerns before turnover intentions solidify. Additionally, better compensation packages, mentorship programs, and increased support for teachers' professional development can enhance a sense of belonging. This approach could mitigate dissatisfaction and improve retention by fostering a supportive work environment and addressing issues early.

Moreover, the results underline the need for greater attention to the specific needs of expatriate teachers in China, particularly those from non-native English-speaking backgrounds. As the pool of available teachers expands to include more non-native speakers, it becomes even more important for schools to address the factors that impact job satisfaction. Ensuring that teachers feel respected, supported, and fairly compensated will be essential for minimizing turnover and fostering long-term teacher retention.

While this study provides valuable insights, it is not without its limitations. The use of self-reported data may introduce bias, as participants may not always accurately reflect their true job satisfaction or intentions to leave. Further research could also examine the role of leadership in influencing job satisfaction among expatriate non-native English-speaking teachers. Specifically, studies could explore whether different leadership styles impact teacher retention and whether cultural differences in leadership approach affect expatriate teachers' job satisfaction. Future studies could explore the role of social and cultural integration on expatriate teachers' job satisfaction, as cultural adjustment is a significant factor in expatriates' experiences. Additionally, longitudinal studies could help to capture the long-term effects of job satisfaction on turnover intentions and provide deeper insights into the causal relationships. Finally, research comparing expatriate non-native English-speaking teachers' job satisfaction and turnover intentions across different countries could provide a more global perspective on the issue, offering insights into how international schools in various regions manage teacher retention.

Conclusion

This study examined the relationship between job satisfaction and turnover intentions among expatriate non-native English-speaking teachers in China, revealing a strong link: higher job satisfaction correlates with lower turnover intentions. These results align with

Herzberg's Two-Factor Theory and Social Exchange Theory, confirming that teachers who feel satisfied with aspects like pay, coworkers, and communication are less likely to consider leaving their positions.

The findings highlight the critical role of both extrinsic and intrinsic factors in shaping teachers' satisfaction and retention. With the rapid growth of international schools in China, the demand for qualified teachers is rising. To meet this demand, institutions must focus on improving both salary and benefits, as well as professional development, career growth, and work-life balance. Addressing these areas not only enhances job satisfaction but also significantly reduces turnover, which, in turn, helps maintain a stable and effective teaching workforce.

The consequences of low job satisfaction and high turnover are far-reaching: they lead to disruptions in teaching quality, financial costs for schools, and a loss of institutional knowledge. Schools must prioritize strategies to boost satisfaction by ensuring fair compensation, offering clear career progression, and fostering supportive working environments. These measures will promote teacher retention and contribute to the overall stability and success of educational institutions.

This study contributes valuable insights to the limited body of research on expatriate teachers in China, particularly non-native English-speaking teachers. By highlighting the importance of job satisfaction in reducing turnover intentions, this research provides actionable recommendations for schools to improve retention strategies, ultimately benefiting both educators and students.

References

- Amodio, M. J. (2015). *The role of incentives on teacher intentions to re-sign in American overseas schools in Europe*. (Doctoral dissertation). Retrieved from Lehigh University, <http://preserve.lehigh.edu/etd/2485>
- Bothma, C. F. C., & Roodt, G. (2013). The validation of the turnover intention scale. *SA Journal of Human Resource Management*, 11(1). <https://doi.org/10.4102/sajhrm.v11i1.507>
- Blau, P.M. (1964). Justice in Social Exchange. *Sociological Inquiry*, 34, 193-206. <http://dx.doi.org/10.1111/j.1475-682X.1964.tb00583.x>
- Braine, G. (2010). *Nonnative Speaker English Teachers: Research, Pedagogy, and Professional Growth*. Routledge. <https://doi.org/10.4324/9780203856710>
- Bunnell, T., & Poole, A. (2021). International Schools in China and teacher turnover: the need for a more nuanced approach towards precarity reflecting agency. *Asia Pacific Journal of Education*. 43(2), 463–478. <https://doi.org/10.1080/02188791.2021.1940840>
- Carver-Thomas, D. & Darling-Hammond, L. (2017). *Teacher turnover: Why it matters and what we can do about it*. Palo Alto, CA: Learning Policy Institute. <https://doi.org/10.54300/454.278>
- Chu, C. K., & Morrison, K. (2011). Cross-cultural adjustment of Native-speaking English teachers (NETs) in Hong Kong: A factor in attrition and retention. *Educational Studies*, 37(4), 481–501. <https://doi.org/10.1080/03055698.2010.539667>
- Cropanzano, R., & Mitchell, M.S. (2005). Social exchange theory: An interdisciplinary review. *Journal of Management*, 31(6), 874–900. <https://doi.org/10.1177/0149206305279602>
- Darling-Hammond, L. (2022). Breaking the legacy of teacher shortages. *Association for Supervision and Curriculum Development*. Retrieved from <https://www.ascd.org/el/articles/breaking-the-legacy-of-teacher-shortages>

- Desroches, S. (2013). *Exploring Teacher Turnover in American-Accredited Schools in South America* (Doctoral dissertation). Retrieved from Lehigh University <https://preserve.lib.lehigh.edu/>
- Dos Santos, L. M. (2019). Recruitment and retention of international school teachers in remote archipelagic countries: The Fiji experience. *Education Sciences*, 9(2), 132. <https://doi.org/10.3390/educsci9020132>
- Dos Santos, L. M. (2020). Stress, burnout, and turnover issues of black expatriate education professionals in South Korea: Social biases, discrimination, and workplace bullying. *International Journal of Environmental Research and Public Health*, 17(11), 1–15. <https://doi.org/10.3390/ijerph17113851>
- Fang, Y., & Wang, Y. (2006). Teaching performance and turnover: A study of school teachers in Singapore. *Employment Relations Record*, 6(1), 1–30. Retrieved from <https://search.informit.org/doi/10.3316/informit.285232931233691>
- Griffeth, R. W., Hom, P. W., & Gaertner, S. (2000). A Meta-Analysis of Antecedents and Correlates of Employee Turnover: Update, Moderator Tests, and Research Implications for the Next Millennium. *Journal of Management*, 26(3), 463–488. <https://doi.org/10.1177/014920630002600305>
- Guoba, A., Žygaitienė, B., & Kepaliene, I. (2022). Factors Influencing Teachers' Job Satisfaction. *Journal of Humanities and Social Sciences Studies*, 4(4), 234–241. <https://doi.org/10.32996/jhss.2022.4.4.30>
- Hayden, M., & Thompson, J. J. (2008). *International schools: growth and influence*. United Nations Educational, Scientific and Cultural Organization. Retrieved from <https://unesdoc.unesco.org/ark:/48223/pf0000180396>
- Herzberg, F., Mausner, B., & Snyderman, B. (1959). *The motivation to work* (2nd ed.). John Wiley.
- Herzberg, F. (1968) One More Time: How Do You Motivate Employees? *Harvard Business Review*, 46, 53–62.
- Holborow, M. (1999). *The politics of English*. SAGE.
- Hom, P. W., Caranikas-Walker, F., Prussia, G. E., & Griffeth, R. W. (1992). A meta-analytical structural equations analysis of a model of employee turnover. *Journal of Applied Psychology*, 77(6), 890–909. <https://doi.org/10.1037/0021-9010.77.6.890>
- Ingersoll, R. M. (2001). Teacher Turnover and Teacher Shortages: An Organizational Analysis. *American Educational Research Journal*, 38, 499–534. <http://dx.doi.org/10.3102/00028312038003499>
- Ingersoll, R. M., Merrill, L., & May, H. (2014). What are the effects of teacher education and preparation on beginning teacher attrition? Research Report (#RR-82). Philadelphia: Consortium for Policy Research in Education, University of Pennsylvania. Retrieved from https://www.cpre.org/sites/default/files/researchreport/2018_prepeffects2014.pdf
- ISC. (2021). The growing demand for international schools within a mid-market fee point. ISC Research. Retrieved from www.iscresearch.com
- ISC. (2023). Why more international schools keep opening. ISC Research. Retrieved from www.iscresearch.com
- ISC. (2024). What data tells us about international school market. ISC Research. Retrieved from www.iscresearch.com
- Kaur, B., Mohindru, & Pankaj. (2013). Antecedents of Turnover Intentions: A Literature Review. *Global Journal of Management and Business Studies*, 3(10), 1219–1230. <http://www.ripublication.com/gjmb.html>
- Lee, M., Hallinger, P., & Walker, A. (2012). Leadership challenges in international schools in the Asia Pacific region: Evidence from programme implementation of the International Baccalaureate. *International Journal of Leadership in Education*, 15(3), 289–310. <https://doi.org/10.1080/13603124.2011.605475>

- Loeb, S., Darling-Hammond, L., & Luczak, J. (2005). How teaching conditions predict teacher turnover in California schools. *Peabody Journal of Education*, 80(3), 44–70. https://doi.org/10.1207/s15327930pje8003_4
- Maganaka, A. (2023). Native Speakerism and Employment Discrimination in English Language Teaching. *Canadian Journal for New Scholars in Education*, 14(1), 119–130.
- Mancuso, S. V., Roberts, L., & White, G. P. (2010). Teacher retention in international schools: The key role of school leadership. *Journal of Research in International Education*, 9(3), 306–323. <https://doi.org/10.1177/1475240910388928>
- Mancuso, S. V., Roberts, L., White, G. P., Yoshida, R. K., & Weston, D. (2011). Strategies to Improve Teacher Retention in American Overseas Schools in the Near East South Asia Region: A Qualitative Analysis. *Journal of School Leadership*, 21, 819–844. <https://doi.org/10.1177/105268461102100604>
- Marinell, W. H., & Johnson, S. M. (2014). Midcareer entrants to teaching: Who they are and how they may, or may not, change teaching. *Educational Policy*, 28(6), 743–779. <https://doi.org/10.1177/0895904813475709>
- McJames, N., Parnell, A., & O'Shea, A. (2023). Factors affecting teacher job satisfaction: a causal inference machine learning approach using data from TALIS 2018. *Educational Review*, 1–28. <https://doi.org/10.1080/00131911.2023.2200594>
- Mobley, W.H. (1977) Intermediate Linkages in the Relationship between Job Satisfaction and Employee Turnover. *Journal of Applied Psychology*, 62, 237–240. <http://dx.doi.org/10.1037/0021-9010.62.2.237>
- Ngotngamwong, R. (2012). Effects of participative leadership on teacher job satisfaction. *AU Journal of Management*, 10, 15–30.
- Odland, G., & Ruzicka, M. (2009). An investigation into teacher turnover in international schools. *Journal of Research in International Education*, 8(1), 5–29. <https://doi.org/10.1177/1475240908100679>
- Rey, J., Bolay, M., & Gez, Y. N. (2020). Precarious privilege: personal debt, lifestyle aspirations and mobility among international school teachers. *Globalisation, Societies and Education*, 18(4), 361–373. <https://doi.org/10.1080/14767724.2020.1732193>
- Roodt, G. (2004). Turnover intentions. Unpublished document. Johannesburg: University of Johannesburg.
- Ronfeldt, M., Loeb, S., & Wyckoff, J. (2013). How Teacher Turnover Harms Student Achievement. *American Educational Research Journal*, 50(1), 4–36. <https://doi.org/10.3102/0002831212463813>
- Selvi, K. (2010). Teachers' Competencies. *Cultura* 7 (1), 167–175. <https://doi.org/10.5840/cultura20107133>
- Skaalvik, E. M., & Skaalvik, S. (2011). Teacher job satisfaction and motivation to leave the teaching profession: Relations with school context, feeling of belonging, and emotional exhaustion. *Teaching and Teacher Education*, 27(6), 1029–1038. <https://doi.org/10.1016/j.tate.2011.04.001>
- Skaalvik, E. M., & Skaalvik, S. (2017). Dimensions of teacher burnout: Relations with potential stressors at school. *Social Psychology of Education: An International Journal*, 20(4), 775–790. <https://doi.org/10.1007/s11218-017-9391-0>
- Sorensen, L. C., & Ladd, H. F. (2020). The Hidden Costs of Teacher Turnover. *AERA Open*, 6(1), 233285842090581. <https://doi.org/10.1177/2332858420905812>
- Spector, P. (1985). Measurement of Human Service Staff Satisfaction: Development of the Job Satisfaction Survey. *American Journal of Community Psychology*, 13, 693–713. <http://dx.doi.org/10.1007/BF00929796>
- Spector, P. E. (1997). Job Satisfaction: Application, Assessment, Causes, and Consequences. Thousand Oaks, CA: Sage Publications. <https://doi.org/10.4135/9781452231549>

- Steel, R. P. (2002). Turnover Theory at the Empirical Interface: Problems of Fit and Function. *The Academy of Management Review*, 27(3), 346–360. <https://doi.org/10.2307/4134383>
- Teach Away. (2023). *K-12 Education Recruitment report 2023*. Teacher Recruitment and Retention: Building and Strengthening the Teacher Workforce. Retrieved from www.teachaway.com
- Tett, R. P., & Meyer, J. P. (1993). Job Satisfaction, Organizational Commitment, Turnover Intention, and Turnover: Path Analyses Based on Meta-Analytic Findings. *Personnel Psychology*, 259–293. <https://doi.org/10.1111/j.1744-6570.1993.tb00874.x>
- Tkachyk, L. M. (2017). *Perceptions of international teacher turnover in East Asia Regional Council of Schools* (Doctoral dissertation). Retrieved from Walden University. <https://scholarworks.waldenu.edu/dissertations>
- Toropova, A., Myrberg, E., & Johansson, S. (2021). Teacher job satisfaction: the importance of school working conditions and teacher characteristics. *Educational Review*, 73(1), 71–97. <https://doi.org/10.1080/00131911.2019.1705247>
- Troesch, L. M., & Bauer, C. E. (2020). Is teaching less challenging for career switchers? First and second career teachers' appraisal of professional challenges and their intention to leave teaching. *Frontiers in Psychology*, 10, 1-14. <https://doi.org/10.3389/fpsyg.2019.03067>
- UNESCO. (2024). *UNESCO & International Task Force on Teachers for Education 2030. 2024. Global Report on Teachers: Addressing teacher shortages and transforming the profession*. <https://doi.org/10.54675/FIGU8035>
- Yoshihara, K.F. (2018). Teacher Satisfaction And Staff Morale In International Schools. All Theses And Dissertations. 203. <https://dune.une.edu/theses/203>

Received: January 21, 2025

Revision received: March 05, 2025

Accepted: March 05, 2025

Author Contributions

Miloš Marković: research planning, literature review, preparing and writing text of the article, data processing, analysis of the results, final approval of the version for publication.

Jorge López-Carratalá: critical revision of the article's methodology, critical revision of the article's content, supervision.

Author Details

Miloš Marković – PhD Candidate, Universidad Católica San Antonio de Murcia, Murcia, Spain; ORCID ID: <https://orcid.org/0009-0003-6525-3965>; mmarkovic@alu.ucam.edu

Jorge López-Carratalá – Professor Dr, Universidad Católica San Antonio de Murcia, Murcia, Spain; ORCID ID: <https://orcid.org/0000-0001-9944-9884>; jlcarratala@ucam.edu

Conflict of Interest Information

The authors have no conflicts of interest to declare.

Копинг-стратегии и жизнестойкость российской молодежи в социокультурном контексте «новых войн»

Анна Г. Самохвалова^{*id}, Елена В. Тихомирова^{id}, Ольга А. Екимчик^{id},
Мария В. Сапоровская^{id}

Костромской государственный университет, Кострома, Российская Федерация

*Почта ответственного автора: a_samohvalova@ksgos.ru

Аннотация

Введение. Исследование посвящено изучению особенностей субъективной оценки ситуации военного конфликта (СВО) и жизнестойкости у российской молодежи с разными типами напряженности и связанности копинг-стратегий. Впервые эти переменные исследованы у российской молодежи из разных «кругов территориальной близости» к военному конфликту. **Методы.** Выборку составили 583 человека, мужчины (n = 66) и женщины (n = 517) в возрасте от 17 до 39 лет, разделенные на три круга близости к военному конфликту. Методический комплекс включал полуструктурированное интервью, семантический дифференциал «Оценка экстремального события» Т.В. Парфеновой, шкалу переживания военной угрозы К.В. Карпинского, тест жизнестойкости S. Maddi, D. Khosaba в адаптации Е.Н. Осина, экспресс-опросник копинга Brief COPE Ч. Карвер. **Результаты.** Молодые люди из первого круга значимо чаще используют психоактивные вещества и отрицают высокую стрессогенность ситуации СВО; респонденты второго круга чаще используют стратегию Принятие риска; респонденты из третьего круга чаще используют стратегию Поиска инструментальной поддержки. Выделены 4 типа связанности и напряженности копинг-стратегий с ситуацией военной угрозы у молодежи: 1 тип – Активный, принимающий, адаптивный копинг; 2 тип – Пассивный, эмоциональный, адаптивный, ориентированный на поиск социальной поддержки; 3 тип – Пассивный, принимающий, адаптивный; 4 тип – Активный, недифференцированный, неадаптивный.

СОЦИАЛЬНАЯ ПСИХОЛОГИЯ

Обсуждение результатов. Вовлеченность и принятие риска более характерны для респондентов 1 и 3 типов, чем для респондентов 2 и 4 типов. Самый низкий уровень жизнестойкости выявлен у респондентов 4 типа при высокой напряженности всех копинг-стратегий. Наиболее устойчива к стрессу в ситуации СВО оказывается молодежь с условно адаптивным копингом, ориентированным на активные стратегии и позитивную переоценку, что позволяет им рационально воспринимать ситуацию, видеть ее с разных сторон и выстраивать варианты жизни в данных условиях.

Ключевые слова

социокультурный контекст стресса, субъективная оценка ситуации военного конфликта, военная угроза, типы копинг-поведения, жизнестойкость, «круг близости» к военному конфликту

Финансирование

Исследование выполнено в рамках Государственного задания Министерства науки и высшего образования РФ «Социализация, идентичность и жизненные стратегии молодежи в условиях “новых войн”» (№ FZEW-2023-0003).

Для цитирования

Самохвалова, А.Г., Тихомирова, Е.В., Екимчик, О.А., Сапоровская, М.В. (2025). Копинг-стратегии и жизнестойкость российской молодежи в социокультурном контексте «новых войн». *Российский психологический журнал*, 22(1), 195–222. <https://doi.org/10.21702/de293d90>

Введение

Мощным вызовом современности, детерминирующим процессы социализации и психологическое благополучие молодежи, являются «новые войны XXI века» (Калдор, 2015), сочетающие военные действия (например, Специальная военная операция по денацификации и демилитаризации Украины) и невоенные («скрытые») формы ведения противоборства: экономическая и социально-гуманитарная изоляция, фейковое медийное сопровождение, информационные атаки, применение деструктивных социально-политических и социально-психологических технологий воздействия, использование методов разрушения традиционных ценностей, национальных идей и смыслов, снижающие ресурсность страны, общества, отдельного человека (Артамонов, Артамонова, 2023). Все эти действия носят длительный, перманентный, диффузный и всеобщий характер конфликта, основанного на стратегии изнурения, усиления стрессовой нагрузки,

нарастания социальной отчужденности российского народа. Среди угроз «новых войн» рассматриваются травмы от физического / психологического насилия, прямых боевых действий, террористических актов и других форм насилия; постоянный стресс и тревога, связанные с неопределенностью и нестабильностью; потеря близких родственников, друзей и соседей; конфликты с близкими на почве идейной разобщенности населения; страх всеобщей мобилизации и смерти; стигматизация и дискриминация, связанные с этническим, религиозным или культурным происхождением.

Молодежь как поколение будущего страны становится главной мишенью разрушающих действий, разворачивающихся на психологическом, экономическом, геополитическом, кибернетическом, информационно-идеологическом фронтах. Ставится задача формирования у молодежи «удобного» мировоззрения, слома системы ценностей и правовой национальной культуры, снижения их жизнестойкости (Афанасьев, 2021), что должно стать препятствием гармоничному взрослению, интериоризации культурного российского кода, становлению субъектности. Высокая вовлеченность молодежи в интернет-среду актуализирует проблему ее уязвимости перед провокационным, радикальным или экстремистским контентом, перед кибератаками и иными сетевыми формами и технологиями «новых войн» (Руденкин, Руденкина, 2019).

Среди основных событий, связанных с ведением реальных военных действий, которые имеют психотравмирующий характер, выделяют такие, как нахождение в зоне ведения военных действий, вынужденная миграция (Захарова, Цветкова, 2020). Находясь в очаге военного конфликта и вынужденной миграции, молодые люди начинают испытывать три взаимосвязанных компонента: действующую на расстоянии угрозу, оценивание и эмоциональное переживание этой угрозы, физиологические и соматические последствия этих переживаний (Малкина-Пых, 2005). Основными травмирующими факторами становятся непосредственная угроза жизни и здоровью молодого человека или его близких, смерть близких, физические травмы личности. Все это усиливается информацией о военных угрозах, транслируемой СМИ. В результате социальная напряженность, стресс, страхи, переживание горя, травмирование жизненных смыслов и ценностей приводят к драматизации сознания, что, в свою очередь, обуславливает вариативные трудности социализации (Карабанова, Молчанов, 2018), снижение ресурсности и жизнестойкости, деформацию образа будущего (Тихомирова, Самохвалова, 2023). Следствием воздействия стрессоров становится появление поведенческих нарушений от геторо / аутоагрессии до депрессии с чувством «вины выжившего» (Ерёмина, 2011). Хронически переживаемый стресс, интенсивный стресс на фоне возникновения чрезвычайных обстоятельств, создают «благоприятные» условия для формирования отклоняющегося поведения, искажения образа «Я» (Тарабрина и др., 2017).

Негативные психологические последствия войны характерны не только для молодых людей, проживающих на территориях, где ведутся прямые боевые

СОЦИАЛЬНАЯ ПСИХОЛОГИЯ

действия, но и для тех, кто проживает на территориях, напрямую не вовлеченных в конфликты – «второй и третий круги пострадавших». Во второй круг входят родственники, друзья и знакомые пострадавших при военных действиях и чрезвычайных ситуациях. В третий круг пострадавших входят все люди, живущие в стране, в которой разворачивается военный конфликт, и получающие информацию о военных действиях в мессенджерах и социальных сетях, из СМИ, от знакомых-очевидцев, друзей, родителей и родственников (Акарачкова и др., 2022). Это делает травмирующее воздействие постоянным, увеличивая риск посттравматического стрессового расстройства, которое может приводить к нарушениям регуляционных механизмов, развитию депрессии, фобических состояний.

У мирного населения, проживающего в районе боевых действий и на приграничных территориях, кардинально меняется отношение к материальным ценностям и предметному миру. Осознание человеком того, что его материальный мир может сузиться до размера одной «тревожной сумки», изменяет отношение человека к ценностям и восприятию предметного мира. Молодежь, которая проживает вдали от происходящих военных действий, также испытывает шоковое состояние, страх (страх потери близких, страх смерти, страх за будущее, страх ожидания, страх мобилизации и т.д.) (Лопатина, 2023).

Вне зависимости от близости / отдаленности проживания от очагов военного конфликта молодежь остро переживает потенциальный риск «потери места», распада семьи; трудности воссоединения семей, сохранения близких отношений; наблюдается снижение самоуважения, контроля своей повседневной жизни (Carballo et al., 2004). В изменчивой социокультурной среде современного VUCA-мира (Макеева и др., 2021) мы наблюдаем рождение «текущего субъекта» (Сапогова, 2023b). У молодежи нередко обнаруживается прекарность, временность, ненадежность бытия, рождающая переживание непрочности существования и кризиса жизненных перспектив. Ее маркерами можно назвать «короткие горизонты планирования», отсутствие целостной «линии жизни», ментальную «сакрализацию» многозадачности при минимальных затратах персональных усилий, абсентеизм и дистанцированность от гражданской активности, эмоциональность, социальную атомизированность, неспособность строить и поддерживать устойчивые социальные связи и др. (Сапогова, 2023a). В ситуациях военного времени, нестабильности и неопределенности, человек попадает в пересечение трех составляющих, которые соответствуют когнитивному, аффективному и поведенческому компонентам установки: непонимания неизвестности, неуверенности и невозможности действовать определенным, выработанным на основе опыта образом (Битюцкая, Базаров, 2019). Подобный внутренний диссонанс требует высокого уровня жизнестойкости и особых копинг-стратегий совладания со стрессом.

Новый социокультурный контекст несомненно актуализирует проблему устойчивости личности и поиска путей ее повышения. Достаточно большое количество исследований в этой области сосредоточены на изучении личностных

качеств и способностей, которые напрямую связаны с устойчивостью. В этом ключе на первый план выходят надситуативная или адаптивная активность, предполагающая возможность человека подниматься над уровнем требований ситуации, ставить цели, избыточные с точки зрения основной задачи, преодолевая внешние и внутренние ограничения деятельности (Петровский, 2010), личностный динамизм как способность и готовность человека изменяться в отсутствие императивной необходимости для этого (Леонтьев, Сапронов, 2007), самопреобразование личности, связанное с чувством «самотождества» и интеграцией нового знания о себе в структуру Я (Старовойтенко, Щебетенко, 2020), самоизменение личности, включающее способность к осознанию «вызовов» ситуации и необходимости изменений, готовность принять эту необходимость и действовать в соответствии с осознаваемыми вызовами (Манукян и др., 2020), гибкость действий и принятия решений, позволяющие не только конструктивно перестроить свою жизнь в новых условиях, но и принять глобальные перемены (Битюцкая, 2022), способность прогнозировать возможное (Знаков, 2023), возможность риска в мышлении (Корнилова, 2015), готовность к грядущему как умение расстаться с ожиданиями, с планами, намеченными ранее, гибкость перестройки своей внутренней картины мира в связи с изменяющимися условиями, вовлеченными в социальный мир, умение оставаться на связи с людьми и с оптимизмом смотреть на предстоящие задачи. Важным предиктором устойчивости является жизнестойкость как интегральная характеристика личности, которая оказывает влияние на успешность преодоления человеком жизненных трудностей, включает вовлеченность в процесс жизни, готовность контролировать значимые события своей жизни и принятие вызова жизни (Khoshaba & Maddi, 1999). Жизнестойкость как базовый ресурс преодоления препятствует возникновению внутреннего напряжения в стрессовых и трудных для человека ситуациях (Леонтьев, Рассказова, 2016).

Мировые исследования, посвященные проблемам жизнестойкости человека в условиях войн, демонстрируют значимость определенных стратегий совладания для устойчивости и выживания, стратегий, укладывающихся в жизнестойкий стиль преодоления (Одинцова и др., 2017). Так, проведенный на основе дневниковых записей анализ стратегий копинга, применяемых людьми во время Второй мировой войны, показал, что в основном люди прибегали к проблемно-ориентированным стратегиям, направленным на поиск эффективных способов спасения от бомбардировок, уменьшения ущерба от артиллерии, стратегии поиска социальной поддержки и эмоционально-ориентированным стратегиям, позволяющим регулировать силу и интенсивность эмоционального отклика на угрозу. При этом выявлено, что в основном проявлялись отрицание и дистанцирование от угрозы, люди проявляли юмор, выражали надежду и положительный настрой. Это позволяло сохранять силы, восстанавливать ресурсы, несмотря на угрозу жизни (Middendorf, 2024). Исследование копинга на румынском населении, субъективно вовлеченном в ситуацию на Украине, продемонстрировало иные особенности: согласно

СОЦИАЛЬНАЯ ПСИХОЛОГИЯ

результатам, сосредоточение на эмоциях и их выплеск вместе с поведенческим отстранением были доминирующими стратегиями преодоления трудностей у молодежи, что обусловило повышение тревожности и снижение субъективного благополучия. С другой стороны, позитивная реинтерпретация и рост были связаны с меньшей тревожностью, более высоким уровнем общего здоровья и лучшим качеством жизни (Crişan et al., 2023).

На первый взгляд неожиданные результаты авторы объясняют тем, что сосредоточение на травматическом событии и / или выражение, связанных с ним чувств, действительно может становиться неадаптивной стратегией и усиливать тревожность при чрезмерном применении (Liverant, Hofmann & Litz, 2004), более того, такая стратегия может стать потенциальным продольным медиатором между большим депрессивным расстройством (вызванным различными травматическими событиями) и генерализованным тревожным расстройством (Marr, Zainal & Newman, 2022). Поведенческое отстранение, которое предполагает снижение усилий человека по борьбе со стрессором, также последовательно связано с тревожностью, апатией, депрессией и общим плохим психическим здоровьем (Held et al., 2011).

Интересные данные были получены в рамках исследований, проведенных на украинских выборках и обобщенных в метаобзоре. Было выявлено, что такие стратегии, как ориентированные на эмоции, отвлечение внимания путем вовлечения в различные виды деятельности, прием седативных средств, смирение, избегание, не являются эффективными в военизированном контексте и не повышают устойчивость. Предикторами устойчивости наоборот стали возможность поддерживать социальные (близкие) связи, наличие сети поддержки, религия, надежда на будущее, также эффективной стратегией стало использование сторителлинга в социальных сетях и стратегии, ориентированные на проблемы (Rizzi et al., 2023).

На данный момент вся молодежь, проживающая на территории РФ, так или иначе вовлечена в военный контекст, при этом стратегии совладания с данной ситуацией, ситуацией военной угрозы, на российских выборках фактически не изучены. Большинство мировых исследований в этой области сосредоточены на украинских и европейских выборках. Исследование стратегий совладания и жизнестойкости в совокупности с получением знаний об особенностях восприятия СВО у молодежи с разным сочетанием стратегий совладания позволит спрогнозировать социальные риски и разработать программы обучения копинг-стратегиям, обеспечивающим адаптацию и нормальное функционирование в современном контексте.

Проблемные вопросы исследования: какова субъективная оценка военной угрозы и совладание с ней у российской молодежи из разных «кругов территориальной близости» к специальной военной операции (СВО)? Каковы различия в показателях жизнестойкости у молодых людей с разными типами связанности и напряженности копинг-стратегий в контексте военного конфликта?

Цель – исследовать особенности субъективной оценки ситуации военного конфликта и жизнестойкости у российской молодежи с разными типами напряженности и связанности копинг-стратегий.

Основная гипотеза: существуют различия в субъективной оценке военной угрозы и показателях жизнестойкости у российских юношей и девушек с разными типами напряженности и связанности копинг-стратегий.

Частные гипотезы:

4. Существуют различия в субъективной оценке и переживании военной угрозы, в том числе ее последствий, у молодежи из разных «кругов близости» к СВО (жителей фронтовых территорий; жителей пограничных регионов и жителей «условно» отдаленных областей Центрального Федерального округа;
5. Существуют различные типы связанности и напряженности копинг-стратегий с ситуацией военной угрозы у молодежи из разных «кругов близости» к СВО;
6. У молодых людей с разными типами напряженности и связанности копинг-стратегий характеристики жизнестойкости могут иметь различия.

Методы

Выборка

В исследовании приняли участие 583 человека, проживающих в различных регионах Российской Федерации, мужчины ($n = 66$) и женщины ($n = 517$) в возрасте от 17 до 39 лет ($M = 20,7$; $SD = 4,05$). Выборку составили только те респонденты, которые дали информированное согласие на участие в исследовании. Респондентам перед прохождением тестирования было предложено информированное согласие, которое гарантировало им добровольность участия, возможность выхода из процедуры психологического обследования на любом этапе заполнения форм, конфиденциальность процедуры и использование результатов строго в научных целях и без аффилиации к личным данным, которые могли бы позволить идентифицировать человека.

Респонденты изначально были условно разделены на 3 круга близости к специальной военной операции. В основу был заложен критерий территориальной приближенности к месту проведения СВО:

- 1 круг составили 285 респондентов, проживающих на территории Луганской и Донецкой Народных Республик;
- 2 круг – 110 человек, проживающих в Воронежской, Курской, Белгородской областях;
- 3 круг – 188 человек, проживающих на отдаленных территориях: Костромская, Ярославская, Ивановская, Московская, Ленинградская, Нижегородская области, а также Хабаровский край.

По статусу отношений: 241 человек на данный момент отметили, что состоят в романтических отношениях, 58 находятся в брачных отношениях, 282 человек не состоят в отношениях на данный момент. 529 человек не являются военнообязанными.

Методы исследования

Работа выполнена на стыке номотетического и идиографического подходов в связи с неоднородностью эмпирических референтов (стратегии совладания, жизнестойкость и оценка ситуации СВО, ее субъективно значимых последствий).

Методический комплекс

Методический комплекс включал:

1. Полуструктурированное интервью, содержащее биографический блок, позволяющий выяснить пол, возраст, род деятельности, наличие близких отношений, гражданство, наличие / отсутствие воинской обязанности у самого респондента и его близких; а также содержательный, посвященный оценке субъективно значимых последствий ситуации специальной военной операции (далее – СВО), сопряженности ситуации СВО с личными потерями. Для обработки был использован метод контент-анализа.
2. Семантический дифференциал «Оценка экстремального события» (Т.В.Парфенова, 2022). Методика психологической диагностики из класса частных (специализированных) семантических дифференциалов, сконструированная для изучения личностного смысла и феноменологии переживания экстремальных событий. Респондентам предлагалась для оценки ситуация специальной военной операции. При обработке результатов подсчитываются значения по восьми шкалам семантического дифференциала: «Аморальность события», «Психологическая удаленность», «Субъективная значимость события», «Субъективная оценка масштаба события», «Субъективная оценка экстремальности события», «Эмоциональный фон события», «Субъективная длительность события», «Субъективная оценка неопределенности события», отражающие различные аспекты личностного смысла оцениваемого события. Сумма баллов по каждой шкале свидетельствует об интенсивности (силе) и направленности субъективных переживаний события. Методика является контекстуализированной, ввиду чего допускаются некоторые изменения инструкции в части упоминания экстремальных событий с целью конкретизации объекта оценивания.
3. Шкала переживания военной угрозы (К. В. Карпинский, 2015). Стандартизированный многомерный личностный опросник, который предназначен для измерения когнитивного, аффективного и регулятивно-

поведенческого компонентов, а также общей интенсивности переживания военной угрозы. 10 пунктов методики разделены на 3 субшкалы, соответствующие когнитивному, аффективному и регулятивно-поведенческому компонентам переживания военной угрозы. Интеркорреляции между выделенными субшкалами методики лежат в диапазоне 0,65–0,69, коэффициент α -Кронбаха по каждой шкале $\geq 0,70$.

4. Тест жизнестойкости (S. Maddi, D. Khoshaba, 1984 / 2001), скрининговая версия в адаптации Е. Н. Осина (2013). Направлен на диагностику психологических факторов успешного совладания со стрессом, а также снижения и предупреждения внутреннего напряжения в стрессовой ситуации. Опросник содержит 12 утверждений, включает 3 субшкалы: вовлеченность (commitment); контроль (control); принятие риска (challenge). Коэффициент α -Кронбаха = 0,86.

5. Экспресс-опросник копинга Brief COPE (Ч. Карвер, 1987), апробирована Т. Л. Крюковой, Н. С. Шиповой, Т. П. Опекиной (2020), разработана в рамках теории стресса и копинга Р. Лазаруса и измеряет копинг-стратегии как ситуационное поведение. Методика включает 28 пунктов, отражающих 14 стратегий совладающего поведения. В инструкции респондентам предлагалось оценить, какие стратегии / способы они используют и в какой степени в ситуации стресса, вызванного контекстом специальной военной операции.

Методы математического анализа данных: дескриптивная статистика, критерий Колмогорова-Смирнова для анализа нормальности распределения признаков, критерий Ливиня для оценки гомогенности дисперсии признака, Н-критерий КраскелаУоллиса для сравнения более трех независимых групп, однофакторный дисперсионный анализ для количественного сравнения трех и более независимых групп, кластерный анализ методом К-средних для выявления групп респондентов, использующих сходные типы совладающего поведения (сочетания и напряженность копинг-стратегий), угловое преобразование Фишера для сравнения номинативных признаков.

Описание процедуры

На первом этапе проанализированы результаты описательной статистики по всем стандартизированным методикам и проведено сопоставление средних значений в совокупной выборке респондентов с нормативными данными ($n=583$). На втором этапе исследования на общей выборке был проведен кластерный анализ наблюдений методом К-средних. В основу кластеризации были заложены результаты «Экспресс-опросника копинга Brief COPE» (Ч. Карвер, 1987, в адаптации Т. Л. Крюковой, Шиповой Н.С., Опекиной Т.П.). Было выделено 4 кластера, отражающие различные типы связности и напряженности копинг-стратегий респондентов: 1 кластер ($n = 159$; $m = 21,5$, из них 77 человек (48,4%) относятся к первому кругу близости, 34 человека (21,4%) ко 2 кругу, 48 (30,2%) к 3-ему), 2 кластер ($n = 193$; $m = 20,7$, из них 81 человек

СОЦИАЛЬНАЯ ПСИХОЛОГИЯ

(42%) относятся к первому кругу близости, 40 человек (20,7%) ко 2 кругу, 72 (37,3%) к 3-ему); 3 кластер ($n = 172$; $m = 20,3$, из них 92 человек (53,5%) относятся к первому кругу близости, 30 (17,4%) человек ко 2 кругу, 50 (29,1%) к 3-ему); 4 кластер ($n = 59$; $m = 19,6$, из них 38 человек (64,4%) относятся к первому кругу близости, 6 (10,2%) человек ко 2 кругу, 15 (25,4%) к 3-ему). На третьем этапе проводился сопоставительный анализ показателей переживания военной угрозы, оценки экстремальности события и оценки субъективно значимых последствий СВО на четырех группах сопоставления, выделенных в результате кластеризации.

Результаты

В ходе опроса 583 человек молодежи, проживающих в различных регионах Российской Федерации, выяснялось восприятие социального контекста и переживание военной угрозы, восприятие ситуации СВО, определялась выраженность и напряженность копинг-стратегий, а также жизнестойкость респондентов (Таблица 1).

Таблица 1

Описательные статистики оцениваемых параметров в эмпирическом исследовании ($N = 583$) и их сопоставление с нормативными показателями

Оцениваемый параметр	Эмпирические результаты ($m(sd)$)	Нормативные результаты ($m(sd)$)
<u>Жизнестойкость</u>		
Вовлеченность	7,72 (3,45)	7,94 (3,45)
Контроль	7,35 (2,68)	7,79 (2,55)
Принятие риска	7,26 (3,08)	7,90 (2,82)
<u>Копинг-стратегии</u>		
Самоотвлечение	5,48 (1,74)	5,27 (1,42)
Активный копинг	4,62 (1,73)	5,79 (1,39)
Отрицание	3,53 (1,66)	2,92 (1,23)
Использование психоактивных веществ	2,70 (1,46)	2,88 (1,21)
Поиск эмоциональной поддержки	5,05 (1,81)	5,11 (1,50)

Оцениваемый параметр	Эмпирические результаты (m(sd))	Нормативные результаты (m(sd))
Поиск инструментальной поддержки	4,58 (1,84)	4,53 (1,42)
Избегание	3,42 (1,57)	3,06 (1,10)
Выражение (выплеск) эмоций	4,49 (1,75)	4,58 (1,35)
Позитивная переоценка	4,47 (1,86)	6,00 (1,39)
Планирование	4,98 (1,78)	5,68(1,34)
Юмор	3,54 (1,73)	5,24 (1,57)
Принятие	6,05 (1,66)	6,42 (1,11)
Уход в религию	3,71 (1,87)	3,28(1,56)
Самообвинение	3,46 (1,68)	4,10 (1,47)

Анализ средних значений, стандартных отклонений и сопоставление их с нормативными показателями указывает на то, что такие параметры жизнестойкости, как вовлеченность, контроль и принятие риска, у респондентов в выборке эмпирического исследования находится в пределах нормативных значений.

Затем были проанализированы 14 копинг-стратегий молодежи и сопоставлены с нормативными показателями. Установлено, что более напряженной является стратегия «отрицание», а менее выраженными «активный копинг», «позитивная переоценка» и «юмор». Остальные стратегии выражены в соответствии с нормами. Для совладания чаще используется стратегии «принятие», «самоотвлечение» и «поиск эмоциональной поддержки».

Также были проанализированы различия в применяемых копинг-стратегиях в 3 группах сопоставления по принадлежности к условному кругу близости к зоне военного конфликта. С помощью критерия Краскела-Уоллиса был выявлен ряд значимых различий (Таблица 2).

СОЦИАЛЬНАЯ ПСИХОЛОГИЯ

Таблица 2

Различия в выраженности жизнестойкости и копинг-стратегий по критерию Краскела-Уоллиса

Копинг стратегии	1 круг близости (n=285)	2 круг близости (n=110)	3 круг близости (n=188)	Уровень значимости (p)
Принятие риска	282,9	335,9	279,9	0,01
Самообвинение	306,1	258,7	290,1	0,03
Принятие	266,5	315,3	317,0	0,00
Планирование	271,8	310,9	311,5	0,01
Поиск инструментальной поддержки	278,8	283,9	316,7	0,04
Использование ПАВ	312,4	263,7	277,6	0,00
Отрицание	316,3	263,5	271,8	0,00

Выявлено, что те, кто проживает на территориях, наиболее приближенных к военным действиям (1 круг – ЛНР, ДНР), значимо чаще прибегают к «использованию ПАВ» и «отрицанию», в меньшей степени для них характерно «планирование» и «принятие» ситуации. Жители наиболее отдаленных территорий (3 круг) чаще используют стратегию «поиска инструментальной поддержки». У жителей приграничных территорий (Белгород, Воронеж) значимо выше выражена стратегия «принятие риска» и в меньшей степени они прибегают к «самообвинению».

Для более подробного анализа совладающего поведения в совокупности копинг-стратегий и их сочетаний на общей выборке в 583 респондента был применен кластерный анализ наблюдений методом К-средних. В результате было выделено 4 кластера, отражающие различные типы связности и напряженности копинг-стратегий респондентов. В первый кластер было включено 159 респондентов, у которых наиболее интенсивно выражены такие стратегии, как: самоотвлечение ($m = 5,77$), позитивная переоценка ($m = 5,36$), планирование ($m = 5,20$) и принятие ($m = 6,74$). Нехарактерными стратегиями для респондентов первого кластера стали следующие: отрицание ($m = 2,56$), использование психоактивных веществ ($m = 2,04$), избегание ($m = 2,68$), юмор ($m = 2,77$) и самообвинение ($m = 2,74$). В данном случае речь идет о респондентах, которые принимают ситуацию и пытаются адаптировать, выстроить стратегию жизни в новом социокультурном контексте.

Численность респондентов во втором кластере составила 193 респондента, он оказался самый многочисленный. Наиболее интенсивно в этом кластере выражены такие стратегии, как самоотвлечение ($m = 6,17$), поиск эмоциональной поддержки ($m = 6,26$), поиск инструментальной поддержки ($m = 5,69$), выражение эмоций ($m = 5,65$), планирование ($m = 5,82$) и принятие ($m = 6,37$), наименее выражена стратегия использования психоактивных веществ ($m = 2,52$). У остальных стратегий средняя степень напряженности. Для респондентов данного кластера характерен эмоционально-ориентированный копинг и приспособление к сложившейся ситуации. При этом активность направлена, прежде всего, на поиск разного вида поддержки, а потом уже на приспособление и адаптацию.

В третий кластер вошло 172 респондента, у которых средняя: самоотвлечение ($m = 4,08$), принятие ($m = 4,78$), и слабая: активный копинг ($m = 2,98$), использование психоактивных веществ ($m = 2,39$), поиск инструментальной поддержки ($m = 2,97$), избегание ($m = 2,98$), позитивная переоценка ($m = 2,98$), юмор ($m = 2,58$), религия ($m = 2,69$) и самообвинение ($m = 2,66$) напряженность копинг-стратегий в целом. Для респондентов данного кластера не характерны напряженность совладания и высокий уровень стресса.

В четвертый кластер вошло всего 59 респондентов, но при этом у них высокая напряженность абсолютно всех измеренных копинг стратегий ($m \geq 6$), что свидетельствует о высокой интенсивности переживаемого стресса и попыток с ним совладать, приспособиться к сложившейся ситуации. Достоверность различий в выраженности всех копинг-стратегий у респондентов, принадлежащих к разным кластерам, подтверждена с помощью дисперсионного анализа ($p \leq 0,000$).

Далее было проверено предположение о том, что жизнестойкость и восприятие ситуации СВО как социокультурного контекста будет различаться у респондентов из разных кластеров. С помощью дисперсионного анализа были выявлены различия по жизнестойкости, а именно по параметрам вовлеченности и принятия риска (Таблица 3), характеристика «контроль» имеет неоднородную дисперсию, поэтому анализировалась посредством критерия Краскела-Уоллиса.

СОЦИАЛЬНАЯ ПСИХОЛОГИЯ

Таблица 3

Различия в выраженности жизнестойкости у респондентов разных типов копинг-поведения (кластеров)

	Среднее значение (m)	Стандартное отклонение (sd)	Критерий Фишера (F)	Уровень значимости (p)
<u>Вовлеченность</u>				
Кластер 1	12,69	3,28	17,59	0,000
Кластер 2	11,16	3,23		
Кластер 3	12,32	3,31		
Кластер 4	9,46	3,51		
<u>Принятие риска</u>				
Кластер 1	11,95	2,89	19,39	0,000
Кластер 2	10,67	2,74		
Кластер 3	12,05	2,91		
Кластер 4	9,24	3,39		

Вовлеченность и принятие риска как параметры жизнестойкости более характерны для респондентов из 1 и 3 кластеров, чем для респондентов 2 и 4 кластеров. При этом самый низкий уровень жизнестойкости необходимо отметить у респондентов 4 кластера при высокой напряженности всех копинг-стратегий.

По характеристике жизнестойкости «контроль» с помощью критерия Краскела-Уоллиса были выявлены также достоверно-значимые различия ($\chi^2 = 46,26$ $p \leq 0,000$), наименьший средний ранг у 4 кластера (180,08), а наивысший средний ранг у 1 кластера (344,14). Таким образом, можно констатировать, что представители разных кластеров различаются по всем параметрам жизнестойкости, что косвенно подтверждает их совладание или несовладание со стрессом в социокультурном контексте СВО. При этом жизнестойкость выше в 1 и 3 кластере, а самая низкая в 4.

Далее было проанализировано восприятие ситуации социокультурного контекста СВО как экстремальной респондентами из всех 4 кластеров, что позволило установить статистически значимые различия практически по всем параметрам оценки (Таблица 4).

Таблица 4

Различия в выраженности восприятия СВО как экстремального социокультурного контекста у респондентов с разными типами копинг-поведения (кластеры)

	Среднее значение (m)	Стандартное отклонение (sd)	Критерий Фишера (F)	Уровень значимости (p)
<u>Аморальность-гуманность события</u>				
Кластер 1	25,67	7,94	3,51	0,02
Кластер 2	23,89	7,94		
Кластер 3	24,03	8,05		
Кластер 4	27,02	8,01		
<u>Психологическая удаленность-близость</u>				
Кластер 1	13,14	3,33	2,72	0,04
Кластер 2	12,52	3,60		
Кластер 3	12,03	3,88		
Кластер 4	12,78	3,25		
<u>Оценка масштаба события</u>				
Кластер 1	27,01	4,82	4,84	0,000
Кластер 2	26,22	4,82		
Кластер 3	25,41	5,09		
Кластер 4	21,98	5,52		
<u>Не экстремальность- экстремальность события</u>				
Кластер 1	19,86	4,21	3,78	0,01
Кластер 2	20,18	4,05		
Кластер 3	19,14	4,49		
Кластер 4	18,37	3,69		
<u>Негативный-позитивный эмоциональный фон</u>				
Кластер 1	21,03	9,46	5,51	0,001
Кластер 2	18,88	9,47		
Кластер 3	19,61	10,23		
Кластер 4	24,44	9,75		

СОЦИАЛЬНАЯ ПСИХОЛОГИЯ

	Среднее значение (m)	Стандартное отклонение (sd)	Критерий Фишера (F)	Уровень значимости (p)
<u>Не длительность-длительность события</u>				
Кластер 1	10,94	2,62	2,94	0,03
Кластер 2	10,83	2,55		
Кластер 3	10,58	2,77		
Кластер 4	9,79	2,83		
<u>Неопределенность-определенность события</u>				
Кластер 1	8,66	3,05	8,52	0,00
Кластер 2	7,48	3,05		
Кластер 3	7,06	2,99		
Кластер 4	7,59	2,51		

В восприятии ситуации СВО как экстремального социокультурного контекста у молодежи установлены различия по семи параметрам оценки из 8 предложенных. Параметр «субъективная значимость» был проанализирован отдельно на предмет различий ($\chi^2 = 12,69$ $p \leq 0,01$) с помощью непараметрического критерия Краскела-Уоллиса, так как дисперсии кластеров оказались негомогенны. Респонденты, относящие к четвертому кластеру, придают наименьшее субъективное значение ситуации СВО, не находят в нем личностного смысла (средний ранг = 240), а респонденты из первого кластера придают ему наибольшее субъективное значение (средний ранг = 325).

Необходимо отметить, что представители всех кластеров отмечают гуманность сложившейся ситуации. При этом у респондентов разных кластеров различаются не только констелляции копинг-стратегий, их напряженность, но и разное восприятие СВО как социокультурного контекста. У респондентов из четвертого кластера социокультурный контекст выступает как не экстремальное событие с насыщенным позитивным фоном, кратковременное, немасштабное, не наполненное личностным смыслом. Респонденты из первого кластера воспринимают контекст СВО как определенный, длительный, масштабный, ощущают психологическую близость, включенность в него, в связи с чем принимают ситуации и пытаются адаптироваться к жизни в новых условиях. Наибольшая удаленность и неочевидность характерна для респондентов из третьего кластера. Второй кластер отличает в оценке события экстремальность, негативный эмоциональный фон переживания события.

При анализе восприятия военной угрозы респондентами из разных кластеров также был использован непараметрический критерий Краскела-Уоллиса, который позволил установить различия по всем четырем параметрам: антиципация войны ($\chi^2 = 42,05$ $p \leq 0,000$), военная тревога ($\chi^2 = 49,77$ $p \leq 0,000$), упреждающая адаптация к войне ($\chi^2 = 89,17$ $p \leq 0,000$), переживание военной угрозы ($\chi^2 = 83,74$ $p \leq 0,000$). Наиболее интенсивно все характеристики выражены в четвертом кластере, отличающемся напряженностью всей совокупности копинг-стратегий, а наименее интенсивно они выражены в третьем кластере, с умеренной интенсивностью копинг-стратегий.

Далее был произведен контент-анализ ответов на открытые вопросы интервью, посвященного субъективной оценке последствий СВО представителями всех четырех кластеров. Результаты представлены в Таблице 5.

Таблица 5

Результаты контент-анализа интервью респондентов с разными типами копинг-поведения (кластеры)

Категории анализа	1 кластер (n = 159)	2 кластер (n = 193)	3 кластер (n = 172)	4 кластер (n = 59)	Индикаторы (% от общего количества индикаторов, сумма = 627)
Социально-экономические трудности	8,2%	14,5%*	12,8%	32,2%**	13,1%
Последствия для психо-эмоционального здоровья	27,8%	38,3%*	27,3%	64,4%**	32,5%
Утраты	3,8%	4,1%	7%	22%**	6,2%
Травмы у близких	0,6%	2,1%	2,3%	0%	1,4%
Переосмысление реальности и ценностей, ценности семьи и жизни	8,2%	5,7%	2,9%	32,2%**	7,7%
Объединение вокруг флага	1,3%	2,1%	1,2%	5,1%	1,8%

СОЦИАЛЬНАЯ ПСИХОЛОГИЯ

Категории анализа	1 кластер (n = 159)	2 кластер (n = 193)	3 кластер (n = 172)	4 кластер (n = 59)	Индикаторы (% от общего количества индикаторов, сумма = 627)
Тревога за безопасность близких, которые на СВО	12%*	6,7%	9,3%	27,1%**	10,2%
Разрыв близких отношений	8,8%	3,1%	2,1%	6,8%	4,2%
Обобщенный ответ «отрицательно, негативно»	12,6%	11,9%	16,9%	39%**	15,2%
Затруднились ответить	0%	1%	2,9%	8,5%	1,9%
Амбивалентно	0,6%	1%	0,6%	3,4%	1%
Не отразилось	4,4%	3,6%	4,1%	13,6%	4,6%
Позитивно	1,9%	0%	0%	0%	0,5%

Примечания. * – различия с другими кластерами по угловому преобразованию Фишера (ф) на уровне статистической значимости $p < 0,05$; ** – различия с другими кластерами по угловому преобразованию Фишера (ф) на уровне статистической значимости $p < 0,01$.

Наиболее субъективно значимые последствия специальной военной операции респонденты находят в негативном изменении психоэмоционального состояния (32,5% от общего количества индикаторов). Превалирование данной категории в 4 кластере согласуется с напряженностью всех копинг-стратегий, что говорит о высокой стрессовой нагрузке и относительно неадаптивном поведении данных респондентов на фоне ярко выраженной стрессовой симптоматики. Также респонденты выделили социально-экономические последствия как субъективно значимые (13,1% индикаторов), «тревогу за близких, которые находятся в зоне СВО, проживают на границе» (10,2% индикаторов), переосмысления ценностей

семьи, жизни, утраты, травмы у родственников и близких людей, разрыв близких отношений, конфликты внутри семьи, разделенной по ценностному основанию, отношению к СВО. При этом необходимо подчеркнуть достоверно значимые различия по критерию угловое преобразование Фишера респондентов 4 кластера от респондентов всех других кластеров по таким категориям, как: социально-экономические трудности, последствия для психоэмоционального здоровья, утраты, тревога за безопасность близких, которые на СВО, переосмысление реальности ценностей, ценности жизни и семьи, обобщенное отрицательное отношение к СВО. Эти результаты свидетельствуют об остро переживаемом стрессе и подтверждают ранее полученные данные о высокой напряженности всех копинг-стратегий и уязвимости респондентов. Можно также отметить отличие 2 кластера от 1 кластера по категориям «социально-экономические трудности» и «последствия для психоэмоционального здоровья», что также подчеркивает стрессогенность контекста для респондентов второго кластера и конкретизирует стрессоры, с которыми они активно совладают.

Обсуждение результатов

Анализ полученных результатов в целом по выборке демонстрирует относительную ненапряженность копинга у молодежи, несмотря на стрессогенный контекст современного исторического периода. Наиболее напряженной является стратегия «отрицания», которая в неуправляемом и мало зависящем от воли отдельного субъекта контексте может являться ресурсосберегающей стратегией, позволяющей примириться с реальностью и продолжать жить в привычном для себя ритме, формате функционирования. В то же время ранжирование копинг-стратегий демонстрирует превалирование стратегий «принятие» (1P), «самоотвлечение» (2P) и «поиск эмоциональной поддержки» (3P). Отрицание стрессогенности ситуации сопровождается попыткой принять реальность, переключиться на более позитивные и значимые аспекты жизни, в том числе на близкие отношения. Именно они становятся источником эмоциональной поддержки, которая, согласно мировым исследованиям, является буфером при переживании травматического опыта (Crispan et al., 2023; Middendorf, 2024). При сопоставлении выраженности копинг-стратегий в зависимости от близости / отдаленности проживания к зоне военного конфликта было выявлено, что те, кто проживают на территориях, наиболее приближенных к военным действиям (1 круг – ЛНР, ДНР), значимо чаще прибегают к «использованию ПАВ» и «отрицанию», в меньшей степени для них характерно «планирование» и «принятие» ситуации. Таким образом, несмотря на пролонгированность ситуации, молодежи, проживающей на данных территориях, пока с трудом удается проявлять конструктивную активность, ощущать контроль над ситуацией и использовать более когнитивно сложные стратегии совладания. Возможно, это связано с относительным истощением ресурсов. У жителей приграничных территорий

СОЦИАЛЬНАЯ ПСИХОЛОГИЯ

(Белгород, Воронеж) значимо выше выражена стратегия «принятие риска» и в меньшей степени они прибегают к «самообвинению». В настоящее время именно для них ситуация связана с острым стрессом. На данном этапе принятие риска позволяет им решать повседневные задачи, продолжать работать, учиться на данных территориях, которые представляют угрозу их жизни и жизни их близких. Отрицание ответственности за происходящее придает им сил и веру в себя. Жители наиболее отдаленных территорий (3 круг) чаще используют стратегию «поиска инструментальной поддержки», что выражается преимущественно в поиске информации, ответов на возникающие вопросы. Именно данные респонденты находятся в ситуации информационной / ментальной войны, получая информацию о происходящем исключительно через каналы коммуникации и СМИ. Дефицитарность и противоречивость контента при невозможности увидеть всё своими глазами требует информационного поиска.

Далее для определения сочетаний копинг-стратегий вне зависимости от «круга близости» к СВО на совокупной выборке респондентов были выделены 4 кластера, отражающие различные типы связности и напряженности копинг-стратегий респондентов. Первый кластер – респонденты, выбирающие условно адаптивный копинг ($n = 159$). Данные респонденты используют такие стратегии, как самоотвлечение, позитивная переоценка, планирование и принятие. Они ориентированы на построение собственной жизни, решение актуальных и стратегических задач развития в новом социокультурном контексте; отличаются высоким адаптивным потенциалом. Нехарактерными для них являются условно пассивные стратегии: отрицание, использование психоактивных веществ, избегание, юмор и самообвинение.

Респондентов второго, наиболее многочисленного кластера, отличает копинг, ориентированный в большей степени на выражение и проживание эмоций ($n = 193$). Наиболее интенсивно в этом кластере выражены такие стратегии, как самоотвлечение, поиск эмоциональной поддержки, поиск инструментальной поддержки, выражение эмоций, планирование и принятие, наименее выражена стратегия использования психоактивных веществ. Стоит отметить, что респонденты в данном случае нуждаются в первую очередь в поддержке, как эмоциональной, так и инструментальной, которая позволяет получить внешний ресурс и адаптироваться к ситуации. Это согласуется с исследованиями в области близких отношений (Ozbay et al., 2007; Крюкова и др., 2019), демонстрирующих, что люди, которые более социально интегрированы и поддерживают отношения с другими, имеют лучшее психическое здоровье, выше уровень субъективного благополучия и ниже показатели подверженности стрессу. Воспринимаемая социальная, эмоциональная поддержка является мощным ресурсом стрессоустойчивости, нивелирует средовую уязвимость.

Респонденты третьего кластера ($n = 172$) были отнесены к группе «условно спокойного реагирования на контекст жизни». Они ориентированы на самоотвлечение и принятие ситуации (средний уровень выраженности). Их

стратегии не отличаются напряженностью, что говорит о достаточно низком уровне воспринимаемого стресса в условиях СВО.

Респондентов самого малочисленного четвертого кластера ($n = 59$) отличает высокая напряженность абсолютно всех копинг стратегий, что свидетельствует о высокой интенсивности переживаемого стресса и активных попыток с ним совладать, приспособиться к сложившейся ситуации любыми способами, в том числе через использование ПАВ. Стоит отметить, что в данном кластере значимо превалирует количество респондентов из первого круга близости, более 60%. Сравнение всех групп по параметрам жизнестойкости продемонстрировало наибольшую уязвимость представителей данного, четвертого кластера: они отличаются самым низким уровнем жизнестойкости и параметром «контроля». В силу собственной уязвимости в данном социокультурном контексте они испытывают стрессогенное воздействие, превышающее их адаптационные возможности, что приводит к сверх напряженности всех копинг-стратегий. При этом они осознают отсутствие контроля над сложившейся ситуацией, что провоцирует еще больший уровень стресса, загоняет их в когнитивно-эмоциональную ловушку.

Вовлеченность и принятие риска как параметры жизнестойкости более характерны для респондентов из 1 и 3 кластеров, контроль для представителей 1 кластера. Данные респонденты чувствуют подконтрольность ситуации в силу их собственного активного участия в ней, что говорит об их адаптационном потенциале.

В моральной оценке восприятия ситуации социокультурного контекста представители всех кластеров отмечают гуманность сложившейся ситуации, но как наиболее гуманную ее оценивают представители 4 кластера. При этом они же придают наименьшее субъективное значение ситуации СВО, не находят в ней личностного смысла, считают ситуацию менее масштабной, краткосрочной и не экстремальной. Такое амбивалентное, возможно, поверхностное отношение к происходящему может быть компенсаторным. Однако именно отсутствие ценностного основания в оценке контекста может быть связано с низким уровнем устойчивости к стрессу, сниженным адаптивным потенциалом и затруднять поиск наиболее эффективных стратегий совладания, приводить к диффузии стратегий и когнитивным искажениям действительности.

Наибольшую психологическую близость ситуации СВО, а также определенность, субъективную длительность и значимость этой ситуации отмечают представители 1 кластера, которые приняли данный социокультурный контекст и приспособились к нему. Респонденты из 3 кластера отмечают наибольшую психологическую удаленность и неочевидность ситуации, что позволяет им не ощущать стрессогенность контекста, что объясняет не выраженность стратегий совладающего поведения.

Наибольшая экстремальность события и негативный эмоциональный фон превалирует в оценке у представителей 2 кластера. В данном случае это объясняет

СОЦИАЛЬНАЯ ПСИХОЛОГИЯ

эмоционально-ориентированный копинг респондентов 2 кластера и стремление найти поддержку.

Полученные результаты согласуются и с данными, полученными при анализе восприятия военной угрозы респондентами из разных кластеров. Наиболее интенсивно все характеристики выражены в 4 кластере, отличающемся напряженностью всей совокупности копинг-стратегий, а наименее интенсивно они выражены в третьем кластере, с умеренной интенсивностью копинг-стратегий.

Для того, чтобы выявить содержательные особенности восприятия ситуации СВО с точки зрения наделения личностным смыслом и выделения последствий, был проведен сопоставительный анализ по выделенным на основе ответов респондентов на открытые вопросы категориям контент-анализа.

Наиболее субъективно значимые последствия специальной военной операции респонденты находят в негативном изменении психоэмоционального состояния (32,5% от общего количества индикаторов). Частотно встречающимися индикаторами в данной категории являются: стресс, тревожность, страх (в том числе, страх громких звуков, будущего, страх за жизнь, страх за близких), неуверенность в завтрашнем дне, волнение, депрессия, негативный / тяжелый эмоциональный фон, подавленность, апатия, напряжение, давление на психику и др. Особенно ярко это описывают респонденты из 4-ого и 2-ого кластеров: «я утопаю в тревоге», «жить страшно», «психологически сложно переносить», «эмоционально непросто осознавать, что близкие и друзья – это чья-то мишень», «с ужасом реагируешь, когда опасность атаки БПЛА застаёт твоих родных», «стало сложнее в психологическом плане», «стала более тревожной, страха много, чаще ощущаю апатию и подавленность, негативные мысли в голове, периодами сложнее сфокусироваться на деле», «тревожное состояние, непонимание будущего, стресс», «морально тяжело наблюдать на происходящими событиями», «удручение, измученность и истощение», «бессонница, постоянные переживания за свою жизнь и жизни других людей», «эмоциональное состояние скачет у всей семьи» и др. Эти данные согласуются с мировыми исследованиями влияния военных конфликтов на психоэмоциональное здоровье человека. Психотравматический опыт переживания как участников, так и свидетелей войны часто связан с разрушительными для личности долгосрочными последствиями. Стресс военного времени, футурошок, сопровождающиеся высоким уровнем тревоги, оказывают дезорганизующее влияние на человека на всех уровнях организации: сенсорном, когнитивном, поведенческом, мировоззренческом, затрагивая личностную идентичность (Rozanov et al., 2019). При этом ученые отмечают, что симптоматика, связанная с посттравматическим опытом, может сохраняться на долгие годы, только снижается интенсивность проявления, при условии, что человек попадает в благоприятные условия (Qi, Gevonden & Shalev, 2016). Значимое превалирование данной категории в 4 кластере согласуется с напряженностью всех копинг-стратегий, что говорит о высокой стрессовой нагрузке и относительно неадаптивном поведении

данных респондентов на фоне ярко выраженной стрессовой симптоматики. Необходимо отметить, что во втором кластере, несмотря на то что количество смысловых индикаторов меньше, чем в 4-ой группе, респонденты описывают свое состояние более развернуто, эмоционально, применяя множество эпитетов и метафор, объясняя причины и прогнозируя последствия, что также согласуется с превалированием в данной группе эмоционально-ориентированных стратегий совладания.

Далее респонденты выделили социально-экономические последствия как субъективно значимые (13,1% индикаторов). К ним отнесли повышение цен и экономическую нестабильность («она повлияла на бытовом уровне: в росте цен», «квартиры и машины – недостижимые блага, подорожание базовых продуктов питания»), снижение уровня жизни в целом («Экономический упадок», «экономический кризис», «нестабильность, меньше стабильности и, санкции»), ограничение свободы передвижения и отчуждение («невозможность свободно перемещаться по миру, вне России», «обособление от мира»), сужение спектра возможностей, милитаризацию общества, запрет на обсуждение некоторых тем («цензура», «разрыв в обществе на уровне мнений, невозможность обсудить», «Возникло много законов и правовых прецедентов, из-за которых какие-то действия получили вторые смыслы и теперь недопустимы»), снижение рождаемости. В меньшей степени данный спектр последствий отметили респонденты 1 кластера. Их ответы в данной категории обобщены, без аффилиации к конкретным изменениям на уровне отдельной личности. Наиболее превалирует данная категория анализа также в четвертом кластере респондентов.

Отдельно стоит выделить категорию «Тревога за близких, которые находятся в зоне СВО, проживают на границе» (10,2% индикаторов). Респонденты отмечают, что тревога за жизнь близких отразилась на психологическом состоянии семьи, изменила ее функционирование: «мои близкие родственники принимают участие в СВО, что в той или иной степени отражается на каждом члене семьи», «появился страх за некоторых членов семьи и за молодого человека», «Члены семьи волнуются за родственника, который находится на СВО, интересуются о том, звонит или пишет ли он», «не можем думать ни о чем другом», «Некоторые мои друзья родом из Белгорода, где периодически происходят обстрелы, переживаю»... Необходимо отметить, что тревогу за близких респонденты часто рассматривают как ресурс объединения семьи, взаимоподдержки, интеграции усилий. Так, категория переосмысления ценностей семьи, жизни значимо превалирует в 4 кластере (32,2%). На фоне высокой стрессогенной нагрузки объединение и переоценка значимости семьи повышают адаптационный потенциал личности. В мировых исследованиях подчеркивается, что часто в ситуации военного конфликта наблюдаются демонстрация более сильной идентификации с обществом, усиление патриотизма, позитивные сдвиги во взаимоотношениях внутри семей (Nestik, 2023), акцентируется внимание на психотерапевтической функции семьи и исключительном значении поддержки со

СОЦИАЛЬНАЯ ПСИХОЛОГИЯ

стороны близких и социальной поддержки в целом (Feeney & Collins, 2015). В тоже время ориентированность на поддержку говорит о том, что человек осознает дефицитарность собственных ресурсов и испытывает определенные сложности в принятии личной ответственности и решений, связанных со своей жизнью в данных условиях.

Также среди последствий СВО были выделены утраты, травмы у родственников и близких людей, разрыв близких отношений, конфликты внутри семьи, разделенной по ценностному основанию, отношению к СВО.

Заключение

Проведенное исследование позволяет нам сделать ряд обобщений. Несмотря на территориальную близость-отдаленность к военному конфликту («круги близости»), специальная военная операция воспринимается и оценивается молодыми людьми как экстремальный, психотравмирующий контекст жизни, сопряженный с ухудшением психоэмоционального состояния, высокими стрессовыми нагрузками, ценностными конфликтами, нарастающей тревогой за безопасность близких, переживанием утраты стабильности жизни, социально-экономическими трудностями. При этом происходит переосмысление реальных ценностей, переоценка значимости жизни, ресурсности близких отношений и семьи. Появляется субъективная оценка важности отсроченных последствий данного контекста жизни.

В целом, необходимо отметить, что молодежь достаточно адаптирована к данной ситуации, на что косвенно указывают разнообразная палитра копинг-поведения и средние показатели жизнестойкости. Следует говорить о том, что особенности совладания связаны с приближенностью / отдаленностью к боевым действиям. Так, молодые люди из 1 круга (жители ЛНР, ДНР) значимо чаще используют психоактивные вещества и отрицают высокую стрессогенность ситуации СВО, не используют стратегии *Планирования* и *Принятия ситуации*; респонденты 2 круга (жители приграничных регионов – Белгорода, Воронежа) чаще используют стратегию *Принятие риска* при невыраженности стратегии *Самообвинение*; респонденты из 3 круга (Центральный Федеральный округ и Хабаровский край) чаще используют стратегию *Поиск инструментальной поддержки*. Однако, несмотря на очевидные различия, копинг-стратегия *Отрицание* (в сочетании с позитивной переоценкой ситуации и вовлеченностью в близкие отношения) является наиболее напряженной на всей выборке, что может быть ресурсосберегающим совладанием, позволяющим сохранить привычный образ жизни и выполнять важные функции.

Данное исследование позволило выделить и описать четыре основных типа связанности и напряженности копинг-поведения российской молодежи, а именно: 1 тип – Активный, принимающий, адаптивный копинг; 2 тип – Пассивный, эмоциональный, адаптивный, ориентированный на поиск социальной

поддержки; 3 тип – Пассивный, принимающий, адаптивный; 4 тип – Активный, недифференцированный, неадаптивный

По параметрам жизнестойкости респонденты всех типов имеют различия. Самые высокие результаты демонстрируют респонденты 1 типа, что дает возможность говорить о важности принятия ситуации военного конфликта как условия жизни современного человека, вовлеченности, планирования и контроля событий собственной жизни. При этом, чем выше недооценка важности и неизбежности происходящего, отрицание и субъективное отстранение, тем выше стрессовые нагрузки и риск психотравмы.

Ограничения исследования

Безусловно, данное исследование имеет ограничения, среди которых важным является то, что не был учтен факт внутренней миграции, и в различные «круги близости» могли войти респонденты, изначально проживающие на фронтовых или приграничных территориях РФ. Возможно, именно поэтому нам не удалось выявить значимых различий в восприятии и оценке ситуации военного конфликта.

Благодарности

Выражаем искреннюю благодарность за помощь в проведении исследования и сбор эмпирических данных Марфиной Ж. В., Рудь М. В. (Луганск), Минаеву А. И. (Донецк), Репринцеву А. В. (Курск), Переславцевой Л. И. (Белгород), Махнину А. Н. (Воронеж).

Литература

- Акарачкова, Е. С., Байдаулетова, А. И., Блинов, Д. В., Бугорский, Е. В., Кадырова, Л. Р., Климов, Л. В., Котова, О. В., Лебедева, Д. И., Орлова, А. С., Травникова, Е. В., Царёва, Е. В., Яковлев, О. Н. (2022). *Стресс у детей и подростков: причины и последствия, лечение и профилактика. Клиническое руководство*. СПб.: Скифия-принт; М.: Профмедпресс.
- Артамонов, В. А., Артамонова, Е. В. (2023). Гибридные войны: новые вызовы XXI века. *Большая Евразия: развитие, безопасность, сотрудничество*, 6(1), 43–51.
- Афанасьев, А. Н. (2021). Гибридные войны против национальных правовых культур СССР и современной России. *Историко-правовые проблемы: новый ракурс*, 2, 136–147. <https://doi.org/10.24412/2309-1592-2021-2-136-147>
- Битюцкая, Е. В., Базаров, Т. Ю. (2019). Особенности восприятия жизненных событий людьми с разными предпочитаемыми стилями реагирования на изменения. *Вопросы психологии*, 3, 94–106.
- Битюцкая, Е. В. (2022). Успешность копинга. *Psychology. Журнал Высшей школы экономики*, 19(2), 382–404.
- Ерёмина, Л. Ю. (2011). Система социально-психологической работы с детьми, переживающими последствия чрезвычайных ситуаций. *Системная психология и социология*, 4, 61–71.

СОЦИАЛЬНАЯ ПСИХОЛОГИЯ

- Захарова, Н. М., Цветкова, М. Г. (2020). Психические и поведенческие нарушения у мирного населения региона, подвергшегося локальным военным действиям. *Психология и право*, 10(4), 185–197. <https://doi.org/10.17759/psylaw.2020100413>
- Знаков, В. В. (2023). Психология возможного и возможностное мышление. *Теоретическая и экспериментальная психология*, 16(2), 5–23.
- Калдор, М. (2015). *Новые и старые войны: организованное насилие в глобальную эпоху*. Институт Гайдара.
- Карабанова, О. А., Молчанов, С. В. (2018). Риски негативного воздействия информационной продукции на психическое развитие и поведение детей и подростков. *Национальный психологический журнал*, 3(31), 37–46. <https://doi.org/10.11621/npj.2018.0304>
- Карпинский, К. В., Колышко, А. М., Парфёнова, Т. В. (2022). *Современные методы психологической диагностики*. Гродненский государственный университет имени Янки Купалы.
- Корнилова, Т. В. (2015). Принцип неопределенности в психологии выбора и риска. *Психологические исследования*, 8(40). <https://doi.org/10.54359/ps.v8i40.553>
- Крюкова, Т. Л., Екимчик, О. А., Опекина, Т. П. (2019). *Психология совладания с трудностями в близких (межличностных) отношениях*. Костромской государственный университет.
- Лопатина, О. (2023). Влияние русско-украинских военных (боевых) действий на психологическое состояние граждан. *Здоровье человека, теория и методика физической культуры и спорта*, 1(29). [https://doi.org/10.14258/zosh\(2023\)1.17](https://doi.org/10.14258/zosh(2023)1.17)
- Макеева, Е. А., Макеева, И. А., Логинова, Е. В. (2021). Особенности социальной адаптации личности в условиях VUCA-мира. *Гуманитарные, социально-экономические и общественные науки*, (11-1), 55–58.
- Малкина-Пых, И. Г. (2005). *Психологическая помощь в кризисных ситуациях*. Эксмо.
- Манукян, В. Р., Муртазина, И. Р., Гришина, Н. В. (2020). Опросник для диагностики потенциала самоизменений личности. *Консультативная психология и психотерапия*, 28(4), 35–58. <https://doi.org/10.17759/cpp.2020280403>
- Одинцова, М. А., Радчикова, Н. П., Куляцкая, М. Г. (2017). Стили преодоления травматического жизненного события в авторских сказках юношей и девушек. *Клиническая и специальная психология*, 6(4), 90–104. <https://doi.org/10.17759/cpse.2017060407>
- Осин, Е. Н. (2013). Факторная структура краткой версии Теста жизнестойкости. *Организационная психология*, 3(3), 42–60.
- Петровский, В. А. (2010). *Человек над ситуацией*. Смысл.
- Рассказова, Е. И., Леонтьев, Д. А. (2016). *Жизнестойкость и ее диагностика*. Смысл.
- Руденкин, Д. В., Руденкина, А. И. (2019). Интернет в социальной реальности современной российской молодежи: тренды и риски. *Juvenis scientia*, (1), 43–48.
- Сапогова, Е. Е. (2023b). Прекарность как экзистенциальный феномен. *Психологическая газета*. URL: <https://psy.su/feed/11533/>
- Сапогова, Е. Е. (2023a). «Текущий субъект» в «текущей современности»: проблемы социализации в условиях неопределенности. *Проблемы современного образования*, 1, 54–66.
- Леонтьев, Д. А., Сапронов, Д. В. (2007). Личностный динамизм и его диагностика. *Психологическая диагностика: научно-методический и практический журнал*, 1, 66–85.
- Старовойтенко, Е. Б., Щебетенко, С. А. (2020). Я-неизвестное в достижении самотождества и самопреобразовании личности. *Психология. Журнал Высшей школы экономики*, 17(4), 757–778.
- Тарабрина, Н. В., Харламенкова, Н. Е., Падун, М. А., Хажуев, И. С., Казымова, Н. Н., Быховец, Ю. В., Дан, М. В. (2017). *Интенсивный стресс в контексте психологической безопасности*. Институт психологии РАН.

- Тихомирова, Е. В., Самохвалова А. Г. (2023). *Образ будущего и психологическое благополучие в юношеском возрасте в условиях высокой стрессогенности социальной среды*. В: *Психологическое благополучие субъектов образования: сборник научных материалов*, Ярославль: Ярославский государственный педагогический университет им. К. Д. Ушинского, 231–239.
- Carballo, M., Smajkic, A., Zeric, D., Dzidowska, M., Gebre-Medhin, J. & Van Halem, J. (2004). Mental health and coping in a war situation: the case of Bosnia and Herzegovina. *Journal of Biosocial Science*, 36(4), 463–477. <https://doi.org/10.1017/s0021932004006753>
- Crișan, C. A., Milhem, Z., Stretea, R., Hossu, R. M., Florean, I. S. & Cherecheș, R. M. (2023). Coping Mechanisms during the War in Ukraine: A Cross-Sectional Assessment among Romanian Population. *Healthcare*, 11(10), 1412. <https://doi.org/10.3390/healthcare11101412>
- Feeney, B. C., Collins, N. L. (2015). A new look at social support: a theoretical perspective on thriving through relationships. *PersSocPsycholRev*, 19(2), 113–147. <https://doi.org/10.1177/1088868314544222>
- Held, P., Owens, G., Schumm, J., Chard, K. & Hansel, J. (2011). Disengagement Coping as a Mediator between Trauma-Related Guilt and PTSD Severity. *Journal of Traumatic Stress*, 24, 708–715. <https://doi.org/10.1002/jts.20689>
- Khoshaba, D., & Maddi, S. (1999). Early Antecedents of Hardiness. *Consulting Psychology Journal*, 51(2), 106–117.
- Liverant, G. I., Hofmann, S. G. & Litz, B. T. (2004). Coping and Anxiety in College Students after the September 11th Terrorist Attacks. *Anxiety Stress Coping*, 17, 127–139 <https://doi.org/10.1080/0003379042000221412>
- Marr, N. S., Zainal, N. H. & Newman, M. G. (2022). Focus on and Venting of Negative Emotion Mediates the 18-Year Bi-Directional Relations between Major Depressive Disorder and Generalized Anxiety Disorder Diagnoses. *Journal of Affective Disorders*, 303, 10–17. <https://doi.org/10.1016/j.jad.2022.01.079>
- Middendorf, G. (2024). Civilian Coping Strategies in War: A Qualitative Content Analysis of a Diary from the Siege of Breslau in 1945. *Pax et Bellum Journal*, 11. <https://doi.org/10.33063/pbj.v11i2024.561>
- Nestik, T. (2023). The Influence of Military Conflicts on the Psychological State of Society: Promising Areas of Research. *Social Psychology and Society*, 14, 5–22. <https://doi.org/10.17759/sps.2023140401>
- Ozbay, F., Johnson, D. C., Dimoulas, E., Morgan, C. A., Charney, D. & Southwick, S. (2007). Social support and resilience to stress: from neurobiology to clinical practice. *Psychiatry (Edmont)*, 4(5), 35–40.
- Qi, W., Gevonden, M. & Shalev, A. (2016). Prevention of Post-Traumatic Stress Disorder After Trauma: Current Evidence and Future Directions. *Current Psychiatry Reports*, 18, 20. <https://doi.org/10.1007/s11920-015-0655-0>
- Rizzi, D., Ciuffo, G., Landoni, M., Mangiagalli, M. & Ionio, C. (2023) Psychological and environmental factors influencing resilience among Ukrainian refugees and internally displaced persons: a systematic review of coping strategies and risk and protective factors. *Frontiers in Psychology*, 14, 1266125. <https://doi.org/10.3389/fpsyg.2023.1266125>
- Rozanov, V., Frančišković, T., Marinic, I., Magdalena, M., Letica-Crepulja, M., Mužinić, L., Jayatunge, R., Sisask, M., Vevera, J., Wiederhold, B., Wiederhold, M., Miller, I. & Pagkalos, G. (2019). Mental Health Consequences of War Conflicts. *Advances in Psychiatry*. https://doi.org/10.1007/978-3-319-70554-5_17

Поступила в редакцию: 24.07.2024

Поступила после рецензирования: 10.10.2024

Принята к публикации: 02.12.2024

Заявленный вклад авторов

Анна Геннадьевна Самохвалова – разработка концепции исследования, сбор эмпирических данных, теоретический обзор отечественных исследований по изучаемой проблеме.

Елена Викторовна Тихомирова – обзор зарубежных исследований по изучаемой проблеме, подбор методического комплекса, первичная обработка количественных данных, обработка качественных данных методом контент-анализа, содержательная интерпретация результатов исследования.

Ольга Александровна Екимчик – сбор эмпирических данных, статистический анализ и описание эмпирических результатов исследования

Мария Вячеславовна Сапоровская – разработка концепции исследования, обобщение результатов, формулировка содержательных выводов.

Информация об авторах

Анна Геннадьевна Самохвалова – доктор психологических наук, профессор, директор института педагогики и психологии, Костромской государственной университет, Кострома, Российская Федерация; Researcher ID: B-1044-2017, Scopus ID: 57188844118, Author ID: 4288989, ORCID ID: <https://orcid.org/0000-0002-4401-053X>; e-mail: a_samohvalova@ksu.edu.ru

Елена Викторовна Тихомирова – кандидат психологических наук, доцент кафедры общей и социальной психологии, заместитель директора по научно-исследовательской деятельности, Костромской государственной университет, Кострома, Российская Федерация; Researcher ID: AAA-8206-2020, Scopus ID: 57206890761, Author ID: 640776, ORCID ID: <https://orcid.org/0000-0002-3844-4622>; e-mail: tichomirowa82@mail.ru

Ольга Александровна Екимчик – кандидат психологических наук, доцент кафедры общей и социальной психологии, Костромской государственной университет, Кострома, Российская Федерация; Researcher ID: R-2488-2016, Scopus ID: 57216492036, Author ID: 633093, ORCID ID: <https://orcid.org/0000-0001-6527-0210>; e-mail: olga-ekimchik@rambler.ru

Мария Вячеславовна Сапоровская – доктор психологических наук, доцент, заведующая кафедрой общей и социальной психологии; Костромской государственной университет, Кострома, Российская Федерация; Researcher ID: B-9046-2018, Author ID: 429638, ORCID ID: <https://orcid.org/0000-0002-0852-1949>; e-mail: saporov35@mail.ru

Информация о конфликте интересов

Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

Отношение к социальному взаимодействию в интернет-среде у мужчин и женщин с разным гендерным типом

Ольга И. Титова^{1,2*}

¹ Сибирский юридический институт МВД России, Красноярск, Российская Федерация

² Красноярский государственный педагогический университет
им. В.П. Астафьева, Красноярск, Российская Федерация

944058@mail.ru

Аннотация

Введение. Интернет – важная сфера общения для большого числа мужчин и женщин разного возраста, но микроуровень взаимодействия в нем изучен мало. В статье впервые изучается отношение мужчин и женщин к социальному взаимодействию, основной сферой которого является интернет и социальные сети, с учетом их гендерного типа, определяемого по авторской типологии (патриархально-поляризованный, патриархально-симиларитивный, эгалитарно-поляризованный и эгалитарно-симиларитивный). **Методы.** Выборка: 182 респондента (от 18 до 70 лет, из них 75,8% от 21 до 40 лет; 33% мужчин, 67% женщин), у которых основная сфера взаимодействия – интернет и социальные сети. **Методики:** авторский опросник гендерного типа личности; авторский опросник отношения к социальному взаимодействию. **Методы математической статистики:** пошаговый дискриминантный анализ (IBM SPSS v. 27.0), коэффициент Коэна, описательные статистики. **Результаты.** Для представителей каждого гендерного типа личности выделены сочетания параметров, различающие отношение к социальному взаимодействию у мужчин и женщин в интернете и социальных сетях. Женщины *патриархально-поляризованного* типа воспринимают участников взаимодействия ориентированными на собственные интересы, выше ценят сдержанность. Мужчины *патриархально-симиларитивного* типа чаще соревнуются, их взаимодействие сильно зависит от отношения к субъекту. Мужчины *эгалитарно-поляризованного* типа воспринимают участников

СОЦИАЛЬНАЯ ПСИХОЛОГИЯ

взаимодействия ориентированными на собственные интересы, а женщины – ориентированными на окружающих. Мужчины *эгалитарно-симиларитивного* типа воспринимают работу, семью, друзей тесно взаимосвязанными сферами жизни, склонны ответно реагировать на действия других, не проявляя инициативу; женщины – руководствуются общепринятыми нормами. **Обсуждение результатов.** Установлены различия в содержании отношения к социальному взаимодействию у мужчин и женщин с разным гендерным типом, взаимодействие которых сосредоточено в интернете и социальных сетях. Применительно к сфере интернета убеждения о поляризованности психологических характеристик мужчин и женщин имеют нелинейную связь с величиной различий в содержании отношения к социальному взаимодействию у мужчин и женщин с разным гендерным типом личности.

Ключевые слова

отношение к социальному взаимодействию, гендер, гендерный тип личности, гендерные различия, интернет, мужчины, женщины, дискриминантный анализ

Для цитирования

Титова, О. И. (2025). Отношение к социальному взаимодействию в интернет-среде у мужчин и женщин с разным гендерным типом. *Российский психологический журнал*, 22(1), 223–239. <https://doi.org/10.21702/gjwarc39>

Введение

В современном обществе важно учитывать меняющуюся динамику социального взаимодействия. Развитие интернета позволило людям участвовать в различных формах социального взаимодействия; интернет стал самостоятельной сферой общения огромного числа пользователей разного пола и возраста. При этом микроуровень взаимодействия в интернете, раскрывающий как оно осуществляется людьми с разными личностными характеристиками, изучен недостаточно, что не позволяет учитывать его особенности при оптимизации взаимодействия в организации удаленной работы, в дистанционном обучении и других ситуациях интернет-коммуникации.

Анализ публикаций, посвященных взаимодействию в интернет-пространстве, позволил выделить три направления исследований. Первое посвящено социализации различных возрастных групп в условиях цифрового мира, кардинально отличающихся от существовавших в предыдущие этапы становления общества. Обсуждаются вопросы компетентности социального взаимодействия в условиях цифровизации образования (Пак, 2020), личных отношениях (Андреева, Володина

и Шуракова, 2020), риски конфликтов в цифровом взаимодействии участников образовательного процесса (Вайндорф-Сысоева и Панькина, 2020), в том числе применительно к представителям поколения Z (Плетнев, 2020). Нейробиологические исследования Eslinger et al. (2021) показывают, что коммуникация в социальных сетях отражается на физическом и психическом здоровье человека подобно одиночеству и травмам. Реакции мозга варьируются в связи со статусом в социальных сетях, влияющим на обработку социальной информации аналогично социальному статусу в реальном взаимодействии (Farwaha & Obhi, 2019). Приводятся доказательства связи использования социальных сетей и сравнения себя с другими людьми, изображения тела, расстройствами пищевого поведения (Faelens et al., 2021). Изучаются личные границы в виртуальном общении (Yegorov, 2020), возможности усиления впечатления собеседника с помощью программ обработки контента (Викторова, 2020), манипулирование поведением в интернет-коммуникации (Виловатых, 2020). Анализируется роль виртуального образа Я в выработке стратегии совладающего поведения интернет-пользователя (Расина, 2022), когнитивные средства переработки социальной информации из интернет-сети у подростков (Молчанов, Алмазова и Поскребышева, 2018), роль самооценки в предупреждении негативного влияния «лайков», воспринимаемых в интернете как социальное одобрение (Martinez-Pecino & Garcia-Gavilán 2019).

Второе направление посвящено неблагоприятным аспектам взаимодействия в интернете – кибербуллингу, флеймингу и другим формам киберагрессии. Изучается частота и формы кибербуллинга среди российских подростков (Хломов, Давыдов и Бочавер, 2019), его психологические особенности как формы интернет-преступления (Макарова, Макарова и Махрина, 2016), взаимосвязи характеристик эмоциональной сферы личности и склонности к кибербуллингу (Зекерьяев, 2023; Marín-López et al., 2020), отмечается положительная роль социальной и эмоциональной компетентности в предупреждении негативных форм интернет-взаимодействия, особая роль молодежи в изучении запугивания в киберпространстве (Dennehy et al., 2020). Выделяются новые формы взаимодействия в цифровой среде, в том числе флейминг (Солдатов, Рассказова и Чигарькова, 2021) и фаббинг (Душкин, Баринова, 2023), являющийся примером взаимопроникновения процессов реального и виртуального общения.

Третье направление более тесно связано с предметом нашего исследования и направлено на изучение гендерных особенностей взаимодействия, в том числе в интернете и социальных сетях. Установлено, что женщины и молодежь больше общаются в интернете и социальных сетях, цели общения у женщин более конкретны, чем у мужчин, и связаны с актуальными повседневными вопросами (Gambo & Özad, 2020). Подтверждается большая вовлеченность женщин в интернет-коммуникацию и на российской выборке, описываются гендерные различия смысложизненных ориентаций мужчин и женщин с учетом их удовлетворенности от интернет-общения (Маслодудова, Титова, 2023). Гендерные различия в экстраверсии и

СОЦИАЛЬНАЯ ПСИХОЛОГИЯ

покладистости проявляются в социальных сетях сильнее по сравнению с оффлайн взаимодействием, а гендерные различия в невротизме в социальных сетях выражены менее по сравнению с оффлайн-взаимодействием (Bunker, Saysavanh & Kwan, 2021). Установлены гендерные различия в распознавании эмоциональных состояний других участников взаимодействия (Барабанщиков, Суворова, 2021) и реакциях: мужчины более эмоционально реагируют на угрозы неподтверждения мужественности другими участниками взаимодействия (Vescio, Schermerhorn, Gallegos & Laubach, 2021; Grieve, March & Doorn, 2019). Виртуальный образ студентов-пользователей сети «ВКонтакте» в большей мере соответствует традиционным гендерным представлениям, чем эгалитарным (Ерофеева, 2018). Описываются личностные качества и мотивация женщин, состоящих в антифеминистских интернет-сообществах (Чикер, Свирихина, 2019). На примере деятельности в социальных сетях движения #MeToo изучается роль ориентации личности на социальное доминирование в изменении ее установок в отношении сексуального насилия (Szekeres, Shuman & Saguy, 2020).

Цифровые технологии меняют гендерные различия в разных контекстах взаимодействия, но, несмотря на значительно возросший интерес к проблематике онлайн-коммуникации, сохраняется дефицит исследований психологических аспектов взаимодействия в интернет-среде, в том числе с учетом пола и гендерных характеристик субъектов взаимодействия.

При этом сфера интернета представляет собой более обезличенный вариант взаимодействия людей по сравнению с непосредственным общением, легкодоступные технические возможности которого и относительная анонимность участников онлайн-коммуникации позволяют экспериментировать с разными гендерными образами и стилями, вплоть до кардинального их изменения на присущие противоположному полу. И то, насколько гендерно-специфичным будет взаимодействие участников интернет-коммуникации, зависит в том числе от их убеждений о сходстве или различиях психологических характеристик мужчин и женщин.

Данная статья продолжает изложение результатов исследования роли гендерного типа личности в отношении к социальному взаимодействию применительно к разным сферам жизни (работа, семья, друзья и др.) (Титова, 2024в и др.). Социальное взаимодействие мужчин и женщин в пространстве интернета изучается с учетом гендерного типа личности, в основании которого лежат убеждения по поводу величины гендерной поляризации психологических характеристик мужчин и женщин и иерархичности во взаимодействии между ними.

Гипотеза исследования: отношение к социальному взаимодействию в сфере интернета различается в зависимости от гендерного типа и пола человека.

Дополнительная гипотеза: отношение к социальному взаимодействию имеет больше различий у мужчин и женщин, основанием гендерных типов которых

выступают убеждения о поляризованности психологических характеристик мужчин и женщин.

Цель исследования: изучить особенности отношения мужчин и женщин к социальному взаимодействию в сфере интернета с учетом гендерного типа личности.

Теоретико-методологические основы исследования

Теоретико-методологической основой выступают представления о личности в трудах В.Н. Мясищева (1995), концепция психологических отношений В.П. Познякова (2017), представления о гендере в работах Д. В. Воронцова (2008), авторская концепция гендерного типа личности (Титова, 2023).

Согласно В.Н. Мясищеву (1995, с. 48), личность характеризуется как система отношений к окружающей действительности, которые «представляют сознательную, избирательную, основанную на опыте, психологическую связь человека с различными сторонами объективной действительности, выражающуюся в его действиях, реакциях и переживаниях». Убеждения выступают самостоятельной разновидностью отношений личности, в которых система требований сочетается со знанием действительности, – это представления как о существующей действительности, так и о том, какой она должна быть (там же, с. 20–23).

Отношение к социальному взаимодействию – это совокупность относительно устойчивых, в разной мере осознаваемых личностью особенностей восприятия, переживания, осмысления и организации социального взаимодействия (Позняков, 2017). Формируя свое отношение к социальному взаимодействию, субъект избирательно опирается на конкретные параметры, имеющие для него различную значимость и актуальность. В исследовании отношения к социальному взаимодействию в сфере интернета нами учтены: параметры анализа взаимодействия (Parsons & Shils, 1951), производные характеристики отношений (Ломов, 1984), принципы взаимодействия, выделяемые в ресурсно-ценностном подходе (Позняков, Вавакина, 2016) и векторы анализа гендерных отношений (Клецина, Иоффе, 2018).

Опираясь на определение Д.В. Воронцова (2008, с. 63), мы понимаем гендер как зафиксированную в культуре совокупность личностных качеств и способов социального взаимодействия, с которой соотносит себя индивид определенного пола, упорядочивает и типизирует свой индивидуальный опыт и поведение как мужчины или женщины, а также организует и типизирует поведение других людей как мужчин или женщин.

Гендерный тип личности – интегративная характеристика, обуславливающая различия между людьми, связанные с социально-психологическими отношениями к мужчинам и женщинам, проявляющаяся в субъективных оценках сходств или различий между мужчинами и женщинами по их психологическим характеристикам (в том числе, эмоциональным состояниям и поведенческим паттернам), и в

СОЦИАЛЬНАЯ ПСИХОЛОГИЯ

субъективных оценках иерархичности во взаимодействии мужчин и женщин в разных сферах жизни (политика, семья, профессиональная деятельность, интимно-личностные отношения и др.) (Титова, 2023; Титова, Позняков, 2023).

В качестве оснований для выделения 4 гендерных типов выступают: (1) отношение личности к гендерной поляризации, ее убеждения по поводу того, насколько различны или похожи мужчины и женщины по своим психологическим характеристикам; (2) отношение личности к иерархии во взаимодействии мужчин и женщин, характеризуются ли ее убеждения доминированием мужчин при более низком социальном статусе женщин, или мужчины и женщины воспринимаются как равные по статусу и влиянию в социальном взаимодействии.

«Высокие» и «низкие» значения по указанным критериям позволили описать и эмпирически верифицировать 4 гендерных типа личности (Титова, Позняков, 2023). На последующем этапе исследования их наименования были уточнены как:

- *патриархально-поляризованный* (присущи убеждения о выраженных различиях психологических характеристик мужчин и женщин и о доминировании мужчин во взаимодействии с женщинами);
- *патриархально-симиларитивный* (присущи убеждения о сходстве психологических характеристик мужчин и женщин и о доминировании мужчин во взаимодействии с женщинами);
- *эгалитарно-поляризованный* (присущи убеждения о выраженных различиях психологических характеристик мужчин и женщин и о равенстве мужчин и женщин в социальном взаимодействии);
- *эгалитарно-симиларитивный* (присущи убеждения о сходстве психологических характеристик мужчин и женщин и о равенстве мужчин и женщин в социальном взаимодействии).

Этой терминологии далее будем следовать в изложении результатов исследования.

Методы

Выборка

Выборка исследования составила 182 человека (33% мужчин и 67% женщин) в возрасте от 18 до 70 лет, в том числе 75,8% респондентов от 21 до 40 лет, которые указали основной сферой своего взаимодействия интернет и социальные сети, обозначив, что именно в интернет-общении у них преимущественно выстраиваются отношения с окружающими людьми, осуществляются контакты и формируются социальные связи. Выборка случайная, формировалась на основе добровольного желания принять участие в исследовании.

Методики исследования

1. Опросник гендерного типа личности (результаты его валидации представлены в статье О.И. Титовой (2024)), на основе которого респонденты были разделены на 4 подгруппы с разным гендерным типом личности.
2. Авторский опросник изучения отношения к социальному взаимодействию (Титова, 2024б). Отношение к социальному взаимодействию изучалось на основе параметров: эмоциональность – рациональность, ориентация на свои цели – ориентация на других людей, осознанность – спонтанность, доминирование – подчинение, принципы взаимодействия, частота конкуренции и партнерства, инициативность – реактивность, сдержанность – непосредственность, следование принципам – ситуативность, оценка по статусу – оценка по поступкам и др. Респондентам предлагалось 38 утверждений, характеризующих различные стороны взаимодействия, степень согласия / несогласия с которыми оценивалась по 5-балльной шкале типа Лайкерта.

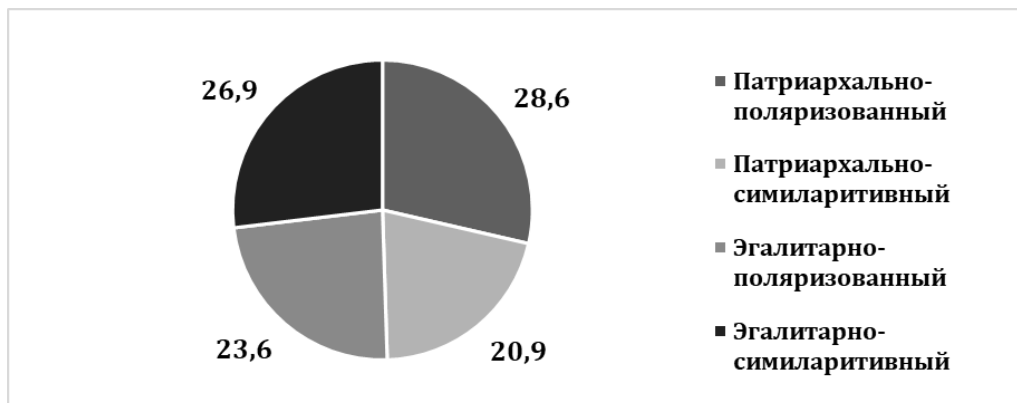
Методы математической статистики: описательные статистики, пошаговый дискриминантный анализ (с использованием пакета IBM SPSS v. 27.0), коэффициент Козна (d).

Результаты

Анализ данных, по результатам которого были выделены 4 подгруппы, показывает (рис. 1), что среди респондентов, основной сферой взаимодействия которых является интернет и социальные сети, 28,6% обладают патриархально-поляризованным гендерным типом, 26,9% – эгалитарно-симиларитивным, 23,6% – эгалитарно-поляризованным и 20,9% – патриархально-симиларитивным типом.

Рисунок 1

Доля представителей гендерных типов среди респондентов с основной сферой взаимодействия в интернете и социальных сетях

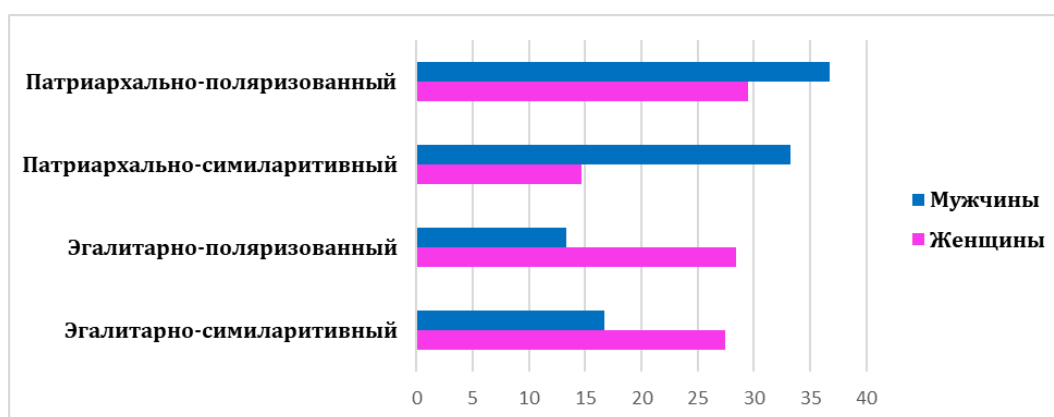

СОЦИАЛЬНАЯ ПСИХОЛОГИЯ

Мужчины и женщины среди представителей изучаемых гендерных типов встречаются неравномерно. Как видно на рисунке 2, мужчины чаще обладают патриархально-поляризованным и патриархально-симиларитивным гендерным типом, а женщины – эгалитарно-поляризованным и эгалитарно-симиларитивным гендерным типом.

Рисунок 2

Доля мужчин и женщин среди респондентов с разным гендерным типом, с основной сферой взаимодействия в интернете и социальных сетях

Далее в каждой подгруппе респондентов был проведен дискриминантный анализ по методу *stepwise* с целью выделить для каждого гендерного типа совокупность параметров, значимо отличающих отношение к социальному взаимодействию у мужчин и женщин.

Анализ данных респондентов *патриархально-поляризованного* типа, основной сферой взаимодействия которых является интернет и социальные сети обнаружил совокупность из 6 параметров (табл. 1), отличающих отношение к социальному взаимодействию мужчин и женщин с этим гендерным типом.

Как следует из таблицы 1, отношение к социальному взаимодействию у мужчин и женщин *патриархально-поляризованного* типа различается по тому, насколько они ориентированы на собственные цели, а также на общество и других людей, как оценивают нормы и правила в построении отношений, роль конкретных обстоятельств и влияние ситуации, в какой мере испытывают уважение к принципам других людей и следованию им. Наиболее же сильно оно различается пониманием собственного эмоционального отношения к содержанию взаимодействия и его результатам и степенью эмоциональной сдержанности.

Таблица 1*Параметры различий отношения к социальному взаимодействию у мужчин и женщин патриархально-поляризованного типа*

	Коэффициенты дискриминантной функции
Ориентация на собственные цели	0,681
Непохожесть взаимодействия в разных сферах	-0,815
Проявление сдержанности в эмоциях и инстинктах	1,259
Ориентация на других	-0,649
Ясность эмоциональной оценки взаимодействия	1,296
Уважение к соблюдению принципов другими людьми	0,811

Анализ данных респондентов *патриархально-симиларитивного* типа, у которых основной сферой взаимодействия является интернет и социальные сети, показал 3 параметра, отличающих отношение мужчин и женщин к социальному взаимодействию (табл. 2).

Таблица 2*Параметры различий отношения к социальному взаимодействию у мужчин и женщин патриархально-симиларитивного типа*

	Коэффициенты дискриминантной функции
Частота конкуренции во взаимодействии	1,168
Характер взаимодействия зависит от отношения к субъекту	0,926
Уважение к соблюдению принципов другими людьми	0,777

Как следует из таблицы 2, отношение к социальному взаимодействию у мужчин и женщин *патриархально-симиларитивного типа* различается оценками того, насколько часто взаимодействие воспринимается как конкурентное, в какой мере взаимодействие зависит от отношения к субъекту со стороны других его участников, а также по степени уважения к соблюдению принципов другими участниками взаимодействия.

СОЦИАЛЬНАЯ ПСИХОЛОГИЯ

Анализ данных респондентов *эгалитарно-поляризованного* типа, основная сфера взаимодействия которых – интернет и социальные сети, показал 3 параметра, отличающих отношение мужчин и женщин к социальному взаимодействию (табл. 3).

Таблица 3

Параметры различий отношения к социальному взаимодействию у мужчин и женщин эгалитарно-поляризованного типа

	Коэффициенты дискриминантной функции
Ориентация на собственные цели	-0,591
Ориентация на других	0,615
Следование собственным принципам	0,715

Как следует из таблицы 3, отношение к социальному взаимодействию у мужчин и женщин *эгалитарно-поляризованного* типа различается оценками того, в какой мере люди ориентируются во взаимодействии преимущественно на собственные интересы и цели, или же при построении взаимодействия учитывают также интересы других людей и общества, в какой мере стремятся следовать собственным принципам.

Анализ данных респондентов *эгалитарно-симиляритивного* типа, основной сферой взаимодействия которых является интернет и социальные сети, обнаружил 4 параметра, отличающих отношение мужчин и женщин к социальному взаимодействию (табл. 4).

Таблица 4

Параметры различий отношения к социальному взаимодействию у мужчин и женщин эгалитарно-симиляритивного типа

	Коэффициенты дискриминантной функции
Модели поведения и отношений в разных сферах жизни субъекта взаимосвязаны	0,729
Уважение к соблюдению принципов другими людьми	0,637
Взаимодействие основано на общепринятых нормах	-0,842
Пассивность, безынициативность субъекта во взаимодействии	0,966

Как следует из таблицы 4, отношение к социальному взаимодействию у мужчин и женщин *эгалитарно-симиларитивного* типа различается оценками пассивности и безынициативности субъекта во взаимодействии, восприятием моделей поведения и отношений в разных сферах жизни как тесно взаимосвязанных друг с другом, и того, в какой мере взаимодействие опирается на общепринятые нормы и сопровождается уважением к соблюдению принципов другими его участниками.

В завершение оценим полученные результаты с помощью коэффициента Коэна (d), что в совокупности с описательной статистикой позволит определить, какие характеристики наиболее выразительно различают отношение к социальному взаимодействию мужчин и женщин с разным гендерным типом личности, чье взаимодействие сосредоточено в интернете и социальных сетях.

Отношение к социальному взаимодействию мужчин и женщин с разным гендерным типом имеет следующие наиболее яркие особенности (приведены данные описательной статистики (M и SD), показатель коэффициента Коэна (d)):

Респонденты *патриархально-поляризованного* типа: (1) женщины более склонны воспринимать других участников взаимодействия как ориентированных на собственные интересы и цели ($M_{\text{муж.}}=3,36$, $SD_{\text{муж.}}=0,67$; $M_{\text{жен.}}=3,86$, $SD_{\text{жен.}}=0,8$; $d=0,67$); (2) женщины выше оценивают роль сдержанности во взаимодействии ($M_{\text{муж.}}=2,91$, $SD_{\text{муж.}}=0,83$; $M_{\text{жен.}}=3,54$, $SD_{\text{жен.}}=0,74$; $d=0,79$); (3) женщины более склонны считать, что во взаимодействии всегда могут понять, нравится оно им или нет ($M_{\text{муж.}}=3,64$, $SD_{\text{муж.}}=0,8$; $M_{\text{жен.}}=4,25$, $SD_{\text{жен.}}=0,65$; $d=0,84$).

Респонденты *патриархально-симиларитивного* типа: (1) мужчины значимо чаще участвуют в конкуренции, соревновании с другими людьми ($M_{\text{муж.}}=3,9$, $SD_{\text{муж.}}=0,99$; $M_{\text{жен.}}=1,79$, $SD_{\text{жен.}}=0,8$; $d=2,34$); (2) мужчинам более свойственно считать, что построение взаимодействия с другими людьми в значительной мере зависит от их отношения к субъекту ($M_{\text{муж.}}=3,7$, $SD_{\text{муж.}}=0,82$; $M_{\text{жен.}}=2,86$, $SD_{\text{жен.}}=0,86$; $d=0,99$).

Респонденты *эгалитарно-поляризованного* типа: (1) мужчины более склонны воспринимать других участников взаимодействия как ориентированных на собственные интересы и цели ($M_{\text{муж.}}=4,75$, $SD_{\text{муж.}}=0,5$; $M_{\text{жен.}}=3,7$, $SD_{\text{жен.}}=0,87$; $d=1,48$); (2) женщинам более свойственно считать, что в основе взаимодействия лежит ориентация на сообщество и других людей ($M_{\text{муж.}}=2,5$, $SD_{\text{муж.}}=1,0$; $M_{\text{жен.}}=3,44$, $SD_{\text{жен.}}=0,64$; $d=1,12$).

Респонденты *эгалитарно-симиларитивного* типа: (1) мужчины более склонны воспринимать разные сферы жизни (работа, семья, друзья и др.) как взаимосвязанные и сильно влияющие друг на друга ($M_{\text{муж.}}=3,9$, $SD_{\text{муж.}}=0,9$; $M_{\text{жен.}}=3,23$, $SD_{\text{жен.}}=0,86$; $d=0,73$); (2) женщинам более свойственно руководствоваться общепринятыми нормами и стандартами поведения и не отступать от них ($M_{\text{муж.}}=2,6$, $SD_{\text{муж.}}=0,9$; $M_{\text{жен.}}=3,54$, $SD_{\text{жен.}}=0,58$; $d=0,82$); (3) мужчины более склонны ответно реагировать на действия других людей, чем проявлять инициативу ($M_{\text{муж.}}=4,4$, $SD_{\text{муж.}}=0,5$; $M_{\text{жен.}}=3,38$, $SD_{\text{жен.}}=0,75$; $d=1,54$).

Обсуждение результатов

Проведенное исследование позволило доказать основную гипотезу – отношение к социальному взаимодействию у людей, основной сферой общения которых является интернет, действительно различается в зависимости от их пола и гендерного типа личности. Во-первых, установлены параметры, по которым отношение к социальному взаимодействию у мужчин и женщин с одинаковым гендерным типом различается. Во-вторых, содержание отношения к социальному взаимодействию у мужчин и женщин характеризуется разными наборами параметров взаимодействия, варьирующимися в зависимости от гендерного типа личности конкретного мужчины или женщины.

Дополнительная гипотеза нашла подтверждение частично. С одной стороны, суммарное число параметров, отличающих отношение мужчин и женщин к социальному взаимодействию, у представителей двух «поляризованных» типов – патриархально-поляризованного и эгалитарно-поляризованного – выше, чем у двух «симиларитивных» (9 против 7). С другой стороны, количество параметров различий отношения к социальному взаимодействию, которые не только значимы статистически, но и величина их разницы между мужчинами и женщинами такая, что она заметно проявит себя во взаимодействии, у представителей типов, имеющих убеждения о высокой поляризованности психологических характеристик мужчин и женщин, совпадает с их числом у представителей типов, убежденных в сходстве психологических характеристик мужчин и женщин (5 против 5).

Иначе говоря, различия в отношении к социальному взаимодействию между мужчинами и женщинами, взаимодействие которых сосредоточено в интернете и социальных сетях, имеются, но их убеждения о поляризованности психологических характеристик мужчин и женщин, согласно нашим данным, не повлекли за собой значимого усиления этих различий. Возможно, это связано со спецификой взаимодействия в сфере интернета: виртуальное общение зачастую более обезличено, менее персонифицировано, в отличие от реального. Да, можно себя позиционировать по-разному и экспериментировать с гендерными образами (Ерофеева, 2018), но сформировать целостный образ партнера и выстроить эффективное взаимодействие в виртуальном пространстве сложнее, чем при непосредственном общении, поскольку это потребует от субъекта более развитых психологической компетентности (Байндорф-Сысоева & Панькина, 2020; Викторова, 2020; Martinez-Pecino & Garcia-Gavilán 2019), воображения, аналитических способностей (Молчанов, Алмазова & Поскребышева, 2018), коммуникативных умений (Виловатых, 2020), потому как социально-психологические условия взаимодействия в интернете и в реальных отношениях различны (Андреева, Володина & Шуракова, 2020; Пак, 2020; Bunker, Saysavanh & Kwan, 2021 и др.). Значительная часть людей предпочитает интернет как пространство общения и взаимодействия по причине трудностей в общении и интровертированных черт

характера, справедливо полагая, что это делает их личностные особенности для собеседника менее заметными, а условия общения – более комфортными (Bunker, Saysavanh & Kwan, 2021). Накапливающийся опыт интернет-коммуникации усредняет различия в моделях общения и взаимодействия мужчин и женщин, остаются более глубинные, обусловленные, например, нейрофизиологическими особенностями (Барабанщиков, Суворова, 2021; Eslinger et al., 2021; Farwaha & Obhi, 2019). Среди полученных результатов к таким как минимум можно отнести уровень эмоциональности и экспрессии, стремление к предсказуемости взаимодействия через определение его принципов и правил (Титова, 2024в).

В пользу вышеуказанного косвенно свидетельствуют данные, полученные нами в диссертационном исследовании применительно к другим сферам. Мужчины и женщины, представители одного гендерного типа, указывающие основной сферой взаимодействия работу, семью или друзей, отличаются в своем отношении к социальному взаимодействию на основе совсем других сочетаний параметров.

Заключение

Определены совокупности параметров, по которым существенно различается отношение к социальному взаимодействию у мужчин и женщин с разным гендерным типом личности, основной сферой взаимодействия которых является интернет и социальные сети.

Самые существенные различия отношения к социальному взаимодействию в интернет-среде у мужчин и женщин с разным гендерным типом личности связаны с субъективными оценками по параметрам: ориентация на собственные цели; ориентация на других людей; проявление сдержанности в эмоциях; ясность эмоциональной оценки; частота конкуренции; зависимость характера взаимодействия от отношения к субъекту; взаимосвязанность моделей поведения и отношений в разных сферах жизни; опора на общепринятые нормы; пассивность, безынициативность субъекта.

Женщины *патриархально-поляризованного* типа более мужчин склонны воспринимать других участников взаимодействия как ориентированных на собственные интересы, считать, что во взаимодействии они всегда могут понять, нравится ли оно им, и выше оценивают роль сдержанности во взаимодействии.

Мужчины *патриархально-симиларитивного* типа значимо чаще женщин участвуют в конкуренции с другими людьми и им свойственно считать, что характер взаимодействия сильно зависит от их отношения к субъекту.

Мужчины *эгалитарно-поляризованного* типа воспринимают других участников взаимодействия как ориентированных на собственные интересы, а женщины этого типа, наоборот, считают, что основой взаимодействия является ориентация на сообщество и других людей.

СОЦИАЛЬНАЯ ПСИХОЛОГИЯ

Мужчины *эгалитарно-симиляритивного* типа воспринимают разные сферы жизни (работа, семья, друзья и др.) как взаимосвязанные и сильно влияющие друг на друга, они более склонны ответно реагировать на действия других людей, чем проявлять инициативу; женщинам этого типа свойственно руководствоваться общепринятыми нормами поведения и не отступать от них.

Перспективы изучения гендерных различий социального взаимодействия в сфере интернет связаны со сравнительным анализом отношения к социальному взаимодействию мужчин и женщин с разным гендерным типом личности в сфере интернет и в оффлайн (например, работа, семья, друзья), что позволит понять, насколько общими психологическими закономерностями регулируется взаимодействие в онлайн и оффлайн сферах. Кроме того, в нашем исследовании мы специально не уточняли, что именно респонденты делают в интернете – общаются в чатах и на форумах с другими людьми или ищут информацию по той или иной теме безотносительно к другим людям. Уточнение характера активности в интернет и социальных сетях позволит углубить понимание причин обнаруженных нами особенностей отношения мужчин и женщин с разным гендерным типом личности к социальному взаимодействию. Следует продолжить изучение принципов и их соблюдения в интернет взаимодействии, по которым мнения мужчин и женщин с разным гендерным типом личности оказались различны. Представляется интересным продолжить изучение того, что часть людей воспринимает взаимодействие как независимое от отношения к нему со стороны других его участников, что в том числе позволит понимать механизмы перехода взаимодействия из онлайн- в оффлайн-формат (проведение участниками сетевых сообществ флешмобов, митингов и др., продолжение онлайн знакомств в формате реальных брачно-семейных или дружеских отношений и т.д.).

Литература

- Андреева, О.С., Володина, К.А., Шуракова, Е.Б. (2020). Гендерные особенности выяснения личных отношений посредством интернет-коммуникации. *Личность в меняющемся мире: здоровье, адаптация, развитие*, 8, 1(28). <https://doi.org/10.23888/humJ2020191-103>
- Барабанщиков, В.А., Суворова, Е.В. (2021). Гендерные различия в распознавании эмоционального состояния стороннего человека. *Психологическая наука и образование*, 26(6), 107–116.
- Вайндорф-Сысоева, М.Е., Панькина, Е.В. (2020). Риск возникновения конфликтных ситуаций при организации взаимодействия участников учебного процесса в цифровой образовательной среде. *Современная зарубежная психология*, 9(3), 79–86.
- Викторова, Е.В. (2020). Цифровая культура межличностных взаимодействий и импрессионг как ее элемент. *Международный научно-исследовательский журнал*, 9-2(99), 35–39.
- Вилловых, А.В. (2020). Манипулирование социальным поведением в условиях цифровой среды. *Дискурс-Пи*, 17, 2(39), 149–164.
- Воронцов, Д.В. (2008). *Гендерная психология общения*. Издательство ЮФУ.

- Душкин, А.С., Барина, М.Г. (2023). Гендерные особенности проявления фаббинга у курсантов образовательных организаций высшего образования МВД России. *Российский девиантологический журнал*, 3(1), 59–74. <https://doi.org/10.35750/2713-0622-2023-1-59-74>
- Ерофеева, М.А. (2018). Репрезентация гендерных образов современных студентов в социальных сетях (на примере социальной сети «ВКонтакте»). *Человеческий капитал*, 11(2), 56–61.
- Зекерьяев, Р. И. (2023). Психологические особенности эмоциональной направленности личности, склонной к кибербуллингу. *Психология человека в образовании*, 5(3), 426–434. <https://www.doi.org/10.33910/2686-9527-2023-5-3-426-434>
- Клецина, И.С., Иоффе, Е.В. (2018). *Психология гендерных отношений*. Санкт-Петербург.
- Ломов, Б.Ф. (1984). *Методологические и теоретические проблемы психологии*. Москва.
- Макарова, Е.А., Макарова, Е.Л., Махрина, Е.А. (2016). Психологические особенности кибербуллинга как формы интернет-преступления. *Российский психологический журнал*, 13(3), 293–311. <https://doi.org/10.21702/rpj.2016.3.17>
- Маслодудова, Н.В., Титова, О.И. (2023). Гендерные особенности коммуникации в виртуальной среде. *Социология*, 1, 71–78.
- Молчанов, С.В., Алмазова, О.В., Поскребышева, Н.Н. (2018). Когнитивные способы переработки социальной информации из интернет-сети в подростковом возрасте. *Национальный психологический журнал*, 3, 57–68. <https://doi.org/10.11621/npj.2018.0306>
- Мясищев, В.Н. (1995). *Психология отношений*. А. А. Бодалев (ред.). Москва: Издательство «Институт практической психологии», Воронеж: НПО «МОДЕК».
- Пак, Л.Г. (2020). Социализация студентов вуза в эпоху цифрового общества. *Вестник Оренбургского государственного университета*, 5(228), 66–72.
- Плетнев, А.В. (2020). Социализация представителей поколения Z в цифровой среде и её влияние на образование. *Ученые записки Санкт-Петербургского государственного института психологии и социальной работы*, 33(1), 115–121.
- Позняков, В.П. (2017). Психологические отношения человека: современное состояние исследований и перспективы развития концепции. *Институт психологии Российской академии наук. Социальная и экономическая психология*, 2(2), 6–29.
- Позняков, В.П., Вавакина, Т.С. (2016). *Психология делового партнерства: теория и эмпирические исследования*. Москва.
- Расина, Э.О. (2022). Виртуальный образ Я как комплексная стратегия совладающего поведения интернет-пользователя. *Научный результат. Педагогика и психология образования*, 8(3), 128–145. <https://doi.org/10.18413/2313-8971-2022-8-3-0-12>
- Солдатова, Г.У., Рассказова, Е.И., Чигарькова, С.В. (2021). Флейминг как вид киберагрессии: ролевая структура и особенности цифровой социальности. *Психологический журнал*, 42(3), 87–96.
- Титова, О.И. (2023). Теоретическая концепция гендерного типа личности. В: Т.В. Дробышева, Т.П. Емельянова, Т.А. Нестик, Н.Н. Хащенко, А.Е. Воробьева (ред.). В: *Актуальные проблемы современной социальной психологии и ее отраслей*. Издательство «Институт психологии РАН».
- Титова, О.И. (2024а). Опросник гендерного типа личности: разработка и валидизация. *Мир науки. Педагогика и психология*, 12(3). URL: <https://mir-nauki.com/PDF/115PSMN324.pdf>
- Титова, О.И. (2024б). Отношение к социальному взаимодействию: эмпирический анализ компонентов в контексте конкуренции и партнерства. *Человеческий капитал*, 8 (188), 162–172. <https://doi.org/10.25629/HC.2024.08.17>

СОЦИАЛЬНАЯ ПСИХОЛОГИЯ

- Титова, О.И. (2024в). Принципы во взаимодействии в семье и на работе: сравнительный анализ с учетом гендерного типа личности. *Общество: социология, психология, педагогика*, 9, 45–50. <https://doi.org/10.24158/spp.2024.9.5>
- Титова, О.И., Позняков, В.П. (2023). Эмпирическая разработка гендерного типа личности. *Вопросы психологии*, 69(1), 64–74.
- Хломов, К.Д., Давыдов, Д.Г., Бочавер, А.А. (2019). Кибербуллинг в опыте российских подростков. *Психология и право*, 9(2), 276–295. <https://doi.org/10.17759/psylaw.2019090219>
- Чикер, В.А., Свирихина, Д.А. (2019). Социально-психологические особенности женщин, состоящих в антифеминистских интернет-сообществах. *Социальная психология и общество*, 10(4), 143–159. <https://doi.org/10.17759/sps.2019100410>
- Bunker, C.J., Saysavanh, S.E. & Kwan, V.S.Y. (2021). Are gender differences in the Big Five the same on social media as offline? *Computers in Human Behavior Reports*, 3, 100085. <https://doi.org/10.1016/j.chbr.2021.100085>
- Dennehy, R., Meaney, S., Walsh, K.A., Sinnott, C., Cronin, M. & Arensman, E. (2020). Young people's conceptualizations of the nature of cyberbullying: A systematic review and synthesis of qualitative research. *Aggression and Violent Behavior*, 51, 101379. <https://doi.org/10.1016/j.avb.2020.101379>
- Eslinger, P.J., Anders, S., Ballarini, T., Boutros, S., Krach, S., Mayer, A.V., Moll, J., Newton, T.L., Schroeter, M.L., Oliveira-Souza, R., Raber, J., Sullivan, G.B., Swain, J.E., Lowe, L. & Zahn, R. (2021). The neuroscience of social feelings: mechanisms of adaptive social functioning. *Neuroscience & Biobehavioral Reviews*, 128, 592–620. <https://doi.org/10.1016/j.neubiorev.2021.05.028>
- Faelens, L., Hoorelbeke, K., Cambier, R., Put, J., Putte, E.V., Raedt, R. & Koster, E.H.W. (2021). The relationship between Instagram use and indicators of mental health: A systematic review. *Computers in Human Behavior Reports*, 4, 100121. <https://doi.org/10.1016/j.chbr.2021.100121>
- Farwaha, S. & Obhi, S.S. (2019). Differential motor facilitation during action observation in followers and leaders on Instagram. *Frontiers in Human Neuroscience*, 13, 67. <https://doi.org/10.3389/fnhum.2019.00067>
- Gambo, S. & Özad, B. (2020). The demographics of computer-mediated communication: A review of social media demographic trends among social networking site giants. *Computers in Human Behavior Reports*, 2, 100016. <https://doi.org/10.1016/j.chbr.2020.100016>
- Grieve, R., March, E. & Doorn, G.V. (2019). Masculinity might be more toxic than we think: The influence of gender roles on trait emotional manipulation. *Personality and Individual Differences*, 138, 157–162. <https://doi.org/10.1016/j.paid.2018.09.042>
- Marín-López, I., Zych, I., Ortega-Ruiz, R., Hunter, S.C. & Llorent, V.J. (2020). Relations among online emotional content use, social and emotional competencies and cyberbullying. *Children and Youth Services Review*, 108, 104647. <https://doi.org/10.1016/j.childyouth.2019.104647>
- Martinez-Pecino, R. & Garcia-Gavilán, M. (2019). Likes and problematic Instagram use: The moderating role of self-esteem. *Cyberpsychology, Behavior, and Social Networking*, 22(6), 412–416. <https://doi.org/10.1089/cyber.2018.0701>
- Parsons, T. & Shils, E. (1951). *Toward a General Theory of Action*. Cambridge MA.
- Szekeres, H., Shuman, E. & Saguy, T. (2020). Views of sexual assault following #MeToo: The role of gender and individual differences. *Personality and Individual Differences*, 166, 110203. <https://doi.org/10.1016/j.paid.2020.110203>
- Vescio, T.K., Schermerhorn, N.E.C., Gallegos, J.M. & Laubach, M.L. (2021). The affective consequences of threats to masculinity. *Journal of Experimental Social Psychology*, 97, 104–195. <https://doi.org/10.1016/j.jesp.2021.104195>

Yegorov, N.S. (2020). Internet and personality of digital natives: the problem of virtual boundaries. *Research Result. Social Studies and Humanities*, 6(1), 95–102.

Поступила в редакцию: 21.08.2024

Поступила после рецензирования: 13.10.2024

Принята к публикации: 14.01.2025

Информация об авторе

Ольга Ивановна Титова – кандидат психологических наук, доцент кафедры гуманитарных и социально-экономических дисциплин, «Сибирский юридический институт МВД России»; доцент кафедры психологии, Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение высшего образования «Красноярский государственный педагогический университет им. В.П. Астафьева», Красноярск, Российская Федерация; Researcher ID: Y-3106-2018, Author ID: 219085, ORCID ID: <https://orcid.org/0000-0002-9983-6144>; e-mail: 944058@mail.ru

Информация о конфликте интересов

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

Психологическая безопасность жителей городов как предиктор желания остаться жить в нем

Ольга Ю. Зотова^{*id}, Людмила В. Тарасова^{id}

АНО ВО «Гуманитарный университет», Екатеринбург, Российская Федерация

*Почта ответственного автора: oiambusheva@mail.ru

Аннотация

Введение. На желание оставаться жить в городе влияет огромное количество факторов, от социальных до эмоциональных, и одним из факторов может выступать психологическая безопасность. Целью данного исследования было изучение особенностей психологической безопасности как предиктора желания жителя города сохранить место своего проживания. **Методы.** В исследовании приняли участие 272 жителя города Екатеринбурга, возраст респондентов 18–60 лет. Оценка психологической безопасности жителей города осуществлялась при помощи методики измерения психологической безопасности жителей городов О. Ю. Зотовой и Л. В. Тарасовой. Желание остаться жить в том городе, где сейчас проживает респондент, изучалось при помощи анкеты. **Результаты.** В результате исследования было выявлено, что в основе желания жителя города сохранить место своего проживания лежат особенности психологической безопасности. Значимыми предикторами желания личности из старшей группы остаться в городе своего проживания являются такие переменные как контроль над средой, надежность и самоофективность, а у представителей младшей группы – комфорт, доверительные отношения и свобода. Желание остаться в городе своего проживания у представителей старшей группы продиктовано возможностью управления средой (надежная и контролируемая), в то время как желание представителей младшей группы определяется их уверенностью в благоприятности, благосклонности среды (комфортная и дружелюбная). Также было выявлено, что чем старше житель города, тем сильнее он бы хотел, чтобы его

дети проживали в этом же городе. **Обсуждение результатов.** Было выявлено, что жители города Екатеринбурга в большинстве своем хотят оставаться жить в своем городе вне зависимости от возраста. Показатели психологической безопасности жителей города Екатеринбурга находятся на среднем и выше среднего уровней, что говорит о том, что у них удовлетворены базовые потребности в самосохранении и восприятии собственной психологической безопасности в городе. Психологическая безопасность поддерживает уверенность людей в том, что город пригоден для жизни, предсказуем, удобен и поддается управлению. Выполненное исследование позволило выявить различия между возрастными группами. У представителей старшей возрастной группы безопасность не связана со стремлением к изменению окружающей среды и с желанием вкладывать свои ресурсы. А предиктором нежелания оставаться жить в городе в младшей возрастной группе является такая переменная как свобода. Они не воспринимают безопасность жизни в своем городе в контексте свободы, возможности самостоятельно принимать решения и выбирать формы своего поведения.

Ключевые слова

желание остаться в городе, психологическая безопасность, городская среда, контроль над средой, надежность, самоэффективность, комфорт, доверительные отношения, свобода, возрастные различия

Финансирование

Работа выполнена в рамках гранта Российского научного фонда (проект № 23-28-01355) «Измерение психологической безопасности жителей городов».

Для цитирования

Зотова, О. Ю., Тарасова, Л. В. (2025). Психологическая безопасность жителей городов как предиктор желания остаться жить в нем. *Российский психологический журнал*, 22(1), 240–257. <https://doi.org/10.21702/2r2sqe82>

Введение

Большинство людей никогда не меняли место жительства, однако, исследований, посвященных выяснению причин и мотивов оставаться жить там, где живешь, очень мало. Несмотря на часто цитируемую статистику о том, что каждый седьмой человек в мире часто переезжает с одного места на другое (IOM, 2015), мало кто из ученых задается вопросом, почему шесть человек из семи никуда не уезжают.

Жизнь в городе требует от горожан деятельности, мотивации, планирования, это осознанный выбор, который пересматривается и реализуется на протяжении всей жизни (Stockdale & Haartsen, 2018; Mata-Codesal, 2018). Почему некоторые люди остаются в своем родном месте на всю свою жизнь – важный исследовательский вопрос. Можно утверждать, что в научной современной литературе недостаточно исследований, которые бы объясняли факторы, влияющие на желание горожан оставаться жить в своем городе.

Психологическая безопасность жителей городов

Психологическая безопасность жителей городов – достаточно новое понятие в психологии, и важно четко понимать, что подразумевается под данным конструктом.

Многие исследователи рассматривают психологическую безопасность жителей городов как сложную многомерную конструкцию. В результате исследований было выявлено, что психологическая безопасность повышается, когда этому способствуют экономические факторы (Van Hal, 2015), позитивные межличностные отношения (Kagan, 2009), схожие культурные представления жителей городов (Rohner, 1984).

Состояние психологической безопасности личности в городской среде зависит от взаимодействия и взаимовлияния различных характеристик личности, ее действий и условий среды, которые, в свою очередь, влияют на активность жителя города и его отношение к городу. Наличие/отсутствие состояния психологической безопасности порождает эмоции, чувства, установки, ожидания. Человек, который находится в состоянии психологической безопасности, будет воспринимать окружающих людей как заслуживающих доверие (Whitson & Galinsky, 2008), среду как управляемую (Zhao & Jing, 2015; Yu & Zhao, 2016), условия жизни в городе как стабильные и привычные (Gao, Ahern & Koshland, 2016; Zhou, Tan & Watanabe, 2021). При отсутствии психологической безопасности восприятие окружающей среды будет происходить через призму угроз и опасности при повышенной бдительности и недоверии к окружающим.

Психологическая безопасность жителя города рассматривается нами как состояние личности, при котором она способна удовлетворить базовые потребности в самосохранении и восприятии собственной психологической защищенности в городе; это мера стабильности психического состояния человека, во многом определяющая особенности реагирования на различные ситуации (Зотова, Тарасова, 2024).

Психологическая безопасность и желание оставаться и жить в городе

Метанарратив «укорененность людей» отвечает за правильный социальный порядок, удобство, предсказуемость окружающего мира и является естественным

и желательным положением дел (Bakewell, 2008). С этой точки зрения, нежелание уезжать является нормой, а миграция – «отклонением», требующим объяснения и исследования. В результате, изучение причин того, почему люди долгое время или всю свою жизнь живут на одном месте часто не заслуживает внимания исследователей, которые воспринимают это явление как должное (Gaibazzi, 2011).

На желание оставаться жить в городе влияет огромное количество факторов: эмоциональных, экономических, социальных, политических, географических. Эмоциональные факторы связаны с тем, что чем дольше человек живет в одном месте, тем сильнее его эмоциональные связи с другими людьми, тем больше привязанность к месту (Fischer & Malmberg, 2001).

Социальные факторы удержания – семейные и общественные отношения в месте проживания. Исследователи, например, предлагают «гипотезу сродства», предполагающую, что семья и друзья являются ценным аспектом жизни, который имеет тенденцию удерживать человека на месте (Haug, 2008). Брак, наличие детей и крепких социальных связей увеличивают вероятность того, что люди останутся там, где они находятся (Mulder & Malmberg, 2014).

Кроме того, выделяют объективные и субъективные факторы, влияющие на желание людей оставаться там, где они живут. К объективным показателям относятся: наличие работы (Morais & Camanho, 2011), климат, физическая красота, близость к горам или водоемам, количество и уровень удобств в городе (Mulligan & Carruthers, 2011), театры, кафе, рестораны, парки, больницы, магазины, услуги здравоохранения и образования (Cheshire & Magrini, 2006), низкий уровень преступности (Glaeser & Sacerdote, 1999), общественный транспорт (Royuela, 2011).

Потребности у представителей населения 18–24 лет и старше 30 лет сильно различаются: высокий уровень благополучия наиболее актуален для 18–24-летних (64%), в то время как для респондентов старше 30 лет наиболее важно жить спокойно, работая и заботясь о своей семье (65%) (ВЦИОМ, 2022). Таким образом, у представителей различных возрастов можно предположить различную степень приверженности к месту своего проживания (в зависимости от их потребностей и возможностей места проживания).

В последнее время все больше внимания стали уделять субъективным показателям жизни людей в городской среде, к которым относятся качество жизни, счастье, благополучие, удовлетворенность жизнью.

Состояние психологической безопасности также относится к субъективным показателям жизни в городе. Кажется логичным, что люди стремятся к психологической безопасности в том месте, где они живут. Как внутренний психологический ресурс, чувство безопасности помогает людям обрабатывать информацию, регулировать реакции на стимулы, мобилизовать социальную поддержку и повышать собственное благополучие (Canterberry & Omri, 2013).

Цель и задачи исследования

Люди воспринимают окружающую среду, события и условия и на их основе оценивают уровень безопасности. Проведенный анализ позволил сформировать **цель исследования** – изучить особенности психологической безопасности как предиктора желания жителя города сохранить место своего проживания. Причем особенности, являющиеся предикторами, согласно предположению, различны в зависимости от возраста жителей города.

Для реализации поставленной цели были обозначены следующие задачи исследования:

1. Определить выраженность желания сохранить место своего проживания у жителей города различного возраста.
2. Сопоставить выраженность психологической безопасности жителей города различного возраста.
3. Выявить особенности психологической безопасности жителей города различного возраста, являющиеся предикторами их желания сохранить место проживания.
4. Определить особенности психологической безопасности жителей города старшего возраста, являющиеся предикторами их желания, чтобы их дети так же остались жить в данном городе.

Методы

Выборка исследования

В качестве города, в котором было проведено исследование, выступил город Екатеринбург.

В исследовании приняли участие 272 жителя города Екатеринбурга, возраст респондентов 18–60 лет (средний возраст – 36 лет, $SD = 12,45$). Данные возрастные границы определены Всемирной Организацией Здравоохранения как границы возраста основной активности личности, в профессиональной и социальной сфере. Для создания выборки исследования предварительно было проведено таргетинг интернет-площадок с целью определения локализации целевых групп (совершеннолетние жители Екатеринбурга). Для привлечения респондентов были использованы баннеры, офферы на различных новостных порталах города Екатеринбурга и интернет-площадках (социальные сети, блоги, группы). Размещение предложения пройти опрос на различных тематических площадках позволило сформировать выборку из различных сообществ и групп. Поток респондентов целевой аудитории заполнил электронную анкету в онлайн-доступе, содержащую, в том числе, социально-демографические сведения и

сведения о желании проживания в своем городе в дальнейшем. Таким образом, в исследовании участвовали респонденты, имеющие необходимый интерес к тематике исследования и определенную мотивацию, и прошедшие прескрининг. В результате была получена выборка, в которой были представлены респонденты из различных (таргетированных) социально-демографических групп, в определенной степени заинтересованных и замотивированных в участии в исследовании, а не только готовых проходить опросы за вознаграждение.

Выборка была сбалансирована по полу: 54% выборки представлены респондентами женского пола, 46% – мужского. 10,2% респондентов имели среднее образование, 47,5% – среднее профессиональное образование, 42,3% – высшее образование.

В исследовании принимали участие жители Екатеринбурга, имеющие стаж проживания в городе от 1 года до 60 лет (средний стаж – 25 лет, SD = 16,27).

Исходя из цели исследования, выборка была поделена на две группы сравнения: старшую (от 40 лет и старше) и младшую (от 18 до 22 лет).

Методики и методы исследования

Исследование было проведено в соответствии с этическими принципами Российского психологического общества (РПО, 2012). Протокол был одобрен Комитетом по этике факультета социальной психологии Гуманитарного университета. Все испытуемые дали письменное информированное согласие в соответствии с Хельсинкской декларацией.

Оценка психологической безопасности жителей города осуществлялась при помощи **методики измерения психологической безопасности жителей городов О. Ю. Зотовой и Л. В. Тарасовой** (Зотова, Тарасова, 2025). Методика включает 38 утверждений, измеряемых по пятибалльной шкале, относящихся к шести субшкалам: «Свобода», «Комфорт», «Самозффективность», «Доверительные отношения», «Контроль над средой» и «Надежность», а также интегральный показатель психологической безопасности жителей города. Методика обладает хорошими психометрическими характеристиками (ретестовой надежностью, согласованностью) и конвергентной валидностью (Зотова, Тарасова, 2025).

Кроме того, в форме анкеты фиксировались данные респондентов: пол, возраст, образования, стаж проживания в городе, а также желание остаться жить в том городе, где сейчас проживает респондент. Для этого респондентам предлагалось оценить при помощи 5-балльной шкалы Лайкерта степень желания сохранить названный город в качестве места своего проживания. Кроме того, представителям старшей возрастной группы предлагалось оценить при помощи 5-балльной шкалы Лайкерта, насколько они хотели бы, чтобы их дети остались проживать в данном городе.

Обработка и анализ данных осуществлялись с применением множественного регрессионного анализа при помощи SPSS 20.0.

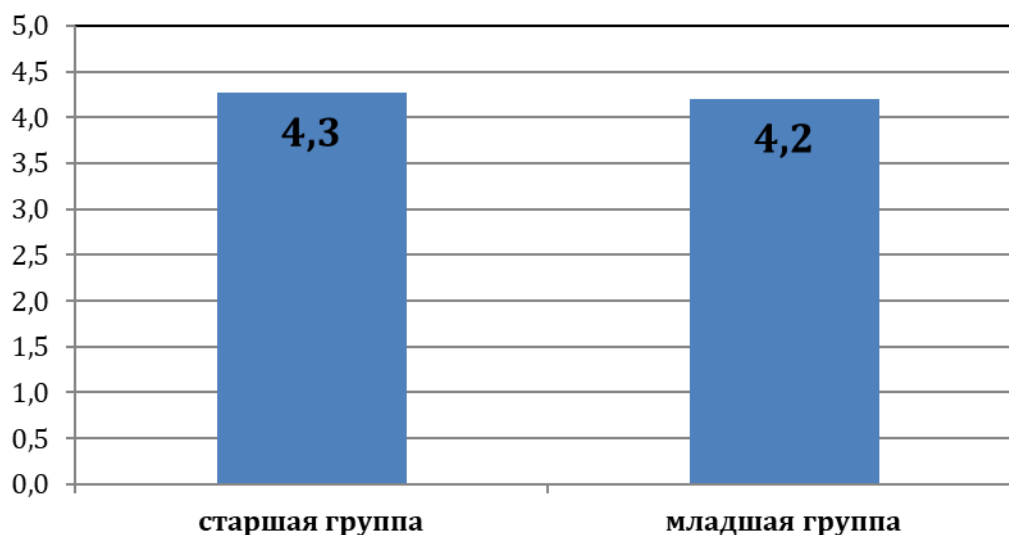
Результаты

Средние значения по шкалам

На первом этапе исследования были соотнесены средние показатели выраженности желания жителей города Екатеринбурга остаться жить в данном городе в зависимости от возраста (рисунок 1).

Рисунок 1

Выраженность желания жителей города Екатеринбурга остаться жить в данном городе

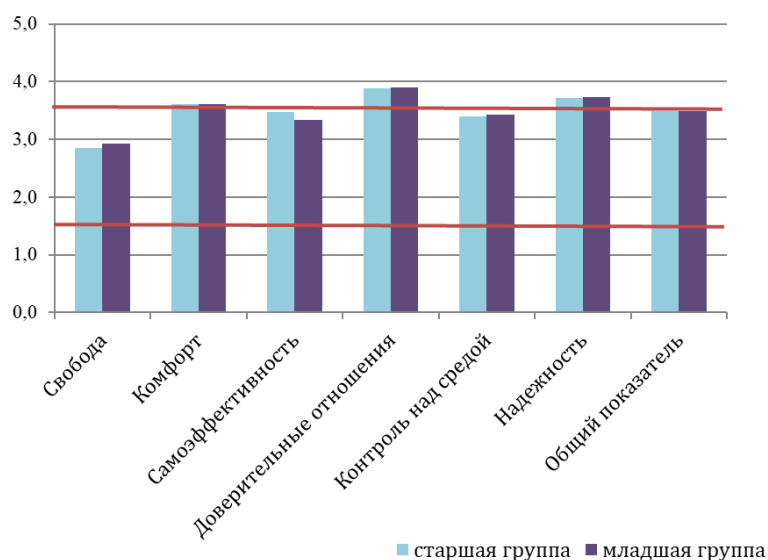

Необходимо отметить, что показатели обеих групп сравнения лежат в области высоких значений, т. е. представители как старшей, так и младшей группы, в целом предпочитают остаться в городе своего проживания. Различия между группами незначимы.

Поскольку проведенный теоретический анализ позволит заключить, что фактором, определяющим желание личности остаться/покинуть место проживания, является ее психологическая безопасность, на следующем этапе были изучены особенности психологической безопасности жителей города и сопоставлены данные групп сравнения, выделенных по возрасту (рисунок 2).

Рисунок 2

Показатели психологической безопасности жителей города Екатеринбурга в группах сравнения

Согласно полученным результатам, все частные и интегральный показатели психологической безопасности личности в городе у респондентов Екатеринбурга обеих групп сравнения находятся в области средних значений или имеют тенденцию к высоким. Т. е. жители Екатеринбурга в целом характеризуются наличием психологического комфорта, не озабочены, не напряжены, не ощущают тревоги или фрустрации, превышающих их адаптационный потенциал. Жители Екатеринбурга имеют надёжные открытые доверительные отношения с конкретными людьми, которые готовы поддержать и помочь, защитить, выслушать, с которыми можно открыть себя и действовать без страха подвергнуться негативным воздействиям или быть использованным. Жители Екатеринбурга имеют позитивный опыт взаимодействия со средой (либо стабильность и безопасность жизни, либо успешное преодоление угроз (прошлые)). Этот опыт создаёт ощущение предсказуемости грядущих ситуаций, и индивиды видят своё будущее позитивно, как наполненное возможностями и лишённое непреодолимых угроз (будущее). Различия между группами не значимы.

Регрессионный анализ

Гипотезой исследования выступило предположение о том, что особенности психологической безопасности являются предикторами желания жителя города сохранить место своего проживания. Для проверки данного предположения был проведен множественный регрессионный анализ (метод – принудительное

СОЦИАЛЬНАЯ ПСИХОЛОГИЯ

включение) данных групп сравнения – старшей и младшей. В качестве независимых переменных выступили следующие переменные – возраст респондента, стаж проживания в городе Екатеринбург, шкалы, отражающие параметры психологической безопасности жителя города – «Свобода», «Комфорт», «Самоэффективность», «Доверительные отношения», «Контроль над средой» и «Надежность».

Полученная модель для данных старшей выборки свидетельствует, что 27,8% дисперсии переменной «Желание остаться в городе своего проживания» обусловлены влиянием выделенных предикторов (таблица 1).

Таблица 1

Регрессионная модель зависимой переменной «Желание остаться в городе своего проживания» (старшая группа)

R2	Скорректированный R2	F	Предикторы	β	t	p-value
			Само-эффективность	-0,279	-2,357	0,019
0,278	0,256	12,325	Контроль над средой	0,159	2,107	0,036
			Надежность	0,677	3,226	0,001

Примечание. R2 – коэффициент детерминации, равный доле дисперсии переменной «Желание остаться в городе своего проживания», обусловленной влиянием независимых переменных; F – F статистика Фишера, оценивающая значимость уравнения регрессии; β – стандартные коэффициенты регрессии, отражающие относительную степень влияния каждого из предикторов; t – отношение нестандартизированного коэффициента к своей стандартной ошибке; p-value – величина p-уровня значимости, вероятность случайности полученного результата.

Из таблицы 1 следует, что значимыми предикторами желания личности из старшей группы остаться в городе своего проживания являются переменные: «Контроль над средой», «Надежность» и «Самоэффективность». Причем первые две переменные связаны с желанием остаться в городе проживания прямой связью, а третья – обратной. Желание остаться в городе проживания формируется в результате действия следующих факторов:

1. У жителя города присутствует субъективное чувство контроля над средой, информированность и средовая компетентность (знает, где и что находится, как это использовать, куда обратиться, как себя вести, чтобы достичь своих целей).
2. Житель города чувствует, что городская власть, полиция, социальные и медицинские институты заботятся о нем; житель уверен, что в городе, где он живет, он может найти подходящую работу; жителя города устраивает экологическая обстановка в городе и т. д.
3. У жителя города не выражено желание и осознание своей возможности внести свой вклад в развитие среды, не выражена способность к изменению среды (в т. ч. осуществления защиты от негативных воздействий или факторов). Чем в большей степени житель города ощущает свою возможность изменения внешней среды, тем в большей степени он допускает для себя возможность переезда в другой город.

Регрессионная модель, полученная для младшей выборки, свидетельствует, что 52,4% дисперсии переменной «Желание остаться в городе своего проживания» обусловлены влиянием предикторов «Комфорт», «Доверительные отношения» и «Свобода» (таблица 2).

Таблица 2

Регрессионная модель зависимой переменной «Желание остаться в городе своего проживания» (младшая группа)

R2	Скорректи- рованный R2	F	Предикторы	β	t	p-value
0,524	0,506	29,358	Комфорт	0,555	5,685	0,000
			Доверительные отношения	0,227	2,316	0,023
			Свобода	-0,156	-2,018	0,047

Примечание. R2 – коэффициент детерминации, равный доле дисперсии переменной «Желание остаться в городе своего проживания», обусловленной влиянием независимых переменных; F – F статистика Фишера, оценивающая значимость уравнения регрессии; β – стандартные коэффициенты регрессии, отражающие относительную степень влияния каждого из предикторов; t – отношение нестандартизованного коэффициента к своей стандартной ошибке; p-value – величина p-уровня значимости, вероятность случайности полученного результата.

Значимыми предикторами желания представителей младшей группы остаться в городе своего проживания являются переменные: «Комфорт», «Доверительные

СОЦИАЛЬНАЯ ПСИХОЛОГИЯ

отношения» и «Свобода». Необходимо отметить, что первые две переменные связаны с желанием остаться в городе проживания прямой связью, а третья – обратной. Т. е. желание молодежи 18–21 года остаться в городе проживания формируется в результате сочетания следующих факторов:

1. представитель младшей группы воспринимает городскую среду как наиболее комфортную (ему кажется удобной городская логистика: уровень развития транспортной сети, качество автомобильных дорог; когда он гуляет по городу, он чувствует себя комфортно и расслабленно; проживая в этом городе, он может удовлетворить большинство своих потребностей);
2. житель города 18–21 года имеет надёжные открытые доверительные отношения с конкретными людьми, внутри городской среды;
3. представитель младшей группы не испытывает чувство собственной автономии, независимости, свободы для жизнедеятельности, развития, самореализации, свободы от внешнего воздействия (или возможности от него защититься) в условиях городской среды.

Таким образом, параметры психологической безопасности жителя города – «Самоеффективность» и «Свобода» выступают основой психологической безопасности не только в конкретной среде, но и являются факторами адаптивности личности и к другим средам, дают возможность расширения ее социального, деятельностного, эмоционального опыта.

Кроме того, обнаружено, что, несмотря на одинаковую выраженность и желания остаться в городе, и параметров психологической безопасности у представителей выборок сравнения, их желание основано на различных аспектах (компонентах) психологической безопасности.

40,9% дисперсии переменной «Желание, чтобы дети остались в городе своего проживания» обусловлены влиянием выделенных предикторов: «Самоеффективность», «Возраст» и «Надежность» (таблица 3).

Таблица 3

Регрессионная модель зависимой переменной «Желание, чтобы дети остались в городе своего проживания» (старшая группа)

R2	Скорректированный R2	F	Предикторы	β	t	p-value
0,409	0,391	22,179	Самоеффективность	-0,366	-3,420	0,001
			Возраст	0,355	3,244	0,001
			Надежность	0,613	4,226	0,000

Примечание. R^2 – коэффициент детерминации, равный доле дисперсии переменной «Желание, чтобы дети остались в городе своего проживания», обусловленной влиянием независимых переменных; F – F -статистика Фишера, оценивающая значимость уравнения регрессии; β – стандартные коэффициенты регрессии, отражающие относительную степень влияния каждого из предикторов; t – отношение нестандартизованного коэффициента к своей стандартной ошибке; p -value – величина p -уровня значимости, вероятность случайности полученного результата.

Результаты указывают на то, что с увеличением возраста родителей усиливается желание, чтобы их ребенок остался в городе проживания. Две другие переменные идентичны тем, что выделены при анализе предикторов желания представителей старшей группы остаться в городе своего проживания – «Надежность» и «Самоеффективность». Причем самоеффективность вновь связана обратной связью с зависимой переменной.

Обсуждение результатов

В результате проведенного исследования было выявлено, что жители города Екатеринбурга в большинстве своем хотят оставаться жить в своем городе вне зависимости от возраста. Полученные результаты подтверждаются результатами опроса ВЦИОМ, по данным которого большинство россиян (71%) считают свой город или населенный пункт комфортным для жизни и не хотят из него уезжать (ВЦИОМ, 2025). Зарубежные коллеги отмечают, что города-мегаполисы привлекают людей более высокооплачиваемой работой, высокими стандартами жизни, возможностями для трудоустройства и высоким уровнем комфорта (Borck, 2007; Riga, 2010), удовлетворяют основные потребности человека и позволяют ему достигать своих целей (Shumaker & Taylor, 1983). Если текущее место жительства оценивается лучше, чем альтернативы, то человек с большей вероятностью захочет остаться жить здесь.

Показатели психологической безопасности жителей города Екатеринбурга находятся на среднем и выше среднего уровне, что говорит о том, что у них удовлетворены базовые потребности в самосохранении и восприятии собственной психологической безопасности в городе. Психологическая безопасность поддерживает уверенность людей в том, что город пригоден для жизни, предсказуем, удобен и поддается управлению (Зотова, Тарасова, 2024). Исследования показывают, что чувство безопасности укрепляет привязанность к месту и социальную сплоченность (Eizenberg, 2012), побуждает людей оставаться в том месте, где они родились и выросли, повышает устойчивость городов (Eizenberg & Jabareen, 2017), способствует удовлетворенности местом проживания (Bonaiuto & Alves, 2012) и т. д.

Результаты нашего исследования показали, что среди частных показателей психологической безопасности у жителей города Екатеринбурга наиболее высокие результаты показали шкалы «Доверительные отношения» и «Надежность».

СОЦИАЛЬНАЯ ПСИХОЛОГИЯ

Т. П. Скрипкина отмечала, что «любой объект окружающего человека мира и мир в целом вызывает отношение доверия только в том случае, если они обладают свойствами безопасности (надежности) и полезности» (Скрипкина, 2000, с. 85). Т. е. безопасность обеспечивается субъектным, личностным уровнем отношения с другими людьми, живущих рядом в этом городе, на соседней улице, в квартире напротив... Зарубежные ученые отмечали, что безопасные и поддерживающие социальные отношения не только полезны для людей (Kagan, 2009), но и способствуют просоциальному поведению (Mikulincer & Shaver, 2007).

В результате исследования было выявлено, что предикторами желания остаться в своем городе для старшей группы является возможность контроля над средой и надежность. Вера в свою способность контролировать окружающую среду и достигать желаемых результатов имеет важное значение и для психологического благополучия личности. Э. Стептоу и его коллеги, а также К.-Л. Чжоу и А. Чжи, считают, что отсутствие уверенности в том, что человек управляет и контролирует свою жизнь может привести к проявлению депрессивных симптомов (Steptoe, Tsuda & Tanaka, 2007; Chou & Chi, 2001). Люди с более низким чувством контроля часто чувствуют, что их жизнь вышла из-под контроля, что они не могут справиться с неожиданными жизненными проблемами, следовательно, они всегда находятся в состоянии незащищенности.

Выполненное исследование позволило выявить различия между возрастными группами. У представителей старшей возрастной группы безопасность не связана со стремлением к изменению окружающей среды, с желанием вкладывать свои ресурсы. Можно предположить, что во многом чувство безопасности у старшего поколения связано с бездействием, пассивностью, как состояние, обеспечиваемое другими, а действие, наоборот, с опасностью. Так, отечественные ученые А. Зализняк, И. Левонтина, А. Шмелев, описывая русскую культуру уточняли, что она впитала комплекс экклезиастических и новозаветных представлений о суете сует, о тщете всякой деятельности, описывая их как апологию бездеятельности (Зализняк, Левонтина, Шмелев, 2002).

Предиктором нежелания оставаться жить в городе, стремлением к переезду у представителей старшей возрастной группы является стремление к действиям и переменам в жизни.

По результатам нашего исследования молодые люди довольны комфортом проживания в городской среде, удобством городской логистики, возможностью удовлетворения основных потребностей в своем городе, количеством и качеством межличностных отношений, что дает им возможность чувствовать себя в безопасности в своем городе. Зарубежные ученые, Р. Уислер и его коллеги, сделали схожие выводы о том, что культурные и рекреационные удобства в городе особенно важны для молодых людей (Whisler et al., 2008).

Результаты проведенного исследования показали, что предиктором нежелания оставаться жить в городе в младшей возрастной группе является такая переменная

как свобода. Они не воспринимают безопасность жизни в своем городе в контексте свободы, возможности самостоятельно принимать решения и выбирать формы своего поведения. Т. е. безопасность проживания в своем городе у молодых людей в возрасте 18–21 года связана с отсутствием свободы и независимости. Полученный результат связан с тем, что в этом возрасте значимость свободы как ценности существенно возрастает (Степанова, 2022). Проживание в родном городе и доступ к обширным ресурсам имеет свою цену: молодые люди остаются под родительским контролем с сильной вовлеченностью в межпоколенческие отношения (Scabini, Marta & Lanz, 2006), мечтая о свободе от внешнего воздействия и автономии. Однако, польские психологи П. Пустулька и ее коллеги отмечали, даже когда молодые люди замечают что-то «ограничивающее» в контроле своих родителей, они редко ставят свободу выше развития отношений и ресурсов (Pustulka, Sarnowska & Buler, 2021).

Таким образом, желание остаться в городе своего проживания у представителей старшей группы продиктовано возможностью управления средой (надежная и контролируемая), в то время как желание представителей младшей группы определяется их уверенностью в благоприятности, благосклонности среды (комфортная и дружелюбная).

Заключение

Полученные в ходе исследования результаты свидетельствуют о том, что в основе желания жителя города сохранить место своего проживания лежат особенности психологической безопасности. Психологическая безопасность жителя города как состояние его личности системно формирует его оценку внешней среды и намерения в отношении нее. При этом предикторы желания жителя города остаться в городе своего проживания различны в зависимости от возраста жителей города. Показано, что желание остаться в городе своего проживания у представителей старшей группы продиктовано возможностью управления средой, в то время как желание представителей младшей группы определяется их уверенностью в благосклонности среды.

Такие объективные факторы, как возраст респондента, его стаж проживания в городе Екатеринбург оказались незначимыми в формировании желания остаться проживать в своем городе. Фактор возраста обнаружил свое влияние лишь при формировании ответов респондентов старшей группы на вопрос «Хотели ли бы вы, чтобы ваши дети жили в этом городе?». Как показали результаты, чем старше житель города, тем сильнее он бы хотел, чтобы его дети проживали в этом же городе.

Кроме того, установлено, что параметры психологической безопасности жителя города – «Самозффективность» и «Свобода» – выступают основой психологической безопасности личности не только в среде конкретного города, но и являются факторами адаптивной активности личности и в других средах.

СОЦИАЛЬНАЯ ПСИХОЛОГИЯ

Полученные результаты можно использовать в рамках работы экологических психологов, социологов для понимания психологических механизмов, лежащих в основе принятия личностью решения о смене места жительства, понимания таких феноменов, как оседлость и пространственная мобильность населения.

Данное исследование не претендует на всеобщность и имеет ограничения, связанные с характеристиками выборки исследования: общая численность респондентов, место их проживания (в границах одного города) позволяет рассматривать данное исследование как пилотажное, дающее возможности для выдвижения последующих гипотез.

Литература

- ВЦИОМ. (2022). *Ценности молодежи*. Получено из <https://wciom.ru/analytical-reviews/analiticheskii-obzor/cennosti-molodezhi>
- ВЦИОМ. (2025). *Город для лучшей жизни*. Получено из <https://wciom.ru/analytical-reviews/analiticheskii-obzor/gorod-dlja-luchshei-zhizni>
- Зализняк А., Левонтина И. & Шмелев А. (2002). Ключевые идеи русской языковой картины мира. *Отечественные записки*, 3. Получено из <https://magazines.gorky.media/oz/2002/3/klyuchevye-idei-russkoj-yazykovo-kartiny-mira.html>
- Зотова, О. Ю. & Тарасова, Л. В. (2024). Психологическая безопасность личности в городской среде: определение конструкта. *Психология. Журнал высшей школы экономики*, 21(3), 519–546. <https://doi.org/10.17323/1813-8918-20234-3-519-546>
- Зотова, О. Ю. & Тарасова, Л. В. (2025). Методика измерения психологической безопасности жителей городов. *Вопросы психологии*, в печ.
- РПО. (2012). *Этический кодекс психолога*. Получено из <https://psyrus.ru/rpo/documentation/ethics.php>
- Скрипкина, Т. П. (2000). *Психология доверия*. Москва: Academia.
- Степанова, Н. А. (2022). Методика изучения свободы человека: теоретическое обоснование интегративного подхода и психометрические показатели методики. *Вестник Московского государственного областного университета. Серия: Психологические науки*, 4, 113–131. <https://doi.org/10.18384/2310-7235-2022-4-113-131>
- Bakewell, O. (2008). Keeping them in their place: The ambivalent relationship between development and migration in Africa. *Third World Quarterly*, 29(7), 1341–1358.
- Borck, R. (2007). Consumption and social life in cities: Evidence from Germany. *Urban Studies*, 44(11), 2105–2121. <https://doi.org/10.1080/00420980701518925>
- Bonaiuto, M. & Alves S. (2012). Residential places and neighborhoods: Toward healthy life, social integration, and reputable residence. In S. D. Clayton (Ed.), *The Oxford handbook of environmental and conservation psychology* (pp. 221–247). Oxford: Oxford University Press. <https://doi.org/10.1093/oxfordhb/9780199733026.013.0013>
- Canterberry, M. & Omri, G. (2013). Neural evidence for a multifaceted model of attachment security. *International Journal of Psychophysiology*, 88(3), 232–240. <https://doi.org/10.1016/j.ijpsycho.2012.08.013>
- Cheshire, P. & Magrini, S. (2006). Population growth in European cities: Weather matters – but only nationally. *Regional Studies*, 40(1), 23–37. <https://doi.org/10.1080/00343400500449259>
- Chou, K. L. & Chi, I. (2001). Stressful life events and depressive symptoms: social support and sense of control as mediators or moderators? *The International Journal of Aging and Human Development*, 52(2), 155–171. <https://doi.org/10.2190/9C97-LCA5-EWB7-XK2W>

- Eizenberg, E. & Jabareen, Y. (2017). Social sustainability: A new conceptual framework. *Sustainability*, 9(1), 68. <https://doi.org/10.3390/su9010068>
- Eizenberg, E. (2012). Actually existing commons: Three moments of space of community gardens in New York City. *Antipode*, 44(3), 764–782. <https://doi.org/10.1111/j.1467-8330.2011.00892.x>
- Fischer, P. & Malmberg, G. (2001). Settled people don't move: On life course and (Im-) mobility in Sweden. *International Journal of Population Geography*, 7(5), 357–371. <https://doi.org/10.1002/ijpg.230>
- Gaibazzi, P. (2011). Migrazione, coesione e translocalità nell'unità domestica Soninke. In A. Bellagamba (Ed.), *Migrazioni dal lato dell'Africa* (pp. 81–102). Pavia: Edizioni Altravista.
- Gao, M., Ahern, J. & Koshland, C. P. (2016). Perceived built environment and health-related quality of life in four types of neighborhoods in Xi'an, China. *Health & Place*, 39, 110–115. <https://doi.org/10.1016/j.healthplace.2016.03.008>
- Glaeser, E. L. & Sacerdote, B. (1999). Why is there more crime in cities? *Journal of Political Economy*, 107(S6), 225–258. <https://doi.org/10.1086/250109>
- Haug, S. (2008). Migration networks and migration decision-making. *Journal of Ethnic and Migration Studies*, 34(4), 585–605. <https://doi.org/10.1080/13691830801961605>
- IOM. (2015). *Global migration trends factsheet 2015*. Geneva: International Organization for Migration; Global Migration Data Analysis Centre.
- Kagan, J. (2009). Loneliness: human nature and the need for social connection. *American Journal of Psychiatry*, 166(3), 375–376. <https://doi.org/10.1176/appi.ajp.2008.08091320>
- Mata-Codesal, D. (2018). Is it simpler to leave or to stay put? Desired immobility in a Mexican village. *Population, Space and Place*, 24(4), e2127. <https://doi.org/10.1002/psp.2127>
- Mikulincer, M. & Shaver, P. R. (2007). Boosting attachment security to promote mental health, prosocial values, and inter-group tolerance. *Psychological Inquiry*, 18(3), 139–156. <https://doi.org/10.1080/10478400701512646>
- Morais, P. & Camanho, A. S. (2011). Evaluation of performance of European cities with the aim to promote quality of life improvements. *Omega*, 39(4), 398–409. <https://doi.org/10.1016/j.omega.2010.09.003>
- Mulder, C. H. & Malmberg, G. (2014). Local ties and family migration. *Environment and Planning A: Economy and Space*, 46(9), 2195–2211. <https://doi.org/10.1068/a130160p>
- Mulligan, G. & Carruthers, J. I. (2011). Amenities, Quality of life, and regional development. In R. W. Marans & R. J. Stimson (Eds.), *Investigating quality of urban life* (pp. 107–134). Springer.
- Puga, D. (2010). The magnitude and causes of agglomeration economies. *Journal of Regional Science*, 50(1), 203–219. <https://doi.org/10.1111/j.1467-9787.2009.00657.x>
- Pustulka, P., Sarnowska, J. & Buler, M. (2021). Resources and pace of leaving home among young adults in Poland. *Journal of Youth Studies*, 25(7), 946–962. <https://doi.org/10.1080/13676261.2021.1925638>
- Rohner, R. P. (1984). Toward a conception of culture for cross-cultural psychology. *Journal of Cross-Cultural Psychology*, 15(2), 111–138. <https://doi.org/10.1177/0022002184015002002>
- Royuela, V. (2011). Modelling quality of life and population growth. The case of the Barcelona metropolitan area. *Spatial Economic Analysis*, 6(1), 83–109. <https://doi.org/10.1080/17421772.2010.540034>
- Scabini, E., Marta, E. & Lanz, M. (2006). *The transition to adulthood and family relations: An intergenerational approach*. London: Psychology Press.
- Shumaker, S. A. & Taylor, R. B. (1983). Toward a clarification of people-place relationships: A model of attachment to place. In N. R. Feimer, E. S. Geller (Eds.), *Environmental psychology: Directions and perspectives* (pp. 219–251). New York: Praeger.

- Step toe, A., Tsuda, A., & Tanaka, Y. (2007). Depressive symptoms, socio-economic background, sense of control, and cultural factors in university students from 23 countries. *International Journal of Behavioral Medicine*, 14, 97–107. <https://doi.org/10.1007/BF03004175>
- Stockdale, A. & Haartsen, T. (2018). Editorial introduction: Putting rural stayers in the spotlight. *Population, Space and Place*, 24(4), e2124. <https://doi.org/10.1002/psp.2124>
- Van Hal, G. (2015). The true cost of the economic crisis on psychological well-being: a review. *Psychology Research and Behavior Management*, 8, 17–25. <https://doi.org/10.2147/PRBM.S44732>
- Whisler, R. L., Waldorf, B. S., Mulligan, G. F., & Plane, D. A. (2008). QoL and the migration of the college-educated. *Growth and Change*, 39(1), 58–94. <https://doi.org/10.1111/j.1468-2257.2007.00405.x>
- Whitson, J. A. & Galinsky, A. D. (2008). Lacking control increases illusory pattern perception. *Science*, 322(5898), 115–117. <https://doi.org/10.1126/science.1159845>
- Yu, Q. & Zhao, Y. (2016). The influence of self objectification on appearance anxious among female college students – The mediating effect of security sense. *Advances in Psychology*, 6(4), 452–457. <https://doi.org/10.12677/AP.2016.64060>
- Zhao, J. & Jing, F. (2015). Antecedents and effects of extensive familism consciousness in online brand community. *Management Review*, 27(12), 88–98. <https://doi.org/10.14120/j.cnki.cn11-5057/f.2015.12.009>
- Zhou, K., Tan, J. & Watanabe, K. (2021). How does perceived residential environment quality influence life satisfaction? Evidence from urban China. *Journal of Community Psychology*, 49(7), 2454–2471. <https://doi.org/10.1002/jcop.22545>

Поступила в редакцию: 14.08.2024

Поступила после рецензирования: 11.11.2024

Принята к публикации: 28.01.2025

Заявленный вклад авторов

Ольга Юрьевна Зотова – общее руководство исследованием; разработка теоретической концепции; обзор отечественных и зарубежных исследований по проблеме статьи; подготовка литературного обзора; подготовка и научное редактирование текста статьи; окончательное утверждение версии для публикации.

Людмила Владимировна Тарасова – разработка методологии исследования; проведение статистического анализа; подготовка и научное редактирование текста статьи; визуализация результатов, окончательное утверждение версии для публикации.

Информация об авторах

Ольга Юрьевна Зотова – доктор психологических наук, профессор кафедры социальной психологии, АНО ВО «Гуманитарный университет», Екатеринбург, Россия; Researcher ID: K-6067-2012, Scopus ID: 56275648300, Author ID: 489306, ORCID ID: <https://orcid.org/0000-0002-5607-6317>; e-mail: oiambusheva@mail.ru

Людмила Владимировна Тарасова – кандидат психологических наук, доцент кафедры общей и прикладной психологии, АНО ВО «Гуманитарный университет», Екатеринбург, Россия; Researcher ID: T-7640-2017, Scopus ID: 57192269339, Author ID: 669217, ORCID ID: <https://orcid.org/0000-0003-3390-0454>; e-mail: tarasovagu@mail.ru

Информация о конфликте интересов

Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

Научная статья

УДК 316.6

<https://doi.org/10.21702/j3d5qm07>

Молодежь в постконфликтных регионах: социально-психологические проблемы и отношение к высшему образованию (на примере Армении)

Мария И. Заславская^{1*} , Паргев С. Аветисян²

¹ Ереванский Государственный Университет, Ереван, Армения

² Российско-Армянский Государственный Университет, Ереван, Армения

*Почта ответственного автора: zaslavm1@gmail.com

Аннотация

Введение. В статье рассматриваются особенности функционирования системы высшего образования в постконфликтных обществах в восприятии молодежи на примере армянского общества. В статье представлены и обобщены результаты целого ряда международных исследований, на основании которых рассматриваются характеристики и отличительные черты постконфликтных обществ, проблемы молодежи в таких обществах, а также проанализированы проблемы высшего образования, которые возникают в результате длительных или кратковременных военных конфликтов в разных странах. **Методы.** В исследовании участвовали 625 молодых людей, проживающих в Армении, в возрасте 18–35 лет. Было проведено комплексное междисциплинарное исследование с применением качественных и количественных методов, групповых и индивидуальных интервью. Был проведен сравнительный анализ проблем высшего образования в довоенный период в Армении на основании исследований того периода с данными, характеризующими поствоенные особенности функционирования системы высшего образования в восприятии молодежи Армении. **Результаты.** Ряд проблем высшего образования довоенного периода (до первой половины 2020 года) усугубился в поствоенный период (начиная со второй половины 2020 года до конца 2023 года), к которым добавился еще ряд проблем, связанных с неопределенностью поствоенной реальности, постоянной угрозой новых вооруженных конфликтов, с проблемами физического и психического здоровья, посттравматическими состояниями. Тем

не менее, роль высшего образования для молодежи становится более значимой по сравнению с довоенным периодом. Именно с высшим образованием молодежь начинает связывать возможность преодоления целого ряда кризисов, акцентируя необходимость получения знаний в конкретных областях. **Обсуждение результатов.** Результаты данного исследования могут послужить основой для понимания дальнейших стратегий развития общества, путей преодоления ими проблем в образовании в условиях поствоенного кризиса. В этой связи проблемы, связанные с изучением молодежи в условиях поствоенных обществ, становятся все более актуальными.

Ключевые слова

высшее образование, поствоенные общества, социально-психологические проблемы, студенческая молодежь

Финансирование

Исследование поддержано Комитетом по высшему образованию и науке МОН РА (Исследовательский проект № 21Т-5D287), Программой развития РАУ по теме «Стратегические направления повышения конкурентоспособности системы высшего образования РА в контексте интеграции и интернационализации (междисциплинарное исследование)» N 23PR:HU-educ-63313, внутренним грантом ЕГУ (2024-2027).

Для цитирования

Заславская, М.И., Аветисян, П.С. (2025). Молодежь в постконфликтных регионах: социально-психологические проблемы и отношение к высшему образованию (на примере Армении). *Российский психологический журнал*, 22(1), 258–275. <https://doi.org/10.21702/j3d5qm07>

Введение

Система образования в любом обществе формируется во многом исходя из необходимости решения конкретных общественных задач, а потому она тесно связана как со внутренними, так и со внешними условиями функционирования социума. В конечном счете система образования в любом государстве выполняет общественный заказ на формирование определенного типа личности. Высшая школа тесно связана с тенденциями политической жизни страны, которые приводят к изменению целей, приоритетов и инструментов образовательной политики. Политические процессы и дискуссии, борьба политических сил могут становиться

причинами и условиями реформирования системы образования, в том числе высшей школы (Пашков, 2015).

Трансформации поствоенного общества

Во время вооруженных конфликтов любое общество претерпевает тяжелые трансформации, которые начинают оказывать непосредственное влияние на функционирование института высшего образования в целом. Некоторые ученые (Giddens, 2009; Kaldor, 2007), изучающие военные конфликты, утверждают, что их характер резко изменился за последние 30 лет, поскольку возник новый тип войны, в котором центральную роль играют не столько человеческие ресурсы, оружие и другие материальные ресурсы, а прежде всего информационные технологии, которые находятся в центре военного планирования и тактики. В литературе это называется «новой войной» (Kaldor, 2012; Kaldor, 2013, Chinkin et al., 2020).

Особый интерес представляют особенности социального функционирования послевоенных обществ, среди характерных особенностей которых можно назвать следующие (Höglund & Kovacs, 2010):

- демографические проблемы,
- возрастание количества матерей-одиночек, перерастание обществ в «женские общества»,
- увеличение преступности,
- снижение уровня социальной сплоченности, уменьшение социального доверия (Fiedler, Rohles, 2021).

Особенности послевоенного армянского общества в научной литературе анализировались на основе социологического, психологического, исторического, этнополитического подходов. Так, Первая Арцахская война (1992-1994 г.) анализируется в контексте изменений, происходящих в обществе в 1990-е годы. Г. Котанджян конкретно говорит о повсеместном бурном росте национального и этнического самосознания, развитии различных национальных движений, обострении межэтнических противоречий и других особенностях, характерных для тех лет (Котанджян, 1992).

Подводя итог вышеизложенному, можно сделать вывод, что постконфликтные общества значимо отличаются от «нормального» состояния обществ, что делает актуальным изучение особенностей социальной адаптации различных групп.

Посттравматическое стрессовое расстройство и депрессия являются наиболее распространенными психическими расстройствами, регистрируемыми у детей и молодежи в условиях войны и конфликтов (War Child UK, 2013). Другие зарегистрированные расстройства включают острые реакции на стресс, синдром дефицита внимания с гиперактивностью, паническое расстройство, специфичные для детского возраста тревожные расстройства и нарушения сна. Кроме того,

дети, подвергшиеся вооруженным конфликтам, часто имеют сопутствующие психопатологии. Симптомы расстройства усиливаются с возрастом, причем наиболее уязвимыми являются дети школьного возраста (War Child UK, 2013).

Вообще говоря, воздействие войны на молодежь характеризуется рядом нарушений психического здоровья (Woods, 2011):

- Травма;
- Посттравматическое стрессовое расстройство;
- Снижение уверенности в будущем.

Война и вооруженные конфликты влияют на результаты обучения детей и молодых людей, их отношения со сверстниками и общую удовлетворенность жизнью. Лонгитюдные исследования подтверждают, что опыт конфликта и постконфликтная среда могут негативно повлиять на психическое здоровье детей и молодежи. В то же время наличие защитных факторов, в том числе принятия со стороны семьи и общества, может способствовать снижению негативных последствий военных конфликтов, тем самым снижая риск психических расстройств (Betancourt et al., 2019).

Проведенные на основе антропологического и этнографического подходов исследования конфликтов в Сьерра-Леоне, Косово, Боснии и Герцеговине и последовавших за ними событий позволяют выявить характерные черты послевоенной молодежи, к которым относятся, в частности, изменения в сфере занятости, практика «избегания и молчания» (PalMBERGER, 2018); события военных конфликтов рассматриваются молодыми людьми как удручающие и угрожающие. Молодые люди предпочитают «держаться подальше» от политизированного общества в своей нынешней жизни (Eastmond et al., 2012).

Исследования влияния вооруженных конфликтов на высшее образование выделяют несколько критических проблем и тенденций. Войны и конфликты серьезно нарушают системы высшего образования, разрушая инфраструктуру, вытесняя студентов и преподавателей, изменяя учебные программы и усугубляя гендерное неравенство (Chinkin et al., 2020). Например, в таких странах, как Сирия, Ирак, Украина и Афганистан, университеты столкнулись со значительными проблемами в поддержании академической преемственности и качества из-за продолжающихся конфликтов. Эти нарушения часто приводят к снижению образовательных стандартов и доступа, что может иметь долгосрочные последствия для социально-экономического развития пострадавшего населения (Mulatedzi, 2024).

Несмотря на эти проблемы, наблюдается заметная устойчивость среди преподавателей и студентов, которые стремятся продолжать свое образование в условиях конфликта. Международное сотрудничество и поддержка со стороны глобальных образовательных органов играют решающую роль в поддержании образовательных возможностей и содействии восстановлению и перестройке систем высшего образования в регионах, охваченных военным конфликтом. Эти

усилия необходимы не только для немедленного восстановления, но и для содействия долгосрочной стабильности, миру и росту в этих обществах (Kaayali, 2024).

Трансформации общества отражаются на молодежи, которая в связи с изменившимися условиями вынуждена менять свои цели и способы их достижения. С этой точки зрения становятся актуальными те методы адаптации в ситуации поствоенных трансформаций, которые применяет молодежь для самореализации в высшем образовании. Эта проблема является очень важной для понимания дальнейших стратегий развития общества, путей преодоления ими проблем в образовании в условиях поствоенного кризиса.

Анализ исследований молодежи в довоенной Армении

Анализ различных исследований молодежи в довоенной Армении позволил выявить следующие проблемы в образовании молодежи до военного конфликта (Мовсисян, 2022; Аветисян и др., 2023):

- увеличение числа детей, исключенных из обязательного образования, особенно среди мальчиков;
- несоответствие между содержанием образования и знаниями, и навыками, необходимыми на рынке труда;
- несоответствие между образованием и технологическим развитием;
- неравный доступ к профессиональному образованию, особенно среди сельской молодежи;
- проблема совмещения преподавания, научных исследований, практических навыков в обучении молодежи;
- пассивное вовлечение молодежи во весь образовательный процесс.

Исследования качества образования показывают, что как обязательное государственное образование, так и профессиональное высшее образование имели до военного конфликта серьезные пробелы (Мовсисян, 2022). Можно выделить основные факторы, негативно влияющие на качество высшего образования, среди которых:

- Разрыв между стратегическим менеджментом и процессами обеспечения качества;
- Отсутствие участия заинтересованных сторон и интереса к процессам обеспечения качества;
- Слабое влияние процессов интернационализации на совершенствование образовательных программ;
- Отсутствие объективного анализа внутренних и внешних факторов образовательного процесса;
- Несоответствие существующих систем документации и внутреннего обеспечения качества.

Студенты, как основные бенефициары профессионального образования, придают понятию «качество образования» одно основное значение: соответствие требованиям рынка труда, знаниям и умениям, необходимым для того, чтобы стать конкурентоспособным специалистом (Мовсисян, 2022). Разработчики образовательной политики в своей трактовке концепции, которая также закреплена образовательным законодательством, делают акцент на соответствии государственным образовательным стандартам. Преподавательский состав подчеркивает эффективную организацию и реализацию образовательного процесса (Мовсисян, 2022).

Вообще говоря, в молодежных исследованиях вопросы трудоустройства и образования обычно рассматриваются во взаимодействии. Многие исследования в Армении также подчеркивают, что связь между образованием и рынком труда нарушена (Мовсисян, 2022). Профессиональное образование не является гарантией трудоустройства в Армении, поскольку среди безработных много людей с высшим образованием (Статистический ежегодник Армении-2024, стр. 126).

Результаты целого ряда исследований, проведенных среди студентов г. Еревана в период от 2015 до 2019 гг., показывают весьма высокий уровень отчужденности студентов в сфере образования (Григорян и др., 2017; Заславская, 2017; Заславская, 2019, Берберян, 2018). В проявлениях студенческой отчужденности в сфере довоенного образования можно выделить ряд категорий. Во-первых, это проявления, связанные с учебным процессом, среди которых следует упомянуть низкий уровень активности на лекционных и семинарских занятиях, слабая мотивация самостоятельной работы, невысокий уровень интереса к занятиям, стремление к формальным показателям, в т.ч. стремление к формальному получению высоких оценок, получению формального диплома. Во-вторых, это проявления, связанные с деятельностью вуза, в том числе невысокий уровень причастности к деятельности вуза, невысокий уровень доверия к администрации вуза, ощущение непричастности к процессам принятия решений в вузе. В-третьих, это проявления, связанные с профессиональной подготовленностью и рынком труда, среди которых неполное понимание своих будущих профессиональных компетенций, высокий уровень тревожности в связи с будущим трудоустройством.

Результаты упомянутых исследований выявили следующую интересную закономерность: на фоне общего желания студентов быть привлеченными к деятельности вуза, подавляющее большинство студентов высказали ту точку зрения, что большая часть студенчества должна быть привлечена не только к управлению вузом, формированию программ обучения и выбору предметов, но также участвовать в выработке программ конкретных учебных дисциплин. Иными словами, студенты слабо представляли себе функциональную дифференциацию различных структур системы высшего образования, не ориентировались в том, каков должен быть конечный результат процесса получения ими высшего образования, от каких факторов он должен зависеть. В студенческой среде того времени проявлялись

такие формы девиаций, как, например, коррупция в деле получения оценок на экзамене или зачете, использование шпаргалок во время письменных и устных экзаменов и т.п. В частности, для более 80% студентов было нормой, и они ничего бы не предпринимали, если бы узнали, что их товарищ получил оценку на экзамене или зачете за определенную плату, либо с помощью знакомого или иного посредника.

Среди последствий социального отчуждения можно отнести высокую степень стремления студентов к эмиграции из Армении: среди всех студентов процент желающих рано или поздно выехать из Армении составлял 67,3 %. Среди причин такого желания студенты называли стремление лучше трудоустроиться в будущем, получить лучшее, более качественное образование, а также повысить уровень своего благосостояния. Иными словами, причины, связанные с проблемами образования, являлись одними из актуальных причин желания студента реализовать миграционное поведение. В частности, только 45,3% студентов считали, что в Армении получение высшего образования гарантирует получение достойной работы, а более 30% студентов считали, что армянское высшее образование не готовит качественных специалистов. Из всех желающих эмигрировать только около 48% студентов связывали свое будущее с Арменией. Более того, уровень отчуждения студента находился в прямой корреляционной связи с интенсивностью желания мигрировать из Армении: чем более был высок уровень отчуждения студента, тем более категоричным было стремление студента мигрировать из Армении.

Подводя итог, можно сделать вывод, что до военного конфликта армянская молодежь сталкивалась с рядом таких проблем, как безработица, неудовлетворенность качеством образования, непонимание своего места в системе высшего образования.

Цель исследования

Целью исследования было выявить основные социально-психологические проблемы в сфере высшего образования у молодежи Армении в условиях поствоенных трансформаций в обществе и сравнить их с довоенными там, где это будет возможным.

Методы

Для проведения исследования нами применялись следующие методы:

1. Традиционный анализ документов. Были исследованы документы в контексте системы «человек-среда», связанные с социальной адаптацией молодежи, которая включала в себя текущее состояние молодежи, статистику социальных изменений, анализы, описания законодательного поля и т. д.
2. Анкетный опрос по гибридной методологии, сочетающей дистанционные и прямые методы. Репрезентативная выборка (с погрешностью выборки не

более 0,05 при степени значимости 0,05) была осуществлена для генеральной совокупности, которая состояла из молодого населения Армении в возрасте 18–35 лет. В количественном опросе приняли участие 625 молодых людей РА. Была применена стратифицированная случайная четырехступенчатая кластерная выборка. В ходе опроса были выявлены факторы, влияющие на восприятие молодежи проблем в высшем образовании в поствоенный период.

3. Глубинные интервью с ключевыми информантами для выявления интерпретации молодежью проблем в высшем образовании, связанных с военным конфликтом и пандемией, их ожиданий и проектов. Экспертные интервью позволили выявить практические предложения для молодежи по разработке эффективной политики.

4. Фокус-групповые интервью, основной целью которых было выявление восприятия создаваемой ситуации молодежью, ее ожиданий, возможных изменений в поведении и основных моделей реагирования на ситуацию.

Было проведено 12 индивидуальных интервью и 8 групповых дискуссий с молодежью, 6 экспертных интервью с преподавателями вузов, исследователями, психологами, социологами, работающими с молодежью. Выборка для интервью и дискуссий была типической с комбинированными и независимыми критериями отбора. Комбинированные критерии включали следующие типические группы:

- 3 возрастные группы: 18–22 года, 23–29 лет, 30–35 лет;
- 2 группы по полу: мужской, женский;
- 3 группы по месту жительства: село, город области, город Ереван;
- 2 группы по занятости: безработные и трудоустроенные.

В качестве дополнительного критерия использовалось участие в военном конфликте: группа представителей молодежи – непосредственных участников военного конфликта, а также группа насильственно переселенных молодых людей из Арцаха.

Результаты

Пандемия и вооруженные конфликты оказали существенное влияние на вовлеченность молодежи в образование, поскольку вызванный пандемией переход на дистанционное образование, военные действия, проблемы безопасности помешали полной реализации права молодых людей на образование. После военного конфликта поляризация стала одной из характеристик армянской молодежи. «Человеческое развитие молодежи было крайне неравномерным» (Национальный доклад, 2022). Согласно результатам экспертного опроса, это неравенство проявилось в сферах образования, занятости, здравоохранения, политического и гражданского участия.

Примечательно, что безработица всегда указывалась молодежью как важнейшая проблема еще до войны. Тем не менее, эта проблема в послеконфликтный период получила иной акцент, ибо наряду с безработицей в качестве первостепенных проблем стали упоминаться проблемы эмиграции, тяжелое финансовое положение, отсутствие качественного образования, что может быть связано с рядом факторов: после вооруженного конфликта усилились миграционные настроения, образование стало рассматриваться как эффективный способ преодоления безработицы (см. Таблицу 1).

Таблица 1

Проблемы молодежи в постконфликтный период

Проблемы, озвученные молодежью	Процент озвучивших
Безработица	70,9
Эмиграция	29,6
Тяжелое финансовое положение	24,6
Вредные привычки	22,9
Отсутствие качественного образования	16,0
Платное образование	15,5
Отсутствие возможности провести свободное время	11,5
Отсутствие предпринимательского мышления	9,3
Отсутствие возможностей для самовыражения	9,1
Неопределенность в повседневной жизни и будущем	7,0
Отсутствие гражданской ответственности	3,8
Натянутые отношения с родителями	3,7
Недостаток мест для занятий спортом	3,5

Неслучайно, если раньше личные связи имели приоритет при поиске работы, то сейчас молодые люди на первое место ставят образование. В проведенном исследовании профессиональное образование и квалификация являются для молодежи более сильными факторами для трудоустройства, чем личные связи. В частности, профессиональное образование как основной фактор трудоустройства, отметили 35,2% респондентов, знание иностранных языков – 19,1%, интересно, что внешний вид назвали 12,7% респондентов, а вот фактор личных связей отметили 30% молодых людей (см. Таблицу 2), тогда как в доконфликтных реалиях более 67 % отвечающих называли основным фактором трудоустройства именно личные связи, которые были в доконфликтных реалиях наиболее значимыми для молодежи (Галстян, 2023).

Таблица 2

Факторы трудоустройства глазами молодежи в постконфликтный период

Факторы	Совершенно не согласен	Не согласен	Согласен	Полностью согласен
Личные навыки и социальная осведомленность	14,6	9,7	44,9	30,7
Образование, специализация и квалификация	9,0	16,5	39,3	35,2
Личные связи	12,4	30,0	27,7	30,0
Опыт работы	15,4	36,0	30,0	18,7
Знание иностранных языков	27,3	34,8	18,7	19,1
Внешность	27,7	39,3	20,2	12,7

В 2021 году 31% молодежи не имели работы, образования и профессиональной подготовки, из которых 63% — женщины. В 2020 году эпидемия и состояние конфликта не позволили полностью включить молодежь в систему образования (WB data, 2021). Из-за войны участие молодежи в дистанционном обучении по причине пандемии оказалось еще более проблематичным. Исследование позволило понять, как молодые люди оценивают качество образования с точки зрения выживания в условиях военного конфликта. Особо подчеркивались со стороны молодежи пробелы в медиаграмотности, оказании первой помощи, ориентации на местности, глубоких знаниях оружия, а также умении справляться со страхом, напряжением и психологически напряженными ситуациями. Далее приведены отрывки из интервью с респондентами.

«Многие люди погибли напрасно просто потому, что не обращали внимания на образование. Они не думали об опасности, не обращали внимания на то, чтобы понять свое местонахождение, речь местных, если их перемещали с места на место, чтобы понять, куда идет дорога, для чего она нужна.... Много людей погибли от этого, почти 25%»

(Групповая дискуссия, муж., 18-22 года, городской житель)

«Нам следует осознать все это еще раз. Что они должны быть более подготовленными, даже если возникнет такая ситуация, что у них нет водительских прав, но возникнет такая ситуация, что они умеют водить машину и при необходимости могут управлять автомобилем или пользоваться оружием. Во-первых, большинство водителей боялись водить машину, это там [в армии] было очень большой проблемой. В армии я не был водителем, но уже полпути вел машину, потому что водители из-за страха перестали ездить»
(Личное интервью, муж., 20 лет, сельская местность)

Чувство страха стало сопутствующим обстоятельством для молодежи после эпидемии и военного конфликта, что, как отмечает У. Бек, является одним из характерных аспектов общества риска (Beck, 1992). В обществе риска будущее рассматривается как иллюзия, нет доверия к будущему, настоящие опасности рассматриваются как индивидуальные неудачи, что приводит к невозможности коллективных действий. Поэтому в обществах риска, которые Бек еще называл обществом катастроф, чрезвычайная ситуация грозит стать нормой жизни (Beck, 1992).

В 2020 году после военного конфликта организация обучения детей и молодежи, насильственно переселенных из Арцаха, сопровождалась целым рядом проблем: «в начале переезда в Армению дети и молодежь с трудом адаптировались к среде проживания и обучения. Дети и молодые люди находились в состоянии психологического напряжения и паники, что не позволяло им полноценно учиться, социально-безопасная среда оказала существенное влияние на адекватную и активную адаптацию в сфере образования» (Abrahamyan, 2023; Берберян, 2023).

Признаки подобных социально-психологических проблем были четко обозначены и проявились у участников исследования, особенно у молодых людей, переживших утрату в своем окружении.

В качестве одного из главных факторов, способствующих панике, стрессу и травмам, молодые люди, участвовавшие в исследовании, называют средства массовой информации, особенно новости, в том числе фейковые, распространяемые в социальных сетях. Интересно, что среди молодых людей, участвовавших в исследовании, особенно младшего возраста, 18-19 лет, существует практика отказа от социальных сетей, которую мы можем определить как *цифровой ретритизм* в современных поствоенных обществах.

Молодые люди, участвовавшие в исследовании, отметили важность психологических и духовных бесед, заявив, что имеется очень мало реальных возможностей их практиковать.

«Важны психологические беседы, ведь врачей много, они должны беседовать с участниками войны. Имеются случаи отклонений и после войны».
(Групповая дискуссия, муж., 18-22 года, город)

В молодежных исследованиях обычно констатируется, что религия не влияет на жизнь молодых людей, хотя является источником ценностей, жизненных целей, принадлежности. Некоторые из молодых людей, участвовавших в исследовании, подчеркнули, что они стали больше ходить в церковь, и им необходимы беседы и дискуссии на духовные темы.

«Я была в Арцахе во время войны и ни разу в жизни не ощущала этого чувства: страха, потери. Первое, что после войны помогает мне сейчас адаптироваться к этой ситуации: я стала ближе к церкви и стала ближе к моей вере. Раньше я этого не осознавала, ходила в церковь, ставила свечи по обязанности. Я была в Ереване до 7 ноября, уехала из Арцаха поздно, но не могла взять себя в руки, сходить в церковь, молиться. Никакой информации от отца у нас не было до 1 ноября, сказали, что они в осаде, находятся в Лачине. В тот самый день, когда я пошла в церковь Абовяна, первым мне позвонил отец и сказал, что со мной все в порядке, мы спускаемся в Степанакерт. С того дня я еще больше ценю роль церкви в своей жизни, свою веру».

(Групповая дискуссия, 18-22 года, жен., Ереван)

Молодые люди подчеркивают актуальность преодоления последствий военного конфликта, особенно в контексте важности шагов, направленных на восстановление психического здоровья.

«Я хочу сделать акцент на людях, пострадавших от войны, так сказать, принимавших участие в войне. Хочу сказать из своего личного опыта, что каждая свободная бездумно прожитая минута сказывается на друзьях, погибших на войне, на потерянном здоровье.

(Личное интервью, муж., 18-22, город)

Еще одна проблема, связанная с образованием после войны, связана с необходимостью пересмотра содержания образования, по мнению респондентов. Особенно актуальной является проблема, связанная с преподаванием истории. Также во время исследования в русле прагматизации образования было озвучено желание использовать образование как способ решения и преодоления конкретных послевоенных проблем.

С точки зрения актуализации предметной области образования во время личных интервью были названы такие области, как необходимость обучения основам психического здоровья, внедрение культуры здорового образа жизни и информации о преодолении вредных привычек.

Занятость является одной из проблем армянской молодежи, безработица среди молодежи всегда была выше по сравнению с другими возрастными группами населения. Высокий уровень безработицы среди молодежи подчеркивает нереализованный потенциал молодежи, особенно остро проблема стоит среди девушек в возрасте 15-24 лет.

Для сравнения отметим, что занятость молодежи в целом после военного конфликта снизилась, за исключением возрастной группы 30-34 лет, хотя численность занятых в этой возрастной группе в 2020 году зафиксировала тенденцию к снижению. Можно также провести сравнение по отраслям занятости: процентное распределение молодежи, занятой в сельском хозяйстве, также снизилось (см. Таблицу 3).

Таблица 3

Сравнительные характеристики занятой молодежи 2019 и 2022 г.г.

Показатель занятости	2019	2022
Количество занятых в возрастной группе 15-19 лет	14,000	12,900
Количество занятых в возрастной группе 20-24 года	74,800	61,900
Количество занятых в возрастной группе 25 – 29 лет	126,200	107,000
Количество занятых в возрастной группе 30 – 34 года	140,500	146,200
Уровень занятости	37,2	35,3
Уровень занятости у женщин	29,4	26,6
Уровень занятости у мужчин	44,8	43,5
Уровень занятости в городе	36,5	32,8
Уровень занятости в деревне	38,2	39,3
Процент занятой молодежи в сельском хозяйстве	19	16
Процент занятой молодежи в строительстве	10	11
Процент занятой молодежи в промышленности	9	9
Процент занятой молодежи в услугах	63	64
Процент людей с высшим образованием среди занятой молодежи	42	36
Процент людей с основным общим образованием среди занятой молодежи	5	6
Процент людей со средним, средне специальным и ремесленным образованием среди занятой молодежи	53	58

Примечание. Источники: Рынок труда в Армении, 2021 г., Статистический комитет, <https://armstat.am/am/?nid=82&id=2447>, Рынок труда в Армении, 2023 г., Статистический комитет, https://armstat.am/file/article/lab_market_2023_9.pdf

Примечательно, что безработица всегда указывалась молодежью как важнейшая проблема еще до военного конфликта. Тем не менее эта проблема в послевоенный период получила иной акцент, ибо наряду с безработицей в качестве первостепенных проблем стали упоминаться проблемы эмиграции, тяжелое финансовое положение, отсутствие качественного образования, что может быть связано с рядом факторов: после военного конфликта усилились миграционные настроения, образование стало рассматриваться как эффективный способ преодоления безработицы. Неслучайно, если раньше личные связи имели приоритет при поиске работы, то сейчас молодые люди на первое место ставят образование.

В проведенном исследовании профессиональное образование и квалификация являются для молодежи более сильными факторами для трудоустройства, чем личные связи. В частности, профессиональное образование как основной фактор трудоустройства отметили 27,7% респондентов, знание иностранных языков – 27,3%, внешний вид назвали 27,6% респондентов, а вот фактор личных связей отметили 12,4% молодых людей, тогда как в довоенных реалиях более 67 % отвечающих называли основным фактором трудоустройства именно личные связи.

Число молодых людей, желающих получить формальное и неформальное образование, чтобы выйти на рынок труда, имеет тенденцию к увеличению, по сравнению с довоенной реальностью. До военного конфликта меньшее количество молодых людей предпринимало шаги для получения формального образования и неформального образования для выхода на рынок труда. Другими словами, отсюда можно сделать вывод, что получение образования как практика адаптации более распространено среди молодежи в послевоенной реальности Армении. Около 15,7% молодых людей планируют получить профессию, тогда как до военного конфликта этот показатель составлял 8,2% (Abrahamyan, 2023).

Во время карантина большая часть армянской молодежи посещала онлайн-курсы и занималась самообразованием. Распространение практики обращения к неформальному образованию после военного конфликта может быть также связано с увеличением практики самообразования и участия в онлайн-курсах во время предшествовавшей им пандемии.

Также имеется гендерная разница по восприятию влияния своей личности на преодоление последствий военного конфликта: девушки меньше оценивают значение своей личности в деле преодоления последствий, чем юноши. Наряду с повышением уровня образования можно наблюдать следующую разницу: чем выше уровень образования, тем менее оценивалось молодежью влияние собственной личности на механизмы преодоления последствий военного конфликта.

Обсуждение результатов

Таким образом, резюмируя результаты исследования, мы можем заключить, что трансформации, происходящие в восприятии молодежью высшего образования

и его места в адаптационных практиках в послевоенной Армении, довольно противоречивы. Они во многом характеризуется преемственностью проблем довоенного периода и обрастают новыми особенностями, связанными с военным конфликтом, проблемами безопасности и неопределенностью будущего развития. Фактически, все проблемы высшего образования, связанные с доступностью образования, качеством образования остались актуальным и в поствоенный период. Более того, к ним добавились новые проблемы, такие как неопределенность поствоенной реальности, постоянная угроза новой войны, проблемы психического здоровья, неполная реализация права на образование, что заставляет молодежь постоянно искать новые пути адаптации к новым реалиям, связанным с постоянной неопределенностью (Берберян, 2023; Аветисян и др., 2022).

Если проблемы высшего образования молодежи до военного конфликта в большей степени были связаны с проблемами безработицы и несоответствием содержания образования знаниям и навыкам, необходимым включения в рынок труда (см., например, Берберян, 2018), то в послевоенный период для молодежи более значимы стали проблемы ментального здоровья, необходимость соответствия образования проблемам выживания, борьбы со стрессом и психотравмами, как это следует из результатов исследования. Более того, высшее образование в глазах молодежи после военного конфликта приобрело большую значимость по сравнению с довоенным периодом. Если в довоенный период наблюдался более высокий уровень отчужденности студента в системе высшего образования (Заславская, 2019), то в поствоенный период студенты проявляют большую включенность в процесс получения образования, которое получило инструментальное значение в глазах молодежи как возможность преодоления материальных и ментальных трудностей в повседневной жизни. Особый акцент в восприятии проблем высшего образования в поствоенный период молодежь стала ставить на проблему соответствия высшего образования современным информационным технологиям, и одной из главных проблем в поствоенный период молодежь называет проблему образования в обучении студентов медиаграмотности.

Если сравнить результаты исследования с данными проведенных ранее исследований в разных странах, то мы можем констатировать, что длительные военные конфликты наносят большой урон системе высшего образования, зачастую приводя его к коллапсу и дисфункциональности, как это наблюдалось, например, в Сирии и Афганистане (Kaayali, 2024). Более кратковременные войны создают особую образовательную среду, где наряду с факторами, нарушающими нормальное функционирование системы высшего образования, появляются новые факторы, способствующие её дальнейшему развитию и приобретению большей ценности и значимости в поствоенных обществах (Alkol, 2024; Fanthorpe & Maconachie, 2010; Mysak, 2021). Однако, для поддержания этого эффекта необходимы такие институциональные преобразования системы высшего образования, которые позволили бы удовлетворить новые образовательные потребности молодежи,

появившиеся в условиях современных трансформаций в образовании (Ermakov et al., 2022; Денисова и др., 2022).

Заключение

Задача исследования и изучения эффективных механизмов реализации институциональных нововведений в системе высшего образования становится на сегодняшний день одной из самых актуальных задач для многих стран, находящихся в поствоенной реальности. Учет этих механизмов напрямую связан с тем, насколько эффективно и быстро общество сумеет преодолеть те проблемы, которые закономерно возникают в поствоенных реалиях и могут на долгие годы препятствовать эффективному развитию основных общественных институтов. Молодежные исследования в поствоенных обществах могут иметь решающую роль в решении этих задач.

Литература

- Аветисян, П. С., Заславская, М. И., Титаренко, Л. Г., Берберян, А. С., Корнилова, О. А., Оганян, К. М., Галикян, Г. Э., Геворкян, Н. М., Тадевосян, М. Р., Лебедева, Е. В., Матасова, И. Л., & Пилюкова, С. С. (2023). *Современные тенденции и приоритеты развития высшего образования государств-членов Евразийского экономического союза (Армения, Беларусь, Россия)*. Издательство Российско-Армянского университета.
- Аветисян, П. С., Заславская, М. И., Галикян, Г. Э., Геворкян, Н. М., & Тадевосян, М. Р. (2022). Проблемы, риски и перспективы цифровизации образования Армении глазами студентов, преподавателей и экспертов. *Вестник РАУ*, (4), 124–137.
- Берберян, А. С. (2018). Перспективы развития системы высшего образования Армении: гуманизация или гуманитаризация? *Modern Psychology*.
- Берберян, А. С. (2023). Взаимосвязь экзистенциальной исполненности и тревожности у молодежи. *Ярославский педагогический вестник*, 131(2), 109–118.
- Галстян, М. (2023). Социологический анализ социальной адаптации молодежи РА в послевоенной действительности. *Регион и мир*, (1), 23–29.
- Григорян, А. К., & Заславская, М. И. (2017). О некоторых особенностях измерения обратной связи со студентами в контексте управления университетом. *Университетское управление: практика и анализ*, 21(2), 155–163.
- Денисова, Е. Г., Ермаков, П. Н., Абакумова, И. В., & Сылка, Н. В. (2022). Эмоционально-личностные и метакогнитивные предикторы психологического благополучия студентов в современных условиях. *Психологическая наука и образование*, 27(5), 85–96.
- Заславская, М. И. (2019). Особенности феномена социального отчуждения студентов в контексте образовательной миграции (на примере вузов г. Еревана). В *Двенадцатая годовичная научная конференция (4–8 декабря 2017 г.): Сборник научных статей: Социально-гуманитарные науки. Часть II* (стр. 622–629). Издательство Российско-Армянского университета.
- Заславская, М. И. (2017). О проблеме социального отчуждения студентов в сфере высшего образования в свете современных трансформаций. Ю. В. Асочаков (ред). В *Глобальные социальные трансформации XX – начала XXI вв. (к 100-летию Русской революции): Материалы научной конференции IX Ковалевские чтения (9–11 ноября 2017 года)*. Скифия-принт.

- Зубкова, Е. (2000). Послевоенное советское общество: политика и повседневность, 1945–1953 гг. РОССПЭН.
- Котанджян, Г. (1992). *Этнополитология консенсуса-конflikта. Цивилизационный аспект национальной безопасности*. Луч.
- Мовсисян, Т. (2022). *Стратегические подходы к процессам обеспечения качества высшего образования в РА*. Банбер, Государственный университет имени В. Брюсова.
- Пашков, В. А. (2015). Трансформация института высшего образования в условиях тоталитаризма. ПОЛИТЭКС, (2).
- Статистический ежегодник Армении-2024, Ереван, 2024.
- Abrahamyan, A. (2023). Problems and development prospects of the RA higher education system. *Education in the 21st Century*, 1(5), 14–20. <https://doi.org/10.46991/educ-21st-century.v1i5.10969>
- Alkol, M. K. (2024). Impact of armed conflicts on higher education: Northwestern Syria context. In *Rebuilding higher education systems impacted by crises: Navigating traumatic events, disasters, and more* (Chapter 17, pp. 285–295). Scopus.
- Beck, U. (1992). *Risk society: Towards a new modernity*. Sage.
- Betancourt, T. S., Thomson, D. L., Brennan, R. T., Antonaccio, C. M., Gilman, S. E., & VanderWeele, T. J. (2019). Stigma and acceptance of Sierra Leone's child soldiers: A prospective longitudinal study of adult mental health and social functioning. *Journal of the American Academy of Child & Adolescent Psychiatry*.
- Bolten, C. (2012). *I did it to save my life: Love and survival in Sierra Leone*. University of California Press.
- Chinkin, C., Kaldor, M., & Yadav, P. (2020). Gender and new wars. *Stability: International Journal of Security and Development*, 9(1).
- World Bank (2019–2021). World development indicators. Retrieved from <https://databank.worldbank.org/source/world-development-indicators>
- Eastmond, M., & Selimovic, J. M. (2012). *Silence as possibility in postwar everyday life*. Oxford University Press.
- Ermakov, P. N., Denisova, E. G., Kupriyanov, I. V., & Kolenova, A. S. (2022). Psychological predictors of constructive and destructive forms of youth informational behavior. *Russian Psychological Journal*, 19(2), 21–34.
- Fanthorpe, R., & Maconachie, R. (2010). Beyond the 'crisis of youth'? Mining, farming, and civil society in post-war Sierra Leone. Oxford University Press.
- Fiedler, C., & Rohles, C. (2021). *Social cohesion after armed conflict: A literature review*. Bonn.
- Giddens, A. (2009). *Sociology (6th ed., revised and updated with Philip W. Sutton)*. Polity Press.
- Höglund, K., & Kovacs, M. S. (2010). Beyond the absence of war: The diversity of peace in post-settlement societies. *Review of International Studies*, 36(2), 367–390.
- Human Development Report 2021-22. (2022). *Uncertain times, unsettled lives: Shaping our future in a transforming world*. UNDP.
- Kaldor, M. (2013). In defence of new wars. *Stability: International Journal of Security and Development*, 2(1), 4.
- Kaldor, M. (2012). *New and old wars: Organized violence in a global era*. Polity.
- Kayyali, M. (2024). The impact of war on higher education: The context of wars in Syria, Iraq, Ukraine, and Afghanistan. In *Rebuilding higher education systems impacted by crises: Navigating traumatic events, disasters, and more* (Chapter 16, pp. 275–284). Scopus.
- Mulatedzi, C. R. (2024). Rebuilding higher education systems impacted by crises: The impact of wars and conflicts on higher education. In *Rebuilding higher education systems impacted by crises: Navigating traumatic events, disasters, and more* (Chapter 14, pp. 239–252). <https://doi.org/10.4018/979-8-3693-1926-0.ch014>

Mysak, Y. (2021). Reclaiming everyday peace: Local voices in measurement and evaluation after war. *Nordic Journal of Human Rights*, 39(1), 95–97.

Newman, E. (2004). The "new wars" debate: A historical perspective is needed. *Security Dialogue*, 35(2), 173–189.

Palmberger, M. (2018). Between past and future: Young people's strategies for living a "normal life" in postwar Bosnia and Herzegovina. In W. D. Montgomery (Ed.), *Everyday life in the Balkans* (pp. 107–116). Indiana University Press.

War Child UK. (2013). *War: The next generation. The future of war and its impact on children*.

Woods, M. (2011). *The role of youth in post-conflict reconstruction*. SIT Graduate Institute.

Поступила в редакцию: 03.09.2024

Поступила после рецензирования: 03.10.2024

Принята к публикации: 15.10.2024

Информация об авторском вкладе

Мария Игоревна Заславская – разработка концепции исследования, проведение анализа данных и участие в подготовке текста

Паргев Сергеевич Аветисян – участие в сборе данных и подготовке первоначального варианта статьи

Информация об авторах

Мария Игоревна Заславская – доктор социологических наук, профессор, Ереванский Государственный университет, Ереван, Армения; Scopus ID: 57189266783, ORCID ID: <https://orcid.org/0000-0001-9230-2329>; e-mail: zaslavm1@gmail.com

Паргев Сергеевич Аветисян – доктор философских наук, кандидат физико-математических наук, профессор, проректор по науке Российско-Армянского университета, Армения, Ереван; e-mail: parkev.avetisyan@rau.am

Информация о конфликте интересов

Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

Научное издание

РОССИЙСКИЙ ПСИХОЛОГИЧЕСКИЙ ЖУРНАЛ
2025
ТОМ 22 № 1

Сдано в набор 20.03.2025 Подписано в печать 25.03.2025

Дата выхода в свет 28.03.2025

Цена свободная

Формат 210×297.

Печать цифровая. Тираж 100 экз.

Подготовлено к печати и отпечатано: "Особое приглашение"
344006, Российская Федерация, г. Ростов-на-Дону, ул. Metallургическая 102/2, корпус «ИЛК»,
офис 305, E-mail: k@os-pr.ru